СКАЗКИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ

СКАЗКИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ

ЗАПИСАЛИ
Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК·1981

Составление и комментарии
кандидата филологических наук
Л. В. Федоровой

Диалектологическая подготовка
кандидата филологических наук
Л. П. Комягиной

Вступительная статья
кандидата филологических наук
старшего научного сотрудника
Института мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР
А. И. Баландина

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ 1915 г., МОСКВА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемые читателю «Сказки Белозерского края» — это переиздание части материалов большой книги Б. и Ю. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края», М., 1915.

Известно, что капитальный труд Б. и Ю. Соколовых явился результатом всестороннего, обстоятельного изучения края и потому в него вошли не только фольклорные произведения по сути всех жанров, но и статьи по этнографии, фольклору, диалектологии, вошли разного рода справочники, карта обследуемой местности. Соколовыми дана общая картина духовной жизни северного крестьянства в начале века.

Вот почему, переиздавая только сказки (а они по объему занимают около половины вошедшего в книгу Соколовых фольклорного материала), составители стремились к наиболее полному сохранению общего замысла ученых. С этой целью перепечатывается одна из статей — «Сказочники и их сказки» (в сокращении), сохраняется последовательность, а также сам принцип расположения сказок — по исполнителям. В комментарии вынесены наблюдения Соколовых, изложенные ими либо во вступительных статьях, либо в заметках, предваряющих сказки каждого исполнителя. С особой бережливостью сохраняются принципиальные для этих ученых рассуждения о роли личности крестьянина в сложении и сохранении произведений народной поэзии. В комментарии вошли также материалы, раскрывающие последовательный демократизм ученых, их сочувственное отношение к нелегкому труду и быту крестьян, их чуткость к настроениям социального протеста в крестьянской среде.

Не все 163 сказки, опубликованные Б. и Ю. Соколовыми, вошли в настоящее издание. Почему? Надо заметить, что чрезвычайно внимательные к современности ученые, стремясь закрепить «новые сказочные формы», давали расширительное определение

сказке, включая в этот жанр и былички, и бывальщины, и рассказы «про себя». Однако большей части этих произведений не хватает подлинной художественности, широты обобщения жизни. Они не включаются в настоящее издание. По тем же мотивам не переиздаются тексты «сказок нескромного характера», о которых и сами собиратели писали как об имеющих лишь «значение в изучении особенностей местного быта». Некоторые сказки идейно устарели.

Сказкам, естественно, дается новая нумерация, но в «Содержании» в скобках указывается номер, под которым сказка помещена в первоисточнике — сборнике «Песни и сказки Белозерского края».

Составители не сочли возможным исправлять неточности, додопущенные в отдельных случаях сказочниками при устной передаче сложных сюжетов (так в сказке «Золотое яичко» сказочник путает имена братьев Гришки и Мишки, в сказке «Иван, Медвежье ушко» нарушается последовательность в описании домов медного, серебряного, золотого). Разночтения в написании имен (например, «Иван Царевич» и «Иван-царевич»), числительных («3 служанки», но «три мужчины»), сокращения слов («Иван Ц.», «Иван Ц-чу», как, например, в сказке «Иван Царевич и Митрей Царевич») также даются по изданию 1915 года. Следуя источнику, мы не выделяли и диалога.

Сохранение этих разночтений доносит какие-то дополнительные особенности подлинника.

В «Предисловии» к своей книге Б. и Ю. Соколовы пишут о том, что, добиваясь точности, записывали произведения со слов (не по памяти), сохраняя все особенности стиля, говора, диалектного произношения сказочников. Вот почему в процессе редактирования сказок для настоящего издания сохранены почти все диалектные особенности сказочников, переданные в первом издании.

По техническим причинам знаки, соответствующие звонкому фрикативному заднеязычному согласному, заменены буквой Г. Кроме того, по техническим причинам У неслоговое передается буквой У.

При подготовке сказок к переизданию внесены поправки, связанные с изменениями русской графики и орфографии, согласно реформе 1917—1918 гг.

1) буква ЯТЬ последовательно заменена буквой Е;
2) буква I (десятеричное) заменена буквой И;
3) буква ФИТА заменена буквой Ф;
4) исключена буква Ъ в конце слов и частей сложных слов;
5) окончания прилагательных, местоимений в форме родительно-

го падежа единственного числа -АГО -ЯГО заменены окончаниями -ОГО, -ЕГО;

6) внесены исправления в написаниях приставок на -З и -С и др.

В целях облегчения чтения сказок внесены такие изменения:

1) фонетические написания слов, известных в литературном языке, если произношение этих слов ничем не отличается от литературного (например, ШТО, ШОЛ и т. п.), заменены написаниями, принятыми в современной орфографии (ЧТО, ШЕЛ);

2) обозначено ударение в словах, где буква Ё не соответствует ударному звуку О, а также в словах с безударной приставкой -РОС (-РОЗ).

«Словарь местных и малопонятных слов» сохранен, но дается в сокращенном объеме. Для удобства пользования словарем некоторые глаголы переведены в начальную форму.

Административное деление, а также название сел и деревень переданы без изменений.

Л. Федорова,
Л. Комягина

БРАТЬЯ Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫ И ИХ «СКАЗКИ И ПЕСНИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ»

Становление и развитие науки о народном творчестве в нашей стране неразрывно связано с именами Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых — крупнейших советских фольклористов, этнографов и литературоведов. Их многочисленные научные труды, печатные и устные выступления по проблемам теории и истории фольклора на долгие годы определили пафос и основные направления в изучении народной художественной культуры, а их неутомимая и разносторонняя научно-организационная деятельность во многом способствовала объединению научных сил, созданию учреждений и центров, занимающихся собиранием и изучением народного творчества, упрочению того общественного интереса к фольклору, свидетелями которого все мы сейчас являемся.

Братья Соколовы родились 7 (19) апреля 1889 г. в Нежине в семье профессора Нежинского историко-филологического института. С переводом их отца М. И. Соколова, известного в свое время специалиста в области древней русской литературы и истории, в Московский университет, семья в том же году переезжает в Москву, где братья-близнецы получают первоначальное образование в московской 10-й гимназии. В 1906 г. они поступают на историко-филологический факультет Московского университета.

Уже в первые годы пребывания в университете у братьев Соколовых возникает интерес к самостоятельной научно-исследовательской работе. В значительной степени этому способствовали блестящие лекции по народной словесности профессора В. Ф. Миллера, в которых ученый последовательно развивал идеи так называемой «исторической школы» — господствовавшего в то время направления в науке о народном творчестве. В. Ф. Миллер и его ученики пытались вскрыть исторические основы фольклора, прежде

всего русского былевого эпоса, изучали отражение в нем исторических фактов и реалий. Прикрепляя былинные сюжеты к тому или иному историческому событию, исследователи не всегда учитывали художественную природу эпоса, специфику его поэтических образов, что приводило к неверным выводам и обобщениям. Ставя вопрос о генезисе и социальной сущности фольклора, В. Ф. Миллер в пылу полемики с учеными-мифологами отверг взгляд на фольклор как коллективное творчество народных масс и выдвинул теорию происхождения фольклора в ненародной аристократической среде профессионалов-мастеров. Народным же массам отводилась лишь пассивная роль хранителей фольклорных произведений.

Братья Соколовы некритически воспринимают основные теоретико-методологические установки исторической школы. Теория В. Ф. Миллера об аристократическом происхождении фольклора, например, получает своеобразную интерпретацию уже в их ранних работах: «Исторический элемент в былине о Даниле Ловчанине» (1910) Б. М. Соколова, «Весна и народный аскетический идеал» (1910) Ю. М. Соколова.

Научные концепции исторической школы Соколовы продолжали развивать и в последующие годы, внося в них, правда, некоторые частные поправки и коррективы. Приверженность к этим неверным и, в сущности, антиисторичным взглядам снижала, конечно, научную ценность исследовательских работ братьев Соколовых.

Важнейшим событием в научной жизни студентов Соколовых явились их северные фольклорно-этнографические экспедиции 1908 и 1909 гг. Соколовы посетили Кирилловский и Белозерский уезды Новгородской губернии (ныне Кирилловский и Белозерский районы Вологодской области), где собрали большое количество произведений устного народного творчества — былин, сказок, преданий, исторических и лирических песен, частушек. Научные сообщения о результатах экспедиций в Кирилло-Белозерский край, с которыми Соколовы выступили на заседаниях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московского археологического общества, с живейшим интересом были восприняты самыми видными филологами, историками и этнографами того времени. Соколовых единодушно избирают членами этих обществ.

После окончания Московского университета в 1911 г. братья Соколовы остаются при нем для подготовки к профессорскому званию. Они активно включаются в научную работу, готовят к печати собранные во время северных экспедиций материалы и

одновременно занимаются педагогической деятельностью в московских гимназиях.

В 1915 г. сборник Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» после долгих проволочек вышел в свет. Научный аппарат сборника, входящие в него исследовательские статьи свидетельствовали о появлении в науке новых талантливых ученых. В эти же годы выходит целая серия статей Б. М. Соколова о русском былевом эпосе — «Шурин Грозного удалой борец Мамстрюк Темрюкович» (1913), «История старин о сорока каликах со каликою» (1913), «Былина об Идолище поганом» (1916), «О житийных и апокрифических мотивах в былинах» (1916) и др. Ученый заявляет о себе как о самом крупном и последовательном стороннике школы В. Ф. Миллера в русской фольклористике.

В 1919 г. Б. М. Соколов избирается профессором Саратовского университета. Годы пребывания ученого в Саратове совпали с общим подъемом краеведческой работы в стране (известную роль в этом сыграли решения Первой конференции по краеведению в Москве 1921 г.). В эту работу сразу же включается и Б. М. Соколов. Помимо чтения лекционных курсов он много сил и энергии отдает фольклорно-этнографическому изучению многонационального населения Саратовского края — выступает с лекциями и докладами о задачах и принципах собирательной работы, организует комплексные экспедиции в районы Нижнего Поволжья. В Саратове Б. М. Соколов создает краеведческий музей, оказывает деятельную помощь голодающим Поволжья. В 1925 г. он возвращается в Москву, где начинает читать курс русского фольклора во 2-м Московском государственном университете и становится во главе Центрального музея народоведения. В 1926 г. Б. М. Соколов избирается председателем Комитета по изучению искусств народов СССР.

Ю. М. Соколов после переезда брата в Саратов преподает в московских вузах, работает директором библиотеки Государственного исторического музея. В 1921 г. он создает при Литературном отделе Наркомпроса подотдел по собиранию и изучению фольклора. В 1926 г. основывает и редактирует журнал «Художественный фольклор».

В 20-е годы братья Соколовы становятся в первые ряды ученых, формирующих советскую фольклористику. Они выступают активными пропагандистами устного народного творчества, проводят многочисленные фольклорно-этнографические экспедиции, в том числе знаменитую экспедицию 1926—1928 гг. «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Своеобразным итогом теории и практики проведения собирательской работы явился их совместный труд «Поэзия деревни» (1926) — руководство для фольклористов-

собирателей, не утратившее своего научно-методического значения и до сих пор.

Для научно-исследовательской деятельности Соколовых того времени характерно стремление осмыслить процессы, происходящие в народном творчестве под влиянием новой действительности, овладеть марксистско-ленинской методологией. Концепции школы В. Ф. Миллера, усвоенные Соколовыми еще на студенческой скамье, мешали, однако, выработке подлинно научных методов исследования фольклора. Показательным в этом отношении является курс Б. М. Соколова «Русский фольклор» (1930), в котором ученый с позиций методологии исторической школы сформулировал важнейшие положения о генезисе и социальной природе устного народного творчества.

Совместная работа братьев Соколовых прерывается смертью Б. М. Соколова в 1930 г. Весной того года в числе стотысячников он выехал в районы Калужской области для проведения коллективизации сельского хозяйства. Поездка подорвала и без того слабое здоровье ученого. Вскоре он заболел и 30 июля скончался.

В 30-е годы Ю. М. Соколов становится общепризнанным главой советской фольклористики. Он непременный участник конференций и дискуссий по проблемам устного народного творчества, редактор многочисленных фольклорных изданий, составитель научно-популярных сборников народной поэзии. В эти годы он публикует ряд работ, в которых ставит вопросы о задачах и методах науки о фольклоре, о месте народного творчества в советской культуре и общественной жизни.

Ю. М. Соколов проявляет большой исследовательский интерес к проблемам социальной природы фольклора. В развернувшейся дискуссии в связи с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри» он выступает с критикой теории аристократического происхождения эпоса (статья «Русский былинный эпос», 1937), хотя полностью преодолеть концепции исторической школы ученый так и не смог. Решая проблему взаимоотношения коллективного и индивидуального начал в народном творчестве, Ю. М. Соколов преувеличивал роль сказителя в процессе создания фольклорного произведения, последовательно проводил мысль о том, что фольклор является особым отделом литературы, а фольклористика — частью литературоведения (см. итоговый труд Ю. М. Соколова — учебник для вузов «Русский фольклор», 1938, и 2-е изд., 1941). Современная наука внесла существенные поправки в эти суждения ученого.

Ю. М. Соколов ведет в 30-е годы большую педагогическую и общественную работу. Он читает курсы фольклора в Институте истории, философии и литературы и в Московском педагогическом институте, заведует фольклорным отделом Государственного

литературного музея, возглавляет фольклорную секцию при Союзе писателей СССР. В 1939 г. он избирается действительным членом Академии наук Украинской ССР и становится директором Института фольклора АН УССР.

Ю. М. Соколов умер в Киеве 15 января 1941 г. на юбилейном собрании в честь академика А. Е. Крымского после своего выступления, обращенного к научной молодежи.

* * *

Сборник Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» принадлежит к числу самых известных фольклорных собраний нашего времени. Он давно уже стал настольной книгой не только ученых-филологов, занимающихся проблемами теории и истории устного народного творчества, но и многочисленных почитателей самобытного народного искусства. Содержащийся в нем обширный социально насыщенный фольклорно-этнографический материал является для исследователей незаменимым источником по истории духовной культуры северного крестьянства, а для любителей старины — полезным и увлекательным чтением.

Подготовка и проведение северных экспедиций братьев Соколовых проходили в условиях все возрастающего интереса ученых к историческим судьбам русского былевого эпоса. И в печатных работах, и в лекционных курсах В. Ф. Миллер неоднократно высказывал мысль о том, что древняя эпическая традиция лучше всего сохранилась в районах, некогда входивших в состав земель Великого Новгорода. Отсутствие крепостного права, слабое распространение грамотности, известный «примитивизм» в материальном и духовном быту — эти и другие условия, подчеркивал В. Ф. Миллер, способствовали сохранению былин на Севере.

Действительно, к началу XX века выяснилось, что в Олонецкой и Архангельской губерниях былевая поэзия если и не живет полнокровной жизнью, то сохранилась гораздо лучше, нежели в других регионах. Странным казался, однако, тот факт, что в самой Новгородской губернии — предполагаемом очаге распространения былин — найти их не удавалось. К тому времени были известны в сущности лишь три публикации новгородских былин: две в составе собрания П. В. Киреевского и одна в книге графа П. Шереметева «Зимняя поездка в Белозерский край» (1902).

Ученые по-разному объясняли отсутствие былин в Новгородской губернии (В. Ф. Миллер, например, связывал это с потерей Великим Новгородом политической независимости). Но в то же время надежды обнаружить там хотя бы какие-то следы древней эпической традиции сохранялись. Над этим вопросом все чаще задумывались и братья Соколовы.

Летом 1907 г. произошла случайная встреча Соколовых с одной из жительниц Белозерского уезда Новгородской губернии, помнившей отрывки былин о Добрыне Никитиче и о Дунае. Необходимость специальной поездки в этот северный край стала особенно очевидной.

В. Ф. Миллер горячо поддержал своих студентов, сумел заинтересовать предстоящей экспедицией Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московское археологическое общество, которые взяли на себя ее субсидирование.

В Новгородскую губернию Соколовы совершили две экспедиции: в 1908 г. они обследовали Белозерский уезд, а в 1909 г. — Кирилловский. Во время экспедиций был собран огромный материал — 1198 фольклорных произведений, из них 12 былин, 163 сказки, 667 песен, 152 частушки.

Сразу же по окончании экспедиций Соколовы под руководством академика М. Н. Сперанского приступили к подготовке сборника. Помимо фольклорного материала в сборник вошли научно-исследовательские статьи, специально написанные Соколовыми для этого издания,— «За сказками и песнями (Из путевых впечатлений)», «Белозерская деревня и ее быт», «Сказочники и их сказки», «Остатки былин и исторических песен в Белозерском крае» и «Краткий очерк местного говора». В обширном приложении к сборнику даны изложение сказочных сюжетов, словарь местных и малопонятных слов, алфавитные указатели и другие материалы.

Сборник, получивший название «Сказки и песни Белозерского края», вышел из печати, как уже говорилось, в 1915 г. и сразу же получил высокую оценку специалистов. Он был удостоен премии имени А. А. Шахматова, но вскоре по распоряжению Академии наук был изъят из продажи якобы из-за «порнографического» содержания некоторых сказок. Современные исследователи справедливо связывают эту цензурную меру властей с наличием в сборнике произведений социально-обличительного характера.

Собираясь в 1908 г. в Новгородскую губернию, Соколовы ставили перед собой вполне определенную цель — выяснить, сохранился ли там русский былевой эпос. Результаты экспедиций показали, что когда-то и в Новгородском крае существовала богатейшая эпическая поэзия, которая в силу ряда исторических причин к началу XX века пришла в полный упадок. Этот вывод, следовавший из записанных Соколовыми текстов былин, имеет для науки первостепенное значение.

Опубликованные в сборнике новгородские былины (большинство их было записано в Кирилловском уезде) являются прекрасным материалом для истории русской эпической поэзии. Одни былины, например отличаются большей полнотой, нежели записан-

ные в соседних регионах («Дунай), другие отличаются своеобразием сюжета («Алеша Попович», «Микита Романович»), третьи представляют собой не встречающуюся ранее сюжетную контаминацию («Добрыня Никитич») и т. д.

Наиболее значительный раздел сборника составляют народные сказки. При их систематизации Соколовы отошли от традиционного расположения сказок по сюжетам и сгруппировали по исполнителям в пределах каждого уезда. До Соколовых по такому же принципу издал свой сборник «Северные сказки» (1908) Н. Е. Ончуков, следуя примеру А. Ф. Гильфердинга, в «Онежских былинах» которого материал расположен по сказителям. Следует отметить, что в настоящее время этот принцип прочно вошел в практику издания народных сказок.

В сборнике Соколовых представлены с достаточной полнотой все жанровые разновидности сказок — волшебные, богатырские, бытовые, юмористические, сатирические и т. д. Они свидетельствовали о прекрасном сохранении сказочной традиции в Новгородском крае, высоком мастерстве исполнителей.

Сборник Соколовых содержит великолепные образцы песенного народного творчества. Среди исторических песен встречаются довольно редкие, как, например, песня «Николай I и его брат», сохранившая воспоминания о восстании декабристов.

Соколовы записали и включили в свой сборник романсы и песни литературного происхождения. Для того времени это было явлением необычным, однако впоследствии ни одно сколько-нибудь крупное фольклорное собрание уже не обходилось без подобного материала.

Во вступительных статьях к сборнику Соколовы подробно рассказали и о маршруте своего путешествия, и о тех условиях, в которых им приходилось работать. Они дали замечательные портреты певцов и сказочников, охарактеризовали современное им состояние почти всех жанров устного народного творчества. В статьях и очерках мы находим правдивые картины жизни крестьян северных уездов Новгородской губернии, этнографически точное описание народных промыслов. Соколовы внимательно присматривались к тем процессам, которые происходили в духовной культуре белозерских крестьян. Отметив исчезновение эпической поэзии, они обратили внимание на широкое бытование в народной среде литературных песен и частушек, предвосхитив специальные разыскания в этой области.

Сборник «Сказки и песни Белозерского края» — одно из самых примечательных явлений в истории русской фольклористики.

А. Баландин

СКАЗОЧНИКИ И ИХ СКАЗКИ

**Вступительная статья
Б. М. и Ю. М. Соколовых
к «Сказкам и песням
Белозерского
края»**

СКАЗОЧНИКИ И ИХ СКАЗКИ

Глава I

Обычный взгляд на народ и его поэзию.— Отношение к ней теории мифологической и теории заимствования.— Недочеты в собирании материалов по народной словесности.

Несмотря на все крупные достигнутые фольклором результаты, несмотря на большие, вынесенные наукой из тьмы забвения, а порой и презрения, художественные и духовные ценности, до сих пор еще в некоторых специальных работах и популярных книгах высказывается одностороннее, а порою и прямо ложное, представление о народе как о каком-то слитном целом. Эта точка зрения обычно переносится и на народное творчество, как на единообразный продукт этого коллектива. В работах о народной словесности слишком мало ценится, или, лучше сказать, почти совершенно игнорируется индивидуальное творчество, мысль и сознание отдельного представителя народной массы. Но в то же время в других областях высоко ценится самосознающая личность и в развитии личного самосознания вполне справедливо усматривается самый существенный показатель культурного развития.

Роль личности в народном творчестве обратила на себя внимание науки только в последнее время. Раньше всего в русской науке принцип «индивидуализма» в народной словесности нашел себе признание у собирателей, а затем и у исследователей *былевого* эпоса. Размещение эпических песен по певцам со времени А. Ф. Гильфердинга стало обязательным для всех собирателей былин. Отдельные исследователи при анализе вариантов той или другой эпической песни все больше и больше считаются с ее сказителем.

Народные сказки только в сборнике Н. Е. Ончукова впервые получили себе надлежащее размещение и соответствующее освеще-

ние. Особенно важно отметить у Ончукова приведенные им биографии сказочников.

Столь долгое невнимание к роли личности сказочника объясняется долгим господством в науке т. н. мифологической теории, которая руководилась романтическими воззрениями на коллективное творчество, якобы несущее в своих произведениях отголоски отдаленнейшего праисторического содержания.

Мы не будем на этом останавливаться подробнее ввиду общеизвестности этого факта. Ограничимся приведением характерной мысли А. Н. Пыпина, сравнительно умеренного «мифолога», вскоре перешедшего в другой лагерь и в значительной мере обосновавшего теорию литературного заимствования. В своей известной статье о русских сказках по поводу собрания Афанасьева он говорит: «Сама по себе сказка вовсе не требует этой обстановки (т. е. уснащения речи, как неправильно определяет Пыпин, «мнимо-народным балагурством»), даже отвергает ее, потому что принадлежит не одному и не многим известным рассказчикам, а целому народу, или по меньшей мере целому краю: *понятно, что* от *ее изложения* должно быть отделено все, в чем выражается произвольная манера *одного человека*». Дальше А. Н. Пыпин пишет: «Собиратель имеет целью достигнуть до нормального вида произведения и поэтому *не должен дорожить тем, что прибавлено только одним лицом*».

Другая научная теория — устного или книжного заимствования при всей ее важности, ценности и содержательности, при всем ее внимании к отдельным вариантам одного и того же бродячего сюжета, однако так же мало интересуется вопросами о роли отдельной личности в сложении, передаче и развитии сказки. Ее больше занимают сказочные схемы, сказочные сюжеты и входящие в них мотивы.

Надо признать, что в содержательных работах представителей этой научной школы дело все-таки вращается главным образом в сфере схем, отвлечений. Из изучения сказки очень часто выбрасываются вопросы о том, что, собственно, дает сказке жизнь, что служит причиной ее популярности, а также о том, какие интересы, запросы, вкусы она отражает.

Постоянное обращение в эпоху «мифологического учения» с терминами — народ, общенародное предание, а в эпоху теории устного и литературного заимствования — вариант, извод, архетип, мотив, сюжет, в конце концов как-то заслонило эстетическую и жизненную сторону народной сказки. По отношению к другим художественным произведениям история литературы прилагает анализ эстетической и общественно-исторической их ценности. Она рассматривает их прежде всего как яркие выражения создавшей

их индивидуальности, а постольку, поскольку эта индивидуальность является членом общества и представителем определенной эпохи, то история литературы выделяет в них проявления общего духа времени, назревшей исторической необходимости. Устная, по традиции обычно называемая народная словесность, в особенности, сказки (былины и в этом отношении стоят в несколько более выгодном положении), с указанных сторон сравнительно мало привлекает научное внимание. Ученые труды (берем в данном случае русскую науку) большею частью посвящены сюжету сказки, вопросам о ее генезисе, источниках, а школьные учебники при определении сказочных идеологий, сказочной морали и сказочных типов в большинстве случаев повторяют обобщения отошедшей в область предания мифологической школы.

Народ и народная словесность понимаются обычно как нечто цельное, единое. Надо сказать, что такому обобщенному представлению о «народном творчестве», о «народной правде», о «народном миросозерцании», если даже ограничиться одними сказками, много содействовало то обстоятельство, что часто по причинам цензурным (ср. Легенды Афанасьева, Заветные сказки и т. д.), а частью под влиянием господствовавших научных теорий и романтических увлечений, к изучению привлекался не весь относящийся сюда материал, и подбор его вольно или невольно был односторонен. При близком знакомстве с народной словесностью никак нельзя говорить ни о единой народной морали, ни о едином народном миросозерцании. На деле и в самой народной массе, как и в ее словесности, существует значительная дифференциация и во вкусах, и и интересах, и в степени талантливости. С этим фактом и нужно считаться. А потому собирание и изучение произведений народной словесности должно идти более разносторонним и внимательным путем, с бо́льшим интересом к отдельному представителю народной массы.

В настоящей вводной статье мы хотели бы подчеркнуть творческую роль личности сказочника и указать, насколько он, излагая традиционный сюжет, вместе с тем является и творцом сказки, иными словами — насколько старинная по сюжету сказка отражает вкусы, симпатии, чувства, духовное «я» отдельного современного «сказителя».

Глава II

Условия бытования сказки в Белозерском крае.— Лесные работы, рыбная ловля, мельница.— Термин «сказка».— Разделение сказок по содержанию.— Сказки волшебные, чудесные; сказки богатырские; сказки о животных; сказки «божественные».— «Былички» о леших, водяных, нечистой силе, колдунах.— Сказки бытовые: «правдошные», «бывальщины», «былички про себя», сказки о попах, сказки о барах, сказки любовные, сказки юмористические, анекдоты. «Присказки», «небылички».

В наших замечаниях мы базируемся исключительно на своих непосредственных наблюдениях и впечатлениях.

Белозерский край соседит с «Исландией нашего былевого эпоса» — Олонецкой губернией, и нам удалось записать ряд доживающих свой век в этом краю *старин, былин.* Но какой вид народной поэзии живет здесь полной жизнью — так это *народная сказка.*

Лично нам удалось записать 163 сказки, большею частью различных сюжетов, от 47 сказочников.

Сказка действительно живет здесь полной жизнью. Она прежде всего, как и всякое художественное произведение, стремится удовлетворить естественной потребности человеческой души в развлечении, отвлечении от окружающих забот и тревог, желанию побыть в мире образов, созданных художественной мыслью. Сказка отвечает требованию занимательности. И вот как только у крестьян выпадет досуг и создадутся подходящие условия, на сцену выступает сказочник и своей нехитрой, но часто истинно поэтической речью царит над жадно воспринимающими ее крестьянскими умами.

Специальным условием развития и жизни сказки в тех местах, где мы производили наши записи, является самый характер крестьянских работ. Во-первых, *рубка леса.* Зимой в глухом лесу, далеко от жилья, собирается часто целая деревня — и мужики, и бабы, и дети. Днем тяжелая работа, а как стемнеется — заслуженный отдых у горящего очага. В лесу строится «стан», т. е. обширная землянка с очагом посредине. Сюда битком набивается народ. И вот, отогрев озябшие члены и утолив голод и жажду, работники начинают коротать долгий зимний вечер. Каким желанным человеком является тогда сказочник! Среди дремучего леса, трещащих от мороза деревьев, под вой волков, у горящего огня — какая подходящая обстановка, какая благоприятная почва для волшебного, полного всевозможных страхов рассказа! Утомленный трудом рабочий люд, наслушавшись досыта этой чертовщины и небывалых подвигов «в тридесятом царстве», ищет еще большего отдыха, развлечения, жаждет здорового, укрепляющего физиче-

ские и душевные силы *смеха*. На сцену выступает сказочник — *балагур, весельчак*, — остроты и смешки сыплются, как из рога изобилия; вся аудитория настраивается на веселый радостный лад и дружно поддерживает своими сочувственными восклицаниями его веселую смешливую речь. Вообще мы должны сказать, что, если бы была возможность записывать сказки со всей стенографической точностью, с ванесением на бумагу всех восклицаний из публики, несомненно запись народной сказки значительно выиграла бы в живости и свежести производимого ею впечатления.

Не меньше, чем совместная «артельная» жизнь в лесу, в стану во время лесных работ, поддержанию жизни сказки в Белозерском крае содействует *рыбная ловля*. Рыболовы, уезжая в озера на долгое время и забросив там свои сети или дожидаясь попутного ветра, должны проводить много времени в вынужденном бездействии, а потому они особенно благосклонно относятся к сказочнику. Мы помним, например, как рыболовы в своих целях пользовались производимым нами записыванием сказок: приходили к нам в избу, выслушивали сказочников и с особенно понравившимся им сказочником заключали своего рода сделку. Они обещали сказочнику известную часть улова, лишь бы он не отказался ехать с ними на промысел. Также процветают всевозможные рассказы в оригинальном деревенском клубе — *на мельнице*. На мельницу стекается много мужиков, и в ожидании своей очереди они бывают принуждены иной раз проводить несколько дней. Сказка и здесь — лучшее и наиболее привлекательное средство скоротать время.

Много содействуют распространению сказок люди, по своей профессии переходящие с места на место, которым удается многое видеть и есть кого послушать, — таковы богомазы, швецы, солдаты, нищие и остальной бродячий люд.

Термин *сказка* мы употребляем здесь в самом широком значении — им мы обозначаем всякий устный рассказ, сообщаемый слушателям в целях занимательности. Но в самой народной среде изучаемого нами края эти рассказы заметно отличаются друг от друга, как по содержанию, так даже, как увидим, и по названию. Под рубрику «сказка» мы подвели и собственно сказку с традиционным сюжетом, и рассказ, сложившийся на местной почве, имеющий в основе истинное происшествие, раз только этот рассказ стал служить той же цели — развлечения, занимательности и в устах рассказчиков занял место рядом со сказкой. Мы глубоко убеждены, что в начальной формации многих сказок основное их зерно составляли рассказы подобного рода, лишь потом обраставшие другими подробностями, сцеплявшиеся с другими мотивами и приобретавшие постепенно сказочный традиционный стиль и фор-

му. Особенно, нам думается, подобный взгляд нужно применить к так называемым «быличкам», где рассказ не утратил еще в народном сознании вероятия, где еще ясны психологические основы его сложения (сновидение, галлюцинации) и где он не перешел еще в разряд чисто фантастических сказок. С утратой веры к ним, с расширением их содержания путем сцеплений и контаминаций подобные «былички» могли перейти в сказку.

Ввиду тесной связи между отдельными видами народных занимательных рассказов, употребляемых с одной и той же целью развлечения, мы включили в свой сборник все подобного рода произведения, обозначая их одним обычным термином *сказка*.

По содержанию сказки Белозерского края весьма разнообразны. Точно разграничить один вид от другого в сказках, подобно всем другим отделам устной словесности, довольно трудно. Элементы, присущие одному виду, могут проникать в другой; все зависит лишь от преобладания одного из них.

Один из самых распространенных сказочных видов составляют сказки — *чудесные, фантастические, волшебные.* Это обыкновенно похождения и замысловатые приключения героя, отыскивание невесты, добывание чудесного предмета, исполнение хитроумных поручений, отгадывание трудных задач, всевозможные превращения, столкновения с чудовищами, волшебниками, колдунами, преодоление невероятных препятствий, быстрое обогащение, возвышение и т. д., и т. д. — одним словом, все обычные темы всемирного сказочного эпоса. Эти сказки составляют около *трети* (50 номеров из 163) всех сказок нашего сборника. Героями их в значительной мере являются лица высшего, царского, королевского происхождения *. Но очень часто у сказочников Белозерского края героем чудесных сказок являются представители *купеческого* сословия. Иногда подвиги приписываются солдату, играющему большую роль в бытовых сказках. Нередко героем волшебной чудесной сказки является сам *мужик, крестьянин.* Несколько чудесных сказок имеют героем *Ивана Дурака.*

Сказки этого рода иной раз очень обширны, строго выдерживают «обрядность», изобилуют повторениями, свойственными эпическому творчеству, особыми сказочными формулами, присказками и пр.

Из отдела чудесных фантастических сказок нужно выделить группу сказок типа побывальщин, сказок *богатырских* — в их под-

---

* Здесь и далее опускается название сказочных сюжетов и их нумерация. Допускаются и другие незначительные сокращения этой и шестой глав.

робностях и форме, как увидим, найдется немало сходства с богатырским эпосом, былинами.

Особую же, правда, в Белозерском краю немногочисленную, группу представляют сказки о *животных*.

12 сказок относятся к группе, как называли нам, *«божественных»* — иначе к разряду народных религиозных легенд.

С «божественными» сказками, легендами соединяется известная доля веры в действительность происшествия. Недаром иногда они называются *«быличками»*. Но обычно этот последний термин прилагается сказочниками к небольшим рассказам о леших, домовых, чертях и чертовках, полуверицах, колдунах — одним словом, о представителях темной, нечистой силы. Уверенность в их действительном существовании и их способности вредить или помогать людям также велика. Из самого содержания быличек явствует, что этот вид произведений особенно популярен среди охотников, рыболовов, частью солдат — одним словом, среди лиц наиболее часто попадающих в такие условия, когда легко возникают всякого рода видения, галлюцинации, сновидения; этому способствуют усталость от долгой ходьбы, постоянная напряженность, сказывающиеся даже во сне, большое накопление впечатлений за день, таинственность и жуть в природе.

Не одни былички дают сведения о народных верованиях в нечистую силу — отдельные подробности, иногда очень характерные, находятся и в сказках. Это лишь новый раз подтверждает, что между сказкой в собственном смысле и быличкой есть внутренняя тесная связь.

Бытовые сказки, после чудесных сказок,— вторая особенно популярная и распространенная группа народных рассказов. По сравнению с волшебными, реалистический жизненный элемент в них значительно преобладает. Однако это далеко не делает бытовую сказку правдоподобной, лишенной фантастики, вымысла. Вымысел есть, но представлен в ином освещении; в сказках бытовых черты быта, жизни, реальности в конце концов создают все-таки главный фон.

Впрочем, среди записанных нами рассказов этой группы есть целый ряд таких, какие являются простым воспроизведением какого-нибудь действительно бывшего случая, в словесной передаче не отлившегося еще в форму какого-нибудь близкого по содержанию традиционного сюжета. В Белозерском крае применяют к таким «сказкам» термин *«правдошная»*, *«правда»*, иногда *«бывальщина»*, *«старинка»*.

Особую весьма интересную группу бытовых сказок представляют рассказы *«про себя»*. Их также называют «быличкой», «бывальщиной». Здесь мы имеем дело с соединением традиционного

сказочного сюжета или анекдота с подробностями, взятыми из действительности, даже больше того — из личной жизни рассказчика. Главной отличительной чертой этой группы является приурочение сказочником рассказа к собственному «я»; от лица этого «я» ведется самый рассказ. В смысле занимательности для слушателей этим достигается несомненный успех; у остроумного сказочника такая «бывальщина про себя» приобретает большую живость и вызывает самое искреннее сочувствие. Тема, а вместе и схема, такой бывальщины: «мое путешествие», «как я в Питер ходил»; приключения же большей частью любовного характера. При этом в них много подробностей, рисующих материальное положение парней, уходящих в далекий путь на заработки.

Бытовые сказки в собственном смысле этого слова большей частью имеют два существенных элемента: любовный и социально-экономический. Во многих этот второй господствует, а в устах отдельных сказочников может даже приобретать очень резкую, ядовито-сатирическую окраску. Сатирические стрелы подобных сказок, вращаясь между добродушной насмешкой и ядовитой, порой выстраданной сатирой, метят главным образом в два наиболее остро соприкасающиеся с крестьянством и сталкивающиеся с ним на экономической почве класса: бар и духовенство. Разделим их по этому признаку на две группы.

К сказкам о *попах* отойдет весьма значительное количество рассказов. Наряду с очень резким тоном сказки о попах отличаются особенным обилием «соромных» мотивов и подробностей.

Сказки о барах, господах также нередки. Местной причиной их популярности, может быть, являются довольно жестокие здесь порядки крепостной эпохи. Некоторые из бытовых сказок трактуют также экономические отношения, но в них не затрагиваются отдельные сословия, тема касается просто богатых и бедных: богатый и бедный братья.

Другой отдел бытовых сказок центр тяжести переносит на *любовное* содержание, на темы о верных и неверных, послушных и непослушных женах, о любовниках и дружках и образует группу, близкую к *фабльо*.

Наконец, можно выделить, опять-таки без полного отграничения от уже указанных разрядов, группу сказок *юмористических*, обыкновенно очень недлинных, порой близко стоящих к *анекдоту*. Темы их: находчивые и ненаходчивые ответы, сообразительность и глупость.

Целям незлобивого развлечения, особенно для детей, или просто для начала сказок или перехода между ними, существуют коротенькие, большей частью рифмованные сказочки, носящие наз-

вание *«присказка»*, *«россказень»*, *«небыличка»*. Содержание их несложно, добродушно, шутливо.

Помимо указанных видов рассказов нужно еще отметить историческое предание об Аракчееве и псевдоисторический рассказец о призвании варягов («Садко»).

Таковы в самых общих чертах группы записанных нами сказок по их содержанию.

Как особенность некоторых сказок, следует указать на соединение в них рассказа с песней.

Глава III

Отражение личности сказочника в сказках.— Источники: биографические сведения, характер сказочника, репертуар и стиль его сказок*.

Указав на условия жизни сказки в исследованных нами местностях и на содержание сказок, мы должны перейти к главной нашей цели: *выяснить роль личности* сказочника в обработке и изложении сказки.

Задача эта не особенно легкая. Сравнительное единообразие русского крестьянского быта и условий труда, *власть земли*, определяющая жизнь и деятельность крестьянина, примитивность форм этой жизни создают, как мы говорили, иллюзию чуть ли не тождества отдельных представителей крестьянского сословия и делают возможной речь о будто бы неразлитной массе простого народа. Такой взгляд переносят и на народное творчество, сказки, в частности. Передача из века в век общенародных или скорее общечеловеческих мотивов и сюжетов, выработавшаяся веками народная поэтика и традиционный стиль делают на первый взгляд мало заметными индивидуальные отражения и проявления в сказочном творчестве.

И все же через толщу этого предания, этого традиционного словесного материала, при внимательном отношении к каждому сказочнику и при более близком знакомстве с его характером, биографией, вкусами, житейским опытом, особенным укладом его психики — мы можем вскрыть эти индивидуальные черты. Пособиями

---

* Предлагается лишь начало главы, где дается общая постановка вопроса. Материал, связанный с характеристикой отдельных сказочников, составляющий остальную часть главы, вынесен в комментарии. По тем же мотивам — целесообразность вынесения конкретных характеристик в комментарии — не перепечатываются IV и V главы.

нам могут послужить характеристика сказочника, сведения из его жизни, а также стиль его речи — это верное зеркало человека. Однако здесь нужно сделать ряд оговорок и ограничений. Первый, вполне сознаваемый нами недостаток предлагаемых источников состоит в вынужденной краткости даваемой нами характеристики сказителя и его биографии. Виною этому общеизвестные неудобства этнографических экспедиций: мимолетность общения с исполнителями и хранителями местного устного творчества и отсутствие более глубоких и основательных сведений, каковые можно добыть лишь после долгого знакомства с человеком. Отмеченная почти всеми современными собирателями недоверчивость к собирателю, боязнь деревенского населения перед могущими возникнуть осложнениями, наконец ненужная подозрительность местных урядников — все это затрудняет и осложняет и без того нелегкое дело записывания произведений устной словесности, которое может происходить лишь в обстановке полного доверия и непринужденности.

Все же, несмотря на указанную неполноту необходимых сведений, можно установить связь сказок с биографией и общим духовным обликом сказочника. Она выразится в подборе сказочного репертуара, в привнесении в рассказ личных замечаний и мнений и наконец в частичных изменениях бродячего традиционного сюжета.

Другим источником для суждения об отражении личности сказочника в сказках может служить сама манера сказывания, художественные приемы и особенности слога, одним словом то, что составляет стиль сказочника. Народная сказка в этом отношении как нельзя лучше подтверждает известное изречение: «Стиль — это человек».

Но и здесь необходимо сделать некоторые оговорки. Если в содержании сказок индивидуальное творчество сказочника проявляется главным образом не в создании новых оригинальных произведений, а в выборе и развитии уже готового, традиционного сюжета и входящих в него мотивов, то и в стилистике индивидуальность сказочника обнаружится подбором из обширного традиционного «стилистического словаря», как выражался покойный академик А. Н. Веселовский, таких оборотов и художественных формул, какие более всего соответствуют личной склонности и вкусу. Изобретательность у народного сказочника в отношении стиля будет более ограничена, чем у поэта-художника, часто индивидуального созидателя новых художественных форм и оборотов. Впрочем, и у сказочника может иногда проявиться некоторое новотворчество.

В результате всего сказанного становится вполне понятным, что одна и та же сказка в устах различных сказочников может приобрести существенно различный тон и окраску. Дальнейшее углуб-

ление и подтверждение высказываемых здесь общих соображений и отдельных наблюдений нужно ожидать по мере накопления подходящего материала и сличения различных вариантов одной и той же сказки под указанным углом зрения. Здесь же мы ограничиваемся лишь своими наблюдениями над белозерскими сказочниками.

Глава VI

Выводы.

Сделаем некоторые выводы.

Хранителями сказочного эпоса в Белозерском крае являются главным образом мужчины: на 47 лиц, сообщивших нам сказки, лишь 14 женщин, и то многие из них принадлежат к плохим, неумелым сказочницам. Большинство сказочников люди пожилые, старики от 50 до 80 лет, но есть и люди среднего возраста и молодые парни.

В сказках, излагаемых женщинами, можно подметить свои характерные черты — сентиментальность, мягкость, нравственность (ср. Колотушкину и Медведеву).

В сказках молодежи заметна большая повышенность чувства, горячность, неровность стиля.

На основании сделанных нами наблюдений, хотя по обстоятельствам записи и краткости времени не могущих претендовать на желательную полноту и глубину, можно смело утверждать, что между сказкой и личностью сказочника существует заметная связь. Разница в характере, духовном складе, мировоззрении между сказочниками проявляется в сказке порой очень ярко.

Добропорядочный, незлобивый старик *Петрушечов* явно подчеркнет моральную тенденцию. Степенный, обычно молчаливый *Ганин* явится замечательным «эпиком» в содержании и стиле своих сказок, то же и *И. Семенов*. Ленивый, сварливый и циничный *Медведев* подберет близкие ему сказочные сюжеты и уснастит их соответствующими подробностями. Коснувшийся «образованности» *Ершов* и сделавшийся ее горячим приверженцем, переломает всю свою речь на плохо претворенный «книжный» лад и переусердствует в «вежливости» выражений. Еще большее соответствие личности сказочника со сказкой проявится у веселых сказочников, наследников скоморохов. У бывалого, смышленого *Богданова* этот веселый тон перейдет в резкую, порой жестокую сатиру на близко знакомое ему духовное сословие. Присущая же сказочнику насмешливость придаст особый отпечаток и яркость его сказкам. Задорный *Синицын* проявит себя вполне даже в двух коротких, но «сильных» бытовых сказках. Добродушный весельчак, прирожденный свадебный дружка *В. С. Шарашов* и сказочки свои будет говорить, беззлобно балагуря. Но найдутся среди сказочников не только эпики, рассказчики богатырских и волшебных сказок, не только юмористы и сатирики, но также и люди реального позитивного мышления, реалисты в полном смысле слова. Они будут говорить правду, как она есть, у них скажется и здравый практический взгляд, и спокойный тон.

Такова *старушка из Жохова,* таков «местный историк» богомаз *Суслов,* таков молодой и энергичный деревенский хозяин *Маслаков.*

Наряду с отражением характера сказочников, в сказках нередко можно найти отражение их профессии, специальных занятий, житейского опыта. Это скажется в подборе сказок, в характерных подробностях, в выборе слов и выражений. У колдуна *Павла* и в сказке — колдун; у *нищего Пешехонова* в сказке будет фигурировать «беспашпортный» и «поличия»; у *церковного сторожа* в число действующих лиц введется церковный сторож, и сказки его будут касаться близко знакомого ему мира духовенства, «про попов»; у сказочников из *солдат* (*Мозалев, Лазарев*) — солдату в свою очередь отведется подобающее место в сказке, солдатчина скажется иногда в стиле, выражениях и содержании. Бывалость сказочника, знакомство с другими местами, особенно с городом, а то и с самой столицей, отразится существенно в сказке, в ее подробностях, подборе слов, в городских впечатлениях, часто наивно воспринятых (см. сказочников *Илью Семенова, Вас. Богданова, Мозалева, Колотушкину, Адриана Шарашова,* см. также целую группу сказок «Как я в Питер ходил»).

Еще больше отзовется на сказочнике грамотность; ее влияние прежде всего скажется, в стиле, в изменении народной речи. Процесс этот порой будет болезненный. Грамотность принесет в деревню и пустит в оборот книжные произведения, которые займут место рядом со сказками. Но еще любопытнее будет восприятие книжных мотивов неграмотными лицами. Весьма характерны в этом отношении хотя бы сказки *Гр. Медведева.* Рассказы, услышанные при чтении вслух, воспринимаются и воспроизводятся почти с буквальной точностью. Уже это одно свидетельствует о том, какую громадную роль могли бы сыграть в деревне толковая книга и широко и свободно поставленные чтения для народа.

Наконец, предыдущий обзор утверждает нас в мысли, что, как вообще не всякий человек наделен поэтическим даром, так далеко не всякое лицо из народа может стать сказочником — для этого требуется особый талант, способности. Выше мы привели достаточно указаний на неопытных, неумелых сказочников...

В заключении укажем на одну сторону нашего сборника сказок — в нем можно встретить целый ряд сюжетов и мотивов, нашедших себе художественную обработку в творчестве Пушкина.

Это и понятно: Новгородская губерния граничит с Псковской, той губернией, где Пушкин слышал и записывал народные сказки. Территориальная близость служит лучшим объяснением этому сходству. Особенно полюбился белозерским сказочникам прославленный Пушкиным кот баюн, который «вверх идет — писни поет, вниз идет — сказки сказывает».

Всем известно, как горячо увлекался Пушкин народными сказками. Он один из первых оценил по достоинству красоту и простоту сказки, один из первых обратил внимание на этот живой родник поэзии. Но для нас важно также и то, что Пушкин за поэтичностью сказки видел поэтичность души ее носителя, ему, величайшему поэту, был дорог и близок сам народный поэт. Образ доброй старушки сказочницы, освященный дружбой чуткого поэта, еще больше обязывает нас при изучении народных сказок и песен не проходить равнодушно мимо их творцов и носителей.

Б. и Ю. Соколовы

СКАЗКИ БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДА

АДРИАН ПОТАПОВИЧ ШАРАШОВ

1. НИКОЛА ДУБЛЕНСКОЙ

Жил в деревне мужичок с женой. Жана мужа не любила. По чужим мужикам ходила. А ейный муж все ходил за охотой. И надо было ему удостоверить, почему жена его не любит. Потом он ходил в лесу. Нашел там себе дуплё. Приходит домой. «Жана, я, говорит, нашел в лесу Дубленскую Николу. Только тебе что хочетцы — попроси ее. Она все тебе исполнит».— «Где, муж, скажи, где такая икона?» — «Вот в таком-то месте стоит большое дуплё. Подойди к этому дуплю и проси ее. Что тебе надо — все исполнит». Ён ей сказал дорогу идти к дуплю кривлём, а сам, значит, скорее ей туда сошел и в дуплё залез. Подходит баба к дуплю. «Дубенская Никола! Будь настолько милостлива!» Там он отвечает хриплым голосом: «Что тебе угонно, все сотворю».— «Ослепи моего мужа, чтобы мне было водить дружка домой!» — «Ступай домой и затопи печку! Пеки оладьи и мажь их как можно масленее и корми его как можно масленее, от масла твой муж ослепнет. Через трое сутки будет совсем слепой». Жана поклонилась Миколе и пошла домой. Муж выскоцил и побежал домой скорее. Приходит муж домой, пришла и жана. «Где жана была?» — муж спрашивает. «Была у соседки». Сейчас затопила печку и стала печь оладьи и давай поливать маслом. А муж ей говорит: «Что это у меня, жена, глаза стягиваэт?» Ёна схватила масла и ешше подбавила. «Ешь, ешь, говорит, масленее! Ходил в лесу, пристал, спать захотел, вот и отдохнешь». А сама, знай,

масла прибавляэт. Вот муж стал. «Что это, жена, совсем плохо вижу!».— «Ну, ставай да пообедай!» А сама, знай, опять за масло принимаетсы. Вот два дня прошли. Совсем муж ослеп. «Ну, теперь, жана, я совсем ничего не вижу!» Жана этому была рада, что ейный муж ослеп. А он глух был ранне. Жана с радости взяла в избе прибрала. Все приготовила. Ввела дружка в гости. Муж видит, сидит на пече. Посадила она дружка за стол и всячиной угошшаэт. Ёна говорит: «Покушайте, покушайте еще что-нибудь!» — «А принеси толокна, замеси, того еще закушу». Ёна толокна ему замесила. А он говорит: «Давай, клади масла!» — «Нет, ты от масла ослепнешь!» А сама побежала: в деревне был кабацёк. А мужик лежал на печке, а ружье было около себя. Ён, значит, взял из ружья и стрелил в дружка. Дружок упал, а этот мужик сейчас соскочил и закотал большой комок толокна и напихал ему в рот. Жана прибегаэт домой. Дружок ейный лёжит. И смотрит, что такое сделалось. «Вот, должно быть, он толокном и подавилсы!»

2. ДЕРЕВЕНЬСКОЙ ПЕНТЮХ И МОСКОВЬСКИЙ КЕСАРЬ

Был деревеньской пентюх. Жил он бенно. И насыпал он куль опилку. «И пойду, говорит, в город и променяю вместо муки на́ соль!» Прежде соль дорогая была. Пентюх отправился в город. А в Москве жил ке́сарь. Тоже жил тонко. У того не было соли. И насыпал куль песку. «Поеду в город, променяю на муку!» Вот и съехались в городе деревеньской пентюх с кесарем. Вот московьский кесарь и говорит: «У тебя что в куле?» — спрашивает пентюха. Один говорит: «У меня мука». А у другого соль.— «Давай менять соль на муку!» Соль прежде была дороже. Кесарь припрашивает с пентюха копейку. Тот говорит: «У меня копейки сейчас нету; если обождешь копеечки такого числа, тогда сменяем». Ну, значит, перевалили кули с дрог на дроги и поехали домой. Московьский кесарь приехал домой и свалил куль с мукой. С радостью жена, значит, сбежала за мукой. А вместо муки оказались опилки. Стало, тот привез опилок. «Ну, хоть то я у него обменял, да копеечку с него обменял». Значит, радость есть у него. Деревеньской пентюх приехал домой.

«Жена, говорит, беги за солью! Соли куль привез». Жена сошла. Вместо соли оказался песок. «Что, говорит, вместо соли привез песку?» — «Ну, жена, совсем обменялся: я еще копейку придал». Число то подходит, чтобы московскому кесарю быть за долгом. А этому копеечки взять негде. «Ну, что, жена, мне копеечки взять негде! Я лягу, говорит, помру!» Лег на лавку. И, значит, помер, будто бы. Кесарь приходит и спрашивает: «Где хозяин? Надо бы с него долгу получить!» Жена и говорит: «Копеечки нет, да и сам муж помёр».— «Ну, помер, так давай затопляй пецьку; да лей воды, я хоть его вымою за копеечку». Жена пецьку затопила, воды накипятила. Он взял пентюха раздел. Стал его мыть горячей водой. А ему было трудно терпеть, но делать нечего, негде копеечки взять. Вымыл. «Сделай, говорит, ему гроб! Пойду похороню его за копеечку, а так не отстану». А до церквы было семь верст идти. Захватил он гроб на плецё и попёр. На половине этой дороги стояла часовня. Однако ему было тяжело его нести. Привернул это он к часовне и поставил гроб осере́дь часовни. А сам сел туды под зановеси. Вдруг услыхал на улице шум. В часовню приходит партия разбойников. И насыпали большую кучу денег. Один из разбойников говорит: «Я как, ребята, нажил себе капитал! И, смотрите, как я хвачу поперек этого гроба, так рассеку его пополам». Только замахнулся, чтобы ударить по гробу, а этот кесарь и скочил за зановесью. «Встаньте, говорит, все живые, мертвые!» Этот пентюх как раз — скок в гробу. Они все и побежали вон из часовни. Вбегают в лес и толкуют. «Что такое мы, ребята, испугались там?» Атаман и говорит: «Вот, ребята, кто из партии узнает про это дело — награжу того неизвестно чем». Приходит он к часовне и смотрит в окно. А у часовни было в раме стекло сломано. А у иф тогда были деньги разложены в разные груды — у пентюха с кесарем. А московский кесарь и говорит: «Отдай же мне копеечку долгу!» А пентюх видит, что разбойник стоит у окна, и схватил он с головы разбойника шапку и бросил ее. «На тебе ее за копеечку!» А тот разбойник того еще больше испугался и побежал. Прибегаэт к атаману: «Нам, ребята, там делать нечего! Скольки у нас было денег, а им не хватило по копейке! Сорвали у меня с головы шапку и бросили одному за копейку».

3. ВОР ЯШКА — МЕННАЯ ПРЯЖКА

Жил в деревне мужичок с жаной. Только детей у ниф было — один сын. Звали его Яковом. Отець с матерью и толковали: «Какому ремеслу нам сына отдать в ученье?» Отец и говорит: «Отдадим его в кузнеци!» А матка и говорит: «Я не люблю этого мастерства: постоянно он у жара и грязный! Лучше отдадим мы его в портные!» А отець сказал: «А вот поведу своего сына; какой мастеровой попадет стречу первый, такому мастерству и его отдам!» Пошел отец с сыном. Попадают ему два молодые человека. «Куда, старина, пошел?» — «А вот повел сына отдать в учéньё!» — «Отдай его нам!» — «А вы какие мастеровые?» — «А мы портные, а только что мы не шьем, а порем!» Это были два брата-разбойники. Старик дал им сына. Один из ниф и говорит: «Дал нам сына, так давай нам и деньги!» Он им отвечаэт: «Вот у меня денег только десять рублей». — «Ну, десять, так десять! Тебя за это не повесить!» Отець с сыном простились. Отець пошел домой, а сын пошел с молодым людям. Привели его домой и дали ему ремень с пряжкой и прозвали его: «Вор Яшка — менная пряжка». Стали ходить воровать и Яшку приуцять. Яшка так научилсы, что впереди иф все сам ходил. Тут от иф жил барин недалёко. Здумали они сходить этого барина обокрасть. Приходят к барину ночью. А у барина во спальне огонь. А именье его хранилось на чердаке. Сейчас туда забросили якорь с веревкой. Яшка по веревке — там и был. Яшка оттудова именье и кидаэт, они принимают. Сначала он сбросил оттуда с деньгами сундук. Что ему под руку попалось, — все перекидал. И ешшо ему попала баринова энотовая шуба. И кидаэт это он шубу и говорит: «Эта, брат, шуба — мне!» Спушшаэтся он оттуда домой. А у онного шуба была одета. «Ей ты, брат! Зачем чужую шубу взял? Эта шуба моя!» Тот ему шубу не дает. — «Когда ты мне шубу не даешь, тогда я пойду спрошу у барина, кому он эту шубу прикажет — кто воровал, или кто принимал?» — «Как ты барина спросишь? Вот нас и свяжут!» — «Свяжут, так свяжут! Не одного меня свяжут! Ну, вот, сидите у окна, а я пойду барина спрошу!» Ну, подходит к барину под окно. А у барина шут сидит. Барин спит, а шут ему сказки говорит. Вор Яшка шшелкнул в окно. Шут окно отку-

тал и обернулся в окно. Яшка схватил шута и выдернул за окно! — «Нате вот, ребята. Держите его!» Те рот ему заткнули и держат, а он скочил в окно и сел на место на его. Вот потом и говорит: «Барин! У нас ведь воры были! Шубу-то вашу унесли! Кому ее прикажете? — Кто ее украл, али кто принимал?» Барин промолчал, нечего ему не сказал. Ён опять: «Барин! Шубу-то вашу унесли! Кому же ее прикажете — кто воровал, али кто принимал?» — «Цёрт тя возьми! Понятно тому, кто воровал!» — «Вы слышите, товаришши? Шубу-то барин мне приказал!» Яшке только и надо было. Выскоцил за окно. Сами убежали, сказошника-то оставили. Вот приходят домой. Брат брату и говорит: «Славный у нас ученик Яшка! Отдадим за него сестру Наташку, за вора Яшку!» «А то строк-то приходит, а то он домой уйдет. А отдадим Наташку, так он, может, жить с нами станет!» Отдали за него сестру. Дали ему в приданое триста рублей денег да свинью с поросятам. Вот год прошел. Яшке надо домой, а им Яшку отпустить жалко.— «Если ты хочешь идти домой, так отдай деньги назад триста рублей и свинью». А Яшка им сказал: «Вот унесите у меня из дому свинью!» Если унесите свинью, тогда я вам отдам триста рублей, а если я вас поймаю со свиньей, тогда вдобавок ешшо триста с вас». Вот Яшка отправился домой. И назначено было время, когда у него свинья воровать. А Яшка думал, куда бы свинья девать. Взял свинью напоил вином и надел на нее маткин сарафан и положил на печку спать, а сам с женой ушел в спальню. Вот эти братья пришли за свиньей и нигде не могут свиньи найти. Один придумал: «Вот я пойду — у сестры спрошу!» Подходит тихохонько к спальне, а муж с женой спали твердо. Он место мужа спрашивает жену: «Жена! Где-то у нас свинья?» — «Что, разве не помнишь на печку-то клал?» — «Вот хитрый плут Яшка! А мне только и надо, что сестра сказала!» Схватили свинью и побежали. Потом Яшка пробудилсы и спрашивает жену: «Жена! Где-то у нас свинья?» — «Сейчас же я вам говорила, что свинья на печи!» Яшка догадался, что наверно без него спрашивали. Встал за свиньей и побежал. Подходит и свиньи нет (унесена уж) и иф. Схватил он узду, побежал за ней. На узде был позвонок. Один из иф и услышали. «Вот, брат, какая тяжелая свинья! Положим ю! Вот должно быть путаная лошадь.

Пойдем поймаем! Скорее тогда свинью довезем». Вот один из иф и побежал лошадь ловить. Вот один из иф побежал, а потом и другой. Вот дале и дале. Узду бросил и сам к свинье подбежал и свинью взял и унес домой. Свинья хотя и была пьяная, а все-таки протрясли. Куды свинью девать? Был у его в сенях жёрнов. Взял ее хвостом привязал к мéльню, а кругом насыпал ржи. Свинья ходит вокруг жёрнова, жёрнов и урцит. Потом Яшка пошел к жане спать. Братья приходят за свиньей обратно. Только к мосту подходят и слышат, жёрнов урцит. «Вот уже стара сватья встала; вот уж она и мелет! Пойду опять у сестры спрошу!» Вот потом подходит: «Жена! Где-то у нас свинья?» — «Не помнишь, что ли? К жёрнову-то привязывал!» — «Совсем думал, говорит, старая сватья! Она свинья-то и есть!» Схватили свинью и опять наутёк. Шли, шли да устали. Один другому говорит: «Давай, брат, поотдохнем!» А там Яшка и проснулсы: «Жана! Где-то у нас свинья?» — «Ведь я же тебе говорила, под жёрновом привязана». Яшка догадалсы. И побежал опять. Вот уж свиньи-то опять нет. Вот уж свинью-то опять унесли. Вот догоняет иф. Один другому и говорит: «Давай, брат, дотащимсе до старой харчевни. Вот там уж и отдохнем!» Яшка это услышал. Вперед иф прибежал в харчевню пустую, замарал свою рожу сажей и взял две половины кирпичёв и забралсе в печку. Они приходят в харчевню. Положили свúнью. «Теперь, однако, унесли!» — говорят. «Давай теперь покурим!» Схватились покурить, а огонь у ниф замóчен. Один из иф и говорит: «Постой-ко, брат! У меня есть огниво! Вот я сейчас да к саже присеку, огонь и выйдет». Он стал огонь высекать, а вор Яшка стал зубами шшелкать в печи-то. Он и увидал что такое в пече. Видит — глазы светлеют, зубы белеют. — «Брат, ведь черт в пече-то!» А тот оттуль кирпичом и стал в иф дуть. Они пустились бежать прочь. Убежали в лес. А Яшка схватил свинью и понес домой. Пока Яшка шел, пока сел день. Как денек стал, — «Пойдем, брат, теперь в харчевню! Черт теперь, чай, ушел! Возьмем свинью да понесем домой!» Вот приходят. Вот свиньи-то уж нет. «Ну, брат, хошь черт съел у нас свинью, а не Яшка! Пойдем к Яшке и скажем, что украли у него свинью!» Приходят к Яшке. «Ну, Яшка! Отдай нам деньги!» — «Покажите мне, когда вы унесли, свинью, тогда я вам отдам и деньги». —

«Свинья уж у нас дома!» — «Принесите мне ешшо триста рублей! А свинья-то у меня на дворе!» Ну и отдали деньги. Яшка стал жить дома, а они там.

4. МУЖИК РАЗГАДЫВАЕТ ЗАГАДКИ

Один мужичок в деревне нуждалсе хлебом. А у иф барин был, любил мужиков, которые догадливые были. Приезжаэт он к барину. Барин его спрашивает: «Что тебе нужно, мужичок?» — «К вашей милости, барин! Хлеба нету — нечего есть! Не будет ли ваша милость сколько-нибудь хлеба мне дадити?» Барин ему в ответ: «А вот что, мужичок! Разгадай ты мне загадку, тогда я тебе отпущу и хлеба! Вот — что быстрее на свете нет?» Мужик сказал: «Быстрее мысли ничего на свете нет». «Ну, это, говорит, верно! Ну, а разгадай — чего сильнее на свете нет?» — «Сильнее погоды нет!» — «Ну, да и это, говорит, верно! Разгадай мне, что милее на свете нет?» — «Милее сна ничего на свете нет!» Барин насыпал ему воз хлеба. Мужичок приезжает домой. У иф в деревне был богатый мужик, и такой был завидлевой. Приходит к мужичку, спрашиваэт: «Где взял хлеба?» — «Спасибо, мне насыпал целый воз барин!» — «За что же он тебе насыпал?» — «Он мне загануп загадку, а я ему рассказывал.Он мне за то и насыпал целый воз». Богач подумал: «Поеду и я, и я, может, разгадаю!» У этого богача была тройка лошадей хорошиф. Приезжаэт к барину. Барин его спрашиваэт: «Что надо, мужичок?» — «Да вот, к вашей милости приехал! Не отпустите ли мне хлебця?» — «Отпушшу тебе хлебця, только разгадай мне загадку! Когда не разгадаэшь, тогда тройка твоя остаетсе за мной!» — «Быть может, говорит, разгадаю!» — «Ну, скажи мне, что быстрее на свете нет?» Он показывает на своего жеребенка. «Вот, моего жеребенка, я чай, ничего быстрее нет!» Барин говорит: «Нет, это неправда! Вот разгадай мне ешшо, чего сильнее на свете нет?» — «Я чай, барин, сильнее медведя нет!», говорит. «И это, говорит, неправда! А что милее на свете нет?» — «А что, барин? Мне милее своей жены ничего на свете нет!» Барин ему и сказал: «У тебя хлеба много своего, ты и отгадывать не умеешь!» Так делать нечего, пошел мужик домой. А тройка лошадей осталась у барина.

5. ШУТ И КОЛОМЕНЦЫ

Был в деревне шут. Шут работать ленилсы, а воровать боитсы. Цем будешь кормитьсы? Шут взял горшоцик и палоцьку и пошел на большую дорогу. Крупы и соли взял. Розжёг огонек и поставил горшецик. Сварил кашку. Увидал — идет двенадцать братьев коломенцов. Роскида́л огонек и взял в руки палоцьку. Ходит вокруг горшецька и поколацивает. «Горшецик, кипи и не плыви!» Подходят коломенци. «Бог помоць! Что работаешь?» — «Просим милости, кашку варю. Садитесь кашу кушать!» Сели коломенцы. Кашу всю у шута съели. «Продай, шутушка, нам эту палоцьку и горшецек!» — «Купите, братьци! По рублю с целовека». Полуцил двенадцать рублей денег. Приходит домой. Купил белой муки, напек пирогов и вышел опять на большую дорогу с пирогами. И зарыл в землю эту карзину окуль дороги. Потом эти коломенци пошли большой дорогой. Захотели есть и поставили горшоцек и взяли по палке и колотят по горшоцьку. «Горшочек, кипи и не плыви!» Ницего не вышло. Положили и осталсы. Россерди́лись на шута. «Пойдемте, шута убьемте! Зацем омманул?» Вернулись, а шут около дороги похаживает с лопаткой. — «Выходи, шут, на дорогу! Сейчас тебя убьем, зацем нас обманул!» Он говорит в ответ: «Эх, братцы! Хлеба-соли полно будет!» Шут схватил лопатку, вынул карзину пирогов. «Садитесь, братци, кушайте!» — «Шутушка, продай нам эту палоцьку, зыбоцьку и лопатоцьку!» — «По два рубли с братьця!» Роспрости́лись. Шут приходит домой. Купил быка, нажарил мяса, а в пузыри быка налил крови и спрятал под правую пазуху. Коломенци пошли и есть захотили. Зарыли зыбку в землю и отошли в сторону. Подбежали к зыбоцьке разрыли, а зыбоцька порожняя. «Вот опять шут обманул! Топерь пойдем же, шута убьем!» Подходят к шуту под окно. «Выходи, шут, убьем!» — «Эх, братци, хлеба-соли будет!» Коломенци приходят в избу. Шут на жену закрицял: «Давай, жена, обедать!» Жена его не слушает. Он крикнул раз, два; схватил со стола нож, цап ножом жане в бок. Жена упала, и кров потекла у ей. Шут схватил плётку и давай жану хвостать, и приговаривает: «Плетка-живулька, оживи мою жану!» Потом жана стала послушная у его. Подает на стол, ухаживает и кланяетсы. «Эх, братци, купимте у шута нож и плетку! Жены нас не слушают. Про-

дай, шутушка!» — «Купите, братци, — по четыре рубля с брата!» У шута купили и отправились домой. Приходят домой. «Сначала, говорят, дайте плетку и нож!» Приходит домой, жану одно-другое спросит — жана его не слушает, ругаетсы с им. Он схватил нож и — цап в грудину жану. Жена упала. Он хвостать, хвостал, а жена померла. Потом так до конца. Все двенадцать братей перерезали своиф жен. Сошлись и говорят: «Ну, топерь пойдемте, робята, шута убьем!» А шут про это знал. Выкопал могилу и закопалсы туды живой. И наказал жоне: «Если придут коломенци, то скажи, что вторая неделя, как помер!» Коломенци приходят и крицят: «Дома ли шут? Выходи убьем!» Жана отвецяет: «Нету живого, братьци! Вторая неделька, как помер». — «Покажи нам оную могилу! Я хоть ему на могилу на..!» Он подошел на могилу, а шут его оттуда перстом в ж... «Эх, сукин сын шут, ешшо мертвый над нами смеетсы!» Выташшили шута и завалили его в куль, и поташшили в озеро. Приташшили к озеру. Прорубь застыла; топора у иф не было. Никоторый за топором, никоторый не идет. Оставили шута и все пошли за топором. Коломенци ушли. Время ехал барин, а шут кричит: «Не могу судить и рядить и на воеводстве сидеть!» Барин услышал. «Я могу судить и рядить!» Распорол этот куль и выпустил шута. А шут посадил барина в куль: «Суди там дока!» Сам сел на лошадей и отъехал в сторону. Коломенци пришли, лед прорубили и куль в воду ввалили. «Пускай, говорят, шут там!» Коломенци отправились домой. Идут и видят шут догоняет их — на дорогой тройке лошадяф и цисто одетось. «Бог по пути, братьци!» — «Где ты, шутушка, взялсы?» — «Вы меня, братьци, свалили только в озеро, а я там попал прямо на базар. И только денег было пять рублей и все купил! Тройку и одежду!» — «Сведи, шутушка, нас!» — «Братьци, будет ежли есть денег и вас сведу» Подходят к пролуби: «Ну, опушшайтесь в пролубь, говорит шут, и руками дёржитесь за лед! Смотрите, когда вскоцю, и вы покидайте рукам!» Коломенци в воду опустились, а шут схватил этот топор и давай коло́менцёв по рукам колотить и коло́менцёв утопил.

6. ВАНЯ-ОХОТНИК

Жила в деревне старушка. У ней был сынок Ванюшка. Работой он никакой не занималсе, только ходил за

охотой. И ходил до тех пор, пока было кой-цего хлебушка. Есть ему стало нецего. Продал собаку соседу. Продал потом другую. Потом он сошел опять в лес без собаки. И слышит в лесу шум сильней и страшной. Подумал он идти туда и боитсы: собак нет с собой. Все-таки решился идти. Подходит — дерутсы медведь со змеем. Медведь ему и говорит: «Убей-ко, Ваня, змея!» А змей говорит: «Убей медведя!» Он подумал, которого убить. Если медведя оставить, то коровенку последнюю съест. Убил медведя. Змей обратилсы в человека и сказал ему: «Ну, пойдем, Ваня, теперь со мной!» Подходит он хижине. «Постой, Ваня, здесь, а я пойду в дом зайду». Приходит он в дом. Обрадовались отець и мать ему, потому что не видали его три года.«Где ты, сыноцек,взелсы? Росцитовали — тебя нет в живого». — «Пожалуй, был ли я жив, дока такой человек не спас». — «Где же у тебя тот человек?» — «Вот здесь, па улице». — «Пойди, зови его сюда!» — «Иди, Ваня, в избу!» Ваню приняли за дорогого гостя и угошшали очень хорошо его. Потом этот змий ему сказал: «Вот что, Ваня, я тебе скажу — ты исполни. Будет отець-мать давать злата и серебра много — ницего не возьми. Только ты проси у иф из стеклянного шкафу золотой перстень». Вот отець и мать предлагают ему: «Что тебе, Ваня, угонно — бери злата и серебра!» — «Ницего мне не надо, ни золото ваше, ни серебро. Когда же вам будет не жалко, дайте мне из стеклянного шкафа золотой перстень!» Подали ему золотой перстень и распростились. Ваня пошел. Которого он змия спас, тот пошел его провожать. Попошли оне немного. «Ну, теперь, Ваня, прошшай! Передень перстень с руки на руку!» Только перенадел Ваня перстень с руки на руку и вылетело 33 сокола. «Что угонно, Ваня?» — «Неужели мне отсель пешком идти! Несите меня!» Тольки Ваня поспел сказать, тогда уж был Ваня дома. Старушка его последним крохам накормила ужином. Потом лег спать. Когда народ весь заснул, тогда Ваня выходит на старое крыльцё. Принадел перстень с руки на руку. Вылетело 33 сокола. «Что угонно, Ваня?» — «Стройте мне самые богатые магазины, чтобы были нагружены всякими нужными припасами. И принесите мне клюци!» Ваня лег спать. Утром встает — клюци уже лежат на столе. И будит свою мать. — «Ставай, матка, иди за мукой!» Мамка прокрицяла: «Куда ж я пойду за мукой? Я вчера обошла всю деревню, а сегонни не знаю куда идти». —

«Вот, давай ставай! У нас своих магазинов много, много своих припасов!» Старуха прокрицяла и встала, и взглянула в окно и подивилась, откуда взялись такие магазины. Ваня ей сказал: «Вот, иди! Это — наши магазины!» Подает ей клюци. Старуха приходит в магазины, берет муку, которая только пришла ей по нраву. «Ну, пеки теперь, мама, пироги! Как испецешь пироги, вот в город сватацьсы за меня иди! Знаешь богатого купца. Вот к нему и иди!» Старуха пироги испекла, направилась сватацьсы. Город от деревни был недалеко. Старуха приходит к купьцю. — «Что тебе надо, старушка?» — «Да вот что, милостивый государь! Сын меня прислал к вам посватацьсы». Купець подумал, что такое старуха здумала. Однако вышел на парадное крыльцё и посмотрел в подзорную трубу. И видит стоит богатых 12 магазинов. «Что такое будет со старухой?!. Вот что, бабушка, приходи завтрашний день, а мы пока подумаём». Старуха отправилась домой. Ваня ее спрашивает. «Что же тебе купець сказал?» — «Купець мне не отказал, завтра велел приходить». Ланно. День прошел. Вот наступила ноць. Как народ только заснул, Ваня выходит на крыльцё, переодевает с руки на руку кольцё. Вылетело 33 сокола. «Что тебе угонно, Ваня?» — «Стройте мне конюшню! Чтобы в этой конюшне было 12 жеребцёв и чтобы был каретник, и для этиф лошадей были бы сбруя и кареты!» Ваня ложитсы спать. Вутром встает, — конюшня была готова. Ваня стает и будит свою мать. «Ставай, старуха! Пора пець пироги! К купцю сватацьсы идти!» Старуха напекла пирогов, а Ваня запряг ей трех жеребцов. Старуха приезжаёт в город, подъезжаёт к купьцю. Купец старушку принимает. Посмотрел опять в подзорную трубу. Видит у Вани и конюшня богатая построена. Знацит, и жеребци его. «Вот что, бабушка! Помани ешшо до завтра, пока ешшо подумаём». Старушка отправилась домой. Ваня спрашивает: «Ну, что тебе купець сказал?» — «Пока погодить велел до завтре». Вот день и проходит, опять ноць подходит. Народ в деревне весь заснул. Ваня выходит на крыльцё, передел с руки на руку кольцё. Вылетело 33 сокола. «Что угонно, Ваня?» — «Стройте мне дом! Чтобы такого дома в нашем городе лучше не было!» Сам пошел спать. Вутром Ваня встал, глянул в окно — дом был готов. И клицет свою мать: «Вставай-ко, мамка! Пойдем в новый дом!» Приходят они в новый дом. «Ну, подавай — пеки пироги!» Пора

сватацьсы идти!» Старуха напекла пирогов. Ваня запряг ей шесть жеребцёв. Старуха подъехала к купьцю. Купець подивилсы и отдать за Ваню дочь решилсы. Просватал купець доць, подарил старухе богатые дары и старушку с церемонием домой проводил. Старушка приезжает домой. Подает Ване дары. Ваня полуцил дары, тот раз принялсы за пиры. Потом Ваня женилсы. В женитьбе Ване вышло несцястье. Купецькая доць все-таки Ваню не любила, и тольке ей нужно было узнать, что это такое у Вани действуетсы. Это жана узнала, что стало богатство у Вани через кольцё. И потом, у сонного сняла у Вани кольцё. Передела кольцо с руки на руку. Вылетело 33 сокола. «Что угонно купецькая доць?» — «Вот, несите моего Ваню в лес и спустите в дуплё кверху ногам. А меня несите в такой-то город к Ивану — купецькому сыну (дружку прежнему)». Вот 33 сокола схватили Ваню и снесли в дуплё. Вот Ваня лёжит там и думает собе: «Вот тут и смерть моя!» Все-таки Ваня не пропал. Этот ёный сусед с ёным собакам ходил на охоту. Эти собаки и попали на это дуплё, залаяли. Вот охотник подходит. «Что это собаки лают? Наверно, кто-нибудь там есть!» Дуплё прорубил и расколол, и вывалилсы оттуда Ваня. Вылез и сплакал: «Эх, дорогой сусед! Продай мне собак назад. Сколько не возьмешь, а все-таки продай!» Тот согласилсы и отдал ему собак. Приходит ён домой. Всё богатьство у него дома, а тольки жены нету. Стал ён тосковать об жене. А собаки эти были вроде уценыф — это все поняли, об цем иф хозяин скуцает. И убежали у Вани собаки. И не знает Ваня, куда ушли собаки. Они прибегают в тот город к этому купьцю, где находилась Ванина жена. Эти собаки такие были ласковые. Одну собаку залюбили на куфне. А другую собаку полюбил купеческий сын. Куда бы ён не пошел, а собацки все с им были. Эта была серая собацка оцень хитрая. Все жила и высматривала, где хранитсы у ниф золотой перстень. Потом высмотрела, что перстень хранитсы в стеклянном шкафу. Купецкий сын заснул. Эта собацка сломала шкаф и унесла кольцё. И пустились бежать домой обе собацки. На дороге им было озеро. Кругом им бежать далёко. И потом пустились вплавь. Плыли, плыли и тяжело им стало плыть. И оннако этой собацьке трунно держать было перстень. И хотели переменитсы — другая взять перстень, и обронили перстень в озеро. Потом оне выплыли на берег и приласкались к рыболовам. Ры-

боловы собачек кормят. Потом они закинули невод. Поймали шшуку. Поймали и говорит один: «Давайте, робята, эту шшуку сварим для себя!» Цистить стали и бросили кишки собакам. Собака схватила, и попало ей кольцё. И пустились бежать домой. Приносит Ване перстень. Ваня перстень полуцил. Взял перстень передел с руки на руку. Вылетело 33 сокола. «Что угонно, Ваня?» — «Несите жену мне сюда домой, а этого купеческого сына снесите туда, где не находится народ не ногой».

7. ФЕДЬКА-СЛУГА ПОМОГАЕТ РУССКОМУ ГОСУДАРЮ ЖЕНИТЬСЯ НА ЕЛЕНЕ ПРЕКРАСНОЙ

В одной деревне жил мужичок. Имел он трёф сыновей. Два сына были женатые, а третей сын был холостой. И отцю ноцью приснился сон, что утром встанешь, спрашивай всеф своиф сыновей и им приснятсы сны. Вутром отець встает, потом встали и сыновья. Отець спрашивает старшего сына: «Что тебе, Вася, ноцью снилось?» — «А мне снилось то, что я был у тешши и у тестя в гостяф». Потом среднего: «Тебе, Вася, какой сон снилсы?» — «А мне сон снилсы такой, будто я был с товарищем в трактире». — «А тебе какой сон, Федор, снилсы?» А тот отвецяет: «Мне, мол, не снилось ницего!» А ему снилсы сон такой: «Если скажешь сон отьцу, то потеряешь сцястье и всю жизнь прежнюю, а если не скажешь сна, получишь сцястьё и поступишь на цярьство». Отець вынуждал его горазно в этом сне, а он ему все-таки не сказывал: «Не снилось, не снилось ницего!» Сколько отець его не вынуждал, всё-таки он отьцу ницего не сказывал. Отець много раз его наказывал, вынуждал. Оннако решился отець на то: «Повешу или продам куда своего сына!» Догоняет его дорогой господин на лошадяф и спрашивает: «Далеко ли ты, старик, идешь?» — «А вот пошел, повел своего сына, придётсы продать или повешу! А все-таки домой не возьму!» — «Что тебе сын не угодил?» — «Потому что ему снилсе сон, он мне не обсказывает сна». Барин ему сказал: «Цем вешать, продай его мне!» Барин думал про то: «Что такой за сон ему снилсы?» Взял его себе и держит его всё около себя прислугой и зовет его — Федька-слуга. Куда бы он не пошел, не поехал — все его с собой. И спрашивает его: «Скажи, Федька-слуга, что тебе снилось?» — «Ницего мне, барин, не снилось! Если мне приснилось, я сказал

бы отьцю». Ну, так живет Федька-слуга у барина. Слуцилсы у государя бал. Этот барин к государю часто езжал. И потом государь задумал женитьси и поэтому сделал бал. Вот барин ему сказал: «У меня есть Федька-слуга, не могли его никак допросить!» Осударь призвал Федьку-слугу: «Ну, что тебе, Федор, снилось?» — «Ваше царское величество, ницего мне не снилось, а соврать не захотел! Если бы мне снилось, я сказал своему отьцю». Государь приказал отвести его в темницу, приставил девицу с царской куфни носить ему пишшу; не велел его никуда пушшать до оного приезду. А государь приезжает женитьсы за тридевять земель и в тридесятое царство за Еленой Прекрасной. Вот государь уехал. Эта с царской куфни девушка носит ему пишшу. Он все-таки у ей просится вон: «Выпустите меня, пожалуйста, все-таки я раньше приезду государя буду здесь опять!» Она раз придет, он проситсы, и второй, все он проситсы. Потом решилась царская девица выпустить молодца из темницы вон. «Все-таки мужицькая голова дороже женьской!» Ён сейчас, как вышел из темницы (а у государя была сестра-девица), приходит ён к ей. «Отпустите мне одиннадцать человек. Подобрать тоцьностью как я! — тогда я пособлю вашему брату женитсы, то ему, пожалуй, не быть живому!» Царьская сестра приказала несколько рот солдат. Они составили публику, подобрали таких одиннадцать человек, он 12-й. Сготовили ему одежду все, как на онном. И потом дала ему денег на дорогу. Потом он отправилсы. Вышел в город; зашли они в кабачок, выпили водоцьки и отправились добрые молодьцы. Шли не много ли — мало ли места, слышат в стороне шум. «Что такое за шум?» И ён туда пошел. Подходит дерутся три церта, делят сапоги-самоходы, шапку-невидимку и ковер-самолет. Он подходит к ним и говорит: «Бог помоць, биси! Об цем делите?» — «Просим милости, добрый целовек! Делим вот сапоги-самоходы, шапку-невидимку и ковер-самолет. Раздели нам!» — «Вот я брошу вам палку, кто принесет ею, тому ковер-самолет!» Бросил он палку в высокую ель; палка там повесилась. Вот они побежали к этой еле и подняли большую возню; который полезет, а другой его схватит и сдернет назад. Вот дока они возились, Федор взял сапоги-самоходы и шапку-невидимку, и ковер-самолет. Выходит он к товаришшам на дорогу. «Ну, товаришши, нам эти вешши попали хороши в дорогу!»

И продолжают путь вперед. Приходят они в деревню. В этой деревне оне переноцевались. Утром они встали: купил Федор на дорогу целое ведро вина. Вышли за деревню, и послал ковер-самолет на землю. Сели на ковер-самолет все в кружок. «Ну, поднимайсы, ковер-самолет, выше лесу стоячего, пониже облака ходячего, неси нас за тридевять земель, в тридесятое царьство, когда уехал наш государь женитьсы! Неси нас в этот город, чтоб нам быть раньше на две недели его там!» Вот поднялсы ковер-самолет и полетел, а они сидят на ковре и выпивают водоцьку. Ковер отлетел далеко и поднявши был очень высоко; и пока были видны российские церкви с крестами, а потом залетел во инные земли, там не винно стало крестов. Ешшо дальше полетел и опустилсы на землю перед самым тем городом, где царьство Елены Прекрасной. Ну, там они живут и гуляют до приезду государя. Потом стали с крепости палить, стрецяют российского государя — Елены Прекрасной жениха. Государь приехал в город и остановилсы около дворьца семь верст: потом поступил на квартиру. Приходит к нему Федор со своими товарищам и просится к ему в прислуги: «Ваше царское величество, нас, пожалуйста, в прислуги! Хотя мы бродяги, а люди российские и жалаем послужить своему царю!» Государь им сказал в ответ: «Надо мне прислуга, только мне двенадцать целовек нéкуда!» — «Ваше царское величество! Нам уж неохота разлуцитьсы, возьмите всеф».— «Делать нéцего!» Государь принял иф всеф которого куда, а Федор поступил слугой перед самим государем. Ноцьку переноцевал. Государь отправляетсы к Елене Прекрасной. У этой Елены Прекрасной такой был сделан завет: «Что пока не погубишь сто голов и дока не пойдет ни за кого замуж; а после сотни, будь какой бенной, за того и замуж пойду». У иф было сгублено 99 голов, а этот приехал сотельный. Государь поезжает к Елене Прекрасной. Федор-слуга и говорит посмелее: «Ваше царское величество, что будет заказывать вам, что делать, просите ресунок!» Государю лошадей подали и поехал. Федор-слуга сапоги-самоходы надел и шапку-невидимку, и тоже пошел, сзади за им. Государь подъехал к подъезду, и Федор-слуга был тут. Государь пошел во дворець и Федор-слуга за им. Приняла Елена Прекрасная российского государя, только никто не видит, что с им есть Федор-

слуга. Государь и говорит: «Елена Прекрасная, я приехал вас посвататьсы!» — «Да, мне жаниха надо, только если ты исполнишь три мне вешши, какие же я тебе прикажу! Если ты исполнишь, тогда пойду я за тебя замуж, если не исполнишь, тогда — голова долой!» — «Какие же вам вешши? Покажите-ко мне ресунóк!» — «А вот перво — сготовьте мне платье такое же, какое у дедушка сготовлено!» — «Покажите мне ресунóк!» Она сейцяс приказали горнишной принести ей плáтье. Государь посмотрел и подивилсы: «Где я здесь найду такиф портныф? Кто мне изготовит платье?» Горнишная девушка тольки платье повесила, а Федор-слуга платье унес; и государь отправилсы на свою квартиру Федор-слуга уже был давно на квартире. Государь такой приехал пецяльный. Федор-слуга его спрашивает: «Что, царское величество, что вам невеста сказала?» — «Не говори, Федор-слуга, придется оставить мне здесь голова! Велела изготовить плáтьё под венець и чтоб было к утру готово».— «Ни об цем не пецяльтесь, ваше царское величество! Я сам первый портной, тольки давайте мне денег купить матерьялу». Государь подает ему денег много, тольки он денег много нé взял, взял тольки три рубля. «Ну, что ты на эти деньги сдéлаёшь?» — «Да вот мне ешшо выпить останетсы!» Федька-слуга отправилсы на рынок, купил деревеньской крашенины шесть аршин, платил по восемь копеек за аршин. Купил большую мешоцную иглу и бутороську голанских ниток. Купил деревеньские ножницы. Потом зашел в трактир и выпил изрянно. Идет ён городом и потряхивает этой крашениной. «Вот буду из этой материи шить платье под венець Елене Прекрасной!» Смотрит народ на Федьку и хакают: «Вот российский государь приехал сюды с какими дуракам!» Приходит Федька-слуга на квартиру. И смотрит государь на Федьку, что пришел очень пьяной. «Ницего из него не выйдет толку!» Федька-слуга принялся за работу. Растянул крашанину по столу, и берет деревеньские ножницы, и режет да в угол мецет. Вот государь посмотрел, посмотрел, с досады лег спать. Государь заснул, а Федька-слуга взял ейное плáтьё, выгладил его и повесил на спицку напротив кровати, где спал государь и потом сам лег спать. Государь проснулсы, зглянул и сразу увидел плáтьё и сам себе не верит. «Ужели это мог Федька-слуга сготовить такое платьё?»

И крыкнул: «Ну, что спишь, Федька-слуга? Пора вставать!» — «Извините, ваше царское величество, вецёр долгонько посидел, так вот уж и попроспал».— «Ну что, как у тебя плáтьё?» — «Вот плáтьё готово, ваше царское величество! Везите! Уж аккурат такое будет, как у нее!» Государь стал, Федька-слуга подал ему цай. Государь чаю попил и отправляется. Федька говорит: «Поезжайте, ваше царское величество, только обходитесь с ей посмиляе!» Государь захватил с собой плáтьё и поехал. Федька-слуга надел сапоги-самоходы и шапку-невидимку и — взади за им. Государь подъезжает к подъезду, и Федька-слуга давно уж тут. Государь заходит в дворець, и Федька-слуга сзади за им. И подает государь плáтьё. Берет плáтьё Елена Прекрасная. Плáтьё оказалось точно такое же, какое и у нее. «Ну, ладно, хорошо! Принесите мне завтра еще сапоги такие же, какие у меня у дедушка шиты!» — «Покажьте мне ресунок, какие ваши башмаки!» Приказала служанке подать сапоги. «Ну, где же я иф возьму к завтрашнему дню?» Служанка тольке поспела поставить сапоги, Федька-слуга в тот же момент башмаки унес. Государь отправилсе домой, а Федька-слуга вперед его. Государь приехал, глядит — Федька-слуга дома. Подал ему самовар. «Ваше царское величество! Что вам невеста сказала?» — «Пропал, Федька-слуга! Должно быть, придется оставить здесь голова!» — «Не пецяльтесь, ваше царское величество! Я есть самый первый сапожник, и будут же готовы к утру и сапоги, тольке давайте мне денег!» Денег ён подал ему много, а Федька-слуга взял денег тольке одну трёшницу. «Ну, что он может сделать на трёшницу?» — «Ваше царское величество! Мне ешшо и выпить достанется!» Приходит он на базар в кожевные ряды; и купил он от конины голову, и купил большое шило и молоток. С остальными деньгам зашел в кабацёк; выпил очень изрянно. Идет городом и трясет этим кожаным лёпестом: «Вот буду шить Елене Прекрасной сапоги!» Вот люди смотрят и хакают: «Вот российский государь с каким приехал сюда дуракам! Оставит ён здесь кожу!» Приходит Федька-слуга на квартиру и налил в корыто воды и обмочил туды голову. Вытащил кожу и — давай ее резать. Государь посмотрел, посмотрел, видит, что ничего у него не выйдет и ложитсе спать. Государь тольке заснул, Федька-слуга украденные сапоги вычистил,

как следоват быть, и поставил их противо государя на стол. Утром государь проснулсе, зглянул, увидал башмаки и своим глазам не верит. И кликнул: «Ну, что же, вставай, Федька-слуга! Будет спать!» — «Сию минуту, ваше царское величество! Вот вечор посидел, сегодня, вишь, попроспал».— «Ну, что, как башмаки?» Башмаки были уже досель готовы. Государь взял сапоги, посмотрел. Башмаки были точь такие, как были у Елены Прекрасной. Сейчас сготовил самоварчик. Подает государю и потом говорит: «Ваше царское величество! Будете у невесты, будьте смелее и просите, что закажет, ресунок!» Вот государь отправилсе ехать к Елене Прекрасной, Федька-слуга одел сапоги-самоходы и шапку-невидимку и — взади за ним. Государь приехал к царскому подъезду и пошел во дворец. Федька-слуга вместе же с ним вошел во дворец. Подает ён Елене Прекрасной сапоги. Елена Прекрасная посмотрела на сапоги,— у него оказались точно же такие, какие у нее. Она отдает служанке башмаки убрать. «Ну, вот что, российский царь, мой жених! Завтрашний день привези мне три волоса медные, и три серебряные, и три золотые, такие же, какие будут у меня! — «Покажьте мне рисунок, какие у вас будут волосики?» — «У меня теперь и у самой нету! А вот такие привезите, какие у меня будут завтра!» Федька-слуга посматривает, украсть ему здесь нечего. Государь отправляетсе домой и тоже Федька-слуга. Государь приехал на квартиру, а уж Федька давно дома. Федька и говорит: «Ну, что ж, царское величество, что невеста сказала?» — «Велела мне привезти три волоса медные, и три серебряные, и три золотые, такие же, какие будут у ней. Так я думаю то, Федька, приказать серебряков и золотарёв и вызолотить свои волосы».— «Нет, ваше царское величество! То были цветки, а теперь ягодки! Вы лёжитесь спать, а я пойду волосы доставать!» Федька-слуга одел сапоги-самоходы и шапку-невидимку; подходит к дворцу Елены Прекрасной. Где будет Елена Прекрасная доставать волосы? Вот на городе все притихло. Вот Елена Прекрасная приказала запрячь тройку лошадей и без всяких позвонков и поехала одна без кучера. И Федька-слуга взади за ней. Приезжает на тот берег озера. Выходит из коляски и подходит на самый берег озера. И потом заплакала. «Дедушка! Пожалей меня, пожалуйста! Приехал российский царь сватать меня,

изготовил такое платье, какое же изготовлено и у вас и привез мне сапоги, какие же сделаны и у вас. Дайте же мне, пожалуйста, выдернуть из вашей головы три волоса медные! Озеро колыбнулось. Лезет оттудова дед — медная голова, серебряная борода, а золотые усы. Ну дёргит его, только тихонько. Она подобрала три волосика, только чтобы дернуть, а тот раз хватил Федька-слуга и сорвал со всей косицей. Этот дед изругалсы и сам на дно озера забралсы. Елена Прекрасная еще больше того плакала: «Не оставь меня, дедушка, а то увезет меня царь российский!» Однако долго не было. Опять вылез дед. Протянул бороду и говорит: «Мотри́, каналья, тихонько!» Она отобрала три волосика; только что дернуть, а в то время подхватил Федька-слуга половину бороды и оборвал. Этот черт еще больше изругалсы и на самое дно забралсы. Елена Прекрасная все звала и плакала этого водяного дедушка. «Пожалейте меня, дедушка! Увезет меня российский царь!» Однако долго плакала. Все-таки он ее пожалел, опять вылез. «Ну, мотри ты, каналья, тихонько ты меня обругала, что мне там и с товарищам будет совестно сойтись». Ён, старик, протянул ей губу с золотым усом, так у него от страсти губа и дрожит. Елена Прекрасная отобрала три волоса золотые; тогда Федька-слуга с налету наскочил, так схватил его и полгубы оборвал. Тогда Елена Прекрасная и не ожидал. И пошел на квартиру. Приходит на квартиру и лег спать. Государь утром встает, кричит: «Что спишь, Федька-слуга?» — «Виноват, ваше царское величество! Ну, вот всю ночь проходил, а теперь проспал. Только вы ни о чем не тужите! Хоть я проспал, все-таки волосы достал! Ну, ваше царское величество, вы сейчас едите к невесте — не давайте ей больше никаких, а прямо в собор да и нужно повенчатьсы! Вот давно нас дожидают. Время, мол, и в Росию возвращатьсы!» Отправляется государь к Елене Прекрасной, он подает ему волосы. «Она тебе скажет то, что у меня по три волосика: медные три, серебряные три и золотые три, а ты ей скажи: «У тебя по три, а у меня ста по три!» Вот приезжает государь к Елене Прекрасной, заходит во дворець. Елена Прекрасная спрашивает его: «Ну, что, привез ли ты мне волосики вот такие, какие и у меня?» Государь посмотрел на эти волосы. «Вот у вас вот этиф три, этиф три и этиф три, всего девять, а

у меня этиф триста, вот этиф триста и вот этиф триста и выходит девятьсот!» Тогда Елена Прекрасная приняла волосы. Взбленела и вся задрожала. Ну что со этим могло быть? Ну, только государь не дал ей никакой отсрочки, и моментально в собор и венчатьсы. Ну ланно, повенчались. Тольке у Елены Прекрасной на уме не то — чтобы сгубить свово мужа. Тольке она узнала об том, что это командовал все Федька-слуга, решилась на то: «Что я вот онного прежде Федьку, а потом государя». Вот утром рано новая государыня вздумала то, чтобы поднесть Федьке-слуге сулемы стакан, вместо вина. Федька-слуга об эфтом узнал и наказал всем своим одиннадцати товаришшам: «Вот, ребята! Сею же минуту молодая государыня крикнет: «Федька-слуга, поди выпей водки стакан!» Потом вы все и бегите, все одно и говорите, что я Федька-слуга, и я Федька-слуга; ей потом не узнать, не знает, кому и дать». Государыня и крéкнула: «Федька-слуга! Поди же выпей водочки стакан!» Вот они все и бегут двенадцать человек: «Я Федька-слуга, и я Федька-слуга!» Государыня на иф посмотрела, и не узнать Федьку; не могла и обронила стакан на землю. И подносит им по стакану вина. Ланно. День прошел, а опять ночь настала. Государь с государыней уклались спать. Федька-слуга сошел со своим товарищам: «Барыня крыкнет сейчас: «Федька-слуга! Поди выпей водки стакан, у которого будет правый висок подрезан!» Выбегите все и криците: «У меня подрезан, и у меня подрезан!» И всем подрезал виски. Вот государыня утром встает, наливает стакан сулемы и крычит: «Поди, Федька-слуга, выпей водки стакан, у которого обрезан правый висок!» Они все и бегут. «Я Федька-слуга! У меня обрезан правый висок! И у меня! И у меня!» Государыня на иф посмотрела, точностью узнать не могла, который Федька-слуга, и обронила стакан на пол. Берет графин, наливает им по стакану водки. Потом расийский государь отправляетсы домой с молодой женой, а Федька-слуга остаетсы там со своим товарищам. «Ну, чем же я тебя награжу, Федька-слуга? Был бы ты у меня дома, сделал бы я тебя енералом! Мог бы сделать тебя и князем за вашу услугу! Даю я тебе злата и серебра!» — «Ваше царское величество! Не нужно мне вашего злата и серебра, а только напишите мне ту бумагу, как я у вас служил и наскольке я мог вам угодить!» Великий государь напи-

сал ему полный аттестат и подал ему в руки. И Федьку-слугу поцеловал и сам отправилсе домой. А Федька-слуга осталсе там. В скором же времени и Федька-слуга отправился в Расею на своем ковре-самолете со своими одиннадцатью товаришшам и сам двенадцатой. Приехал он во свою Расею раньше государя за целую неделю. И приходит он к царской сестре и показывает ей свой аттестат. Государыня на аттестат посмотрела и сказала: «Ничем я тебя не могу наградить до приезду своего брата, нашего государя! Только я могу вам то — отпустить казны до приезду моего брата, твово государя. На царскую казну пейте, гуляйте и приезду государя дожидайте! Государь приедет, тогда все вам и будет!» Федька-слуга получил со старшей сестры золотой казны и вышел он на город. Подает он золотую казну со своими товаришшами. «Ну, товаришши! Вы теперь вот на эту золотую казну пейте и гуляйте да меня споминайте, а я от вас ухожу!» Товаришши остались пить и гулять, а Федька-слуга приходит в темницу. С царской кухни носила туда пишшу девица, видала Федьку-слугу и сама себе подивилась. Федька-слуга этой девице поклонилсе. «Вот, благодарю вас, что вы меня отпустили! И вот я явилсе на вре́мё». А царская девица низко ему поклонилась. Вот скоро же запалили с крепости пушки. Вот едет наш государь с молодой женой. Приехал государь домой. Вот тут люди зарадовались, балы закулубались. Вот государь открыл пир и на весь православный мир. Вот и приехал на этот пир тот же барин, который привез Федьку-слугу. Много было на пиру разговоров и басен и договорились до того, как бы спросить Федьку об сне. Барин и говорит: «Что вы спрашивали, ваше царское величество, Федьку-слугу? Не сказал ён вам, что снилось ему?» — «Ну, нет, не спрашивал! Как уехал тогда, так и не видал. Нужно же позвать Федьку-слугу!» Вот приводят Федьку-слугу государю. «Ну, что же, Федор Иванович, вам снилось?» — «Ваше царское величество! Если мне что снилосе, я бы сказал своему отцу, не был бы я и у барина. Раз мне ничего не снилосе, и врать вам не согласен!» Государь сказал то, что взять Федьку-слугу и отвести на виселицу. В один же момент подходит стража, берут Федьку-слугу за руки и повели на виселицу. Приводят его к виселице. Федька-слуга перекрестилсы, на все четыре стороны поклонилсы, потом

к государю обратилсы: «Ваше Царское величество! Извините меня в том, попрошу я вас в чем. Вот я вам подам бумагу и прочитайте ю!» Федька-слуга подает государю бумагу. Государь только взял эту бумагу, взглянул и слёзно всплакал: «Неужели же это был Федька-слуга?» — «Точно так, ваше царское величество! Это я! Если вы мне не верите, спросите вашу сестру!» Царская сестра сказала: «Я отпущала Федьку-слугу с его двенадцатого!» Тогда Федьку-слугу берут за́ руки и повели в дворец с большим церемонием. И спровели ему чин — «князь». И потом несколько время прошло. Новая государыня опоила своего государя. Тогда назначен был Федька-слуга государем и женилсе на царской сестре.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА КОЛОТУШКИНА

8. ПОКУПКА УМА

Был купець. У него был сын. Звали его Ванюшкой. Он был такой умный — никуды не ходил, ни по пирам, ни по беседам, никуды, никуды. Купець и говорит жене: «Что-то у нас сынок никуда не ходит? Надо женить его, а он никуда не ходит, никого не знает». А мать говорит: «Посылай его», говорит. Купець и говорит сыну: «Что ты, Ванюшка, никуда не ходишь?» — «Куды я, тятенька, пойду, раз я никого не знаю?» — «Ты бы хоть к девушкам на беседу сходил». — «Вот можно сходить», говорит сын. Вот отец дал ему три рубли де́нёг. «Поди, говорит, купи гостинцев и пойди на беседу к девушкам и попотчуй!» Ну, вот он взял три рубля, сын и пошел. Взял пошел, сошел в мага́зин, взял себе гости́нцёв. Ну и идет по городу и ду́маёт: «Куды я пойду, раз никого не знаю? На господскую беседу не прилично мне, на купецькую тоже. Пойду, говорит, где мешшанки сидят: там попрошше!» Вот пришел на мешшанскую беседу. Девок беседа большая сидит. Раз пришел кавалер этакой хороший — девки все обрадовались: не бывал такой на беседе никогда! Одна девка бойкая, Таня зовут: «Пожалуйте, говорит, пожалуйте! Вот место тут!» Он и сел к Танюшке. Ну вот и посидел маленько и отдал гостинцы эти Танюшке. «Вот, говорит, Танюшка, потчуй подруг!» Она, значит, взяла гостинцы. Попотчивала подруг. По разу обнесла, а

остальное себе. Вот посидел немножко. Пошел домой этот Ванюшка. И остальные деньги отдал этой Танюшке. «Вот, говорит, тебе, Танюшка, остальные деньги! Мне, говорит, не надо: у нас у тятеньки денег много». Ну, вот приходит сын домой. Отец спрашивает: «Ну, что, Ванюшка, пондравилось на беседке?» — «Да ничего, говорит, хорошо! Пондравилось!» — «Ну, на другой вецерок еще, говорит, сходи!» — отец-то. «Мне, говорит, тятенька, этиф денег мало! Дай, говорит, пять рублей!» Вот отец ему дал опять пять рублей. Ванюшка опять пошел на беседу. Сошел в магазин, взял гости́нцов, сколько ему нужно. Пошел на беседу опеть. Опеть садится к этой Танюшке. Потом уже просит: «Дай, тятенька, десять рублей!» Опеть также сошел, гостинцев взял да и опять к Танюшке. И последние деньги отдал. Посидел, а она его и провожать пошла. Проводила, докуда нужно. Ну он и стал ходить каждый вецер. И денег просил все вдвойне, все вдвойне. И до двадцать рублей дошел, и до тридцать рублей дошел. Потом отец и говорит уже матери: «Но, мать, в добрый час мы послали сына по беседам ходить! Теперь он нас разорит!» Мать говорит: «Сам послал по беседам ходить!» — «Не лучше ли его женить!» — «Так что же, жени!» Отец сам ему говорит: «Ванюшка! Не желаешь ли ты жениться?» — «Ну, говорит, тятенька, что же — и жани́те!» — «Кого, говорит, прикажешь сватать-то?» — «Вот сватайте, говорит, Танюшку! Девка-то хорошая!» — «Нет! Нам твоя Танька не надо. Не то что в дом, а дома не надо!» Ну, а сын говорит: «Ну, мне больше никакая не надо!» — «Возьмем ли мы подзаборную? Мы за тебя найдем невест умных, разумных, благочестивых, от хорошего отца и матери, с большим именьем, с большим приданым». — «Ну, как хотите! Кого возьмите с тем и жить буду!» Вот оне и поехали сватать и высватали невесту в городе, умную, разумную, благочестивую, хорошего отца-матери, с большим именьем, с большим приданым. Ну, вот и женили Ванюшку. Потом свадьба была хорошая, богатейшая. После венца они пировали, танцовали, сколько им хотелось. После их уклали, молодых, спать. Сами улеглись. Все утихло везде. Никто не стал уже ходить. Он и говорит: «Ну, оставайся, жена! Я пойду к Танюшке!» А она в ответ: «Ну, ступай с богом!» Сходил; пришел вовремя: еще все спят. Утром встают. Пришли молодых будить. Видят — двое. Потом на другой день поехали к ейной родне, к отцу-матери на отво-

дины. Там тожо пировали, гуляли. Им стали там кровать приготовлять в третьем этаже. Он и говорит: «Я там не лягу! Приготовляйте кровать в нижнем этаже и ближе ко дверям». Ну, что же, так и приготовили. Как уклались все спать, как затихло все и замолкло, он и говорит жене: «Оставайся, жена, а я пойду к Танюшке!» Так каждую ночь все и ходит, и ходит. А до жены и перстом не дотроиет. Из дома все таршит и таршит. Родители заметили это и спрашивают: «Скажи, Машенька, не ходит куды Ванюшка от тебя?» — «Нет, говорит, никуда не ходит Ванюшка от меня! Постоянно все со мною!» — Она не сказывает. Отец и говорит матери: «Вот, мать, нужно его послать за границу! Может, он и отстанет (от Таньки-то)». «Пошли его!» — говорит мать. Он говорит: «Ванюшка! Не съездишь ли ты поторговать за границу? Я тебе нагружу товару карабь». — «Что же! Я, тятенька, поеду!» Вот ему отец нагрузил товару корабь и отпущает его. «Вот, ты свои товары продашь, заграничных накупишь и опеть привези домой!» Вот направили карабь. Он и говорит отцу: «Какой тебе, тятенька, подарочек привезти из-за границы?» — «Привези, говорит, шапку в 50 рублей!» — «А тебе чего привезти, маменька?» — «Привези в 100 рублей шаль!» — «Хорошо, маменька, привезу!» А потом обернулся к жене: «Тебе чего нужно?» — «Мне ничего не нужно: своего всего много. Привези, говорит, ума!» — «Хорошо, привезу!» — «Схожу теперь к Танюшке!» Пришел да и спрашивает: «Какой подарочек привезти, Танюшка? Я уезжаю за границу торговать». Она говорит: «Привези мне в 500 рублей солоп!» — «Хорошо, говорит, привезу! Только мне нельзя передать подарочек. Приходи на пристань такого-то числа!» Вот и поехал за границу. Привалил на пристань карабь. Вот и пошла у него торговля. Такая торговля пошла, что и не рядется! Что спросят — какую цену, ту и дают. Все товары распродал по самой, по самой дорогой цене. Потом опять набрал товаров заграничных по самой дешевой цене. Ну, потом остается ему подарки купить. Ну, сошел в магазин. Купил отцу шапку за 50 рублей, купил матере шаль во 100 рублей, купил Танюшке солоп в 500 рублей, остается еще только жене ума купить. Вот и ходит по городу и думает: «Где ума купить? А без ума домой ехать не смею!» Пришел в один магазин и спрашиваэт: «Что, говорит, господа, нет ли продажного ума? Жена велела ума купить, а съехать

без ума не смею». — «Ох, ты, говорят, дурак! Едешь ты без ума торговать. Есть у нас умы да про себя. А продажных нету!» Закрыл свои глаза да с большим стыдом из магазина вышел. Идет по городу — головушка повешена. Ну, вот, ай попадает ему пьянчужка встречу рваная. «Что ты так, голубчик, задумался? Головушка повешена?» — «Уйди, говорит, что тебе за дело!» Ну, значит, и разошлись. Потом и одумалсе: «Стой!» — говорит. «Этакие, может, и лучше знают, где ума купить!» — «Эй, говорит, друг, воротись-ко!» Тот сейчас вернулсы. «Вот, что, говорит, голубчик! Не знаешь ли, где умы продают? Жена наказывала ума купить, а без ума приехать не смею!» — «Ой, говорит, пойдем со мною! Ума сколько хошь найду!» Вот и привел его в трактир и посадил его на стул. «Вот, говорит, погоди вот тут! Я сейчас тебе ума привезу, только ум дорог — 700 рублей!» — «Семьсот, так семьсот! А без ума приехать не смею». Долго он ходил, а Ванюшка ждет. Наконец пьянчужка являетсы. Вот и несет узелок под мышкой. В рогожке узелок, укутан веревками накрепко. Вот и приносит. Ну, подает и говорит: «Денежки пожалуйте, семьсот рублей!» Тот и отсчитал 700 рублей. Дал этот узелок и говорит: «Не смотри до дома узелок, а то уйдет у тебя ум!» Вот он взял узелок и пошел на карабь. Взошел в казенку, закрыл окна и двери и положил узелок в уголок. И стали отправлятьсе в путь. Вот мало ли, много ли места проехали, вот его и мучит: «За что я 700 рублей отвалил? Чего я домой привезу. Пойду посмотрю!» говорит. Ну, сошел в казенку, затворил накрепко окна и двери и начал узелок распутывать. Вот путал, путал, распутал узелок. А там цетыре вещи лёжат: худые брючишки, рваные-прерваные, да пинжаченка рвань, да шапчонка рваная, худая, да сапоги — оборыши без голенищ, одни коты. «Ну, говорит (хлопнул сам по себе), за что я 700 рублей отвалил? За этакую рвань? Пойду брошу в море». Взял и понес. Только хотел было бросить — да одумалсе. «Нет, говорит, не брошу. Свезу, говорит, домой!» Вернулся да бросил опять в угол. И поехал дальше. Ну, потом и приехал домой. Привалил к пристане корабь. Сошел в казёнку. Ему бы приехать назавтра, а он приехал на сутки раньше. Вот оделсы в это ризьё, обулсе, оделсе, нишшим сдобилсы. «Пойду, говорит, к отцу: они меня не узнают. Послушаю, что они про меня теперь говорят». Приходит к отцу. Помолился у порожка и просит милостыньку

Христа ради. Отец выходит и 30 копеек выносит. «Прими, говорит, нишшенка милостыньку! Помолись за моего сына Ванюшку!» И мать приходит, полтинник дает и говорит: «Помолись за нашего сына Ванюшку!» Жёна выходит, рупь несет. «Вот, говорит, прими нишшенка милостыньку! Помолись за моего милого мужа Ванюшку, чтобы дал ему господь ума да разума!» Вот вышел вон.— «Слава богу, говорит, про меня этта хорошо говорят! А пойду теперь к Танюшке!» Вот к Танюшке пришел. У Танюшки — огонь. Дверь не заперта. Пришел в её хижину. У ей стол роскрыт, как буфет. На столе все разные закуски, выпивки, рюмки. Все на столе. И сидит у ей за столом такой рыжик, так просто ужас! Вот охватываютсе, целуютсе. Обое пьяные. Она говорит: «Вот, милой друг, я пока жива от тебя не отстану!» Хлопнула об стол кулаком. «И от Ваньки тоже не отстану, пока его по́ миру не спушшу!» — «Милостыньки Христа ради!» Она не подошла, прямо кидком кинула три копейки. «Убирайся к черту!» Ну, вот он вышел вон да и перекрестилсе. «Слава тебе, говорит, господи! Не жалко мне 700 рублей: теперь я ума купил!» Вот пришел на корабь. Оделсы, сдобилсы; дожидается свету. Ну, вот как светло стало, она друг и е́дёт на тройке. Дама в шляпке, этакая разодетая. Выходит из повозки Танюшка. Он выходит на платформу. Она встречается с ним. Здоровкаются. Ну, там: «Здравствуй, Танюшка! Все ли по здорову? Все ли благополучно? Как там ты поживаешь?» Она-то ему и заплакала: «Про меня-то ты и не спрашивай! Я о том переплакаласи, перетосковаласи, не пила и не ела! Привез ли ты мне подарочек?» — «Привез, привез, Танюшка! Пойдем в казёнку!» Как вошли в казёнку, так он ее схватил, Танюшку, начал ее всю мять да топтать. Всю ее измял. Волоса все до единой волосинки выдергал. Всю изодрал — всю в кровь. Как мясо кусок, выкинул. Извощики ее не берут. «У нас, говорят, дама ехала! А это что? Мяса кусок!» Стащили, бросили в повозку, потащили. Ну, он домой и пришел к отцу и к матери. Вси его встритили — отец и мать, обрадовались, здоровкаются с ним. Поздоровался с отцом, и с матерью, и с жёной. Там приогляделсы и стал подарочки дарить. Отдает отцу шапку в 50 рублей, «Вот тебе, тятенька, шапка в 50 рублей! Хороша ли?» — «Хороша, говорит, Ванюшка!» Потом матере шаль во 100 рублей. «Вот тебе, матушка, шаль во 100 рублей. Хороша ли?» — «Хороша, Ванюшка!» Солоп

подает жене в 500 рублей «Вот тебе, милая моя жена, и 500 рублей солоп!» Она обрадовалась да и говорит: «Слава тебе, господи! Винно дал ему ты, господи, ума-разума!» Полно с тех пор к Танюшке ногой ходить. По сейчас не бывал.

9. ОТЕЦ ПАХОМ

В одном приходе не было попа. Ну вот собрались миряне попа выбирать. Выбирают из мужиков, а тут пришел мужичок Пахом. Все миряна: «Ну, Пахом, быть тебе попом!» — «Ну что же? Быть так быть!» Ну вот его и выбрали, этого Пахома, попом. Он и говорит: «Ну, миряна! Слушайте, православные! Сегодня суббота, а завтра воскресенье. Приходите, говорит, к службе!» — «Слушаем, батюшко!» Вот и окопилися к обедне миряна. Пришли в церковь. Народу нашло много: надо послушать, как новый поп обедню будет служить. Ну вот и поп пришел в церковь. Вошел в алтарь, надел ризы. Вот и вышел из царских ворот и говорит: «Слушайте, говорит, миряна! За что поп, за то и приход!» Миряна отвечают: «Слушаем, батюшко!» Вот сторож подает ему кадило, угольев много, так кадило и горит. Взял поп кадило и начал махать. Махал, махал, у него уголье каленое выскочило из кадила да прямо в голенищо. Ногам поп пошел стучать. Он топчет, и миряна все топчут ногам. Уголь дальше забираетсе. Ничего ему не сделать, хлоп наземь, ноги кверху и лягает ногам. И все миряна хлопнулись на пол, ноги кверху, и все залягались. Ну, один мужичок вышел из церквы, а другой идет в церковь; ну, и спрашивает его: «Али уж отошла служба?» — «Нет, не отошла! То́панье-то отошло, а теперь — ляга́нье!»

10. БОЛТЛИВАЯ БАБА

Жил мужик с бабой. Такая баба была лепетливая. Ницего не утаит, все расскажет, что у ниф слуцитсы. Она врать не врала, а все правду сказывала. Мужик ходил в лес да нашел клада. «Ну как бабе сказать, баба все расскажет!?» Он вот пошел, дошел до реки, а в реке забран ез, а в езу-то вятерь, а в вятерь-ту попала шшука большая, пребольшая. Он эту шшуку и вынял. Стоят кляпцы (на зайцов), а в кляпцаф-то да заець. Он этого-

то и зайца вынел, да в кляпцы-то посадил шшуку, а зайца-то посадил в вятерь. Вот домой и пришел. Уже сумерецьком. «Ну, говорит, жона, затопляй пецьку да пеки блинов болей». Она и говорит: «А что такое? Зачем не во время пецька вецером топить?» Он говорит: «Нам, мол, сёноци надо идти за деньгами, я, говорит, клада нашел». Сицясь она затопила пецьку и стала блины пець. Она стала пець, а муж сел блины ись и котомку с собой рядом поставил. Он блин съест, а два да три в котомку. Она не видит этого. «Что же ты так разъелсы? Блинов не напець!» — «Дура, ведь денег-то много. Надо поплотнее поись». Вот он поел да в котомку наклал блинов. Вот и пошли за кладом. А идти ноцью. Вот идут ноцью, а он идет впереди ей. Идёт да блины-те из котомки-те вынимает, да по суковью-то вешает по лесу-то. Вот она шла, шла, да и увидела блины-те, да и говорит: «Ой, что же это, хозяин, по суковью все блины-те?!» А он говорит: «Что же ты, дура, разве не видала, это блинная писча выпала!» — «Ой, ой, я, говорит, не видала!» Вот и дошли они, где кляпцы стоят. «Посмотри-ко, говорит, там нет ли цего?» Он посмотрел и выташшил из кляпцов шшуку. Она и говорит: «Ой же хозяин! Как рыба-то в кляпцы попала?» — «Ой, дура, не видала — есть такая рыба, что по суше ходит!» Дошли до реки-то, а вятерь там. Она говорит: «Посмотри, хозяин, нет ли там кого?» — он выташшил вятерь, а в нем заец. — «Ой, говорит, да что же это в вятере-то заец!» — «Ой, дура, разве не видала, есть такие зайцы, что в воде ходят». Вот и дошли до клада. Вот денег наклали по такой котомке, по большушшей; вот и идут. Им надо идти мимо самое село, барской усадьбы. Идут мимо барской двор, а на дворе там козёл зблеял. А она и говорит: «Ой, хозяин, кто это такой?» — «Ой, беги, такая, барина-то черти давят». Она бежит, хрипит, тошно ей. Вот домой и пришли. Она, значит, была раностайка, рано ставала, рано пецьку топила. Тут, как она ноць-то проходила, тут поутру поздно стала, печку затопила. Муж ей говорит: «Смотри, хозяйка, никому не сказывай».— «Ну, где же сказать! никому не скажу!» Вышла на колодезь за водой, и баб тут накопилось много. И говорят ей: «Что это ты, суседушка, такая раностайка, а сегодня так поздно пецька топитси». Она и говорит: «Ночь-ту проходила». — «Куда же ты ходила?» — «Ой, куды, мужанек-от клада нашел». Ну, по всей деревне как телеграмма прошла. Вот сей-

цяс десятьскому, сейцяс сказали старосте, барину. А барин сейцяс призывает ейного мужа. Вот и говорит: «Что, голубчик, нашел клада?» — «Никак нет, ваше благородие. А фто же вам сказал?» — «Жона ваша», говорит. «Призовите и жону, ваше благородие». Сейчас староста пришел и говорит жоне: «Вот вас зовет барин». Баба пришла. Барин и спрашивает у ей: «Что, голубушка, нашла клада?» Она и говорит: «Нашли, нашли, батюшка барин, нашли». — «Ну, говорит, как же вы шли?» — «Шли, говорит, мы все лесом. И по лесу, всё блины». Барин думает про себя: «Как так по лесу блины?» — «А ешшо что?», говорит. «А вот дошли мы, стоят кляпцы, а в кляпцаф-то этакая местишшо шшука». — «А ешшо дальше что?» — «А ешшо дошли мы до реки, забран ез, в езу заложен вятерь, вытащшили, а там в вятере этакое местишшо зайчишшо». Барин глядит, что баба городит. И говорит: «В какое же время вы шли?» — «В самоё, в самоё то время шли, как тебя черти-то давили». — «Вон, такая! (барин ее по шее). Когда меня черти давили? Вон, вон!» Затопал ногами. Мужик и говорит: «Вот, ваше благородие, вот что моя жена говорит. Все врет, а я с ней в век так живу». — «Ну, мужичок, иди с богом домой — неправда!» Так и осталсе при нем клад.

МАРИМЬЯНА ИВАНОВНА МЕДВЕДЕВА

11. МУЖИЦЬКИЙ СЫН ОСВОБОЖДАЕТ ДВУХ КУПЕЧЕСКИХ ДОЧЕРЕЙ ОТ РАЗБОЙНИКОВ

Были у мужицька три сына. Два при отце жили, а третей ходил по цюжой стороне. Ну вот ён через год — через два домой возвратилсы. Ну, отец ему и говорит: «Топерь вы окопились все, я вас и разделю топерь». Ну, вот всем разложил по части и ему часть дает. А он говорит: «Мне не надо, тятенька, доли — ни земли, ни скота!» — говорит. Ён и говорит: «Благослови меня только! Я поеду по цюжой стороне ходить». Ён его благословил и сказал: «Возьми, дитя, сто рублей! Пойдешь только дорогой, в сторону не заходи; пойдешь в город, как исть ни захочешь, не ходи туда, куда станут звать, а иди туда, куда не приглашают». — «Ланно!» Ён и отправилсы в путь-дороженьку. Вот шел ён, много ли мало ли места

шел, видит, два целовека сидят. Цитают деньги двое, а на три грудки раскладывают. Ён подумал, подумал: «Отець не велел заходить в сторону, а я давай зайду, посмотрю, что они делают!» Вот вошел и говорит: «Бог помоць, добрые люди! Что вы тут делаете?» — «А вот, говорит, деньги цитаем!» — «Что же вы, говорит, двое, а деньги кладетё на три грудки?» — «Две грудки нам с братом двоим, а третья на цястливого. Вот ты подошел, ты и цястливой — обирай деньги!» Ну, вот ён обрал третью грудку, — сто рублей в грудке; обрал и отправилсы в путь-дорогу. Вот попошел немножко, цюет, сзади бегут два целовека. «Стой, мужик, говорят, давай деньги!» Ён иф сразу узнал, что они цитали деньги. — «Что вы, говорит, какие у меня деньги? Вы сами мне, говорит, дали!» — «Сказано, что давай!» Сейчас его разболокли, свои деньги взяли и которые отец дал. Вот эти люди отстали от него. Ён встал, пошел своей дорогой. Дошел до города. Идет городом. Видит высокой, хорошой купецецькой дом. На мосту стоит старушка и зовет: «Зайди, милый целовек, покушай хлеба-соли! Отдохнешь и опять поедешь». А ему очень есть захотелось, невтерпеж. «Дай, говорит, зайду! Где еще там покормят, а тут сразу накормят!» Ён и зашел. Старушка его всяциной накормила, напоила. «Отправляйсы, добрый целовек, теперь спать!» Отворила ему двери, его туда и отправила. Она его пихнула и двери заперла. Его одного оставила. Помещенье темное, холодное, пустое, негде поместить. Этот народ, который его догонял и деньги обирал, — сыновья этой старухи. Вот оне и приходят все домой. Отец с одной стороны и оне с другой, с добыцей тоже. Старуха и спрашивает: «Ну, как, говорит, сегодня, хороша ли добыця?» — «Да ницего, говорят, сотенок пяток выборошили сегодня!» А ён там все слышит в этой комнате. Ёна и говорит им: «У меня ешшо заперт один, может быть, и с деньгам!» Вот оне поужинали, чаю напились и спать улеглись. Вот ён цюет, что все уснули крепким сном. Вот ён поглядел — на полу шшит. Вот ён подынул этот шшит и туды опустилсы. Вот ён опустилсы в это подпольё, а там целое подпольё телов мертвых лежит. Вот ён думаэт: «Не в хорошее место зашел! Правду отець говорил не заходить!» Вот эта-то старуха дверей и забыла запереть, когда его пускала. Вот ён цюет, что все уснули. Откутал, откутал двери потихошеньку и откутал. По дому тихошенько да на ципоцьках прошел. Никто и не цю-

ет. Вот и в сини вышел. В сеняф дверей много, к которым не подойдет, все заперты. — «Вот теперь-то я попал! Много дверей, а все заперты! Теперь-то и смерть моя пришла!» Вот ходил, ходил по мосту, искал, искал дверей, наконец нашел — двери не заперты. Вот ён откутал потихошеньку и вышел опять не на улицу, а на белой двор. Этот белой двор обнесен железным большим цястоколом, каждая цястоколина вострая, никак не перелезть туды и не слезть: высоко оцень. Вот ён стоит и думаэт: «Вот топерь-то я попал! Топерь смерть моя будет!» Вот стоял, стоял, слушал, слушал, цюет, песни ль поют, плацют ли. Стоит и слушает. Вот слушал, слушал, расслышал, в которой стороне, и пошел туда, где не то песни поют, не то плацют. Ён расслушивал, расслушивал, подошел к тому месту; видит — шшит подземельной. Вот ён потрыл этот шшит, — там глубокой, глубокой ров, лесенка. Он по лесенке и полез туды. Вот пролез эту лестницу и видит, — построена там комнатка небольшая и двери небольшие. Вот он откутал двери. Комнатка освещена небольшим светом, небольшая лампатоцька горит. Вот в этой комнатке сидят две девици и до того плацют, ужасно как плацют. Вот увидели его, ужахнулись. «Как ты, доброй молодець, попал сюда?» Вот ён и рассказал — так, мол, и так. Ён их и спросил: «А вы как, красавицы, попали сюды?» Оне и стали рассказывать. «Мы — доцери богатыф купцёв, а этот купець нас и унес в ноцьное время. Вот этот купець занимается разбоем, разбойницяют. Никто про ниф и не знает, что они занимаются этаким разбоем». Вот онна и говорит девица: «По мне завтра будут сороцины: отець не знает, где я! Вот скоро шесть недель, как я здесь. Так ты не можешь ли, доброй целовек, отсюда как выйти? Как в колокол ударят, так в церковь и войди! Про меня в этой церквы будет отець служить сорочину». — «Так, как я отсюдова выйду? Таким цястоколом вострым обнесён двор, я и не знаю, как выйти». Она дала ему большую трубу полотна. «Вот возьми, говорит, вот это полотно! Не можешь ли как за один конець кинуть эту трубу, чтобы по полотну влезти?» Вот он взял этот конець и стал прикидывать туды кверху. Раз не один принималсе кидать, никак не мог докинутьсы. Вот потом уж все силы скопил и перекинул церез все цястоколины конець одним краем, а другой край у него у руках. Вот ён потянул, видит, что одним концом зацепил и стал перебиратьсе. Вот лез,

лез, кое-как и скрепалсa и влез на цястокол по этому полотну. Вот опеть прицепил концом полотна и перекинул и стал спускатьсе. И спустилсы. А эта девица ему показала: «Как позвонят в колокол, ты и иди в церковь и жди, дока служба отойдет, а там подойди к отцю и расскажи про нас обеиф!» Вот ён спустилсы на пол кое-как. Поманил ма́ленько. Ударили впёрвое в колокол, он сичас в церковь и пошел. По этим девушкам был сороковой день. Отець той девушки, которая ему наказывала, служил сороковую. Вот ён в эту церковь сошел и стоял, дока служба не отошла. Вот служба отошла. Купець выходит из церкви и приглашает купцов и бояр и всеф к себе, всеф приглашает и нишшиф и богатыф. Вот и этого бенного целовека пригласил. «Милости просим к нам на сороцину!» говорит. Вот все гости скопилисы, со всего города созвал и бояр, и богатыф, и всеф. Всякой всяцины приготовил. Вот эта девушка, думает купец, и потерялась, сорочины по ней и стал делать. И купця этого с сыновьями тоже созвал: никто не знал, что он разбойник. Вот сороцины, пожалуй, уж на отходе. Угостил всех гостей хорошо — всеф бенныф и богатыф. Ну, вот гости сидят, говорят: «Теперець-ка кто бы сказоцьку или былицьку рассказал!» А этот и выходит мужицёк, который у этиф был девушек. «Вот я про себя расскажу былицьку!» — «Рассказывай, рассказывай!» — «Чтоб никому не прерывать — фто прервет, тот сто рублей, а если фто во второй раз — триста рублей!» Ну вот ён и нацял рассказывать. «У нашего отца было три сына. Два брата дома жили, а я на стороне ходил. Потом я воротилсы домой. Отець нас вздумал разделить. Всем сыновьям дал долю и мне давал, да я не́ взял, только взял сто рублей и отправилсе опять путешествовать. Мне, говорит, отец наказывает: «Пойдешь дорогой, в сторону не заглядывай! Пойдешь в город, станут звать куды, туды не ходи, а куды не зовут — иди!» Ну, я и отправилсы. Иду дорогой, а два целовека сидят, цитают деньги. Сидят двое, а кладут на три грудки. Вот как это он сказал, а кто сидели, и вскрицяли: «Гоните его, бродягу! Все он врет!» А ён и говорит: «Вот слышите, господа, ён перебил!» — «Да перебил. Давай сто рублей!» Сто рублей и отдали мужицьку. Ну потом ён опять стал рассказывать. «Я и говорю: «Что вы сидите двое, а на три грудки раскладываете?» А они и говорят: «Третья грудка

на цястливого». Оне и отвечают: «Вот ты цястливый, подошел — так обирай деньги!» Я, говорит, взял эту грудку. В грудке сто рублей. Положил в карман и отправилсе. Гляжу — немножко попошел, меня два целовека и догоняют, эти же самые опять. «Стой, говорят, мужик! Давай деньги!» — «Какие вам деньги? Вы сами мне, говорит, дали!» — «Мало что дали! Давай!» Меня разболокли. Свои деньги взяли и мои». А оне слушают да опять и перебили: «Вырядите его, бродягу — он все врет!» Уж господам любопытно, хочется дослушать сказку. «Господа, они меня опять перебили!» Ну, господа и сдернули с ниф триста рублей. Вот он опять стал рассказывать. «Вот я вошел в город. Стоит большой дом купецецькой. На крыльце стоит старушка, клицет мне: «Зайди, добрый целовек, хлеба-соли покушать и ноцюешь!» Вот я подумал, подумал,— отец говорил: «Не ходи, где станут звать!» А мне исть захотелось; денег нет ни копейки, я и зашел. Она, говорит, меня — лучше и нельзя — напоила, говорит, и накормила. Потом свела меня в такую комнату, и темно и сыро, и послать-то нечего и в голову нечего положить. Повецеру приходят сыновья ее с добыцей и муж. (А они сидят и слушают: перебить боле не смеют). Вот старуха и спрашивает: «Ну, какая сегодня добыця?» — «Ничего, сотенок пяток выруцили!» Они си́ли, отужинали и спать легли. Я шарил да шарил, чего в этой комнате есть, нашарил шщиток и подполье; в подполье накладено целый ворох мертвых тел. Эта-то старуха им за ужином сказала: «У меня ешшо один есть, заперт, может быть, и с деньгам. Оне тут и сказали: «Топерь не станем колоть, с у́тра уж! Заперт, так покуда никуды не уйдет!» Вот они все полегли, уснули, цюю, крепким сном заснули. Дверей-то старуха и забыла запереть. (А купец с сыновьям сидят и слушают. «Вот мы попали в какой грех!»). Вот я потихошеньку-потихошеньку, откута́л, да откута́л и отку́тал. По́ дому тихошенько прошел, нифто и не слыхал. До дверей дошел, потихошеньку отку́тал, нифто тоже не слыхал. В сени вышел. В сеняф много дверей нашел; все двери за́перты. Вот и думаю. «Вот топерь я попал! Мне и смерть топерь будет!» Вот ходил, ходил,— нашел двери, онне не заперты. Двери не на улицу, а на белой двор. Вот я вышел на белой двор и вижу — вокруг двора обнесен железный цястокол, такой высокой, что никак не возможно и

выйти; каждая цястоколина завострена востро. Вот я слышу, не то плацют, не то песни поют. (Те сидят и догадываются, сичас дело дойдет до ниф). Вот я слушал, слушал, в которой стороне, туды и отправилсе. Дохожу, вижу — шшит на земле. Я этот шшит поднял, а туда лестница. Я опущалсе, опущалсе, лестница долгая, опустился до этой лестницы и ощупал двери. Откутал и вышел в комнату. В комнате в этой горит небольшая лампочка и сидят две девицы. Сидят, до того плацют, больно слёзно. Вот и спрашивают меня: «Как ты, доброй молодец, сюды попал?» Я им все рассказал. Иф спросил: «А вы как попали сюда?» Вот онна девица и отвецяет: «Я богатого купця доць!» «И я тоже богатого купца доць!» (И другой девицы отець здесь сидит). Вот онна и говорит: «У моего батюшки завтрашний день будут сорочины!» (И потому купець маленько догадалсы, у которого сорочины; со вниманьем все слушают). Ты, говорит, доброй человек, не можешь ли как отсюда выйти, как в первой колокол ударят?» А я и говорю: «Как же я выйду? Железным цястоколом обнесён двор, мне и не выйти!» Вот онна девушка дала мне конець полотна. «Возьми этот конець, не можешь ли как его кинуть церез ограду?» Вот я взял этот конець полотна и стал кидать. Кидал, кидал,— не докинул. Наконец все силы скопил и закинул конець за цястоколину. Потом я и полез по полотну. (А этот купець и сыновья все слушают). Мне, говорит, девушка рассказала, на какой улице, под каким номером дом у купця. Вот я кое-как слез. По другую сторону перекинул конець и стал спускатьсе. Спуститьсе-то попрошше было, чем поднятьсе! (Этому купцу тошноту догоняет, а этим купцям, у которыф девицы — радость). Вот я, говорит, как наказывала мне девиця, как в первой колокол ударят, так иди в церковь. Вот всю службу и стоял в церквы. Служба отошла. Этот вот купець стал приглашать на сорочины и меня пригласил. Вот я пришел. Заставили меня сказку рассказать, вот я и рассказал». Вот этот купець и говорит: «Вы мою дочь видели?» — «Стáло быть!» И другой купець говорит: «И у меня была доцька. И мою видели?» — «Стáло быть!» — «Веди нас к дому!» Никого из дому не упустили. Все гости и пошли смотреть, куды он поведет. Никого не пустили вперед. Вот ён прямо к этому дому и привел. А у него такая застава, ни у кого такой

заставы нет в городе, такого цястокола. Вот этого купца сразу и поймали. «У тебя украдена наша доць?!» Вот велели в то подполье сводить. Там мертвые тела лёжат. Велели их оттуды вытащить. Вот они оттуды и натаскали,— видимо-невидимо набито народа: женщин и мужчин. «Веди в это белой двор!» Купцю деватьсе некуды, надо весь. Приводит к тому самому шшитку, открывает шшиток. И туды слезли. Вывели оттуда этиф девушек на белой двор. Эти отци и матери этиф девушек обрадовались и плакали. Считали иф за умерших, а они живы. Этого купця с сыновьям вывели на фублику и сейчас на виселицу при всем народе. «Ну, а тебе цьто, мужицёк? Что желаешь, то дадим! Ты довел нас до этого». Ён говорит: «Ницего мне не надо, напойте и накормите меня до смерти!» — Ну, так ён от купця к другому только знал, что переходил. Уж и не знали, как только его накормить! До смерти ён и прожил у ниф!

12. ИВАН ЦАРЕВИЧ И БУРЗАЧИЛО ПОГАНОЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Помер он. Остался у его молодой, малолетний сын. Несколько времени пожили с матерью. Потом пишет из инных земель Бурзачило поганое (тоже государь), чтобы выступали воевать против него. Вот эта государыня задумалась: «Как я теперь буду? Сын ешшо в малых летах». Призывает своего сына: «Что мы теперь делать будем?» Ён был малолетней, а этакея сила была у него богатырьская. «Надо, маминька, чего-нибудь думать! Надо коня искать и ехать!» Много было лошадей у их, но на которую сядет, все падёт. Если палец положит, и то падёт. Вот идет по городу, задумалсы, не знает, что сделать. Попадает ему старуха настречу. Эта старуха видит, что Иван Царевиць пецяльной, ёна и спрашивает: «О цем, Иван Царевиць, задумалсе?» Он и говорит: «Эх, старая ведьма, где же тебе про царьскую думу знать!» Вот несколько места поотошел, да одумалсе: «Эх, напрасно я так сказал старухе-то!» Вот и воротилсы к ей. «Постой-ко, бабушка», говорит. Эта старуха остановилась. «Вот, бабушка, о чем я задумалсе: надо ехать воевать, а я не могу коня найти по своёй силе!» Эта старуха и говорит: «Ох, Иван Царевиць, о каких пустяках сумлеваетесь! Выйди

в зеленый сад да крикни по-молодецки, да свистни по-богатырски, тебе и подаст голос конь. Ешшо вашего дедушка, в земляной конюшне стоит, но колено уж у его земли съидено там». Вот ён приходит домой и рассказал своей матере, что ему говорила старуха. Мать и говорит: «Ну, дитя, слава богу, что сказала старуха! Пойди с богом!» Ён вышел в зеленый сад, крикнул по-молодецки, свистнул по-богатырски, конь услышал его голос и подал свой голос. Ён услышал, в какой стороне конь загорготал. Иван Царевиць дошел и видит — шшит в землю; этот шшит открыл и туды спустилсы немножко по лестнице. Этот конь на двенадцати цепяф железныф привязан и так тошно, как старуха говорила, по колено съедено земли. Вот ён увидел этого богатыря, все двенадцать цепей сорвал. Этот Иван Царевиць вывел его из этой конюшни. «Ну, говорит, добрый конь, послужи так мне, как служил дедушку!» Ён и сговорил целовеческим голосом: «Ну, Иван Царевиць, я очень истошшал; спусти меня погулять на семеро сутки в зелёные луга и на шелковые травы! А ты в то время на меня золотое седло изладь!» Вот этот Иван Царевиць спустил коня на семеро сутки в зелёные луга и на шелковые травы. Седло и стали на его работать сто мастеров. Вот сделают седло либо мало, либо велико. Несколько, несколько седел переделали, ни одно седло не поладитсы на этого коня. Пошел по городу, задумалсы. Попадает настречу та же старуха. «О цём, Иван Царевиць, говорит, задумалсы?» — «Да вот, бабушка, говорит, коня нашел, да седла не приладить! Либо мало сделают, а нет, дак велико!» — «Не пецяльсы, Иван Царевиць. В какой конюшне коня брал, пойди, там на левой руке в углу и седло висит, все мохом обросло. Ты возьми и вызолоти! Аккурат подойдет и ланно будёт». Ён сошел к конюшне, как старуха говорила, дак сейчас и нашел седло. Взял это седло — оно и правда все мохом обросло. Вот ён нанял мастеров, вызолотили ему. Прошли семеро сутки, и ён вышел в чистые поля, в зеленые луга, свистнул по-молодецьки, крикнул по-богатырьски, конь бежит, дак земля дрожит. Привел этого коня домой, надел на его седло, а седло с его, дак и поладилось на его. Вот приходит ко своёй матере. «Ну, маминька, я отправляюсь воевать!» Оболоксы, как следует, по-богатырьски. «Мне не надо войско, я один попробую, перво съезжу!» Вот дал знать

этому поганому Бурзачилу, а у него сила выставлена видимо-невидимо. Ну, топерь приезжает в эту самую рать. Въезжает и начал помахивать во все цетыре стороны.Не столько сам топчет, сколько конь топчет копытам. Вот всю эту рать перебил до единого и самого царя этого Бурзачила в плен взял. Вот его тоже хотел убить, а ён и взмолилсы: «Иван Царевиць, не бей меня, а лутше привяжи к стремену своего седла и отвези в свое царьство, посади меня в темницу и давай скудную пишшу, только не бей!» Вот ён так сделал; привязал к своему седлу и отвез в свое царьство. Вот эта мать-государыня обрадовалась, что этакой молодой сын все хорошо обделал, самого царя в плен привез. Стретили его с цестью. Вот этот Иван Царевиць посадил его в темницу, и стали служанки носить ему пишшу. Много ли, мало ли время сидел ён в темнице, всё служанки носили ему пишшу. Вот потом снесли в один день, а он и не принял от иф. «Пушшай сама государыня принесет!», говорит. Вот этой государыне не хотелось идти. Подумала, подумала и говорит: «Что же можно мне снесть самой!» Вот и понесла ему пишшу сама. Пришла в темницу, а ён здохнул, Бурзачило поганое, а она в его и влюбилась. Вот и стала об ём думать каждой день. Кажний день и стала носить пишшу, которую ему лутше изладить. Много ли, мало ли время носила она ему пишшу, все-таки сына опасаласе маленько: ён не знал, что она носила ему пишшу туда. Потом стала замышлять с Бурзачилом поганым, чтобы убить сына своего. Вот и стали толковать с Бурзачилом, какое средство найти, чтобы убить его. А этот Бурзачило — страшной колдун, все везде знал. И говорит государыне: «Придайтесь больние вы, государыня! В такой-то стране есть змей трехглавой. Призови своего сына и скажи ему, что вот мне снилось, что будто бы ты, Иван Царевиць, убил этого змея и достал из его легкие печени, я этим печеням помазалась и будто бы с того мне легче село». Вот Иван Царевиць: «Рад стараться, говорит, маминька, для вас!» Вот и пошел к своему коню. Вышел в чистые поля, в зеленые луга, вот свистнул по-молодецьки, крикнул по-богатырьски,— конь бежит, земля дрожит. «Что, Иван Царевиць, угонно?» — говорит. Он рассказал: «Вот, добрый конь, так и так! Маминька в такую-то сторону посылает». Конь-то ему и сказал, что она влюбилась в Бурзачило. «Вот, говорит,

Иван Царевиць, надевай на себя трое латы цюгунные! Все-таки, благославит — не благословит вас мать, а сходите, чтобы вас благословила». Ён и пришел к своей матере. «Маминька, благословите меня в путь-дороженьку!» А ёна и говорит: «Вот ешшо, какое тут тебе благословенье! Поезжай, знай!» Вот ён приходит к коню и отправились в путь-дорожёньку. Вот этот конь бежит, земля дрожит, горы и долы перескакиваёт, реки и озера хвостом покрывал. «Вот, Иван Царевиць, говорит, мы ешшо трех верст не доедем, а огнем начнет палить». Так верно и село. Трех верст не доехали, и начало жечь огнем. Вёрсту переехали, а латы одни с Ивана Царевиця уже стекли, сожгло огнем. Потом другую вёрсту переехали, другие латы стекли. Вот этот конь и говорит Ивану Царевицю: «У меня в гриве есть золотая волосинка. Ты гляди на эту волосинку, она корчитсы, корчитсы, а ты маши на левую руку мецём». Вот и остатьнюю вёрсту едут, остатьные латы тают, а он пристально в гриву глядит на эту волосинку. Вот она корчилась, корчилась, спрыгнула. Он махнул на эту руку — все три эти головы и смахнул сразу. Подошел к этому чудовишшу, вынул легкие пецени. Конь ему сказал, что нарочно эта матка послала его на смерть. Ён вынял легкие печени, на коня и домой. Приезжает во своё царьство. Вот этот Иван Царевиць первое зашел в темницу к Бурзачилу. «Видно, ты, говорит, Бурзачило, смеешься надо мной?» А ён и говорит: «Что ты, Иван Царевиць, не ты бы говорил, не я бы слушал». Ну ён из темницы и к матере своёй отправилсе. Матере не очень было любо, что ён живой воротилсы. «Извольте, матушка, я привез вам, цего вы желали!» Ёна, конечно, как здоровая, взяла выкинула в нужник. Сама опять к этому Бурзачилу в темницу и пошла. Приходит. «Живой, говорит, приехал Иван Царевиць! Цего бы с ним сделать?» — «Пошли его сицяс же! В такой-то стороне есть змей о семи головах, оттуды, я знаю, ему живому не приехать!» Вот Иван Царевиць приехал. Коня спустил в зеленые луга, а сам не успел ешшо откушать, а служанки опеть бегут за им. И говорят: «Иван Царевиць, маминька помирает, вас зовет туда к себе!» Ён знает, что она нарочно, но что станешь делать! Не хотелось идти, а надо. Пошел к своёй матере. Приходит. «Что вам, маминька, угонно?», говорит. Она на его сбраннила, всяко его стала

ругать и говорит: «Вот, разбойник, пьешь да гуляешь, а мать умирает!» — «Мне, говорит, и поесть ешшо не пришлось! Что вам угонно, маминька?» — «Да вот поезжай в такую-то землю, есть там змей о семи головах. Мне снилось, будто бы ты убил этого змея и привез легкие печени, я бы помазалась и будто бы мне легче село от этого лекарства».— «Рад стараться, говорит, маминька, за вас, только благословите, маминька», говорит. «Ну, вот тут тебе ешшо благословленье! Поезжай, знай!» Он вышел опеть к своему коню и обсказывает. Конь и говорит: «Ну, Иван Царевиць, надевай на меня шестеро латы железные и на себя железные! Шесть верст не доедем, а огнем начнет палить». Вот ён так и сделал, как ему конь говорил. Вот и отправились опять в путь-дороженьку. Шести верст ешшо не доехали, а огнем начало уже палить. Как версту проехали, одни латы стаяли. Как все эти пять верст проехали, стаяли все латы. Как доехали, конь и говорит: «Смотри на волосинку! Корчитсы, корчитсы, а как спрыгнет, ты маши на правую руку!» Вот ён так и сделал: махнул на правую руку — все шесть голов и смахнул. Вынел опеть эти легкие печени и отправился взад. Приезжают. Оне не думали, что ён живой воротитсе, а ён и приезжает. Приехал в свое царьство и опять зашел в темницу и говорит: «Верно ты, Бурзачило, смеешься надо мною?!» Ён и говорит: «Ах, Иван Царевиць, не ты бы говорил, не я бы слушал!» Приходит к своёй матере, дает ей опять эти печени. Ну, опеть таким же образом выкинула эти печени. Ён опеть спустил коня в зеленые луга. Только сам сел кушать, не поспел ешшо кончить обеда, за ним опеть куфарки бегут. Ей опеть сказал Бурзачило: «Пошли в такую-то сторону, там есть змей о девяти головаф. Тому уже живому не уехать!» Вот куфарки за им побежали: «Иван Царевиць, маминька помирает!» Не горазно любо ему, а все-таки надо мать послушать. Отправилсы к ей. Она лежит, охает такую беду, а сама хоть бы что. Опеть нацяла его бранить: «Пес, разбойник, все пьешь да гуляешь, а не знаешь, что маминька помирает!» Ну ён ей и говорит: «Что вам, маминька, ешшо угонно?» — «Да вот в такой-то стороне есть змей о девяти головаф. Вот мне снилось, что если бы ты съездил и привез легкие печени, я бы помазала, то здорова бы была». Ён и говорит: «Рад бы, маминька, старатьсы, да благословите, говорит, ме-

ня!» А в те разы, как мать не благословит, ён пойдет к хресной матере, та и благословит. Так и в этот раз пошел к ней, она и благословила. Ён опеть вышел в цистые поля и крикнул своего добра коня. Вот конь прибежал. Ён опять ему обсказал, какую службу ему задали. Ён ему и говорит: «Надевай железны латы на себя, девять орлаты железные на себя и на меня, потому что девять верст не доедем — огнем начнет палить!» Вот ён так и сделал, на себя девять надел и на коня. Вот и отправились в путь-дорожёньку. Вот этот доброй конь бежит, земля дрожит, горы и долы перескакивал, реки и озера хвостом покрывал. Вот ешшо девяти верст не доехали, а огнем уже начало жечь. Что версту переедут, то латы стают. Так восемь верст переехали, восьмеро латы сгорили. Вот этот конь и говорит опеть: «Смотри на эту же золотую волосинку! Корчитсы, корчитсы, а как спрыгнет, так и маши на левую руку. Вот ён все глядел на эту волосинку. Корчилась, корчилась, спрыгнула,— он левой рукой все девять голов и смахнул. А эта царица, как ён уедет, к этому Бурзачилу в темницу да с ним и любезничает. Вот и сошла к ему и разговаривает: «Теперь не воротитсы живой!» Вот как ён смахнул эти девять голов, а этот змей махнул хоботом да его из седла и вышиб, Ивана Царевича. Вот как вышиб его из седла, а ён несколько дней, несколько ноцей не спал, как вышиб змей, так и заснул сном богатырским. А это чудо и издохло на Иване Царевиче. Вот этот конь постоял, постоял, подождал (?) и думает, что его до смерти убило. Не онни сутки стоял ён, все тосковал по своем всаднике. Конь и побежал во своё царьство один, Иван Царевич спать осталсы. Вот и проспал девять дней и девять ноцей. А этот конь прибежал в царьство, а мать обрадовалась: «Винно, ожжег моего сына этот змей!» Бурзачило поганое вышел из темницы. Она привела во дворець, так как боятьсы уже нецего было. Нацяли пить и веселиться. А коню не село никакого поцёта, спустили в зеленые луга и гуляет. А Иван Царевиць проспалсы на девятые сутки, увидел, что на ем это цюдишшо лежит. «Ах ты, поганое мясо, куда завалил свой хобот!» Сбросил это цюдишшо. Видит, что коня нету, закручинилсы, не знает, что делать, не знает, куда идти. Погоревал, покручинилсы и поплакал: не знает, в какую сторону и идти. Вот и пошел, куды глаза глядят. «Куды-нибудь да выйду!», говорит.

Шел много ли, мало ли места, дошел до маленькой избушки, в лесу одна избушка стоит. В этой избушке сидит старой-старой старик слепой. Вот его сразу и узнал, не видит, а узнал. «Здравствуй, Иван Царевиць!», говорит. «Здравствуй, дедушка!», говорит. «Далеко ли вас бог понес, Иван Царевиць?» Ён ему все подробно рассказал, из какого царьства, по каким делам. «Ну, Иван Царевич, я, говорит, вашего батюшка знал прежде!» А Иван Царевич и спрашивает: «Что это у тебя глаза-то диким мясом заросли?» — «Да вот в онной битве поранили меня, вот эдакое мясо и наросло на глазаф».— «Не можешь ли меня, дедушко, в какое-нибудь жилье свесь?» — «И рад бы стараться, Иван Царевич, да не могу! Подвяжите мне чем-нибудь это мясо дикое, тогда можно!» Вот ён взял снял ремень с себя, подвязал ему глаза. Вот и отправились. Этот старицёк впереди идет, а Иван Царевич сзади. Вот шли, шли лесом, много места шли, вышли на чистую поляну и увидели преогромное царьство.— «Вот, Иван Царевич, говорит, недалёко царьство!» — «Ну, теперь, дедушко, я и сам дойду! Спасибо! Воротись взадь». Вот дал ему несколько денег, что он довел его до жилья, и распростились с этим старичком. Ремень отстал. Хотел взять его, а старичок и стал упрашивать: «Оставь мне ремень, Иван Царевич, мне не зойти взадь будет!» — «Ну, дедушко, пушшай тебе ремень!» А сам и отправилсы в это царьство. Приходит в царьство и проситсы ноцевать. А этот царь и говорит служанкам: «Спросите, розгадает ли он сны? Ешли он розгадает моим трем дочерям сны, то пушшай ночует и берет любую дочь замуж, а нет, — то голова долой!» Вот этот Иван Царевиць задумалсы. «Кто знает, что им приснитсы? Как розгадать?» Подумал, подумал: «Идти — куды я пойду? Все равно смерть!» Взялсы эти сны розгадать. И сказал куфаркам, что «розгадаю эти сны». Вот его там отвели на ноцьлег. Ён спросил, где у царьских доцерей спальня, и отправилсы в эту спальню. И стал следить, всю ноцьку не спит. Эти доцери полежали недолго с вецера. Потом стали вымылись. Сходили в кладовую и помазались — оператели; потом из другого пузырька взяли — окрылатили. Оне не поспели выйти из своей спальни, он не будь плох, увидел, куды оне ставили эти баночки, тоже помазалсы и тоже оперател и ок-

рылател. Вот оне и политили эти царьские доцери, полятили — и ён за им сзади. Но те старшие были попрошше, а третья похитряе была. Говорит сестрам-то: «Что это, сестрицы, у нас сегодня шумно и гулко?» А те и говорят: «Ох, сестрица, наверно, сегодни посытяе понаились и побашше снарядились, оттого, винно, так». Вот и лятят опеть. Вот долятают до яблони. Сили на яблоню. Эта опеть и говорит, младшая сестра: «Что это у нас сегодни яблонь согнулись и вершина в землю воткнулась?» А оне опеть и говорят: «Ох, сестрица, сегодни, видно, посытяе наились и побашше снарядились, — от того, винно, так». Долятают опеть до царства не близко было — далёко. Прилятают, а в цярьстве было три сына: вот к ним и летели, а своему отцу говорили, что им снилосе. Вот прилятели в это царьство ко своим любовникам и начали с им беседовать. Попировали, побеседовали, кольца свои именные на место положили, сами ушли по разным местам; а ён, этот Иван Царевич, подкралсы и эти перстни у ниф и унес. Им уж время домой лететь, схватились, и перстнёв нету — ни теф, ни другиф. На кого думать, не знали. Вот опеть и полетели во свое царьство, и этот Иван Царевич взади за им. Вот и долетают до своего царьства и в ту же самую кладовую опеть; и помазались из того же самого пузырька — крылья отвалились, из другого помазались — пéрьё отвалилось. Ушли во свою спальню. Ён тоже подглядел, помазалси тоже. Вот ён и слышит, они и говорят: «Вот сестрицы, где ему знать, что нам приснилось?» А он и цюёт. По утру встают, отцу и сказывают: «Вот, тятенька, так и так, летали в такое-то царьство, сидели с царским сыновьям!» А царь, конечно, думал, как это они могли слетать, так и думал, что это им снилось. Тогды государь посылает служанок за Иваном Царевичем. Приходит Иван Царевич. — «Ну, говорит, розгáдывай, что моим дочерям снилось в эту ноць?» Вот ён и начал рассказывать, как дело было, как перьё садилось, как мазались и как лятели сюды и как младшая дочь говорила. Государь не верит ему, и эти отпираются. «Где же это могло быть? Вот ежли бы как-нибушные знаки были!» Ён вынимает эти шесть перстней и показывает государю (перстни эти были все именные). Государь поглядел эти перстни, видит, чьи перстни. Вот сицесь этого Ивана Царевича и говорит: «Ну, коли ты розгадал сны, бери любую дочь замуж и награжу тебя

полцярьства!» Вот ён подумал, подумал и эту младшую дочь и стал брать замуж: она была красавица. Государь полцарства ему и наградил. Пожил там ён год, два ли, три ли, и понесла его жёна и родила двоиф сыновей — такиф же богатырей, как и отец. А он все думает, что надо во свое цярьство попасть ему. Из царства в царство все же знают дорогу. И отправилси он домой с жёно́й и детям, на многиф подводах повезли с им имения. Приезжают во свое царство, а эта мать с поганым Бурзачилом и живут во дворце все равно, что муж с женой. Вот и увидели, что Иван Царевич домой приехал, оба оне испугались. Вот Иван Царевич сицясь взял этого Бурзацила поганого на виселицу, сицясь его тут и повесили. Не очень была мила и мать, а все же матери ницего не сделал. Стритила со слезам и стала просить прошшенья у его за все грехи, что она ему нагрубила. Когды Иван Царевич приехал, конь прибежал и обрадовалсы. Иван Царевич его приласкал, и стал ён у его жить. Вот и стал жить со своей молодой женой и со своим сыновьям в своем царстве. Эти сыновья стали рось и сели такие же богатыри, как отец. Жили в мире и согласьи. Все их почитали. Много ли, мало ли старая государыня пожила и померла. Стали Иван Царевич жить с молодой женой и добра наживать.

13. ДУРЕНЬ НЕНИЛО И ЖЕНА ЕГО НЕНИЛУШКА

Был муж да жена. Жена-то умная, а муж-то не совсем. Ходил он на роботу или куда там. Видит, в поле мужик рожь сеет. Вот ён и говорит: «Сиять бы тебе не пересиять, ничего бы у тебя не выросло». Вот этот мужик трепал, трёпал, до полусмерти его истрепал. Приходит он домой и плацет: «Ненила, Ненилушка, все мое несцястьюшко!» Она говорит: «Что же?» — «Я в поле иду и увидал мужика, и говорю: сиять бы тебе да сиять, в век тебе не пересиять». Она и говорит: «Дурак ты, дурак, ты бы говорил: возить бы тебе не перевозить, носить бы тебе не переносить».— «Пойду, хозяйка, скажу», говорит. Идет, а покойника везут. Ён и крикнул: «Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!» Опеть его истрепали. Ён опеть домой идет, заплакал: «Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду, говорит, покойника несут, а я говорю: «Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!» Она и говорит: «Дурак ты, дурак! Ты бы гово-

рил: вечная память!» — «Пойду, говорит, хозяйка, скажу». Идёт, а свадьба идет, а он и кричит: «Вечная память!» Ну вот его опеть истрепали всего. Он опеть пришел к жене и плацет. Она говорит: «Ты бы плясал и веселился, тебе бы пирог выкинули». Он говорит: «Пойду, попляшу». Идет, а у мужика овин горит, а он давай плясать и веселитьсе. Его опять мужик истрепал: мужику горе, а он пляшет. Он приходит домой и плацет, и жалуетсе жене: «Иду, жена, вижу у мужика, овин горит, а я и заплясал». Она и говорит: «Дурак ты, дурак! Ты бы ведро схватил и заливал!» — «Ну, пойду, хозяйка, залью». Идет, а мужик свинью палит. Ён схватил ведро и залил всю. Ён опеть мужик схватил его, истрепал. А ён опеть заплакал, пошел домой и стал жене жалиться: «Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду я, иду, вижу мужик борова палит, я взял у него и залил». Она и говорит: «Дурак ты, дурак, ты бы говорил, что репа — мясо!» — «Пойду, хозяйка, скажу». Ну вот пошел, идет по задворкам, а мужик в нужном месте и сидит, а он и говорит: «Что репа — мясо, мужичок!» Тот его опеть схватил, трепал, трепал, всего истрепал. Идет к жене и жалится. «О чем ты плачешь?» — «Иду я, вижу, мужик в нужном месте сидит, а я и говорю: «Репа — мясо!» — «Дурак ты, дурак, ты бы говорил: цёрная гадина, с дороги долой!» — «Ну пойду, хозяйка, скажу». Идет, а священник на поле скотину обходит. Ён и говорит: «Цёрная гадина — с дороги прочь!» Они его схватили, трепали, трепали, чуть живого оставили. Ён идет опеть домой, плачет, хозяйке жалится: «Иду, говорит, священник скотину обходит, а я говорю: «Цёрная гадина с дороги долой!» — «Ты бы, дурак, сказал: «Батюшка, благословите мене!» — «Ну, пойду, хозяйка, скажу». Вот идет, а медведь навстречу попадает. Вот ён подходит к медведю, руки сложил и говорит: «Батюшка, благословите меня!» Ён лапам затипал его, а чашу его с плеч и своротил долой. Тут и жизнь кончилась и сказка кончилась.

14. ПОП И ЦЫГАН

Вот пришел цыган к попу, наймуется сено косить. «Найми меня, батько, сена косить! Я мастёр, говорит, косить!» — «Наймись, говорит, цыган, у меня большая пожня есть! У меня за два рубли косят пожню», батько говорит. «Ну, давай теперь, батько, мне пишшу, давай,

говорит, хлеба, мяса, масла! Далеко мне, мол, ходить, а я буду там на пожне». Поп наклал ему хлеба, наклал ему пирогов, наклал ему свинины, масла, муки на кашу. Ну, вот он ему наклал котомку большую, так едва попёр цыган. Вот привел поп цыгана на пожню. «Вот, говорит, цыган, моя пожня!» — «Эй, батько! Я эту пожню быстро смахну! Ну вот, отправляйся теперь, поп, домой, а тебе, говорит, буду косить!» Поп ушел. Цыган сделал себе шалашок, расклал огонек, вот и начал там варить мясо, кашу, там варит цыган. Наварил, наелсы, напилсы и лег спать. Вот спал, спал, спал, пока исть захотелось. Начал опять варить. Наварил, наелсы и опять спать. Вот пока он это все не поел, увидел, что ему теперь жить незачем, пошел к попу росчёт просить. «Батько, давай, говорит, росчёт! Я пожню смахнул всю!» — «Ну что ж». Поп отдал два рубли ряженому. Цыган и говорит: «Батько, давай прибавку!» говорит. «Пожня большая, меня, говорит, замуцила!» — «Нет, говорит, цыган, не прибавлю: и так дорого дал!» — «Так не дашь, говорит, батько?» — «Не дам!» говорит. «Не дашь, говорит, прибавки?» — «Не дам!» говорит. «Ну, когда же ты не даешь мне прибавку, так встань трава по-старому!» И стукнул об стол. Так и ушел. Поп приходит на пожню — ни единая травка не сжата. «Надо бы дать прибавку!» А трава-то так и была не скошена.

15. КАК СОЛДАТ БЫЛИЦЫ РАССКАЗЫВАЛ

Шел солдат из службы, зашел к мужицьку ноцевать. «Если знаешь какую былицьку, ноцюй, а не знаешь, дак и не оставайсы, иди с богом». Он ницего не знает, а взялсы. «Расскажу», говорит. (В солдатаф жил — никакой былицьки не науцилсы). Поужинал и лег спать, а самому не спитсы — думает: «Цего я расскажу, если ницего не знаю?» Цюёт — все уснули. Время полноць. «Убегу, говорит, лутше. Если не убежать, дак голова долой». Вот и побежал. Прибегает в полё, а тут куця накладена снопов в поле; ноць была темная, лёжать ему несподруцьно. «Лягу под куцю, дождусь светку маленько и пойду». Как только что лег, и крицит вдруг из куци: «Задавил, задавил!» Ён испугалсы: цего такое задавил? «Пойду лутше дальше», говорит. Вот идет и дошел до овина, а он ешшо тепленькой. Думает: «Зайду, полежу маленько, да пойду». Пришел в эту тепленьку, а там мужик

лёжи́т, спит и топор в боку. Вот ён опять испужалсы: «На меня бы не сказали — пойду, говорит, дальше». Подумал, подумал: «Куды я пойду? Вороцюсь я опеть на ту фатеру; ежли станут расспрашивать, дак вот эти былицьки я и расскажу». Идет. На мост. Зашел, на мосту два полога лёжа́т. А у мужика были 4 сына. Ён и заглянул в один полог. В этом пологу спит муж с женой, а посереди иф большушшёй змей лежит и шипит. Закрыл полог и от него проць. В другой полог заглянул. В другом пологу тоже муж с женой лежат. В изголовье пташка сидит и до того жалобно поет, что заслушенье. А они спят близёхонько, плотнёхонько. Ён и этот полог закрыл и от этого полога проць. Потом пришел, лег на полати и думает: «Вот если спрашивать будут, то вот эту и расскажу». Видит — набежало нецистой силы целая изба; в избе стоит светець, уголья насорены и не опахано. Эта нецистая сила нацяла толцись. Все уголье это в муцьку измяли — пыль столбом пошла. Истолкли все угольё, сами убежали вон. Все стало тихо в доме. Вот ён полёжа́л немного, уснул, а старик уже и стаёт, стал старик, огня достал и сыновей будит. До них стал ешшо, до свету разбудил сыновей — молотить идти. Сыновья и невестки стали, потом этого прохожего будят: «Вставай-ко, служивой, рассказывай топерь былицу», говорят. Вот ён стал, умылсы и говорит: «Вот, дедушка; вот я жил в солдатаф 25 лет, а ницего не знаю; а вот я росскажу, что я видел в эту ноць, поляжал, поляжал — думаю, говорит, что ницего не знаю. Жалко своей головы — думаю, убегу, говорит. Ну выбежал в по́лё, лег под куцю, ну под ку́цёй и крицит, что — задавил! Я, говорит, испугалсы и побежал дальше. Побежал и вижу тепленькая тёплица, я вошел в тёпленьку, а там мужик лёжит, а топор в боку. Я, говорит, испугалсы и опеть пошел дальше. Подумал, подумал, куды мне идти спать, а в путь ешшо темно. Воротилсе на ту же квартиру. Пришел на мост, заглянул в полог — тут лёжи́т муж с женой, ваш сын, а промеж них змей большой; я, говорит, закрыл полог, открыл другой, а там опеть муж с женой лёжи́т, а в головах сидит пташка и так жалобно поет, что заслу́шеньё. А они лежат к друг дружке близёхонько, плотнёхонько. Я и этот полог закрыл. В избу вошел и на полати лег. Вдруг ноцью набежало нецистой силы и — свитець стоит, а они кругом свитьца и начали толцись. Угольё все в муцьку

измяли. Потом потолклись, потолклись и все убежали; в избе стихло. Вот этот старик: «Молодець, служивой!» И нацял сыновей призывать: «Кто снопы обирал?» Который обирал, тот и говорит: «Я, тятенька, обирал». Вот он схватил плети и давай драть этого сына. «Вот знай, подлець, как с цюжиф полос снопы обирать!» Драл, драл, от его отстал. Знал, которой сын дурно с женой живет, за того сына принимаетсы: «Вот и тебе, сын, то же будет!» — и давай драть: «Знай, как с женой худо жить! Вот промежду вас нецистая сила и лёжала, она вас и смушшает». Того сына призывает, взял образ и благословил теф: «Вот, говорит, благословляю вас, сын и невестка, что господа бога поцитаете, и закон ведите в согласии и потому приведение сделалось, что пташка распевала». Этого сына призвал, который в теплиньке ноцёвал: «Ты, говорит, сукин сын, сам лег спать, а топор в стену уткнул? — Ён вот у тебя в боку и оцютилсы. Ведь ты устал и топор устал. Знай впредь, как поработаешь, так топор на место клади, а не втыкай ни во что». Потом и говорит: «Которая невестка позже всех спать лёжилась?» Та и отвецяет: «Я, батюшка». Вот ён опять плеть схватил и давай драть. «Знай наперед, как спать лёжишши, дак уголья подпахивай. Благословясь оставляй и свитець на место клади!» — «Ну, служивенькой! Господь с тобой, отправляйсы. Ты хоть в нашем доме разглядел все порядки!» И наградил его деньгами. Все ушли молотить, а служивого напоили, накормили, ён и отправился домой.

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ШАРАШОВ

16. ПРИСКАЗКА

Мы жили с батюшком, говорит, прежде богаты. У нас были две кошки дойные, два кота убойные. Мы-то постной похлебушки не хлебывали, всегда, говорит, квасок, да по двое на кусок. А батюшко отвернется, а мы в третье хлебнем. Хоромы-те были хорошие. Дворы, сини — под одной тесиной, а изба бороной покрыта, окошецько, говорит, буравциком провёрнуто, не гля свету, а для украшения отрёпьем заткнуто. У нас было менной спосуды — крёст да пуговица. А рогатой скотины — петух да курица.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШАРАШОВ

17. БАРИН И ЕГО БАРШЕННИК ЛУКА

Барин любил своего баршенника Луку, доброго человека. Приходит однажды к нему утром и говорит Луке: «Лука, дома?» А Лука на полатяф лёжал. «Дома, дома! Лука, добрый человек, всегда на полатяф лёжит». И говорит ему барин: «Вот ты, Лука, уведи у моего работника быка, когда он поведет его продавать на базар. А ежели уведешь, сто рублей дам». — «Можно, можно, барин». И на второе утро отправляет барин своего работника с быком на базар. А Лука оделсы, сходил в лавку, купил сапоги вологодские за три рубля и зашел прежде работника. И вот в один сапог он насыпал песку, а дорога была так что кривулём. И вот он этот сапог поставил прежде этого поворота. А второй сапог занес за кривуль туды, и в тот тоже песку насыпал. Потом воротилсы первому сапогу и сел около за елоцьку. Вот идет работник с быком и попадается ему сапог с песком. Он и говорит: «Ах, какой сапог хороший». Высыпал песок из сапога и взел этот сапог в сторонку отнес и спрятал. И сам пошел вперед с быком. Доходит он до второго сапога. «И вот, говорит, какой второй сапог хороший, возьму быка привяжу к дереву, а сам вороцюсь за первым сапогом, мне будет этиф сапогов на год рвать». И вот, когда он воротился за первым сапогом, Лука обошел стороной и отвязал быка и повел его. А когда работник вернулсы назад к быку, его уже нет. И вот, когда Лука взял этого быка, и повел он его домой и отбылсы от дороги, и зашел в темный лес, так что и не знает, в которой стороне дорога. Вот уже время к вецеру подвигаетсы, и не знает, в какой стороне и дом. И вот слышит он — сажён за двести разбойников шайка вокруг разложенного огня, и приехало у ниф из добыци и награблено много разного платье от купцов. И вот Лука видит, дело плохо, что разбойники его поймают, и вот взял выломал палку здоровую и взял быка за хвост и давай этого быка по боку этой дубиной быка хвостать. А вот этот бык заревел, и побежали бык с Лукой прямо к разбойникам, к шайке. И вот этот бык заревел, а Лука ёму приговаривает: «Скаживай, где разбойники здесь живут!» И вот, когды они подбегают быстро к разбойникам, бык и Лука

ревят, — и разбойники испугалисе, побросали свою добычу и побежали проць. Тогда Лука обрал всю добыцю разбойников, и оклал на быка, и поехал домой. Приехал домой, платьё принес все в дом, а быка пустил на двор. Пришел домой и лег на полати. На второй день приходит барин и спрашивает: «Лука дома?» — «Дома, дома! Лука, добрый целовек, завсегда на полатяф лёжйт». — «Что, быка увел, Лука?» — «Велел, барин, так и увел», говорит. И подает барин Луке сто рублей денег. «Ешшо, Лука; уведи ты, говорит, жеребца, за двенадцати дверям, на двенадцати цепяф, и за двенадцати замкам, и за двенадцати караулам; тогда я дам тебе двести рублей». — «И что ж? барин велит, так уведу». Вот барин приходит домой и наказывает своим караулам: «Как можно не спите, караулы! Лука хитрый, он из глаз нос унесет». Вот барин уходит, и приходит Лука (и одетасе в то же платье, в какое был одет барин, и переводил маску). Вот и ходит по караулам: «Как можно не спите! И, впроцем, я вам поднесу по стакану вина для храбрости». И вот взял он водовозное ведро и налил целое ведро вина, и спустил в него железный ковшик. И подходит к воперьвому караулу, и этот караульный выпил ковшик. Подходит ко второму — и второй выпил ковшик. Подходит к третьему — третий выпил. Все двенадцать выпили так по ковшику. И потом вышел он на улицу и походил там несколько по улице, чтобы караулы уснули. И вот приходит он к первому караулу, вынул у его клюц из кармана и отпёр дверь. Также и до всеф двенадцать отпер. Взял жеребца, вывел на улицу, и опеть вслед за собой запер все двери и поклал в карманы каждому караульному клюци-те. И приезжает домой, и пустил жеребца на двор. Вот утром проснулсы барин и выходит он на улицу, а караульние прежде барина проснулисе и щупают в карманаф, и говорят: «Слава богу, тепериче жеребець цел и клюци в карманаф». И вот барин подходит к перьвому караулу и спрашивает: «Что, Лука был?» Караульные отвецяют, что не был. И вот он отпер все двенадцать дверей и увидел, что жеребца нету. Тогда он воротилсе к Луке. «Что, Лука дома?» — «Дома, дома, барин. Лука, добрый человек, завсегда на полатяф лежит». И спрашивает: «Что, Лука, жеребца увел?» — «Увел. Барин велел, так увел». — «Вот тебе двести рублей». В воскресенье приезжает к барину поп, и раз-

говорились они с барином про Луку, что Лука оцень хитрый, что только не задумай, он все сделает. И вот захотелосе попу выманить триста рублей денег у Луки. И вот приходит он Луке и говорит: «Что, Лука, унесешь у меня пятьсот рублей денёг, когда я в спальне буду спать с попадьей, из-под подушки?» — «Велишь, батюшка, так унесу». И вот Лука направилсе к попу, и зашел он в церковь, а на паперти был мертвець, и вынул мертвеця из гроба. Взвалил его на плецё и пошел к попу. А поп в то время уже спал. И вот Лука подставил к спальнему окну лестницу, и вот взял он этого мертвеца в руки и полез по лестнице к окну. И вот в это окно мертвеца выше себя и выказывает. И вот услыхал поп. И взял топор и подходит к окну, караулит: когда Лука полезет в окно? Когда Лука выказал мертвеца, поп срубил мертвецу голову, а Лука этого мертвеца упустил из рук, и мертвець упал на пол. И вот в то время поп испугалсе, что срубил голову Луке. И выходит он из своего дома, и взял этого мертвеца, и понес в сад закапывать. А Лука в то время приходит в спальню и представился вместо попа, и спрашивает у попадьи денег: «Матка, давай пятьсот рублей. Меня поймали, что я Луку избил». Взял деньги и сошел в сад и сел в кусты. А когда поп зарыл этого мертвеца, и приходит в спальню и спрашивает: «Что, матка, был Лука этто». «Нет, Лука здесь не был, нет, были вы, и деньги вы взели сами, потому что вас в саду поймали, что вы хоронили Луку».— «Нет, говорит, я не был, так это проказник Лука здесь был и деньги взял!» А Лука в то время выкопал мертвеца и снес обратно в гроб. И приходит Лука домой, лег на полати. А попу жалко стало пятьсот рублей, и приходит на второй день и говорит Луке: «Лука, унеси ты у нас с попадьей семьсот рублей денег, когда мы будем играть в карты, играть за столом».— «Велишь, батюшка, так унесу». И вот поп ушел, а Лука справилсы и пошел. Зашел он к сторожу, украл тихонько клюць от церкви и отпер церковь, затеплил все свичи, все, что были в церкви — и сошел в ёлтарь и надел ризы, которые поп надевает только Христа стрецять, и взял он в руки трехцвешник со крестом, а в другую руку взял кадило — и пошел к попу. Идет и поет. Когда он приходит к попу, тогда поп и попадья испугалисе и спрашивают: «Кто ты такой?» — «Я, говорит, с того света апостол, за вами послан, так что вы угодили в царство небесное».—

«А как же вы меня понесёте». — «Да надо, говорит, вам, батюшко, мешок найти». И вот мешок нашли. Тогда апостол попа посадил в мешок и понес его в царство небесное, и стал он подынятсы на колокольню, и только что на верхнюю ступеньку ступить, а поп в то время не стерпел и п...л в то время в мешке. И вот этот апостол скинул мешок с плець и говорит: «К шуту, мне не надо на тот свет п...ов», говорит. И поп покатилсы вниз по лестнице, застукал горбом по лестнице и пал у церковныф дверей. А в то время Лука зашел в церковь, и загасил все свицьки, и снял с себя ризу и приходит к попадье. «Матушка, за тебя семьсот рублей выкупа просят на тот свет». А ей тоже захтилось попасть туды, и попадья подает семьсот рублей Луке. «Ну так, матушка, одевайтесе». Попадья только ушла одеватьсе, а Лука в то время домой. И вот ноцью пошел сторож кругом церкви и увидал, что одна свицька горит в церкви, и подумал, что воры. И вот приходит он на паперть, и подходит к дверям, и толкнул носком мешок, и говорит: «Тут что такое?» А поп и отвецяет: «Молци, сторож, говорит, ведь я про...л царство небесное». И вот выпустил сторож попа из мешка. Когда поп пришел домой и спрашивает: «Что, был здись Лука?» Попадья говорит: «Не был, а был с того свету апостол, и я отдала за себя семьсот рублей выкупа». И с теф пор полно попу обманывать Луку.

18. ПРО ДВУХ БРАТЕЙ — ПРО БОГАТОГО И БЕДНОГО

Жили в одной деревне два брата — богатый и бедный. И вот богач ездил в город и продавал пшеницу, а у бедняка дети по миру ходили и кормили его в избе. В один день приехал богатый брат из городу и говорит бедному: «Ох, брат, теперь в городе на пшеницу цены хорошие, также и на другой хлеб тоже цена хорошая. Собирай-ко-се свой хлеб да поедем в город». И вот у бедняка была худая-прехудая лошаденка, а у богатого хорошая. И вот выпахал бедный весь хлеб из засеков, сколько было у него. Так что напахал мер пять. А богатой воз направил такой, что едва лошадь повезла. И вот отправились оне в дорогу. Богатый перéже идет, а бедный сзади,— так что у богатого была лошадь хорошая, так он уехал у бедного. И вот подъезжают оне к горе.

Богаць хвоснул лошадь кнутом и живо в эту гору поднялсы, а бедный на полугоры доехал, и лошадь не пошла. Вынул сена из саней, наклал лошаде (так что время к вецеру уже было), а сам пошел поломать суцья, чтобы пажог себе набрать. И вот он пошел по лесу и отбилсе от своей лошади и зашел в густой лес — и назад не выйти. Вот он влез на дерево, чтобы поглядить, нет ли в какой стороне огонёцка. И вот в одной стороне заметил чуть-чуть огонек, туда и пошел на огонек. Вот выходит он на большую поляну, видит стоит дом и дом большущей-пребольшущей, такого нигде ешшо не видал. И вот приходит он в этот дом, а в доме никого нет, а ему есть хоцетсы. И видит он в одной комнате на столе всякиф разныф вин и много закуски разной. И вот только хотел он за стол систь, и слышит голос подает в другой комнате: «Не садись, добрый целовек, а то худо будет, придет муж мой и тебя убьет». «А куда же я теперь».— «Куда? Вот под пецьку полезай!» И вот этот бедняк залез под пець, и её на ту пору муцило (родить надо было), и вот закрицяла она, эта мужицька. Мужик пришел, убрал ребенка, и тут же и окрестил его. И вот посадила она его за стол и как следует угостила. И вот наелсы бедняк так, что бока на сторону и напилсы вина допьяна и пошел опять залез на пець и сидит там. Слышит, в дверях застуцяло, приходит муж этой бабы, зашел в дом. «У тебя здесь есть кто-нибудь руссьский целовек?» — «Нет, говорит, нету».— «Ну, давай, говорит, мне тапериче ужинать». Вот сели они за стол. «Да, говорит, ты не знаешь моего дела».— «Какое такое дело у тебя?» — «Да кабы не добрый целовек, так была я жива или нет!» — «А что тебе добрый целовек помог?» — «Как цего? Пособил мне ребенка окрестить и убрал его. Теперь он нам кум».— «А где же он у тебя?» спрашивает. «Да вот под пецькой сидит».— «Ну, кум, выходи, говорит, ну-ко выходи, давай попьем и поедим, раз новый кум-то». Вот мужик вылез из-под пеци и сел за стол с новым кумом. И давай пить да гулять. И говорит этот бедняк за столом: «Ох, кум, я-то здесь сыт да пьян, а дети и жёна дома голодом сидят».— «Не толкуй, кум, у меня им узёлок брошен оржаной муки, так им хватит до твоего приезду». И вот бедняк был в гостях у кума два дня. И вот говорит он своему куму: «Пора мне, кум, ехать в город».— «Обожди, кум, я тебе Серка дам». И вот запряг он куму Серка и насыпал целый воз

пшеницы, а кумушка ему завязала в скатёрку попутницьков. «На вот тебе, кум, и хватит, пока домой не приедешь». И вот взял он эти попутницьки и сел на воз. А кум ему и говорит: «Ежели какая беда, то, кум, вспомни меня и будешь знать. Ну, кум, топерь поезжай с богом, только держись крепче на возу. А пойдешь мимо той горы, где твоя лошадь стоит, то у твоей лошади сено много; а под гору будешь опускатьсы, дак задень немного за роспуск своего брата — его опрокинуло и придавило возом». И вот сел этот бедняк на воз, а лошадь не надо править — сама знает, куды идти. «Ну, говорит, кум, прошшай», и махнул шапкой. Как покатил этот Серко, что снег только из-под саней порхает! А бедняк на возу сидит жив и негоден, что вот сейцяс убьёт его Серкой. И вот идет он мимо той горы, где оставлена была лошадь, и видит у лошади сена много, так что лошади не видно: до того навалено! И вот стал он опускатьсы под гору и видит: лёжит брат под возом; он мимо поехал и задел роспуска и роспрокинул воз брата. Тогда брат вышёл и поехал вслед за бедняком. И вот время к вецеру, и богатой брат показал бедняку, что «пристаю я у попа», потому что за ним не угнатьсы. Приезжает бедняк на ночлег к попу, поставил Серка во двор, а сам залез на пецьку. Поел, что ему хотелосе, и лежит. Смотрит — приезжает брат. Как приехал, у этого брата лошадь убрали, и вот этого богатого пригласили цяй пить, а бедного не пригласили. И вот у поповской дочери потерялись серьги золотые и розговорилисе оне с богатым братом: «Не знаешь что-нибудь, вот серьги потерялись у доцьки».— «Нет, я не знаю, а бедный брат, наверное, знает».— «А где он?» — «На пеци лёжит». И позвали бедняка. «Не знаешь ли, говорит, вот серьги у доцьки моей потерялись».— «Знаю», говорит. «А где же они лежат?» — «Давай 300 рублей, дак скажу, где серьги». Поп дал 300 рублей бедняку. «Ступайте, говорит, возьмите в байне, за каменкой лежат». И вот сошли, и действительно, серьги за каменкой. И завидно стало богатому брату, что 300 рублей получил бедной брат. «Пойду во двор и накладу каменья ему в воз, и пускай пристановит он своего Серка». И вот клал, клал туды, полкуба наклал. «Ну теперь, говорит, с места не скрянуть», а сам пришел обратно в избу. И вот направляетсы богатый утром раньше бедного. А бедняк ешшо на пецьке лёжит.

«Задавайсы, брат, я тебя надостигу». И вот богатый поехал вперед, а бедный позавтракал, запрёг своего Серка и поехал вслед за братом. Догоняет он своего брата, а брат и думаёт: «Поцему же, каменья наклал в воз и везет, не слышит своего воза?» Время к вецеру двигаетсы. Богатый и говорит бедному брату: «И вот таперице поезжай преже меня: моя лошадь плоше твоёй, так что мне за тобой поспеть». И вот бедняк поехал вперед, а богатый осталсе взади. И вот приезжает он к одному богатому человеку ноцевать. Пустил он своего Серко на двор, а сам пришел в избу и лег на пецьку. Цяса два после этого приезжает богатой брат и тоже убрал коня на двор, а сам пришел в избу, и посадили его цяй пить. И вот за цяем они разговорилисе промежду собой, что у этого у богатого человека потерялось кольцё золотое и не знает, где его взять. «Не знает ли кто из вас, где мне отыскать это кольцё?» — «Есть у вас на пецьке лёжит брат мой бедный — он и знает». И вот позвали его тоже цяй пить и спрашивает у его богатый: «Что, не знаешь ли, куда мое кольцё золотоё девалось?» — «Знаю, говорит, давай 200 рублей, так скажу, где кольцё!» Подал он ему 200 рублей, а у него у переднего угла лёжала плита и под этой плитой кольцё. «Ступай, отвороти эту плиту у переднего угла, и под ней лёжит кольцё». И верно: сходил, отворотил плиту и нашел кольцё. И вот ноцевали они ноць и утром отправляетсы в город (бедняк уж теперь едет сзади за богатым, так что не знает, где в городе пристает его богатой брат). И вот приехали оне в город и становятсе рядом и роскрыли воза. И вот пошел народ покупать пшёницу. Подойдут к богатому брату, посмотрят — пшеница плохая, а у бедного — хорошая. Так у бедного и стали брать пшеницу. И вот этот бедняк продал всю пшеницу, а на дне этого воза вместо каменья были головы сахару. И вот этот сахар весь продал и выручил дёнёг целой мешок, закрыл воз и садитсы на воз. А у богатого брата ни одного зерна не взяли,— так он и поехал с целым возом домой, а бедный поехал с большой выруцькой. И вот бедный только махнул шапкой — и Серко покатил, что сильнее ветру, и привозит его обратно к куму. Кум и спрашивает: «Что, продал всю пшеницу?» — «Продал», говорит. «Ну, теперь тебе хватит дёнёг?» — «Теперь мне довольно, кум, пока».— «Ну, садись теперь с дорожки пообедай. И виньця попьем». Вот сели

они за стол. Бедный и говорит: «Мне-то здесь хорошо, а дети там голодают».— «Не толкуй, кум; у меня брошено им два узёлка, так хватит до твоего приезду». И вот он гостил у этого кума два дня. «Ну, кум, мне теперь пора домой забиратьсы». И вот кум свел его в погреб, и три засека с деньгам и насыпал ён ёму: три мешка золота, и три мешка серебра, и три мешка меди. Вынёс, наклал ёму на дровни и сказал: «Вот тебе, кум, деньги и дарю тебе Серка, а ежели этот Серко плох будёт, то приезжай, я тебе нового дам». И вот попрощалсы он с кумом и кумушкой и сел на воз, и свистнул только, Серко как покатит, так шапки ему на голове не удержать. И вот идёт он мимо той горы, на которой оставлена была его лошадь, и видит: вся сине стоит, так что не видно, где она есть. Выкопал он лошадь из сена, привязал ее сзади за воз и приехал домой. Выпустил Серка на двор, а дети бегут стрецяют отьця: «Папа, теперь у нас хлеба много, мы не будем теперь плакать!» И вот ён заходит в сени и видит четыре куля муки принесены. И зашел он в избу и по всем полавошникам напечено много хлеба. А деньги свои, которые привез от кума, убрал в амбар. И вот приезжает его богатой брат. «Пойду, говорит, сведаю, продал ли брат пшеницу-то?» Вот приходит к брату. Брат сердитый на него. «Что, как твоя добыча?» — спрашивает бедняк богатого брата. «Плохо, говорит, брат, весь хлеб привез обратно назад. Никто горсти не взял. Ну, а ты как?» говорит. «Я продал все хорошо. Вот что, брат: дай-ко ты мне мерки».— «А цёго тебе мерять?» — «Да хлеба привез немного». Тогда богач намазал дно мерки серой и дал бедняку. И вот бедняк пришел домой и стал мерить деньги мерой. И намерил он четыре меры золота, и намерил четыре меры серебра, и намерил он пять мер меди. И вот теперь стал бедный брат богачом, а богатый бедняком.

19. КОПЦЁНОЕ ЯЙЦЁ

Один аффицер служил при одной роте солдат. И вот перевелсы у ниф русский табак — махорка, значит. Вот он собрал своих учеников, пять солдатов молодых: «Ну, братцы, как мы таперича без русского табаку жить будем? Надо нам как-нибудь наживать, или напишем приговор, подпишем и уйдем». Написан приговор, и все пятеро подписалисе, когда им идти. «Вот, братцы, се

ноци, как можно, не спите, обирайте свое платье и отправимсе!» Вот оне стали направляться, а прочие солдаты: «Куды вы это всё направляете свой багаж?» — «Так что нам с утра раньше к прачке снесть надо всё». Как пробило 12 часов, а часовой уже задремал. Вот вышли оне за ворота, перекрестились на все четыре стороны и отправились. Афицер этот и говорит: «Ну, братцы, куда это мы пойдем?» — «Пойдемте в лес, чтобы нас никто не видал, а не то увидят дак поймают!» В лес они вошли и пошли этим лесом (а лес густой). Сначала шли по тропке, а потом и тропинка потерялась. Вышли на поляну, а на поляне был стан, и стан этот весь землей оброс. «Зайдемте, братцы, в этот стан, поотдохнем — поутомилисе!» Зашли в стан и видят: полочка сделана — четверка табаку, лист сделан и четверка бумаги. «Ну, братцы, слава богу, русского табаку нашли! Теперь только одного не хватает — не знаем, в которой стороне и жило?» Росклали они огонька, наварили кой-какой пишши в своих котелках. Наварили и пообедали. Вот отобедали они, и афицер роскупоривает эту четвёрку. Роскупорил, покурили, и этот табак с собой забрали. Вышли оне изо стана и отправились напоперёк этой поляны. Перешли эту поляну и опеть — лес густой. Зашли в лес и видят: дорога. Этот афицер и говорит: «Пойдемте по этой дороге, или без дороги пойдем?» Один солдат и говорит: «Пойдемте, братцы, по дороге, куда эта дорога идет». Вот и пошли оне по этой дороге. Выходят они не на большую поляночку и видят — большая биржа дров. Вот зашли оне в эти дома, а в этиф дровах складена печка. И вот не видать никого, а пламя так и чешет в этой печке,— а никого нету около. Вот этот афицер и говорит: «Ну, братцы, вы подите, куды вам следует, а я останусь этта. Что это за печка?» Дал им денег, сколько было захвачено. Эти солдаты пятеро и пошли, а он осталсы тут. Время так что к вечеру двигаетсы, а у печки все никого нет. И вот видит на этой печке такая кнопочка беленькая; ему и надо заглянуть в эту печку, что делаетсы: он упёрсы рукой в эту кнопку, а сам и заглядывает в эту печку. Вдруг появилсы мужик: «Что надо, молодой человек?» — «Как что надо? Видишь, я пить и ись хочу!» Вот он ему принес узёл такой, завязан в скатёрке. Развязал около печи на дроваф-ту. «Ну, говорит, садись, молодой афицер!» Вот этот афицер сел и давай ись. За столом разговоры заве-

ли промежду собой. «Что, дяденька, нет ли у тебя табаку русского?» — «Да, говорит, трудно табак нажить в здешнем месте».— «А что же?» — «Так что от жила далеко. Я ведь не такой человек, как ты,— я ведь полуверующий». Афицер испугалсе его. «Не бойся, говорит, добрый человек, я ничего тебе не сделаю. Протопи мне эту печку год, я тебе четверку представлю». Вот этот афицер взялсы год шуровать эту печку за четверку табаку. «Только тогда я тебе четверку представлю, когда год отшуруешь эту печку».— «Ну ланно, говорит, возьмусь» — и стал дрова в печку класть. А над устьем была труба (черной избы), а в этой трубе, где дым проходил, было привешено яицько. И это яйцё афицер копотил. Вот он копотил целый год и только одного дня до сроку не мог отшуровать эту печку, взял и посмотрел в трубу (а ему было наказано не смотреть). Вот приходит этот опять мужик и спрашивает: «Что, смотрел в эту трубу или нет?» — «Нет, говорит, я не глядел в трубу».— «Нет, говорит, глядел!» — «А почём ты знаешь, что я глядел?» — «А посмотри: яйцё белое село, а было цёрное. Ешшо, братец, шуруй год! Если этот год прошуруешь, то принесу две четверки, и на две копейки бумаги, и два коробка спичек». Вот этот афицер опеть стал шуровать год. Прошуровал и второй год. «А стой-ко, говорит, я опять посмотрю, что я копчу?» Только посмотрел это яйцё — это яйцё сделалось белое. И хотел его сорвать. Только руку протянул,— слышит, говорит: «Не тобой повешена, не тобой сорвётся!» — «А почему же тебя не трогать?» — «А потому, что год ешшо прокопочи, тогда узнаёшь, кого копотишь». Вот приходит этот мужик опеть. «Ну, что, посмотрел яйцё?» — «Посмотрел, извините». — «Ну, ланно, вот тебе табак, спички и бумага, потому что созналисе. Ну еще возьмись на годок прокопотить это яйцё».— «Можно», говорит. «Сколько возьмешь за этот год?» — «А вот когда докопочу, тогда и скажу, сколько следует за работу».— «Ну, ланно, копоти». Афицер стал печку шуровать, а мужик опять ушел. И за эти за три года он сжег 6 тысяч кубов. Вот когда этот год к концу пошел, тогда он хотел посмотреть эту трубу,— и незаметно на что-то попала рука, и укололо ему руку. Вот у него кровь потекла, он стоит и смотрит на руку. Вот взял тряпочку, обтер руку,— и висит ниточка. Взял за эту ниточку (оборвать надо), дернул — и вдруг появилась ему барышня. «Что нужно, молодой

афицер?» — «Завяжите мне, пожалуйста, руку, я уколол цего-то». Завязала ему руку. «А вот что, говорит, молодая барышня...» — «Что, говорит, молодой афицер?» — «А как бы мне отсюдова убратьсы? Три года я здесь живу и не знаю, что это я за яйцё копочу».— «А это ты яйцё копотишь — купеческую дочку».— «А что же мне за эти три года попросить с его?» — «Проси ты с его это яицько, которое ты копотишь. Он тебе будет давать золота и серебра — не берите этих денег, а просите все яицько. А ешли он вам не будет давать его, тогда вы эту ниточку нажимайте, и он опеть будет вам являтьси. Прошел и этот год. Приходит этот мужик и спрашивает: «Что же тебе нужно за эти три года?» — «Дайте мне, говорит, это яицько, которое я копочу». — «Нет, голубчик, не дам я тебе этого яицька».— «А не дашь, я, говорит, пойду. Бог с тобой, с деньгам!» — «Ну, ступай», говорит. Вот этот молодой офицер и пошел. Отошел немного и опеть воротилсы. «Дак все-таки сколько тебе нужно за эти 3 года?» — «Да дайте, я прошу вас, яицько и больше не спрошу ничего с вас».— «Жалко мне, говорит, тебе яицька, да придётсы отдать, потому что ты хорошо шуровал. А куда тебе оно, это яицько?» — «А нужно, говорит. Посмотрю на его и буду знать, за что я три года жил». Вот взял он это яицько, сорвал ему: «На, голубчик!» Взял этот афицер это яицько в карман и пошел. А он и говорит ему: «В случае, какие неустойки, дак вспомни меня, я выучу». Вот этот афицер и пошел. Шел он 3 дня голодом. На цетвёртой день выходит на поляну. А на этой поляне река — и ему надо за реку, а не попась. Вот он и вспомнил этого мужика,— и появилсы серой конь! «Ну, говорит, садись, молодой афицер!» Вот сел афицер, и поплыли за реку. Переплыли реку они. Вышел на берег. «И что это я за яичко везу, не посмотрю его?» Вынул из кармана это яичко, а место яичка уголь. «Что ты, какое это за яйцё — это уголь!» Взял и хлопнул его об землю. Вдруг появиласе барышня перед ним: «Ну, говорит, благодарю тебя, афицер, что меня избавил вечной муки! Ну, топерь скажись, кто вы, откудова и зачем тут попали?» — «Я, говорит, простого мужика сын, а попал в солдаты. И вот не стало у нас табаку в роте. И вот мы отправились табаку искать».— «А один ты был?» — «Нет, нас было ешшо пять человек».— «А где же те?» — «Тех я отправил по дороге, потому что не знал, кто находится

у этой печки,— а хотел узнать. Вот я и отправил, а сам остался».— «Ну, говорит, таперича поедем к моему отцу».— «А я не знаю, где отец ваш живет?» — «Да вот этот Серко знает, где отец наш живет».— «Так на чем же мы поедем с тобой?» Вот он и вспомнил этого мужика. Обернулсе назад, а стоит тарантас. «А вот, говорит, тарантас этта есть — запряжем и поедем». Запрягли они этого Серка. Сили в тарантас. «Ну, говорит, Серка, вези к моему отцу». Вот как этот Серка покатил! Через полчаса очутились они у города. «Ну, говорит, где отец ваш живет, на какой улице?» — «Да вот уж Серка свезет к моему отцу». Вот съезжают они в город. А Серка не правят, и вожжей нет, а этот Серко нигде не приворачиваёт, катит серединой города. Вот шел-шел этот Серко и привернул к одному дому. А этот афицер с этой барышней сидят в этом тарантасе и разговаривают: «Как же тебя зовут, молодой афицер?» — «Меня, говорит, зовут Василий Иванович. А тебя как зовут?» — «Меня, говорит, зовут Марья Васильевна». И вот разговаривают они промежду себе. А мать и отец в окно смотрят. «Матка! Это, говорит, Серко наш, да и дочка наша! Помнишь, у нас из зыбки-то потерялась дочка, а Серко пропал из конюшни неизвестно куды?» И вот посмотрели хорошенько и узнали, что дочка и Серка ихний. Вот и побежали оне из дому, прибежали к дочке и давай плакать и целовать ее: «Откудова, доченька, тебя бог принес?» —«Да, мамынька, кабы не этот человек, я все б была в рукаф у злодеев».— «Ну, говорит, молодой человек, пожалуйте в гости к нам!» Пришли они в дом. «Ну, говорит, расскажи, доченька, где ты была и как тебя избавил этот человек от муки?» — «Да, мамынька, он из-за меня 3 года билсы. Ничего за эти три года не брал, а только брал меня. И вот, маменька и папенька, обвенчайте нас с им, и я буду его женой!» — «Так что же, доченька, можно! Сыновей у нас нету». Вот обвенчали этого Василия Ивановича с Марьей Васильевной. «Ну, говорит, милый зять, подписываю под тебя все свои магазины и лавки (а у его было 12 магазин с красным товаром, да 12 хлебных магазин). А теперь я стар сел и не могу дела править».— «Ну, папинька, ладно, говорит. Вот что топерь, говорит: нет ли в городе здесь такиф-то, такиф-то солдат?» — «Можно поискать». И вот послали сышшика, нашел этот сышшик всех пятерых. Приводят этиф пять солдатов.

«Здравствуйте, говорит, братцы!» Они сплакали да в ноги ему. «Ну, говорят, топерь как хотишь, Василий Иванович, от тебя не отстанем, потому что мы хватили всячины холоду и голоду!» — «Ну, говорит, когда из-за меня хватили этого всего, поставлю вас в прикашшики». И вот поставил он этиф солдат прикашшикам, а сам сел хозяином. И вот топерь нажили табаку, спичёк, бумаги. Топерь и курят.

ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ МЕДВЕДЕВ

20. МУЖИЦЁК, ЦЁРТ И ПОПЫ

Вот мужицёк согрешил много; убил ли кого, ограбил,— грех только огромадной. «Пойди, роскайся свяшшеннику!» говорят. Роскаялсы свяшшеннику, а свяшшенник его грехов не принимает. И он взял убил этого попа. Пошел к другому, и другому роскаялсы,— и тот не принимает грехов, и того убил. Пошел к третьему; сошел,— и третий не принимает; ён и третьего убил. Обрал этиф свяшшенников. «Куды иф? Что я с этим свяшшенникам буду делать? Кого я поряжу хоронить? Что, хоть бы пришел цёрт на этот раз!» А цёрт под окошком тут и есть. «Что, говорит, мужик, надо?» — «А вот, говорит, что надо: похорони попа, я тебе полтораста рублей денег дам!» — «А где у тебя поп?» — «Вот я к тебе вынесу!» Вынес и поставил к дверям: «Возьми, говорит, попа и похорони!» Цёрт взял попа на плецё и поташшил хоронить; а ему мимо погоста бежать. А поп сидит у окошка (это было поздно вечером). «Кто идет?» говорит. «Цёрт идет!» — «А кого несешь?» — «Попа несу». Поп хозяйке сказал: «Цёрт попа пронес!» Цёрт похоронил попа; прибегает к мужику и говорит: «Отдай деньги!» А мужик на то место приготовил другого попа, поставил. «Деньги я, говорит, отдам, только похоронил ли ты попа?» — «Пойдем, поглядим!» Вышли на мост, а поп за дверям стоит. Не розговаривает цёрт, сгреб попа снова и побежал. И опять в ту же пуцину мимо этого погоста. Поп опять сидит у окошка. «Куда идешь?» — «Попа несу». И ён его опять в пуцину спустил. Прибегает к мужику за деньгами: «Мужик, отдай деньги!» — «Похоронил ли ты попа? А вот поглядим, говорит. Если похоронил, то сейчас получишь деньги». Вышли, а поп опять стоит

тут. Цёрт, не говоря ни слова, попа сгреб и поташшил опять мимо того же погоста. Поп спрашивает: «Кто идет?» — «Цёрт».— «Кого несешь?» — «Попа», говорит. Поп подумал: «С теф погостов цёрт унес попов, и теперь за мной придет!» «Попадья, говорит, я побегу в деревню!» — «Беги, говорит попадья, скоряе». А деревня была с вёрсту, и ён до половины только добежал от погоста до деревни,— а цёрт попа как бросил тамо и в это время шел полём и увидел попа, что бежит в деревню.— «Постой, говорит, долговолосый, не уйдешь! Ты опять обогнал! От меня не уйдешь!» Набежал, тяпнул попа в ту же пуцину лопнул. Положил камень — и ён опять уйдет! И за деньгами не пошел к мужику.

21. ОХОТНИК И ЦЁРТ

Мужицёк ходил за охотой. День весь ходил, ничего не убил. Идет он домой. В своем поле увидел рябцика на стожье́, сидит на коле. «Вот где мне бог подал!» говорит. Поднял курок и лопнул этого рябцика. Рябцик сидит. Он другой раз заправил, другой раз стрелил — рябцик сидит. «Постой, говорит, это не даром!» Взял ружье, сейчас посмотрел во ствол, а там человечья рука против ряба. «А, говорит, цёртовская сила, погодите!» А у него пуговицы менные были у рубахи. Взял оторвал, заправил в ружье, поднял курок и лопнул. Рябцик пал,— все-таки руку прострелил. «Ну, говорит, цёрт, теперь отохотницял!» Мужик ушел домой. Вот не идет мужик в лес год, ни другой, ни третей. Потом взял ружье и пошел церёз три года. «Теперь, говорит, цёрт забыл!» Вышел за поле. Вдруг показался темный лес. Мужик догадалсы: «Постой, говорит, видно, цёрт меня удурацил!» Взял топор из-за пояса и огня наклал. Потом нашел пень березовый, срубил и принес к огню. Надел балахон и свою шляпу, опоясал кушаком, а сам отошел сажень десять и сел за куст. Вот цёрт идет, несет рудину на плече — страшное дело! Увидел мужика, что он лежит у огня, тяпнул этой рудиной попёрек огня и сам сел. «Ну, говорит, топерь я на тебе посижу!» А в это время мужицёк справилсы опять, поднял курок и сзаду-то ему в спину той же менной пулей как стегнул, он и опрокинулсы! «Теперь, говорит, охотницек, не бойсы никого!» Мужик ходит и до сих пор.

22. ШУТ БАЛАКИРЕВ

Жил мужицёк со своей жённой и пришуцивал. Вышел на дорогу и поставил горшецек, и варит кашу. Вокруг ходит да палоцькой приговаривает: «Кипи, кипи, горшецек, не плесни!» Подошло двенадцать целовек мастерово народу к нему туды. «Что Вы варитé?» — «А варю кашу». — «А что бы нас накормил!» — «Мошно, говорит, садитесь!» Посадил иф, зацял варить кашу и накормил иф дóсыта двенадцать целовек. Каши ешшо осталось. Этот тут прославилсы. Дошло дело до Петра Первого. Петр-от Первой его приказал. Когды Петр потужил, ён его развеселит. Коды весел, ён его притуманит. Сказал Петру Первому: «Вы, берите меня нацяльником хоть над мухам!» А Петр Первой сказал: «Будь ты нацяльник над мухам!» Было у его бал большой, собраны были енералы и князья. Пришел и Петр Первой. Ён на одного енерала сердит был, больно сердит был. Сделана была у его шалапуга, фунта три, такая. Вот ходит, значит, по горнице, выглядывает. Выглядывал, выглядывал, подвернулся под енерала, да по лысине хлоп шалапугой! И ён со стулом ковырнулсы. Вот тут все закрицяли: «Что ты, что ты делаешь?» А шут ответил: «Ах ты, стерва проклятая! На такое лицо не моги садитьсы!» Петр улыбнулся Перьвой, только его оставил на время. И за это ему напротив нацяльника было совестно и приказал дать три лóзана, и за это подарил ему шубу енотовую. Шут церез несколько время с шубой идет от государя. Попадается ему енерал навстрецю. Шуба поднравиласе. «Шут, говорит, отдай мне шубу!» — «Купи! За что и я купил, за то и продам».— «Все равно, говорит, я отдам те же деньги, что и ты дал!» — «Когда возьмешь за то, что и я дал,— дай мне росписку, а я тебе шубу отдам!» говорит. А у шута была трость. Ён дал росписку шуту, а шут снял шубу с плець. Ну и спрашивает: «За сколько же ён мне отдал, за столько и я тебе отдам». Снял шубу, развернулсы на онну рубашку,— и этой тростью и как съездит по спине енерала! Он заревел дурным матом. «Ой, подожди, ешшо два раз дам!» Он не поспел стать, ён его ешшо раз ожуравил. Так и в третий раз. Государю это было неприлишно: енерал пожаловалсы. Ён прогнал его с земли со своей: «Чтобы тебя не было на земле здесь на моёй!» А шут взял лошадь и телегу, запряг и отправилсе во Швецию.

Съехал ко швецькому королю, называет его. «Отдайте мне земли, говорит, пудов десять!» Король ему сказал: «Бери сколько угонно и так!» А шут ответил: «Мне так не надо!», говорит. Свисили десять пудов и сделал купцюю крепость. Оклал земли в телегу и поехал домой. Идет мимо царьского дворьца. Петр Первой увидел его. «Ты что, проказник, опять приехал на мою зёмлю? Чтобы тебя не было!» А шут ответил ему: «Врешь, Петр Алексеевич! У меня своя земля привезена из Швеции! Вот погляди, где у меня купцяя крепость есть на ею!» Вынул, подал Петру Алексеевичу. Тот процитал и сказал: «Поезжай домой, полно, проказник!» Он и живет дома.

23. СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе была барыня — и до того была сердитая, никому житья не было! Этта староста утром как придет спросит что, наряд дать какой,— ёна его не отпустит так что не отхвостнет. А мужикам-те житья не было никакого: драла как собак. Солдатик проходил на побывку домой. Пришлось ему ноцевать в этой усадьбе. Ему это все россказали, а ён и сказал: «У меня есть сонных капель!» Дали ей сонных капель. Ёна уснула. Солдат велел лошадей запряць. В деревне был сапожник и до того сердит — дак страсть. Вот ён к этому сапожнику и отправил ю. Сапожник не знал, шил сапоги, а ён положил на постелю, а ёго жёну взял туды, положил на барынину кровать. Вот сапожникова жена пробудиласе, видит дом преотлишной. Сецясь служанки подбегают, подают на руки. «Я до цего дослужила!.. Откуды берётсы? Это что такое?!» Помылась, подали полотéньцё, вытерлась. Подают самовар. Села она цяй пить. Староста приходит на ципоцьках. Она зглянула, что за мушшина. «Вам, говорит, что надо?» — «Я, говорит, барыня, к вам пришел, спросить, какой наряд дадите, что работать». А ёна догадалась: «Нешто вы не знаете, что вцера делали, то и сегодни делайте!» Староста вышел на куфню и говорит: «Сегодни какая барыня добренная, просто отроду такая не бывала!» Ну ёна живет тут мисяц и другой — так ею росхвалили хрёстьяна, что цесть отдать. Вот сапожникова жёна утром пробудилась и крицит: «Слуги!» А ён сидит шьет. «Ты что, ростакая мать?» А ёна: «Что такое, сво-

лоць?» — «Ах ты, стерва несцястная!» Скоцил со стула, сдернул с ноги ремень и давай ею нахаживать. «Ты нечто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и пець затоплять!» И до того катал ею, колько ему хотелось. Потом ёна взмолиласе. Побрела за дровам, принесла дров, затопила пець, кой-цего сварила. Ну это время так продолжалосе месяца два. А ён ею раза три да четыре изрянно поколотил. И потом этот солдат дал сонных капель и переменил иф. Утром встает барыня тихонько, выходит из своёй комнаты. «Что это я в старом доме? Откуда я взялась?» Спросила служанок: «Служанки! Как жё я сюды попала?» — «Ты, барыня, нигде и не бывала!» И с теф пор барыня мягкая-розмягкая розделалась. А швецова жёна стала жить по-старому.

24. ИВАН ЦЯРЕВИЧ

Был царь; у царя один сын. Прослышал ён девушку хорошую в некотором цярстве. Такая красавиця была у короля, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Вот ён отправилсы свататьсы. Подъезжаэт ён к этому городу, спускает коня во зеленые луга, сам покупает кафтан с долгими полам, с большим воротником. Надел ён на сибя и пошел по городу. Идет мимо королевского дворьця, а королевна этта и увидела. «Батюшко, возьмем, говорит, в садовники!» Ён сейцяс пригласил в садовники. Ён будки сделал себе и поляживает в будке. Из инныф земель пишёт ему, этому королю, чтобы отдавал доць замуж за его, а ежели не отдашь, все царьство пройду и тебя в плен возьму, а доць насильно уведу. А у этого князя была земелька маленькая. Ему не захотелось доцери отдать так без хлопот. «Пускай лутше возьмет, говорит, с войны, когда моя сила не хватит!» Вот тот выставил силы страшное дело сколько, а у этого оцень мало. У его были два зятя. Ён стал просить зятьей, что «съездите на подмогу, зятья». Зятья отправились, и эта доць поехала его тоже туды: слуцяе неустойка, там уж и возьмет ею. Там много ли — мало ли время ехали, а этот садовник вышел в зеленые луга, крыкнул по-молодецкие, свистнул по-богатырские, конь бежит, как стрела летит. «Стать, говорит, передо мной, как лист перед травой!» Конь остановилсы. Ён в ушко влез, в другое вылез и напилсы, наелсы и снарядилсы, такой цистяк

сделалсы. Этиф зятьей на полудороге и догнал. Оне и говорят: «Далеко ли, молодець, поехал? Нам бы этакого воина бог дал!» А его уж и не видать. Приехал туды ён, где Марья-королевна назнацяна была быть — и въехал, — розгулялсы, раза два прокатилсы, потом на силу и пустилсы: не только сам бьет, колько конём мнег. Церез цяс силы не стало. Ён поворотил к Марье-королевне Ёна его пригласила обедать, а ён сказал, что завтра приду. Идёт домой, а зятья его попадают настрецю королю. Ён им по леньку плеткой по такому, что на спине кожа сошла. Приехал домой. В ушко влезет, в другое вылезет: таким же и сделалсы. Надел долгой кафтан и отправилсы на свое место в сад и спит сутки кругом. Зятья приехали и хвастают: «Победили, говорят, всю силу!» Ну король сказал: «Слава богу!» А Марья-королевна думает: «Не садовник это был ли?» Сходит, постукаетсы, попасть к нему — не попасть. На другие сутки пришла к ему, ён стал. Стала спрошивать его. «А я нигде и не бывал, говорит, из сада вон!» Церез несколько время ён опять накопил силы ешшо больше того и взял двенадцать богатырей и пишет опять: «Выставлял бы силу, а нет вывозил бы Марью-царевну!» Этому королю приходитсы опять просить зятьей. Попросил зятьей, они опять поехали. Едут и не надеютсы, будет ли этакая помощь, как раньше была. Сутки время прошло. Этот садовник вышел в зеленые луга, на шелковые травы, крикнул по-молодецькие, а свистнул по-богатырьские, — конь бежит, земля дрожит. «Стань передо мной, говорит, как лист перед травой!» Конь остановилсы. Ён в ушко влез, в другое вылез. Напилсы, наелсы и такой молодець сделалсы, дак страшное дело, ешшо красивее того! Поехал и зятьей этиф нагнал на полудороге. Приехал, где Марье-царевне нужно встать, остановилсы, поогляделсы на силу, проехал раз-другой и потом пустилсы. Не только сам рубил, колько конь топтал. С богатырем сшибси, и ён ему руку ранил, а Иван-царевич его засек до смерти. Оцистил это поле и подъезжает к Марье-царевне. «Завяжите, говорит, - мне руку!» Ёна сняла платок и завязала ему руку и позвала его на обед: а ён сказал, что «завтра» — и отправилсе домой. Со зятьям встретилсе, им по леньку дал по такому, что сорвал кожу со спины долой. Потом приехал домой в зеленые луга. Слез с коня и спустил в зеленые луга, в шелковые травы. Потом приходит домой во всем

и в эту будку лег опять и спит три дня и три ноци. Оттуды приехали зятья и выхваливаютсы своему тестю, что мы порешили: все войсько побили и богатырей также; а Марье-королевне запретили, что не сказывать, что не онне — будто что онне. А у Марьи-королевны свое на уме и кряду ходит туды в будку, докликатьсы — не докликатьсы, а будить — не добудитсы и плацёт над им. Слёза ейная пала на шшеку, ён и прохватилсы. «Ах, как меня, говорит, ожгло сильно!» Стал тут, ёна его тут и узнала, платок на руку повязан, которой был у самой повязан. Потом взяла его и повела в дом на этот пир, где пировали зятья княжецькне. Привела и сказала: «Вот кто меня, папаша, спас! Кто за меня заступал!» Отец спросил его: «Ты цей, откуда, какого роду-племени?» Он россказал, что такого царя сын я. Тут цестным пирком да за свадебку. Тут повенцялсы на Марье-королевне. На свадьбе было оценно добро. Вина и пива и ржаныф пирогов и клюков было хорошо, а больше не было особенно ницего.

ЯКОВ ИЛЬИЧ МАСЛАКОВ

25. ЦЫГАН И МУЖИК

Пришел цыган к мужику ночевать и залез на полати и лёжит. Мужик садитсы ужинать. Налил штей и кашицы. В шти было накладено легкого, а в кашицу было накладено свинины. Мужик садитсы за стол ужинать, а цыган на полатяф. Мужик цыгана ужинать не пригласил, а цыгану закусить захотелось. Лежит да говорит: «Эх, глушня несчастная! Сколько раз хозяин кричал меня, что «ставай цыган ужинать», а я и не слышу!» Слез цыган с полатей и сел за стол. Взял ложку и давай хлебать кашицу. Мужик и говорит: «Ты бы, цыган, шти хлёбал с легким! Да ешшо, говорит, кашицю хлебаешь и по два куска волочишь!» А цыган и говорит: «Мне и это не тяжело! Что же мне-то по три-те таскать, не задавиться стать!» Цыган наелсы досыта и по-прежнему — на полати.

26. БАРИН И МУЖИК

Ехал мужик по дороге зимней порой на нераженькой лошадёнке. Снегу было оцень толсто. Попадает ему навстрецю барин и крицит: «Эй, мужик, вороти!» У му-

жика была лошадь плохая: ввалит в снег, дак скоро и не достанешь. Мужик сидит на дровняф и выворотилси вон из копылья. Барин и крицит: «Что, мужик, не воротишь?» — «Да как ужо воротить, коли я из копылья вон выворотился?» Барин и говорит: «Кого же вы здесь, мужик, слушаете?» А мужик и говорит: «Не толкуй, барин! У нас есть на колокольне такой большой колокол, дак все его слушают!» — «А кто же у вас есть за старшего?» — спрашивает барин. «Да кто, барин? У нас в деревне есть старуха, никто не помнит, сколько ей годов». Потом барин и спрашивает: «А кого вы боитесь?» — «Да вот, здесь в усадьбе есть сердитая собака, дак все се боятсы». Барин и спрашивает: «Кто же эту усадьбу держит?» — «Пока новая была, сама́ стояла, а теперь на упо́ры подперта, дак упоры́ держат».

ПАРАМОН БОГДАНОВ

27. КАК ПОП РОБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бенно. Отец посылает сыновей: «Идите хоть один в роботники: дома делать нецего!» Сыновья собрались: ни тому, ни другому не охота идти в роботники. Перетолковали: здумали жребий кинуть — кому идти в роботники. Кинули жребий, досталось большаку брату идти в роботники. Большак брат справилсы и отправилсы в путь-дорожку. Поступил в роботники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправилсы к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти — Ивану-дураку. Вот он снарядилсы и отправилсы в дорогу. Вышел — навстречу попадаёт поп стречу ему. «Далеко ли, добрый человек, идешь?» спрашивает поп. «Иду себе места искать!», говорит. «Ну, наймись ко мне в роботники!» — «Найми!» говорит. «Сколько даешь?» — «Сто рублей дам, говорит, за зиму!» — «Ну, а сто рублей дашь, я и жить стану!» говорит. «Ну, станешь, дак садись в сани и поедем ко мне!» Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил. «Лёжи́сь спать!» говорит. Утром

ехать за сеном». Утром поп будит полночи роботника: «Вставай, надо ехать!» Сам чаю напилсы, отзавтракал, а роботника не кормит на дорогу. Роботник запряг пару лошадей. «Ну, садись, батько, поедем», говорит. Сели и поехали. Выехали за полё. «Батька, говорит, я веревки забыл! Нечем сено завязать». — «Экой ты чудак! Ешшо хорошо скоро спомнил! Беги, я подожду!» Иван-дурак прибежал к попадье. «Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина! Поп велел дать!» Попадья сейчас подала. Роботник побежал. «На веревки, батько! Теперь есть чем сено вязать». Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку: «Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю». — «Ланно, батька, поезжай! Я усмотрю эту дорогу». Ваня идёт и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, соскочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по кой не надо было ехать. Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулсы. Осмотрел место и видит, что в сторону едут не ланно. «Ваня, ведь мы не ланно едем!» — «А я, говорит, почем знаю — ланно или не ланно! Ведь ты впереди едешь, а я за тобой». — «Экой Ваня! Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!» — «Ишь, сам впереди, а я и заехал!» — «Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалёко, нужно нам в ней ночевать». Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает роботника: «Пойди, просись ночевать вот у такого-то мужика!» Роботник побежал к дверям. Видит, двери заперты. Сицяс большуха вышла, двери отворила. Роботник пошел и просит хозяина. «Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!» — «Милости просим, говорит, начуйте!» — «Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накормите, он ешшо горажже шшалеет. Примолвите так, а садить не садите боле, а если посадите, так не взышивайте, если шшалевать будет!» — «Ну, ланно!» Роботник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, розделись поп и роботник. «Поужинать ли не хотите, батюшка?» Поп на ответ ничего не подаёт, а роботник свернулсы да и за стол. Роботник отужинал, как ему надо, а попу сесть не ловко, только

примолвили, а больше не садят; а есть очень хочетсы. Так роботник отужинал, полез на полати, и поп за ним. Роботник захрапел, а попу не спитсы. Роботника тычет под бока: «Роботник, ведь я ись хочу!» — «Ох, мать твою, косматый леший! Садили тебя есть, не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойди ешь!» Поп сошел с полатей, розыскал горшок в сошке. «Роботник, говорит, чем я буду кашу есть? Ложки мне не найти», говорит. «Ах ты, черт косматой, навязалсы! Есть ему дал и то спокою не дает! Засучи руки и ешь так!» Поп загнёл туды руки и ожег, а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опеть: «Роботник, ведь мне рук не вынять!» Роботник и говорит: «Ишь, лешего косматого навязало на меня! Всю ночь спокоя не даешь со своей кашей!» Была месячная, значит. «Вон, говорит, у порога точило лежит, брякни горшком об него и вынешь руки-то!» Этот поп разбежался — да как хряснет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысой лежал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопел, а поп скочил да из избы вон: испугалсы. Тогда все хозяева скочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, роботник кричит: «Куды поп девалсы?» Не знаю, что и делалось здесь. Хозяева за роботника: «Зачем старика убили?» А роботник за хозяев: «Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сицясь схожу к десятьскому: «деревню собери!» Где хочите, попа давайте!» Потом хозяева одумались: «Куды поп девалсы?» — «Давайте, говорит роботник, триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду!» Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей. «Только не сказывай, что случилось!» Так роботник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит из угла выглядывает, видит, что роботник едет с сеном. Поп и спрашивает: «Аль ты, Ваня, едешь-то?» — «Я, говорит, косматой плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!» — «Неужели его до смерти я, Ваня, убил?» — «Да быть до смерти! Сицяс ладят за урядником ехать, протокол составлять». — «Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?» — «Триста рублей давай, дак замну, а нет — дак в остроге сидеть будешь!» Так поп согласилсы 300 рублей роботнику заплатить, только бы замял это дело. Роботник вернулсы в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет взад.

«Поезжай, батька! Теперь ничего не будет! Поедем взад!» Приехали домой. Поп сделалсы такой добрый, стал роботников жалеть. Как сам садитсы чай пить, так и роботника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил заместо сотни. Приходит домой, отцу и говорит: «Вот, тятька, на, деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умные сына». После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

28. ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик богатейший. У него было три сына: два умных, а третий Иванушка-дурачок. Старик захворал и своим сыновьям наказывает: «В случае я умру, Ваню не обидьте у меня!» Старик помер. Поминки отошли, помянули. Остались сыновья онне себе жить. Ну, братья живут себе ничего — мирно, а невестки стали себе браниватьсы. У этих братей, у большаков, нет робят, а у Ванюшки-дурачка их семеро. Невестки и говорят: «Чего нам кормить чужих детей! Давайте Ваню отделим! Пускай один с семьей своей живет». Братья взяли Ваню отделили и из постройки дали ему онну байну только. Хлеба три меры ржи дали. Вот доля ему — хорошо Ваню не обидели! Вот три меры он смолол ржи. Съел, — на три недели не хватило. Боле ись нечего и купить не на что. «Пойду, говорит, к брату-большаку! Не даст ли мерочки ржи?», говорит. Пришел к брату-большаку. Что, брат, ись нечего! Не дашь ли мерочки ржи?» Брат взял ключи, сошел в амбар, насыпал мерку ржи. Дурак съездил на мельницу, смолол. Баба испекла, и съели эту мерку опять. Опять стало ись нечего. Ваня пошел опять к брату своему, не даст ли ешшо мерочки. Пришел к брату. «Что, брат, я съел твою мерочку! Не дашь ли другой?» Брат сказал: «Что, Ваня, али все будешь за мерочкой ко мне ходить? Тебе мера дана, самому зарабатывать!» Ну, оннако взял ешшо насыпал мерку ржи. «На, больше не ходи ко мне!» Брат сошел на мельницу, снес мерку, смолол. Баба испекла, съели опять. Мерку недолго съесть: девять душ семья ведь. И опеть село нечего ись. «Пойду, говорит, к брату! Не даст ли ешшо мерочки?» Приходит к брату. «Что, брат, нечего ись! Не дашь ли ешшо мерочки?» Вдруг сбросились невестки,

закричали: «Что мы тебя будем с семейством кормить? Все будешь к нам ходить за мерочкам». Ну, брат все-таки сжалел, дал мерочку ешшо. Смолол мерочку, съел опять. Больше ись нечего и взять не на что. К брату идти не смеет боле — не велено. Дело было воскресенье. Справилсы и пошел. «Пойду, говорит, куда глазы понесут!» Вышел на перелесок. Перелесок верст сорок. Слышит, в стороне кто-то рубит дрова. Он остановилсы и думает: «Что же, нонче воскресенье, а кто-то рубит дрова, не празднует! Дай я, говорит, схожу, узнаю, кто это рубит». Повернул в сторону и пошел в то место, где рубит. Подходит — рубит баба дрова. «Что ты, баба, делаешь? Сегодни праздник, а ты работаешь!» Баба зрынула: «Как ты слоняешши, слон, так и люди будут слонятьсы? Я твоего брата учась. Твой брат, знаешь, стараетсы на работе, а я, его учась, ему и помогаю. А ты не то что в праздник — ты в будень не роботаешь, а потому ничего и нету у тебя. А учась-то твоя с дружником занимаетсы!» — «А где мне учась моя, где бы найти?» — «А садись на меня, я свезу тебя — найдешь свою учась!» Иван-дурачок сел бабе на плечи. Баба понесла из лесу вон и вынесла на чистое поле и поставила на дорогу. «Вот ступай по этой дорожке. Дойдешь до кузленицы — зайди в кузленицу и попроси три прута железных сковать. Скуешь это прутье — по той дорожке иди дальше. Дойдешь до дому. Стоит дом трехэтажной, и в эфтом доме сидит твоя учась в комнатке и занимается с полюбовником. Зайдешь в этот дом, богу помолись, перекрестись и сядь на лавку. Когда твоя учась скочит, подойдет к тебе и спросит, будет тебя потчивать, — ты две рюмки выпей, а третью не пей! Ина тебя будет неволить, а ты скатай ее этим прутьем и катай, пока она тебе не покоритсы». Так он и отправилсы. Дошел до этой кузленицы, сковал три прута железные. Приходит к этому дому. Дом стоит трехэтажной. Пошел в эфтот дом. Сидят мушшина с женшиной за столом. Зашел, богу помолилсы, им поклонилсы: сел на лавочку. Вдруг женщина сошла с графином, бежит к ему. Стала его потчивать. Налила ему рюмку, он выпил; она другую налила, он другую выпил; она третью налила, он третьей не берет. Она стала его неволить; он схватил ее и давай трепать. «Что ты меня неволишь!» Как он начал трепать ее, друженик ее скочил и в окно вон. Трепал, трепал; прут железный изорвал один, взял другой, изо-

рвал другой. Другой изорвал, взял третей. Потом эта женшшина взмолилась ему: «Брось трепать, я дам тебе помогу!» Потом он бросил ее трепать. Она дала ему курочку с золотым гребешком. «На, неси домой эту курочку, снеси ее в гнездышко! Она тебе будет золотые яички класть». Этот Иван взял эту курочку и отправился обратно. Приходит на это место, где от бабы отстал. Посадила она его на плеча и принесла туда, где дрова рубила. Эта баба осталась дрова рубить, а он пошел на дорогу. Пришел на дорогу, потом отправилсы домой по дороге. Пришел домой, робятишка плачут: «Есть хотим! Давай, тятька, хлеба!» Тятька хлеба не принес — чего хошь ешь. Взял курочку в гнездечко посадил. Курочка положила золотое яичко. На другой день другое положила. На третий день третье положила. Вот Иванушка-дурачок пошел к своим братьям. Братья собираются ехать во иные земли на корабляф. «Братцы, возьмите три яичка мои! Поедете во иные земли, может быть, вам там дадут по кулю хлеба за иф».— «Вот дурак, у нас мякйнные кузова стоят яиц! Если бы по кулю давали за одно, мы бы все свезли туда бы». Брат заплакал. «Все-таки, что дадут, а все-таки свезите!» А сам не объясняет, какие яички. Ну, братья: «Делать нечего: снеси в корабль, положи в уголок где-нибудь!» Иванушка-дурачок сошел домой, в самые грязные тряпицы обвертел и снес в корабль и положил их, где не раздавить. Эти братья отправились на кораблях в иные земли. Приплыли в иные земли, остановились на пристане. Потом берут самые лушшие подарки и несут королю. Принесли подарки, подали королю. Король росхвалил подарки и дозволил им торговать во своем городе. Вот эти братья товары все распродали очень скоро, барышу получили очень много. Накупили товару, нагрузили свои корабли. Снова и хотят отправлятсы во свой город. Только стали на корабли, собрались ехать и вспомнили: «Что же, братья, этто мы яичка не продали? Где они были положены этта?» Сицяс розыскали яичка; розвертели онучи, вывалились три яичка. «Ах, брат-дурак, где же он такие яички взял? Что же это он нам не объяснил?» Взяли эти три яичка, сошли в город и положили на золотой поднос и снесли к королю и сказали, что это от нашего брата вам подарок. Король весьма рад такому подарку был, отродясь не видал такого. Благодарил за этот подарок и нагрузил три корабля Ивану-дурачку

за эти яичка. «Вот, говорит, приставьте Ивану-дурачку от меня подарок за его подарок». Вот у них сделалось теперь шесть кораблей и отправились в путь-дорожку. Жаль им отдать эти корабли брату. «Брат просил по кулю за яичко, дак дадим мы ему по два, а корабли себе оставим!» Уталакали так. Вдруг корабли остановились, с места не пошли. Стоят день, другой, третей, стоят с месяц и с места не идут. Братья спугались этому делу: «За то у нас корабли стали, что решили корабли брату не давать! Господи, вынеси наши корабли, отдадим их брату!» Вдруг корабли пошли. Близ дому подъезжают, увидали, значит, свою родину — опять совет имеют, что, «не дадим брату кораблей». Корабли опять остановились. День за день и с неделю стоят корабли и с места не идут. Братья сгоревались: «Вынеси домой, свои отдадим, не то евонные!» Так вдруг корабли пошли. Пришли к пристане. Братья голову повесили, пошли домой, пригорюнились: жалко, что имушшество теперь не ихнее село. Вдруг Иван-дурачок бежит им навстречу: «Что, братцы, продали ли мои яичка?» — «Продали, продали! Беги, Ванюшка, на пристань, все, что есть там, все тебе за яичка!» Ваня бежит к пристане. Народ, который был приставлен, говорит: «Вот это наш хозяин бежит!» Эти корабёльшики взяли своего хозяина на руки взвели его на корабли. «Вот объясняем тебе, Ваня, — это все твое имушшество! Все шесть кораблей! Определяй нам место и давай мы будем торговать». С Вани с дурака сдернули это платьишко, надели на его хорошее. «Быть ты, Ваня, хозяином, не рваныо такой!» Ваня здаровалсы, побежал к своей жене, не нужно именья ничего. Прибежал к своей жене: «Жена моя, барыня, смотри, как меня здобили за яичко!» Жона сгребла дубину, давай своего мужа шлеить: «Тебе нужно, псу, здобу, а не хлеб робятам!» — «Да ступай ты, подлая, на пристань, дак и тебя здобят, коль тебе обинно!» Жена бросила дубину, побежала с радостью на пристань. Бежит Ванина жена на пристань. Прикашшики закричали, что «это бежит хозяйка наша, рваная такая?» Сицясь подхватили ее за руки, сдернули платьишко и здобили ее барыней. И эта убежала домой — ничего не нужно село. Потом эти прикашшики увидели, что от хозяев дела ничего нету, дак давай лавки сами строить. Настроили лавок, выгрузили товару и давай торговать. Потом у этого Ивана сыновья занялись торговать. Потом и сам Иван стал поживи-

вать в лавку. Занялись торговлей. Зажили хорошо, нажили имушшества много. Потом Ванина жена нажила себе полюбовника. Вот этот полюбовник и похаживает все. Как пойдут в лавку торговать, а ён к ей. Ходил да похаживал и попал на эту курочку с золотым гребешком. У этой курочки на гребешке была надпись: «Кто этот гребешок съест, тот будет царем, а фто из курочки съест пупок, тот будет золотом плевать». Так этот дружок рассмотрел все эти рядни. Захотелось ему эта курочка съесть. Потом и говорит: «Душечка, заколи эту курочку и съедим мы вместе!» Она сказала: «Нет, курочки этой я не согласна заколоть». — «А почему же ты не согласна заколоть?» — «А потому не согласна, что мы с курочки и жить начали». — «Ну, не согласна курочка заколоть, не согласен и я тебя любить! Не приду к тебе вовеки!» — «Хоть люби, хоть нет, а уж курочки я не заколю!» Вдруг полюбовник ейный скочил и из дому побежал. «Больше вовеки я к тебе не приду, подлая!» Оннако ей сжалелось: «Воротись, говорит, душечка! Заколю я для тебя курочку!» Вот он воротился. Она взяла курочку заколола, опотрошила и жарить сицясь. Поставила жарить. Он и говорит: «Ну, душечка, надо нам истопить байна! Вымытьсы и потом курочка скушать». Сицясь она стопила байну, и отправились они в байну. Вдруг тот раз прибежали к ей его два сынишка — Мишка да Гришка. Захтили они ись. «Ах, говорят, мамки нет, а ись хочется!» Мишка и говорит: «Давай, Гришка, ишши, что в печке есть, ничего, что мамки нет!» Гришка отворил печку, видит, что жаркое латко стоит. «Ох, говорит, Мишка, этта жаркое латко стоит!» — «Давай, ташши на стол, все равно съедим!» Гришка выташшил латку, поставил на стол и обделали ю. Взяли косточки оклали в латку и поставили в печь. Убежали из дому вон и видят: мать ейная идет из байны в дом с полюбовником. «Ну, давай-ко, послушаем, будет нас матка бранить, что мы курочку съели?» Пришла ихняя мать с полюбовником. Хотят курочку есть, вынимает и видит одни косточки. «Ох, душечка, у кого-то съедена курочка, окладены в латку одни косточки! Видно, Мишка да Гришка съели. Пушшай же они домой придут, я с них с живых кожу сниму!» Эти Гришка с Мишкой слышат разговоры. «Ах, вот как нас мамка бранит, так мы лутше из дому вон!» Вышли за город, свернули по папироске и давай

закуривать. Закурили. Плюнул Мишка, а у него изо рта золотая. Они удивились. Плюнул ешшо — опять золотая, и так дальше все золото выплевывает. Так он наплевал, наклали целые карманы, так что девать некуда и плевать-то перестал. «Ох, Мишка, нам теперь жить-то хорошо! Полные карманы, говорит, а во рту ешшо больше!» Так пошли продолжать дальше и дальше. Шли, шли путем-дорогой. Приходят в один город и сами не знают, что за город. Розыскали одну старушку на задворенках. «Бабушка, пусти нас, пожалуйста, ночевать!» — «Просим милости, ночуйте! Только покормить мне вас нечем, ничего не приготовлено». Вдруг этот Мишка вынимает золотые горстья и подает этой бабке. «На вот, бабушка! Вот тебе горсть золотых, купи нам на ужин!» Бабка сбежала в город, накупила всячины, возом навезла. Сицясь печечку затопила, напоила и накормила детушек. Так они живут у этой бабки с месяц. И им и бабке хорошо. Потом розговор имеют с бабкой: «Что, говорят, бабушка, в вашем городе деется хорошего?» — «У нас, говорит, детушки, сегодня царя будут выбирать: у нас нет царя в государстве».— «А как же, бабушка, его будут выбирать?» — «А вот в назначенный день весь народ соберётсы, и всем дадут по свичке, и у кого свичка загорится, тот и будет царем».— «Так мы, бабушка, поживем до того времени, дождемсы!» — «Поживите, детушки, поживите! Я рада, что вы живете!» Вот они ешшо целый месяц прожили у этой бабки. Потом подошел день назначенный, и эти Мишка и Гришка отправились в собор. Собралось народу и сметы нету сколько, и всем дали свечки в руки. У этого Мишки свечка затеплилась в руках. Весь народ осмотрелсы: у эдакого мальчишки свечка загорелась — быть ему, значит, царем. Весь народ загалдел: «Не колдун ли он? Нужно прекратить до другого разу это дело!» Прекратили до другого разу. Другой раз собралсы опеть народ, опеть всем по свичке дали. Опять у Мишки в руках свечка затеплилась. Народ опять загалдел: «Что такое у такого мальчишка другой раз свечка затеплилась!?!» Ну, народ как не галдел, а суд сказал: «На что узаконовано, так и быть! У Мишки свечка загорелась, так ему и быть царем!» Так Мишку посадили на царство. Сказка скоро сказывается, а дело не скоро делаетсы. Ему уж село·двадцать лет. Вот посадился на царьство. Вот

царь и женилсы и поживает со своей женой, и Гришка с ним живет. «Что, брат Мишка, ты с женой спишь, а я один! Мне надо женитьсы!» — «Дак ведь что, брат, желаешь женитьсы,— какую желаешь, такую и возьмем!» — «Нет, брат, я здесь не желаю жениться! Нет здесь невесты по́ люби. Я ведь пойду теперь, где найду по́ люби невесту, тут и женюсь!» — «Нет, говорит, брат, я не советовал бы тебе идти: пойдешь без меня — пропадешь!» — «Нет, брат, не считаю, что пропаду! Хоть из кармана унесут, дак во мне самом много! Дак как же я могу пропасть?» — «Ну, говорит, с богом! Ступай, странствуй, коли не хочешь меня слушать!» Так и отправилсы брат Мишка. «Прошшай, говорит, брат Гришка!» Распростились и отправилсы в путь-дорожку. Вот шел путем-дорожкой много ли, мало ли места — заблудилсы. Вот он ходил, ходил, поесть захотелось, а взять не́где, и деньги есть, да не́где купить. Вот и спомнил брата. «Правда брат сказал, что пропаду без его!» Потом он вышел на ручеек. Бежит ручеек и стоит кусточек травки на бережку. Сел он к этому кустышку и давай травку шшипать и ись. Поел этой травки — ослис и оскорб весь, сделался нездоровой. О, господи боже! Что надо мной случилось? Весь я теперь пропал! Ну, делать нечего! Пойду по этому ручейку: неужели меня он не приведет ни к какому жилью?» Пошел по этому ручейку, и попалсы опеть ему ку́стышок травки. «Дай, говорит, я сяду и поем, онного́ помирать!», говорит Сел к этому кустышку и давай ись эту травку. Поел этой травки — и вся с него ско́рба свалилась, очистилсы весь, сделалсы здоровой и красивой, ешшо лутше, чем был раньше. «Слава тебе, господи! Бог, говорит, не без милости: дал мне здоровья!» Взял этой травки нарвал, в карман наклал. Воротилсы и за той и той нарвал. Потом отправилсы по этому ручейку и вышел на большую дорогу. Пошел по большой дороге и приходит в такой-то город. В эфтом городе розыскал старушку на задворенке. «Бабушка, пусти меня ночевать!», говорит. «Милости просим! Ночуй, дитятко! Только покормить тебя нечем». Гришка сунул руку в карман и подает бабке горсть золота. «На, купи, говорит, мне на ужин!» Бабка зрадовалась, взяла золотые и побежала в город; накупила разныф разностей, возом привезла. Сицясь пецьку истопила, напекла и наварила, и ночлежника накормила. Потом Гриша спрашивает этой

бабки: «Что у вас есть хорошего?» — «А что хорошего? Вот у нашего короля дочь тридцать лет нездорова и нифто не может вылечить; из иных земель привозили дохторов — никто не может вылечить».— «Доложи-ко, бабушка! Я-то не могу ли вылечить?» — «Ох, говорит, дитятко! Где же тебе вылечить? Разные дохтора лечили — не могли вылечить. Ведь ты будешь лечить, не вылечишь — голова долой! Вот все тычинки завешены головам, осталась тычинка одна, видно, для твоей головы».— «А нет, однако, бабушка, доложи: может быть, я вылечу!» Старуха побежала к королю. Подбежала ко дворцу, слуги стречают: «Что, бабушка, надо?» — «А вот так и так, у меня ночует ночлежник и берется вашу дочь вылечить». Слуги доложили сицясь же королю. Король велел тотчас же придти бабкину ночлежнику. Он сицясь же явилсы к королю. Король спрашивает: «Ну что, братець, берешши ли ты мою дочь лечить?» — «Так тошно! я, говорит, вылечу вашу дочь».— «Ну, если, говорит, вылечишь дочь, всем имушшеством награжу, а нет — голова долой! Вот одна тычина приготовлена! Как же ты будешь лечить?» — «Нужно стопить, говорит, две байны, и будет она здорова». Король приказал истопить байну. Стопили байну и свели королеву в байну с дохтором этим. Гришка сицясь вынул травку, с которой сам сделалсы нездоров, положил ее в теплую воду, взял ее этой травой всю и вымыл. Потом она сделалась ешшо хуже нездорова. Повели ею из байны. Король посмотрел. «Ешшо хуже сделал дохтор, залечил до смерти мою дочь! Сицясь с него лутше голова, чем другую байну топить, а не то заморит дочь совсем. Али истопить ешшо приказать? Что будет ешшо?!» Король приказал другую байну истопить. И свели королеву в другую байну с дохтором. Гришка взял эту травку, с которой сделалсы здоровой, размочил ее в воде и велел ей попить этой водицы. Взял ее и вымыл этой водицей. Вдруг свалилась вся с ей скорблось, сделалась здоровая, красивая, на ею все бы смотрели. (У меня жана красавица, а она ешшо красивее была). Вдруг эта королева берет этого Гришу за руки и целует его в уста и говорит: «Будь ты мой суженый-ряженый!» Взялись они за белы руки и идут из байны прямо во дворець. Король сглянул из окна, видит, дохтор идет, а на дочь и не может подумать, не верит своим глазам. «Неужели этот дохтор вылечил

мою дочь и с ней и идет?» Вдруг подходит его дочь. «Здравствуйте, маминька и папинька! Меня вылечил этот дохтор. Я, говорит, жалаю быть жаной его!» Король немного думал, сицясь свадьбу сыграл. Повенчал. Живут-поживают себе. Потом она стала добиратьси у его: «Почему ты, говорит, золотом плюешь?» — «Я, говорит, плюю золотом по природе: у нас вся природа золотом плюет!» Ну, сколько ни добивалась, не может добитьсы. Вот она сделала пир, наварила пива, набрала всякиф вин разныф, назвала гостей и стала упрашивать, не можете ли втравить как-нибудь моего мужа, чтобы выпил рюмку вина (а он хмельного не потреблял). Вот эти гости на пиру пили, а его втравить никак не могли, чтобы хоть каплю вина выпил. Так и гости все разошлись, ничего не могли сделать с им. А ей все-таки охота достукатьси. Взяла стопила байну. Утром он в байну, она согрела самовар, заварила чай и налила ему стакан чаю и в эфтот стакан самых дорогих напиток налила. Друг Мишка приходит из байне, садитсы пить чай. Сел за чай, выпил стакан, его и охмелило, он и пал. Жана и говорит: «Слуги, снесите его в спальну: он угорел, видно». Слуги положили его на кровать, на перину. Он там полежал несколько время, ему смутило, он и сблевал и выблевал этот самый пупок, с которого он золотом плюет. Тотчас его жена увидала, взяла обмыла пупок, съела и плюнула — выскочила золотая.— «Ах, вот отчего он, значит, золото плевал! Слуги, говорит, возьмите его, снесите пьяницу в нужник; ишь, всю комнату сблевал!» Слуги взяли его и выбросили в нужник. Он там очувствовалсы и говорит: «Господи боже, как я сюды попал? Сидел за чаем и очутилсы в нужнике. Что-нибудь, наверно, неланно случилось. Куды же я теперь пойду — нагой и весь в г...? Ведь мне стыдно и на люди выйти!» Взял в рогозку обернулсы и вышел из города вон. Вышел к конавке, взял умылсы и стал дальше продолжать. Шел и шел, все лесом и все лесом. Дошел до того, что идти устал. Стоит одна яблонь, и такие яблоки красивые — на их бы все и смотрел. Сицясь он нарвал этих яблок и наелсы. Вдруг оброс рогам весь. «Господи боже, что надо мной село? Я теперь пропал. Правда брат говорит. Топерь денег нет и рогам оброс! Куда я пойду топерь!?» Так от яблони начал карабкатьсы прочь, да рога мешают: цепляют все за деревья. До-

бралсы до другой яблоне, сорвал яблок, съел — рог свалилсы. Так наелсы этих яблоков — все рога свалились. Тотчас взял этих яблок нашшипал. Потом и к той яблоне и тех нашшипал. И воротилсы опять обратно в город. Пришел в город, розыскал свою старушку опять на задворенках. «Бабушка, пусти меня ночевать!», говорит. «Милости просим, дитятко! Ночуй!», говорит. Вот он остановилсы ночевать. Бабка накормила его ужином и спать повалила. «Бабушка, нет ли у тебя новенькой корзиночки? Снеси вот эти яблочки к королеве и продай!» Бабушка принесла корзиночку. Он намял ее цельную яблоков. Она понесла к королеве. Служанки выходят: «Бабушка, что несешь?» — «Да вот яблоков продавать!» Королева обрадовалась, яблочки купила. Купила и сицясь в свою комнату и давай поедать. Что яблочко съест, так рог выростет, так рог выростет. Так вся рогам обросла. Слуги за дохтором побежали. Дохтора пришли с пилам, рога пилить начали. Что рог отпилят,— то ешшо больше с отростьем выростет. Побились-побились,— ничего не могут сделать. Доложили королю. Король сгоревалса, не знает — как эти рога снять. Сицясь подает афишки во все края, во все разные губернии, кто может ехать к королю. Наехало дохторов со всех мест и — давай рога отпиливать. Что рог отпилят, то насупротив ешшо больше выростет и с отростлем. Побились, побились,— ницего не могли сделать с рогам, так и розъехались. Друг этот бабкин ночлежник посылает свою бабку: «Пойди к королю и скажи, что у меня есть ночлежник, беретсы рога снять». Король сицясь же приказал ночлежнику придти к ему во дворець. Ночлежник вошел во дворець. Король и спрашивает: «Что, ночлежник, можешь рога моей дочере снять?» — «Могу», говорит. «А как же ты их будешь снимать?» — «А нужно стопить байна и в байне распарить рога, потом я буду снимать их. И свесть ее в байну, и запереть на замок, и до тех пор не отпирать байны, пока я не скажу; а если раньше отопрете, то дело у меня сорвете и не снять мне будет рогов». Так с королем и условились. Король приказал истопить байну. Истопили байну. А как поведешь! Не вывесь ее из комнаты. Сицяс приказали всем пильшшикам, чтобы враз спилили рога и продернули ее в двери. Сицясь все пильшики собрались, не успели продернуть — она опеть вся обросла рогам. Так и в каждых дверях рога

отпилят и продернут. Так и в байну ввели. Сицяс двери на замок, кругом байны караул поставлен. Вот он завалил ю на полок и давай жару поддавать, роспаривать рога. До того надавал жару, что самому не здохнуть село в байне. Потом у него были приготовлены три прутья железные, давай ею ими ходить. Ходил, ходил, до того доходил, что ею из памяти выкинуло. Кричала, кричала и кричать бросила. Этот караул, который был у байны, доложил королю, что твоя дочь кричала, кричала в байне и перестала. Король с нетерпенья хотел байну отпереть, потом роздумал, что условие сделано, нельзя байну отпирать, дока не дозволит дохтор. Потом эта королева блевала и сблевала этот пупок. Ён взял этот пупок, вымыл в теплой воде и проглотил пупок этот. Плюнул, и золотая выскочила. Потом дал этих яблоков, с которых сам выздоровел. Ёна стала эти яблоки ись, стали у ей рога сваливатьсы. Наелась яблочка,— все рога свалились, сделалась она здоровая. Зглянула на этого фершела, видит, что ейный муж. Сицясь пала на колени. «Ох, душечка, прости меня за мою вину! Сплутовала я над тобой, посмеялась!» — «Ну, говорит, бог тебя простит! Меня прости!» Друг друга простили и стали жить по-старому. Потом вдруг закричали: «Отпирайте байну!» Отперли. Идут ручку за ручку прямо во дворець. Король обрадовалсы такому делу, что евонная дочь сделалась здоровая и идет с мужем. Вдруг сделал пир на весь крестьянский мир. Пили, гуляли, цельные сутки веселились. Потом этому Мишке захотелось спроведать своего брата Гришку. И жана стала проситьсы: «Я от тебя не отстану, и меня возьми!» — «Ну, поедем, да что же!» Справились и поехали. Приехали в то государство, где брат живет. Брат весьма рад был. Погостили сутки двои-трои, потом спомнили своего отца. «Надо нам съездить спроведать своего отца, как он поживает». Вот справились и поехали оба брата,— оба именитые — один король, а другой царь. Подъезжают к тому городу,— пасет пастушок свиней стадо. Увидали они этого пастушка и кричат: «Подойди сюда, старичок, к нам!» Старичок испугалсы, затряссы, не знает, чего и делать. Оне видят, что старичок испугалсы, кричат ему: «Иди, иди, старичок, не бойсы!» Старик подошел. Они спрашивают: «Что, старичок, в этом городе был Иванушка-дурачок, дак жив он или нет?» — «Жив, жив, батюшки!

Я самый и есть!» — «Дак неужели ты самой Иванушка-дурачок и есть?» — «Я, батюшки!» — «Как же ты попал в пастухи? Ведь ён жил богато».— «Сицясь всё есть именье, да жана с дружником живут, а меня заставили свиней пасти».— «Ну, садись, старик, к нам в повозку, коли так, если ты верно Иванушка-дурачок!» Старик испугалсы, не смеет садитсы, не знает, что и делать. «Садись, садись, говорят, чего же ты боишши?» — «Да у меня, говорит, свиньи уйдут».— «Ну, черт их обери, свиней, будет свиней! Садись!», говорят. Старик сел в повозку их. Приехали к своему дому. Вошли в дом. Ихняя мать сидит со своим полюбовником за столом, любезничают. Взяли свою мать, наступили на ногу, за другую взяли и роздернули; а этого полюбовника привязали ко дверям и ростреляли его. Это имушшество своим братьям оставили, а старика с собой взяли и потом разъехались по своим королевствам. Стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут. Сказка вся, и сказывать больше нельзя.

ТИХОН ПАРАМОНОВИЧ БОГДАНОВ

29. ОНДРОН НЕСЧАСТНЫЙ

В невкотором царстве, в невкотором государстве, в том самом, где мы сейчас живём, жил-был Ондрон несчастный. Он жил очень бенно и так жил, что ходил он с кузовом; и куда ли он ни придёт, какая там беда да и будет: или потеряется там что-нибудь, или случится что в том доме. Он был несчастный. Потом его стали нигде пущать ночевать,— он пошёл государю.— «Пойду, говорит, государю! Куда он меня хочет, пущай меня туда и денет!» Потом пришёл он государю. Объяснили, что там такой-то человек пришёл. И потом государь этого дела не мог роздумать: казнить ли его, или что. И государь подал в синод, и судили трое сутки и не могли этого дела россудить. Вот пришла тогда царская дочь и говорит: «Вот что, тятенька и мамынька и все судьи! Дайте мне слово онно тольки, и, может, я все ваши дела россужу! И дайте, говорит, ему билет на три сутки, и пускай он по городу ходит — и какую девушку полюбит, пускай её за руки возьмёт и приведёт в церковь. И тогда через жену он будет счастлив». И дали ему билет, и ён ходил целые двои сутки. Вот, он ходил

двои сутки цельные, а на третий день вышел поутру, и в этот день вышла царская дочь за водой,— та, которая россудила ифные дела. Потом тягнул он её за ручку и на ней повенчался, на царской дочери. Потом это государь на ниф рассердился и иф не прйнял. Ей за него, видимо, и хотелось зáмуж выйти. И потом они поступили к старушке на задворинки и стали с этой старушкой жить. И потом эта Марья Царевна подаёт Ондрону несчастному три копейки денег. «Сходи, говорит, в лавку и возьми такиф-то вешшей!» Вот он сошёл в лавку и достал себе вешшей; и у его копейка остаётсы от трёф копеек. «Что, говорит, мне на копейку взять? Дайте, говорит, хлеба!» Ему и дали целый хлеб (по нашему — коровай). Вот он принёс эти вешши Марье Царевне и ей обсказывает: «Вот, купил я тебе вешши, как ты мне приказывала, осталась у меня копейка, и мне дали на копейку целый хлеб!» Марья Царевна вышивала из этиф вешшей ковёр. «На, говорит, Ондрон нёсчáстный, ковёр! Иди продавай, только своей цены не уставляй, что дадут, за то и давай!» Идёт он по городу и видит — идёт купець. «Что, Ондрон, несёшь?» — «Ковёр продавать!» — «Продай мне!» — «Купи!» — «А что просишь?» — «А что дашь!» — «Триста рублей!» — «Давай деньги!» — «Возьми!» И потом он эти деньги приносит Марье Царевне и дает ей триста рублей. Она опять ему три копейки. «На, говорит, Ондрон, купи такие же вешши, какие покупал!» Ён сошёл в ту же самую лавку и купил опять теф же самыф вешшей. У него опять остаётся копейка. «Что мне взять на копейку? Хлеб у меня есть! Дайте мне ситнёво!» Ему на копейку дали ситнего целый хлеб. И потом он приходит к Марье Царевне и отдает ей эти вешши. «Вот, говорит, Марья Царевна, вешши! У меня осталась после этиф вешшей копейка, и я купил ситнего, мне и дали целый хлеб ситнего». И потом, она в два разá красивее прежнего вышила себе ковёр. «На, говорит, Ондрон несчастный, неси, продавай! Только своей цены не уставляй, что дадут, за то и продавай!» Потом он идёт по городу и видит — тот же самый купець, кой у него тот ковёр купил. «Что, Ондрон несчастный, несешь?» — «Ковёр».— «Отдай мне!» — «Купи!» — «А что просишь?» — «А что дашь!» — «Возьми триста рублей!» И потом он триста рублей приносит Марье Царевне. «Вот, говорит, Марья Царевна, продал я ковёр за трис-

та рублей!» И потом, она опять подаёт три копейки денег. «На, говорит, Ондрон несчастный, тебе три копейки денег и купи теф же самыф вешшей, что и покупал!» Потом он сошёл в ту же лавку и купил теф же самыф вешшей. У него от трёх копеек остаётся одна копейка. Ён думает: «Что мне взять на копейку?» И ему дали фунт сахару и восьмушку чаю. Приносит эти самые вешши и Марье Царевне отдает иф. «Вот, говорит, Марья Царевна, я купил теф же самыф вешшей, и у меня осталось от треф копеек одна копейка, и подумал, что мне на копейку купить? Хлеб у нас есть, ситной есть! И спросил я восьмушку чаю и фунт сахару». Вот она и нашивала она из этиф вешшей ковёр и втрикраты лучше прежниф. «На, говорит, Ондрон несчастный, неси, продавай! Только своей цены не уставляй!» Вот он несет по городу и видит — тот же самый купець. «Что, говорит, Ондрон несчастный, несёшь?» — «Ковёр».— «Продай мне!» — «Купи!» — «А что просишь?»— «А что дашь!» — говорит. «И возьми ты за этот ковёр три слова!» За три слова и продал. И вот ён приходит домой и обсказывает Марье Царевне: «Вот, говорит, этот ковёр я продал за три слова!» — «А может, эти три слова будут стоить больше триста рублей!» — «Вот, говорит, ты лёжись спать! Утро вечера мудреняе, кобыла мерина удаляе, воз возит и жеребят носит!» Вот он проспал эту ночь. Утром встает, умываетсы, богу молитсы. Потом приходят к нему купци и зовут его в инные земли на корабляф. Ему была ехать неохота. И вспомнил он первое слово — «Куды станут звать и не отпирайсы!» Вот он справилсы, со своей женой роспростилсы и отправилсы на корабляф. Вот мало ли — много ли места они отъехали. И вдруг эти все корабли остановились. «И подайте, говорит, нам русского человека! (говорит в воде). Пока нам этого русского человека не подадите, ваши корабли не пойдут!» И потом купцам идти неохота в воду. И говорят: «Пошлёмте Ондрона несчастного в воду! Он таковский человек!» Вот ему в воду идти не хотелось, и спомнил он второе слово — «Куды станут посылать — не отпирайсы!» Перекрестил, значит, свою рожу и — бульк в воду. И потом он в такую же избу попал, в какой и мы сейчас сидим. И сидят перед столом три старика и россыпаны перед ними груды денег. Вот они сидят и думают. И сидели они три года. И не могут они россудить, что на све-

те дороже — золото, серебро или драгоценные камни?» «Вот, говорят, Ондрон несчастный, россуди наши дела! Что у вас в России дороже — золото, серебро или драгоценные камни?» Вот он думает, как ему эти дела россудить: и по первому сказать нельзя, и второго, и третьего. «А у нас в России, говорит, всё равно, что золото, что серебро, что драгоценные камни!» — «Эх, говрит, мы дураки! Дерёмся три года, а не можем никак россудить! А русский человек сразу нам эти дела росчитал. Ну, говорят, русский человек, бери, сколько тебе надо, денег!» Вот Ондрон несчастный стал этого драгоценного камню себе брать и всем этим драгоценным камням себе карманы напихал; везде напихал и в голянишшаф напихал. И потом этого Ондрона несчастного вызняли на корабли из воды. Потом, как его вызняли из воды, корабли пошли. Вот оне подъехали на пристань. И потом оне взяли дорогиф вешшей и понесли государю подарки. Потом им надо место достать: с товаром приехали. И государю эти подарки полюбились: очень они хороши. И дал им место. Они розложились и стали торговать в городе. Ондрон несчастный свой товар продал весь, сколько у него было товару: больно росходно у него. И так как он продал весь товар и получил много барыша, и порядил он мастеров делать три корабля. И потом он ешшо подрядил кирпичу резать и нагрузил корабли кирпичом. И потом ён два корабля нагрузил пустым кирпичом, а третий корабль нагрузил драгоценным камнем: в каждый кирпич клал по зёрнышку драгоценного камня. Потом купци эти стали над ним смеяться: «Что у тебя только и нашлось товару в городе, что кирпичу?» Ну и потом эти купци обрали свои товары и поехали домой. И потом они стали над ним горазно смеяться и по кирпичику выкидывать в воду. «Вот что, говорит, господа! Вы моего кирпичу не видайте! Ответьте вы мне за два корабля, роспишитесь, а потом и кидайте! А третий корабль не троньте: надо мне государю свезть показать». Вот оне росписались и скидали два корабля этого кирпича, пустого, а третий корабль с драгоценным камнем он повез государю напоказ. Вот оне приехали домой. Эти купци понесли товары государю напоказ. Ондрон несчастный взял завязал свой кирпичик и понес напоказ государю. Государь похвалил иф товары купеческие. «А вы, говорит, показывайте, какие у вас подар-

ки?» — «Ваше царское величество! Нам здесь нельзя этиф подарков показать. Пойдёмте, говорит, в темницу, я вам там эти подарки и покажу!» Вот пришли они в темницу. Он взял этот кирпичик, коленком розломил; зёрнушко это выпало и всю темницу и осветило. «Вот, говорит, ваше царское величество, эти купци у меня роскидали два корабля такого кирпичу и росписались». И показал ему росписку. Вот государь не знает, что стоит одно зерёнко, не то что два корабля. И потом государь запечатал про Ондрона несчастного, запечатал все дома и товары купеческие. Вот Ондрон несчастный идет на ту же фатеру, где он жил, а его жёны и след простыл — Марьи Царевны. И потом обсказали, что в такой-то улице, под таким-то номером выстроен дом, и она в этом доме живёт. И розыскал он ту самую улицу и тот самый дом. Взошел он в ту саму комнату — нет никого, взошел он в другую — нет никого, взошел он и в третью — и оннова жена лежит на кровати и по боку два молодца. Висили здесь сабли; взял он сабли, хотел им головы отсечь. И вспомнил он третье слово — «Подыми и не упусти!» И взял он свою жену и розбудил. Эти стали два молодца и здоровкаются: «Здрастуй, тятенька!» Пока он съездил, она уже принесла двоих близнецов. И потом этот государь узнал, что его зять был с этаким вешшам. И сошел он к государю, обсказал, где он эти вещи взял. И государь взял его к себе. И потом он говорит: «Вот, говорит, у меня в Москве потерялась шапка Ондрона несчастного; надо её розыскать!» Вот подали везде бумаги, чтобы эту Ондронову шапку найти. Вот стали они искать, и нигде эту шапку не найти. И много они розрыли домов: всё розыскивали. И вдруг выходит роботник из лавки и спрашивает: «Что вы, говорит, ищете?» — «Ондронову шапку». — «У нас лежит какая-то шапка тридцать лет. Не она ли?» Ну и взяли эту шапку, посмотрели — это шапка Ондрона несчастного. Взяли эту шапку запечатали, послали эту шапку государю. Вот как привезли ее туда, он и говорит: «Вот это и есть моя шапка!» И вот, сделал этот Ондрон несчастный пир на весь мир. И я был на пиру, водку пил и мёд пил, по усам текло, а в рот не попало.

СЕМЕН КОНОНОВИЧ СЕРОГОРОВ

30. ЕГОРЬ НЕСЦЯСТНЫЙ

Вот в одной деревне жил мужик. У этого мужика был сын. Сын был годов пятнадцати. Жили бенно они горазно. Вот сын и стал говорить: «Тятенька, у нас хлеба нету, кормиться нечем, опусти в город, может, найду какое место и стану заробатывать деньги!» Ну, ён его благословил, и ён отправилсе в путь-дорогу в город. Идёт путём-дорогой в город, на половину путе подходит к усадьбе и приходит в эту усадьбу. Барин его наймет в пастухи. Дал ему сто рублей в лето жалованья. Вот ён пожил у его так до половины лета. Раз пасёт он на поляне и видит, едут два купецеськие сына. Один хвалитсы, что «могу убить хорошо птицю на лёту», и другой хвалитсы. А этот мальцик и услыхал розговоры ихние. «Вот вы стрелки хороши, а я ешшо лутше вас! Давайте ружьё! Вот, летят, говорит, гуси, летят четырёхугольником, — как стрельну, так со всех четырёх углов по гусю и упадёт!» Вот оне дали ружьё ему. Так со всех четырёх углов по гусю и пало. Вот оне и стали его с собой звать: «Пойдем с нами в город! Мы тебя приставим к месту хорошему!» — «Ну вот, как я могу уехать, если я нанявши здесь на всё лето!» Оне говорят ему: «Только будь согласен; а нам барин знаком, мы у его выпросим тебя!» говорят. Вот оне приехали к этому барину, он пригнал скотину домой. Барин его держать не стал, росщитал за пол-лета, пятьдесят рублей дал деньги ему и отпустил. Приезжают оне в город, и остановилсы он у ниф жить купецеських сыновей. И стал ходить за охотой, только и дела знал. И птици эти так возам и возил им. И про это дело узнал, значит, государь, что это он такой охотник. Как узнал, так съехал к купцям, отобрал этого мальцика и им заплатил большие деньги за его. И прозвал его Егором несцястным. И стал ён ходить за охотой и птиць стал носить царю видимо-невидимо сколько. И раз этот царь ему наказывает: «Я хоцу сделать вецер, и ты мне набей всякой птици по паре, что есть на свете!» Вот ён направилсы в лес за охотой. Ходил день, ходил другой, а птици всё не видит, чтобы убить кого. Ну и приходит ён на рецьку. Сел на рецьку, закусил и видит, пролетает лебедь белая, садится возле его и плавает. Вот

ён здымает курок и хоцет стрелить в эту лебедь, а лебедь ему и говорит целовецьим голосом: «Не тронь меня, говорит, Егор несцястный! Эти все дела, говорит, мы уладим с тобой. Я, говорит, тебе всех птиць представлю живьём по паре! Если ты, говорит, хоцешь меня замуж взять, то бери». Слетела, и ударилась о землю крылом и села красавицей. «Топерь иди домой и скажи цярю, что «я подумал бить птицю, но да это оцень трунно носить ею, а роздумал, значит, представить живьём». Ну и тот государь согласилсы. Ну, гости съехались из инныф земель, было наехавши там из разного сословия. Вот Егорь несцястный отворил окно и крикнул: «Что есть на свете птиць, летите по паре!» Ну, полетело этиф птиць видимо-невидимо к этим гостям. Все слетелись птици. А один купець плешатой сидел у окна, ну, и считал этиф птиць. — «Ну, говорит, все птици слетелись, только онной нету белуги (по-нашему, чайка)!» А эти белуги и летят. Как залетели мимо купца, так и др...ли ему на плешь. Ну, значит, вецер отошёл, птицу эту всю прижарили господа. Потом Егорь несцястный и говорит государю: «Вот что, ваше царское величество, я хоцу женитсы!» — «Ну, если хоцешь женитсы, то выбирай из моего царьства любую невесту, которая тебе пондравится!» Ён походил, походил, повыбирал этиф принцесс царьских, ну и ни онна ему не пондравилась. Тогда ён говорит государю: «Вот что, ваше царское велицество, у меня невеста есть!» — «Ну, ешли есть, то давай, веди сюда, сицясь свадьбу зыграем!» Ён вышел на улицу, крикнул: «Ей, лебедь белая, лети, знацит, сюда!» Ну, лебедь белая прилетела, хлопнулась об мост и красавицей села. Ну, ён привёл в палаты государю. Ну, государь, знацит, поглядел на невесту, пленилсы красотой ею — просто ужасть! Был вдовой государь. А все-таки Егоря повенцал на ей. Ну вот, знацит, обвенцял, и ён жил у его долгое или малое время. Вот раз и говорит: «Вот что, ваше царское величество, нам это в онном доме жить неприлишно, а я, говорит, выстрою свой дворець». — «Ну, ланно, что же, говорит, ешли мошно, то строй!» Отвёл ему место напротив своего дворьця, и эта жёнка выстроила дом в онну ноць. Потом утром государя приводит в дом свой. Государь интересуется домом, до того хорош! Ён пожил долгое или малое время, Егорь несцястной, тут, — и государю этому надо сгубить этого Егоря, а

жену его взять. Ну, собирает синод свой и думает, какую вину на Егоря нагнать. Ну, думали, думали, сдумать не могли ницего. Потом ён задаёт старшему своему сенатору, чтобы в три ння была здумана какая-нибудь вина. Ну, тот пошёл по городу и стал думать. Ну, идёт по городу и видит, идёт Ванюшка-Пьянюшка. Тот и говорит: «Куда, царьской слуга, пошёл?» А ён ему в ответ: «Пойди к цёрту, пьяница! Мне и так, говорит, тошно, а ты ешшо тут лезешь!» —«Не ругайсы, говорит, дружок! Сперва обойдись хорошенько! Где же вам на Егоря вину нагнать, жену от его отнять! А я знаю, цего надо делать. Иди топерь к государю, ну, и скажи ему, чтоб ён Егоря заставил срубить рошшу в онну ноць, срубить, вывалить, и сцёпать, и посеять пшаницу, и к утру пирогов напець!» Ну, знацит, ён пришёл, сказал государю. Государь призвал Егоря несцястного. Государь россказал Егорю несцястному это всё сделать, срубить рошшу, вывалить, насеять пшаницы, а к утру пирогов напець. «Ешли ты этого не сделаешь, то голова на плаху!» Ну, Егорь несцястный роздумалсы, домой пошёл заплакал. Жона его увидала, знацит. «Что, говорит, Егорь несцястный плачешь?» А ён говорит: «Как мне не плакать! Государь задал такую службу: сегодняшную ноць срубить рошшу, вывалить, насиять пшаницы, намолотить и к утру пирогов напець». Ёна́ ему и говорит: «Это не служба, а служба вся впереди! Лёжи́сь спать, а к утру всё готово будет!» Она вышла вецером на крыльцо и надела перстень на руку и нашло силы видимо-невидимо сколько народу! Ёна́ и говорит ему: «Вырубите рошшу, навывалите, насейте пшаницы и нажните, намолотите, к утру принесите на пироги!» Ну, оне к утру приготовили и к утру принесли слуги ей всё. Она напекла пирогов и будит Егоря несцястного: «Ставай, Егорь несцястный, неси царю пироги!» Ён утром встаёт, отправляетсы с пирожкам к государю. Государь, знацит, пирожкам не рад; видит: там, где стояла рошша, видимо-невидимо. Опять задает этому сановнику, чтобы придумал вину какую. Ну, знацит, тот идёт опеть по городу и ишшет Ванюшку-Пьянюшку этого: ему-де онному не придумать. Этот Ванюшка-Пьянюшка в том же кабаке. Ён даёт ему денег на водку и просит, чтобы придумал что-нибудь. Этот Ванюшка-Пьянюшка и говорит: «Пушшай, говорит, Егорь сходит и принесёт свинку, золотые шшетинки

с двенадцатью поросёнкам». Ну, осударь опять задал ему эту службу, и ён пошёл домой, опять заплакал. Ну, жона его и спрашивает: «Что, мол, Егорь несцястный, плацешь?» — «Как мне не плакать? Государь задал такую службу мне — сходить и привести свинку — златые шшетинки с двенадцатью поросёнкам». — «Это не служба, а служба, говорит, вся впереди! Лёжи́сь спать, к утру все готово будет!» Ён лёг спать; она вышла на крыльцё и надела перстень опять свой, и опять нашло народу видимо-невидимо сколько. Она и говорит им: «Сходите и приведите свинку к утру, златые шшетинки!» Сама ушла домой, а оне ушли за свинкой. Утром стаёт Егорь несцястный, а свинка ходит во дворе его. Ён берет эту свинку и отводит государю. Ну, государь опять задаёт этому сановнику, чтобы опять придумал вину. Сановник этот отправляетсы опять в этот же кабак. Видит, Ванюшка-пьянюшка опять валяетсы пьяный. «Что, говорит, Ванюшка-пьянюшка, Егорь несцястный опять службу исполнил! На, вот бери денег, сколько хошь, придумай опять службу ему!» Тот и говорит: «Пушшай Егорь несцястный сходит туда, не знаю куда, и принесет то, не знаю что!» Вот ён пришёл, сказал государю. Государь этот призвал Егоря. «Вот, Егорь несцястный, исполни мне службу, сходи туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что!» Вот ён пришёл домой, заплакал опеть. Приходит домой, россказывает жене своей. А жона и говорит: «Ну, эта служба! Лёжи́сь спать, а с утра всё, говорит, узнаем!» Ну, вышла на крыльцё, надела перстень свой и давай наводить на все места. Со всеф мест пошёл народ к ей. Ёна́ и спрашивает: «Не знаете ли такого места, не знаете ль?» И все говорят: «Не знаем и не знаем!» Ёна́ будит Егоря несцястного. «Ступай, говорит, в путь-дорогу! Эту службу надо тебе самому исполнить: я тебе не могу пособить!» И дала ему клубоцик и платоцик. «Иди, знацит, клубоцик этот покатитсы, иди ты знай за ним, и придешь ты к моей средней сестре; у той больше моей силы, ёна́ знает. И как придёшь, дак вытирайси этим платоцьком!» Ён и отправилсы в путь-дорогу. Бросил клубоцик, клубоцик покатился по дороге. Он идёт за клубоцьком. Шёл он много, мало ли время и приходит к избушке. Входит в эту избушку, видит, сидит женщина, акурат как жона его, только постарше маленько, сидит шьёт что-то в пяльцаф. Ён вынел этот

платоцик и утираетсы. Ёна как увидела этот платоцик, так и узнала. «Куда, Егорь несцястный, пошёл?» Ён ей обсказал. Ёна говорит: «Лёжи́сь спать, а с утра всё дело узнаем!» Ён лёг спать. Ёна вышла на улицю, надела кольцё на палец и стала наводить на все места. Всё и спрашивает: «Не видали ли, не знаете ль такого места?» И все говорят, что «не знаем и не знаем» Ну, ёна розбудила его и говорит: «Ступай дальше: я не могу тебе пособить!» Дала ему клубоцик другой. Ён пошёл за этим клубоцьком. Клубоцик подкатилсе к такой же избушке. Ён пошёл в эту избушку. Видит: сидит женщина, сидит и вышивает в пяльцаф. Ён подал божью помощь ей, вынул платоцик и стал утираться. Она увидела платоцик и узнала. «Куда, Егорь несцястный, пошёл?» Ён ей обсказал всё, куда пошёл. Ёна ему сказала: «Лёжи́сь спать, с утра всё узнаем!» Ёна вышла на улицю и давай наводить на все места своим перстнем. Ну, всё проходят люди и говорят: «Не знаем и не знаем такого места!» Утром будит Егоря несцястного и говорит ему: «Ступай, Егорь несцястный, дальше, ступай к нашей матере, а отцу нашему не показывайсы, то ён увидит тебя, сразу убьёт, потому что ты украл у его свинку — золотые шшетинки!» Дала ему клубоцик, ён и пошёл за этим клубоцьком. Подкатилсы клубоцик к дому. Он остановилсы у этого сада и думает, куда ему идти. И видит: по саду ходят три женщины, — онную ведут под руки две. Вот ён увидел и признаёт по своей жене, что это тёшша, потому что она похожа на его жену. Ну, и подходит к ему самому; ён вынимает платоцик и вытираетсы этим платоцьком. Она как увидела, так и узнала. «Как ты сюда, Егорь несцястный, попал? Ешли тебя увидит муж, ён убьёт тебя!» Велела отвести служанке его в свой дом и заперла его в сундук. Потом прошло немного время, приходит муж. Муж у ей был Кашшуй Бессмёртный. Ну, сели пообедали, и заставляет ён ею вшей искать. Ну, она ишшет вшей и говорит ему: «Где такое место есть, чтобы сходить туда, не зная куда, и принесть то, не зная что?» — «Фу, дура, возьми моё кольцё, сама узнаешь, где место это есть!» И отдал кольцё ей, а сам улетел опять. Ёна выпустила из сундука Егоря несцястного и пошла с им к морю и навела на морё. Пошли из моря рыбы. Ёна все и спрашивает у иф: «Не знаете ли такого места, не знаете ль? Онне рыбы дельфины нашлись, знацит:

«Знаем!» Ну, она отдала перстень Егорю несцястному, ён сел на дельфина и поехал в море. И привозят его дельфины к морю, дом хрустальный. Ён входит в этот дом; в дому нету никого. Вот ён забралсы за пецьку и сидит. Вдруг приходит морской царь. Приходит, садитсы за стол. «Кухта-мухта, есть хочу!» Вдруг неизвестно откуль ставется кушанья на стол. Ён наелсы, напилсы и опять справилсы, уходит. И говорит Кухтемухте: «Я, говорит, топерь улетаю на целый месяць в Россию, и ты оставайсы здесь онна!» Ну, только ушёл, Егорь несцястный и выходит из пецьки. «Кухта-мухта, есть хочу!» Вот так же, неизвестно откуль, наносили ему кушаний, колбасы копцённой. Вот ён и говорит: «Кухта-мухта, садись со мной!» «Ну, говорит, ланно, добрый целовек! Я ему тридцать лет служила, ён меня никогда не садил. Я топерь от тебя никогда не отстану!» Вот ён у ей и спрашивает: «Кухта-мухта, что такое есть, сходить туда, не знаю куда, и принесть то, не знаю что?» — «Это, говорит, я самая и есть!» — «Ну, дак пойдём со мной! Я топерь от тебя не отстану!» Ён направилсы, и ёна с ним. Вышли вон, сели на дельфинов, выехали опять на берег. Приходит ён к тёшше, отдаёт перстень этот, прошшается с ей и отправляетсы домой. Вышел из дому, и Кухта-мухта в один миг доставила его в дом. В то время, пока он путешествовал, государю уж там терпенья не было; ходил и уговаривал его жену, чтобы она перешла в его дом и стала жить с им вместе. Ёна не соглашалась, и ён стал насиловать ею. Свалил на кровать ю, стал платье загибать, ну, и она, знацит, видит, что делать нецего, и говорит ему: «Дай перекреститься на икону, тогда делай, что хошь!» Ён и опустил ею, опустил, она лопнулась о землю, обернулась пташкой и улетела. Егорь несцястный воротилсе домой, видит, дома пецька не топлена, дом остыл. Прошло немного время, является и жена его. Затопила пець. Государь как увидел, что топится пецька, прибегает в дом и спрашивает: «Егорь несцястный дома?» Ён выходит оттуль к нему. «Ну, что? Сходил туда, не знаю куда, и принёс то, не знаю что?» — «Принёс!» — говорит. «Ну, давай сюда мне!» — «Нет, говорит, не дам! Давай сперва сделаем расписанье; сделаем пиры, сперва ты, а потом я; ешли ты лутше угостишь моего, то мне голова на плаху, а ешли я, то тебе!» Ну, они и сделали такое росписанье. И го-

сударь собрал всеф плотников со всего города. Плотники стали делать столы и скамейки на улицаф. Потом скопили народа со всего города и из близкиф деревень всеф, ну и пошли угошшенья у государя. Угошшали народ. И я был на том угошшенье. Мне ложки и той не досталось. Я поглядел — отдали, картошки поставили, и сгреб горсть, только и того. Потом у государя пир отошёл, и нацялсы пир у Егоря несцястного. Опять стал народ собиратьсе. Ну, как партия подойдёт, так кажному стол подвяртываетсы, стулья и кажному ложка, и вилка, и ножик, и до того наспиртовались все — ужасть! Пива и вина вдоволь я напился, домой пришёл. Так государю голову отсекли, а Егорь несцястный сел на царство. Стал поживать, добра наживать. Я с заводу шёл, заходил к нему, дак добро живет.

31. ИВАН КУПЕЦЕСКОЙ СЫН

Был купець. У купця был сын; звали его Иваном. Купець был богатой. Раз он направляет своего сына во инные земли торговать. Нагружает три корабля, отправляетсы в путь-дорогу. И приезжает к городу, неизвестно к какому; не знает губернский город, не знает — уездный. Пристает к пристане, берет подарки и отправляетсы в город. Город был губернский, в ём жил губернатор. Приносит губернатору дары. Ну, губернатор велит ему торговать безданно, беспошлинно. Ну, ён идёт от губернатора другой улицей кругом и подходит к онному дому. Видит — на углу набит патрет. Ён смотрит на этот патрет. Выходит мущина с балкона. «Что ты, молодец, смотришь?» — «А вот смотрю, кто этот патрет срисовал, того надо сказнить!» — «А поцему сказнить?» — «А потому что я не верю, что был в живности такой целовек красивой!» — «Как, не веришь? У меня есть доцька красивее этого патрета!» — «Ну, ежели такая доцька столь красива, то дай посмотреть цяс! Я привез три корабля, все три отдам тебе!» — Ну, значит, сделали росписку и привёл его в дом. Действительно, доцька так красива, что ужасть! Ён посмотрел цяс на ею, потом выходит вон. Заводит корабли купцю в гавань и росцитал всеф людей, что было на корабляф. «Ступайте, куда знаете! Я пойду, куда голова понесёт!» А сам на лёгкий параход к батьку. Приезжает домой. Матка с батькой зрадовались, что сын явилсы, спра-

шивают: «Подобру-поздорову съездил, Иван, купеческой сын?» Потом ён им обсказал всё это, что вот так и так, ехал дорогой, захватила буря, корабли ифные розбило, и ён остался один только живой. Батька с маткой: «Слава богу, что ты остался, у нас есть будет!» Ён пожил мало ли, много ли время, стал проситься опять в путь-дорогу, что уцясти отведать своей, что будет. Ну, батька опять нагрузил ему три корабля. Ён приезжает опять в тот же город; относит дары губернатору. Ну, губернатор велит ему безданно-беспошлинно торговать. И выходит от губернатора и идёт опять к тому патрету. Подходит к патрету и смотрит опять. Туль выходит тот же купець опять: «Что, говорит, русской целовек, смотришь?» — «Вот, дай на твою доцьку посмотреть ешшо на полтора цяса, у меня приведено три корабля, все три отдам». Ну, сделали росписку, посадил его на стул противо доцьки. Прошло полтора цяса, ён его опять вон выгоняет. Заводит корабли в гавань. Народ он рассчитал, а сам на легкий параход и домой. Приезжает домой; матка с батькой зрадовались. Там стали спрашивать — как ён съездил. Он опять таким же манером, что разбило корабли у иф, и он остался один живой. Пожил с неделю время, стал опять проситьсы у батьки. Батька опять нагрузил ему шесть кораблей. Ну, и денег с собой он захватил массу. Приезжает опять в тот же город. Относит губернатору дары. Губернатор велит ему торговать безданно-беспошлинно. Приходит ён опять к тому же патрету и опять смотрит. Вот, купець опять выходит этта на балкон. «Что ты это, русской целовек, смотришь?» — «Дай мне, говорит, посмотреть на твою доцьку два цяса! Приведено шесть кораблей, все шесть отдам». Сделали росписку. Ён приводит его в дом опять, посадил на стул возле доцьки. И прошло с цяс времени; купець выходит до ветру, а доцька встаёт в то время, поцеловала его и сказала: «Умел прозакладывать кораблей, умей и меня достать!» Ну, розговаривать некогда долго; батька опять пришёл. Цясы прошли, выгоняет вон опять. Ну, завели корабли в гавань купцю, россчитал всего народа. Сам пошёл, куды голова понесет. Пришел в онну гостинницю, ну, заказал цяю там, обед себе заказал. И слышит у порога голос: «Ох, как голова болит! Если бы кто опохмелил, великое добро сделал тому человеку!» Вот ён зглянул у порога, видит — лёжит пьяница.

«Вставай, говорит, добрый человек! Садись, говорит, цяй пить со мной!» Вот ён сел цяй пить. Подали бутылку вина. Вот ён выпил эту бутылку вина. Ну, и стал выспрашивать — как сюды попал. Он сразу таить задумал от него, а ён ему сказал: «Ты от меня не таи, я знаю все твои штуки! Этот купець многиф вашего брата нажигает! А ежели у тебя хватит денег на три боцьки сороковки да на три бочки селёдок, дак тогда мы сделаем тебе — всё воротишь. Нас сто человек здесь в этом городе.» Ну, ён подумал, подумал. «Оннова, говорит, прогорел!» Ну, значит, согласилсы. Взял ему ешшо онну бутылку вина. Ён выпил эту бутылку и отправилсы. Время к вечеру двигалосе: Иван купецеской сын лёг спать. Утром чуть свет пьяници все скопивши у того трактира. Ён выкатил боцьку вина им и боцьку селёдок. Вот они выбили дно, ковшик спустили и давай выпивать. Ну, и гуляют весь день, пьют. Кто дерётсы, кто пляшет, кто цего делает. А как вецер, дак все по одному, все по одному розошлись неизвестно куда. Потом, как утро опять, все скопились на гулянку. Опять выкатили бочку вина и бочку селёдок и опять гуляют. Ну, день проходит, и они опять тем же манером росходятся неизвестно кто куда. Ну, как утро на третий день, опять все сбираются. Опять им выкатывают бочку вина и бочку селёдок и пьянствуют весь день. Как вечер — все розошлись и осталсы один, первой-от, который был. Осталсы и пришёл туды к нему в квартиру и стал его звать: «Пойдем, говорит, прогулятьсы, как будто!» Ён справилсы и пошли на взмо́рьё. Пришли на взмо́рьё, а на взморье были угольные сараи. Пришли в один угольной сарай. Этот пьяница взял лопату, розрыл в онном месте уголь и отворил шшиток. Потом зажег свичку, и очутилась лестница туда в землю. «Опушшайся по этой лестнице и иди туда! Придешь под тот дом. Там будет лестница к ей в дом и прямо к ей в спальню придешь». Ну, ён взял свечу и отправилсе подземным ходом. Приходит в подполье, отворил шшиточек, отворил комнату и видит занавес, а под занавесью она там и спит. Вон он розбудил ею. Там обнялись, поцеловались, полёжали. Как утро, отворяет она сундук и даёт ему денег и табакерочку батькову, золотую, именную. «Зайди к золотых дел мастеру и сделай такую же табакерку в-тоць-тоць, как эта!» Ну, ён сошёл к золотыф дел мастеру, заказал к вецеру такую

табакерку; а вецером отнёс эту табакерку опять ей обратно. Она дала ему денег ешшо больше того. «Топерь, говорит, дело вечер и зови гостей со всего города и отца моего тоже зови; а по окончанье пира потчуй табаком; потом он вклеплетсы в табакерку, тогда ты с ним спорь, выспоришь шесть своиф кораблей». Он таким манером устроил вецер. Созвал гостей со всего города. Гости съехались все, и этот купець приехал. По окончанье вечера стал ён потчивать табаком всеф; как дошел до этого купца, так он вклепалсы в табакерку, и пошел спор у ниф. И сделали росписку о шести корабляф. Ну, и пошли все туда с посторонним лицам и приходят домой. Этот купець и крицит: «Маша, дома моя табакерка?» Та принесла табакерку ему. Так, значит, вывели эти корабли Ивану, купецескому сыну. Ён нашел людей на этиф корабляф, кому было двадцать рублей — тому сорок, кому десять — тому 20 рублей положил. «Стойте и дожидайтесь моего отъезду!» — говорит. А сам, как вецер, так опять к ей. Она ему даёт денег опять и даёт золотые часы, именные, отцовские. Ён опять идет к золотыф дел мастеру, роботает такие же часы, как эти. Ну, как мастер сделал часы ему, эти старые часы отнёс, а сам опять таким же манером сделал вечер. Назвал гостей. Ну, гости съехались со всего города, и этот купець был. Пировали они до полуночи. Как стали гости направлятьсы домой, так ён вынял свои часы и глядит время. «Да у меня двенадцать часов на моиф часаф, время домой, пожалуй!» Этот купець опять вклепалсы в часы, и опять стали спорить о шести корабляф. Сделали росписку и отправились опять в дом туды. У купца опять часы дома нашлись, и остальные шесть кораблей он воротил назад. Воротил корабли, народа всего скопил с этиф кораблей, поставил их, а ночью опять туда. Приходит к ей ночью. Даёт она денег ешшо больше того; ему говорит: «Завтра делай парне́вик себе: что хоцу жениться и зови гостей больше!» Ну, гости съехались, и отець ейный приехал. Стали пировать. А ён друга своего пьяницу самого велел найти, лошадей ему и быть у угольного сарая. Эта купецеская дочь там подземным ходом вышла на кони и к нему туда. Ну, там некоторые стали просить, какая невеста привезена показать. Ён её и вывел из комнаты, эту самую купецескую дочь. Этот купець как увидел дочь свою, так и вклепалсы,

что это дочь моя, он у меня дочь украл. Тут у иф спор и произошёл. «Если дочка твоя дома найдетсы, то выдай за меня замуж! А эту невесту на лёгкового, на взморье и домой!» Ну, сичас вывели на улицу на лёгкового и на взморье. Они сделали условие и пошли в дом туда искать дочь его. И входят в дом. Ён кричит: «Маша, дома ты?» Она ему ответ подала, что «дома, папинька». Он так в церковь и повенчал на своей дочке. Пожил ён немного время тут у тестя, потом стал направлятсы домой. Ён ему дал приданое двенадцать кораблей. Приезжает ён домой. Батька с маткой зрадовались: сын такой богатой приехал. Потом пожил немного время, и надо ему спроведать тестя. Сел на лёгкий пароход, туда отправилсы. Приезжает к тестю. Тесть его больной, при смерти лежит. Сутки-двои пожил там у его, тестюшко помер. Он товары все роспродал, которого под казну отдал, пьяницам часть дал. Дом этот тоже пьяницам отдал, чтобы им приют был. Сам домой приехал и стал жить-поживать и добра наживать. Сказка вся — больше врать нельзя.

32. ЦЮДНОЙ МАЛЬЦИК

Вот в одной деревне жил мужичок бенной. Деревня была большая, домов полторасто. Ну, раз мужики собрали сход и призвали этого бенного мужичка на сходку. Призвали и говорят: «Что же ты страмишь нашу деревню? Постройка у нас у всех хороша, а у тебя избёнка вовсе пала». Вот ён, значит: «Что же я могу, братьцы, сделать? Потому что я — человек очень старой: сил моиф не хватает, чтобы новая поставить». Ну, мужички посоветовались, посоветовались и согласились навозить лесу и срубить ему новую избу. Навозили. Призвали этого мужичка и говорят: «Срубай свою избу — будем ставить новую». А ён: «Погодите, братьцы, дайте ночь ночевать. Ночь ночую, а с утра — с богом!» Вечер настал; ён лёг спать. Ему снитсы сон: что не строй на этом месте избы, потому что по всем этим четырём углам лежит по змею. Вот мужичок проснулсы — ему не спитсы больше, и думает об этом сне. Что ему делать, как делу быть? Утро стало: «Запрегу лошадь, поеду к барину — он сны добро розгадывает: авось, розгадает мой сон». А ему ехать, значит, на путе надо было мимо онной деревни. Приезжает в эфту де-

ревню; играют робятишка на улице в рюхи. Вот один мальцик говорит: «Куда, дядя, поехал?» — «Что тебе за дело, куда я поехал. Ты играй, а я поеду своим путём».— «Что же ты не сказываешь? Ведь я знаю, что ты поехал к барину сны розгадывать. Ну, только съедешь, всего сна ему не отдавай, а дай половину». Приезжает ён к барину; россказал барину сон. Барин ему и говорит: «Отдай мне этот сон!» — «Нет, говорит, всего сна я тебе, говорит, не отдам, а, если жалаешь, возьми половину». Ну, барин согласился: «Что же, все ровно, говорит». Запряг лошадь, и поехали вместе с им туда. Едут. Дорогой ён и спрашивает у его: «Кто же тебе не велел отдавать всего сна мне?» Он россказал ему, что в такой-то деревне такой-то мальчик. Приезжают они туды к мужичку этому, собрали в деревне мужичков, избу изломали и выняли из-под кажного угла по котлу денег. «Вот, говорят, твой сон». Розделили деньги пополам. Барин поехал домой, а мужики стали ставить старику новую избу. И приезжает ён в эфту деревню, барин, в которой был мальчик этот самый. Отыскал этого мальчика и пришел к отцу евонному и стал покупать у его. Отець сперва не соглашалсы отдать мальчика, потом тот стал давать ему два котла де́нёг. Мужик согласилсы, продал этого мальчика ему. Привез его домой, отдает повару и велел его зарезать. «Вынь легкое, печень изжарь, а я, говорит, съем». Ну, повар взял этого мальчика, отвёл его от барина, жалко ему зарезать. Мальчик говорит: «Ты меня не режь, я тебе пригожусь; а лутше зарежь шшенят, изжарь — пускай их ест». Ну, так повар и сделал, взял зарезал шшенят, изжарил и понёс барину. Приходит в комнату к барину. Двинулсы за порог и на пол пролил всё кушанье. А барин и говорит: «Собака, собакам и есть, выкинь в «нужник». Ну вот барин живёт много ли, мало ли время, и вдруг от государя приходит ему письмо, чтобы ехал барин розгадывать сон государю. Вот барин запряг лошадь и отправилсы к государю; приезжает к государю. Государь россказал ему свой сон. «Если ты розгадаешь мой сон, тогда я награжу тебя всем, а ежели не розгадаешь — то голову на плаху тебе. На моей груди, говорит, лежат три змея и сосут грудь мою». Ну, барин, значит, подумал, подумал, не может сна розгадать: «Что за сон?» Ну, и стал у государя просить съездить на 3 дня домой: «Дома есть, мол, книги,

по ним розберу». Государь дал на 3 дня сроку. Приезжает он домой; думал, думал, не может сна розгадать. А мальчик говорит повару: «Ступай и скажи барину, что я жив, он теперь меня не тронет! Я этот сон розгадаю», говорит. Ну, повар сошёл, россказал барину. Барин велел привести мальчика. Мальчик пришёл; барин и говорит: «Ну, россказывай, какой сон».— «Пойдем туда, так скажу, а здесь не скажу». Ну, вот, ён запряг лошадь и поехали. Приезжают к государю. Ну, говорит, сказывай, какой сон».— «Пойдем, говорит, к государю, тогда скажу, а теперь не скажу». Приходят в дом к государю. Государь спрашивает: «Ну что, розгадал, барин, сон мой?» Барин и говорит: «Я, ваше царское величество, розгадать не мог, а у меня привезён мальчик, он розгадает».— «Всё ровно — пускай мальчик розгадывает!» Вот, значит, мальчик говорит: «У вас есть 3 дочери; у этих 3-х дочерей есть 3 служанки. Велите служанок сюды призвать». Вот, государь приказал служанкам тут придти. Приходят служанки. Мальчик велел роздеть их донага. И служанки оказались эти все три мушшины. «Вот, говорит, ваш сон, государь! Эти три мушшины (служанки) и сосут ваше сéрьцё — спят с вашими дочерьми». Государь велел этим самым служанкам головы отсечь. И барину голову отсекли тут же вместе. А мальчику отдал бариново именье и наградил его. Мальчик стал жить-поживать и добра наживать.

33. ИВАН ДУРАЦЁК

В онной деревне жил мужицёк. У этого мужика были 3 сына — 2 умных, а 3-й дурак. Этот батька старой у них был очень. И наказывает своим сыновьям: «Что, ешли я умру, то вы пó три ноци ходите меня караулить». Помер батько, и свезли на погост, похоронили. Первую ноць приходитсе старшему брату идти караулить. «Ступай, говорит, Ванюшка, ты, я тебе на кафтан куплю за это. Я боюсь идти, а ты смелой, иди караулить». Вот ён взял палку дровяную на плецё и отправилсе. Приходит на погост, подходит к могиле. Хлоп по могиле палкой дровяной: «Ставай, батько, из могилы, я пришёл караулить тебя». Могила роздвинулась, батька выходит оттуль. «Что же, говорит, не старшой сын, а ты Иван Дурак?» — «Не знаю — боитсе ён, нанял

меня за кафтан». Вот батька свистнул по-молодецьки, крикнул по-богатырски, и вот прибежал конь. «Вот, говорит, Ванюшка, топерь тебе этим конем владеть; ладил старшему брату отдать, топерь тебе этим конем владеть. Я коню сказал: ты принимай своего нового хозяина. Служи ему так, как мне служил». И вот на другую ноць надо идти караулить среднему брату. Вот опять Ивана Дурака посылает. «Ступай, Ванюшка, тебе кстати, иди караулить. Я тебе шапку куплю». Вот опять взял палку дровяную, покатил тут на погост. Приходит на погост. Хлопнул палкой дровяной об могилу, батька опять вышел из могилы. И призвал опять такого же коня к себе. Ну, и опять Ивану сказал: «Вот, Ивашка, владей этим конем, как я владел. Ты, конь, слушай его, как мене служил». Батька опустился, а Иван домой пошел. Ну, приходит домой, день, значит, прошел. Как вечер, ён направляетсе, никого не спрашивает, знает свою очередь. Приходит к могиле, ударяет палкой дровяной о могилу. «Ну, батька, выходи из могилы! Топерь я пришел караулить за себя». Батька вышел из могилы, призвал такого же коня себе и тому коню также наказал также слушать. Ночь прошла. Иван опять домой пришёл. Опять лежит на пецьке, меряет сажу колпаком. Время шло мало ли, долго ли; вдруг пришло известие от царя, чтобы сбиралсы народ, будет царевна выбирать себе жаниха. Ну, эти братья стали справлятьсы, чтобы туда идти. И Ванюшка стал у ниф проситьсы: «Возьмите меня, братцы».— «Куда тебя, дурака, говорят. Лежи да меряй сажу колпаком». Вот братья ушли, он вышел в чистое поле. Свистнул, крикнул — бежит конь — земля дрожит. Он в ушко влез, в другое вылез, сделался таким молодцом, так на него бы все время и смотрел. Сел на этого коня и давай гнать туда к этому царю. Приезжает туда, там народу, тыць-тыцью народу скопилось. Ну, а съехавши много егорей скакать туда, чтобы поцеловать царевну. Ну, и многие скакали — никто не мог скочить и поцеловать. Ваня тоже розъехалсы, как скочит — до балкона доскочил, а туды не мог доскочить, повернул коня, домой уехал. На другой день братья стали направлятьсы, он опять проситсы: «Возьмите меня с собою».— «Куды тя, дурака, сиди на пеци да меряй сажу колпаком». Ну, братья ушли, он опять вышел в чисто поле; свистнул, крикнул, бежит конь, дак земля дрожит. Он в ушко

влез, в другое вылез, сделался молодцом — да как лутше того. Сел на этого коня и погнал туда. Приезжает тут к царю, опять скочить не мог, доскочил только до балкона. Конь опустилсы, и он домой уехал. Приезжает домой, коня спустил, забрался на печку и меряет сажу колпаком. В третий раз стали сряжаться туда же братья, он опять проситсы: «Возьмите с собою». Они братья ушли: ён вышел в чисто поле, опять свистнул, крикнул, бежит конь, вся земля дрожит. Он в ушко влез, в другое вылез, сделался таким молодцом — всё на него смотрел бы. Сел на коня, отправился туды. Пригоняет — с разлету дак укнул — прямо на балкон. Поцёловал царевну — она не успела его схватить. Кинула перстнем, и, аккурат, угодила в лоб ему. Перстень у него во лбу и осталсе. Он повернул коня и уехал обратно. В ушко влез, в другое вылез и опять сделался старым Иванушком. Сам забралсы на пецьку, лоб свой завязал тряпицам, перстень надел. на руку, тоже завязал тряпицам. Ну, братья пришли, стали россказывать своим женам, что вот такой-то он поцеловал царевну и уехал, неизвестно, кто и откуль. Этот Иван лежит на печке и говорит: «Не я ли, братцы?» — «Ой, дурак, тебе и быть! Тут молодец был, дак все на него и смотрел бы!» Потом от царя опять известие приходит, чтобы шли, сбиралсы весь народ — шли к царю на пир. Ну, братья опять стали сбиратьсы на пир. Иван Дурак опять проситсы: «Возьмите, братьцы, меня с собой».— «Куды тя, дурака — мешать. Сиди на печке и меряй сажу колпаком».— «Нет, братцы, пойду — не останусь дома».— «Ну, иди, только с нами не ходи». Приходят туды к государю. Царевна обносит всех вином — по чарке и у кажного глядит на лбу, нет ли раны на лбу или перстня на руке. И обошла всеф, никого не может найти. Дошла до Ивана Дурака; как подошла она, сдёрнула тряпицу и вывела его: «Вот, тятенька, мой суженый, ряженый!» Сицясь батька у царя не пиво варить, не вино курить за свадьбу. Повинчали Ивана Дурака, и стал он жить, поживать и добра наживать.

СКАЗКИ КИРИЛЛОВСКОГО УЕЗДА

МАТВЕЙ ЕФИМОВИЧ ПОШЕХОНОВ

34. МЫШКА И ВОРОБЕЙ

В невком царстве, в нефоком государстве, именно в том, в каком мы живём, была мышка. Свила себе гнездо; повадился в это гнездо воробушок. Вышол меж ими спор. Онна говорит, что «я большё зернушок натаскала», а тот говорит, что «я боле того».— «Мы лутше раздилим!» Стали они дилить; у ниф находится одно зерно лишное меж собою. Он склюнул. Мышке не пондравилось, и напиши заявление змию огненному. Змий огненный обратил внимание, выслал повестки и высылает их на суд. Собрали их на суд дело рассудить, и прямо сознался воробушок, что он склюнул. За мышку огненный змий застаивает, что мышка больше натаскаэт в амбар, житничу может прогрысть угол и уташшить зерно. Орел птича застаиваэт за воробушка, что воробушка крестьянин с житничи не гонит или с семерика; или суслон, или овес клюет, значит, домой марш. Значит, рассудили, что воробушок больше может натаскать. Огненный змий напалиу орлу птиче крылья, за что застаивал за воробушка — гля того крылья ему подпалил. Орел птиче делать нечего без крылья, и не знаэт, как крылья отрастить. Сидит в лесе. Из какогото цярства был Василий Стрилець и взяу ружьё и пошел лисничить. Он солдат. Увидал эту птицю орла и хочет её устрелить. Первой раз попал — орел птиця покривила головушку на правую сторонушку. И вторительной раз взяу опять, зарядил, опять митится, как бы его убить. Выстрелил опять — только стряхнуу

крылышками. В третий раз посмотрел на свои патроны. Патрон у него не хватило. Взяу солдат пуговицю и занарядиу и хотел его опять убить. Орел птиця сказал человеческим языком: «Не бей, Василей Стрелечь, хорошой молодечь, меня, а лутше ты сперься на ёлку и сыми меня легоньку!» Сняу с ёлки, орел птиця сказау человеческим языком: «Ну, Василей Стрелечь, и как ты меня снял, не можешь ли мне крылья отростить? Я тебе службу сослужу!» Взяу с себя снял пояс, наложил на его шею и повёл птицю орла к своему родителю, также и к жене. И отпустиу в сад. И ставит свое ружьечо на место. Говорит своему отцю и жене: «Что удивляюсь, какую я птицю убиу сегодняшней день. Ступай же ты, родитель и жена, посмотри на мою птицю, похвалите или похаите на подбитую птицю». Родитель посмотрел в саду: «Гля меня ничего не стоит, зря ты не подбил: не съедёбная».— «Ах, папа, а что нам от этакого копиталу ничего не стоит прокормить, она может нам добро сделать».— «А долго ли будем кормить?» — «Да, вот, покормим — узнаэм, хоть годик». Потом покормили день, два и три, взяу родитель стеты и сообшит этот капитал, сколько её содержать год. «Она ест за два чёловéка. Воувсе она не способна нам держать. Лутше её нам прикратить». А Василей Стрелець просит: «Папа, нельзя покормить — лутше сам не доем, а лишний кусочек ей отнесу». Родитель жалеу сына: «Быть по всему. Пускай год кормит». Кормит год — ничего толку нет. Стал прошать у родителя другой год кормить. Ореу птиця и говорит: «Садись на меня, далече ли мы подъедем и грешить не будем». Отправилсе. Уехали на утренней зарёй, приезжают в сад на вечерной. Оборотили две тышши верст взад и перед. «Василий Стрелець! Покорми ешшо год меня, попроси родителя». Стал прошать убедительное. Родитель сжалеу опять сына: «Быть по всему. Корми ешшо год!» Он, так, значит, делать нечего, стал кормить. Кормил ешшо год. Сын стал своему отчу благодарить. «А больше не кормить ни отнюдь ни единого дня, и так убытку много!» Пришоу к птице в саду, обсказал эво дело: «Что, орёл птиця, скажешь мне? Ведь я два года прокормил тебя. Какое ты мне сделаешь добро?» — «Вот, смотри какое добро: садись на меня, далёко ли я слетаю, могу ли содействовать». Они сели и поэхали опять же на утренней зарёй. Овворотили несколько тышшеч вёрст. Сказа-

ла орёл птиця: «Ну, Василей Стрелець, не могу я ешшо действовать хорошо. Покорми ешшо третей год». Он стау опять просить родителя: «Что дай ешшо годик прокормить, потом марш и сам отступлюсь. А евоного жена ругает, что «зацем так досаждать родителю, что пускай идет, куды знаэт, и летит». — «Нет, жена моя, хочется мне узнать, может ли эта птиця добро сделать». — «Да какое тебе добро от птици? Никакого добра нету». — «А может она лутше сделать человека!» Вот прокормил три года. И спит, и сам себе думаэт, со своей женой что последнюою ночь, а жена ничего не знаэт. Наутрие стаёт, жене и сказываэт: «Ну, жена, прости же, уэзжаю, не знаю, надолго ли, со орлом со птицей». И сам в сад скорым успехом. Сицяс своей птице сказау: «Справилась ли, птиця орёл?» — «Справилась, отвечает, садись и поэдем». А евонная жена из спальни побежала к родителю с жалобами, что «уезжает мой муж, Василей Стрелець. Сроку не сказау мне. Вот гля чего он и птицю кормил. Не можешь ли ты обратить его взадь?» Родитель стау же таким манером ходким, — и след простыл, и виду нету. И летят далеко ли — низко, высоко ли — близко, на ровном мисте, как по бороне, против нёба, воды, моря. И птиця подняла под страшную вышину, чуть не под самые облака. Взяла эта птиця стряхнула с себя Василия Стрельця против моря, и Василей Стрелечь почернел, как чилисник (печька топится, чад выходит, — чёрное место) и думат — последняя кончина ему. И не допустила орёл птиця до воды три сажени и схватила его и не дала потонуть. И он не мог долго очуствоваться. «За что ты на меня больно изъэжжаешши? Или осерчала на меня, что три года прокормил?» Она на ответ ему ничего не сказала, полетела ешшо выше и таким же манером стряхнула его с крылья вторительный раз против самого моря. Опять же Василей Стрелечь испугалсе сильно, и два раза больше того испугалсе, что теперь приходит смерть. Не допустила до моря двух саженей, опять его взяла. Он опять очувствовался через несколько время и сказау птице орлу: «Полно тебе надо мной изъэжжатьсы, лутше меня утопи, либо сглоти, полно тебе так изъэжжатсё надо мной!» Орел птиця ничего с ним не говорит ни худого, ни хорошого. Подняла на свои крылья, полетела ешшо далее и того ходцее. Против третьего моря глубоко и поднялась страшную

тоже вышину, ешшо выше против тех разов и зяла опять стряхнула третей раз, не допустила едной сажени до моря и опять схватила его, и посадила на себя таким же манером, как и раньше. Потом он через несколько время очувствовался и сказал птице орлу: «Что же ты, птиця, я тебя поил, кормил три года, а ты мне дала три страсти?» — «Ну, Василей Стрелець! Не будет тебе страстей больше! Гляди ты в правую руку: что увидишь — мне говори». — «Ух, орел птиця, сильный пожар я вижу». — «Это не пожар, это моей сестрёнки царство медное, вот подлетим к этому царству, и колонусь о землю к меньшой сестре, она увидаэт изо своих полат и выйдет меня стричать». — «Ах, где ты, Иван Царевич, доуго пропадал?» — «Эх, кабы этот Василей Стрелець, доброй молодець, не попалсы, меня споил не скормил бы, крылья не стростил, мне бы сюда не бывать». Сестрича обрадовалась и взяла его под руки и сама заплакала. «Ах, дорогие мои гости! Три годинька я тебя не видала. Слава богу, что явиуся». А он говорит сестриче на ответ: «Вот, если бы не Василей Стрелечь — я бы живой не был». — «Ну, я ему заплачу, дам несколько золота, сколько надо». А Иван Царевич наказал раньше Василию Стрельцю: «А проси коробочку у неё, а не надо золота». Вот погостили сутки, на вторые просят коробочку, а золота не надо. Эта сестриця коробочки не даёт: «Лутше же возьми корабь золота». А коробочку не даёт. Разгневауся Иван Царевич на свою сестру, ну марш и полетел, только и было. И вылетел за золежные ворота от меньшей сестры. Колонулся о землю и сделался такой же птицей, каким и раньше быу орлом. Опять на мори и полетели. «Ну, Василей Стрелець! Смотри опять на леву руку; что увидишь — мне говори». — «Ух, брат, сильной пожар вижу». — «Это не пожар, это — средней сестры царство серебрено». Ну вот и полетили. Прилетили к этому царству, колонулся о землю и таким молодцом стал Иван Царевич, каким был в том царстве медном, также и в серебреном. «Ну, послушай, мой друг любезный, Василей Стрелець: что я тебе наказываю, так и делай. Сестриця увидит и будет приблагать в гости». Ну, сестрича увидала своего брата. «Ох, где ты как долго пропадал, Иван Царевич!» — «Ну, сестрича, сестрича, кабы не этот Василей Стрелець, то давно бы я был покоен (умёрши)». — «Ну, я ему за это удружение заплачу. Что ему надо, то и дам.

Мало корабь золота, — награжу два, а нет и три». — «Нет, мне не надо злата, серебра, отдай коробочку». — «Ой, нету, брат, коробочки не отдам, хоть ты мне и брат, а я тебя люблю». Ну, уж погостили суточки. Разгневался Иван Царевич на свою сестру на среднюю. «Поедем к старшей сестре, не смилосердится ли, не подарит ли нам коробочки?» — «Погости, погости, брат. Что это ты на меня осерчал, что я коробочки не ударила? Извини меня в том, не хошь угостить, поезжай к старшей сестре, можот, она тебя пожалиет и даст». — «Ну, делать нечего, сестрича, прощай, до свидания! Делать мне нечего». Вышли зелезные ворота, колынулся о сыру землю и сделался таким птицей орлом. Посадил на свои крыльца и полетели. «Ну, смотри, товарищ, Василей Стрелець, гляди опять на леву руку. Что увидаешь в левой руке — скажи мне». — «Ух, какой сильнёй пожар!» А птиця на ответ: «Нет, Василей Стрелець, не пожар, а моей старшей сестры царство золотое». Прилетели они к этому цярству к зележным воротам, колынулся о землю и сделался таким молодцом — Иван Царевич. В этом царстве золотом живёт отець и мать, и сильняя строгая стража стоит, не пропускать сторонних личей. Постучался у зележных ворот, и уходит сторож, отворяет ворота и пропускает. И сознается: что «Я — Иван Царевиць, ихней сын». Доложили его родителю, что «является ваш сын Иван Царевиць». Услыхал своиный родитель, что будто является его сын Иван Царевиць, с которым не видались три года. Стричает отеч и мать. «Ох, Иван Царевич, где ты так доуго пропадал?» Берут его за руки отеч и мать, сестрёнка старшая. И стричают со горючими слезами. «Да вот, я ездил, сами знаете куда, на суд праведный. Я застаивал за воробья, застаиву огненный змей за мышку. Вышол здор, ну и посерчал, опалили мои крылышка, некуда мне без крылья лететь, а Василий Стрелеч меня хотел сперва убить, а потом я уже вижу, что приходит кончина, сказал ему голосом человеческим: «Не бей меня, бери в руки и веди, куда знаешь». Ну вот, взяу меня в родительском саду, отрастил мои крылья, вот мы и прилетели сюда. Так не будет, отеч и мать, милостивы, не дайдитé ли моему товаришшу, что ему надо?» Отеч и мать сказали: «Дадим ему три кобробля золота со всем народом. И будет почитать себя за хозяина настояшшего, не как-нибудь там». Отеч и

мать дали три корапля. «А, сестрича милосердная, несмилосердисся ли, не дашь ли коробочки моему товаришшу, Василею Стрельцю?» Эта сестриця смилосердилась и дала коробочку со великими слезами. Жауко расстаться было. Ну, вот хорошо, евонный товаришш, Иван Царевич, дау Василью Стрельчу в руки: «Не открывай до самого своего царства. Не гляди и не отпирай. Во своем царстве увидаэшь, что тебе будет». Отправили три корабли. И его с богом тут. Наказали всему народу, что слушать этого хозяина Василия Стрельча, что прикажот, то и делать. Отправились со господом на сильное глубокое море, идут по морю высоко ли — низко, далеко ли — близко, против нёба на воде, на ровном мисте, как на бороне. Поглядел Василей Стрелеч в подзорну трубку: «Ах, ребята, я вижу великой остроу, приваливать к этому остроу!» Сичас евонная команда послушала своего хозяина, стали на морские якоря к этому остроу. «Ну, ребята, нам на воде очень надоэло, укачало нас. Надо выйти на остроу погулять, не так чтобы было скучно ехать по морю». Вся евонная команда вышла на этот остроу. И понравился этот остроу этой команде, также и Василию Стрельчу. Гуляют денёк первоначально, гуляют и второй, также и третей. Раздумауся Василей Стрелець, хороший молодеч: «А что же я сколько времени иду, не посмотрел эту коробочку, за что я её везу». Взяу этот ключик из-под нижнего дна, отпер коробочку. Ах! Сделался сильнёй город. Сильнёй город, богатой, всё есть — кабаки и б....ки. Взяли под руки Василья Стрельча, повели по трактирам и кабакам, и в золотыф коретаф всю евонную кампанию повезли, также и его. Всех угошшают разными винами и напитками; гуляют день и два, также и третей день. На третей день упечалився по вечер, и повесил свою буйную головушку пониже плеч. «Ах, надо бы этот город запереть в коробочку! Не знаю как. Ах, кабы попауся такой человек! Ах, кабы запереть этот город в мою коробочку, — что надо, то и дам!» Вдруг, обернулся назад, стоит старик седой с длинной, доугой бородой, а руки до самых колен: «Ах, что тебе, Василей Стрелеч, надо?» — «Что я думал сделать, так не знать что бы дал». — «А что ты мне даси?», на ответ сказал старик седой. — «Бери корабь золота». — «Нет, — старик сказал, — не надо». — «Бери же два, а двух мало — бери три, толь-

ко отпраф на сухой берег, в родительско царство». А старик сказал: «Мне не надо трех караблей золота, а отдай мне, чего дома не знаэшь?» — «Ну дай же мне, дедушка, подумать полтора часа или два». Подумау часа два, сказал старику на ответ: «Что дома не знаю — отдаю». Сообратил вниманьё, что «дома все знаю. Есть отец и мать, есть жена моя, а больше ничего не знаю, и что не знаю — обирай». — «Ну, я на таких услофях тебя обираю. Только подпиши своей кровью из правой руки, из которого-нибудь пальца условие — утвержаетсы на 20 лет». Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, подписауся, и готово дело. Взяу старик седой, длинная борода, от этой коробочки ключ, хлопнул рука о руку и запер коробочку, и город запер. Не стало и города, остауся один остроу. «Ну, господа, топеречка можно нам отваливать; что хотели, то и исполнил». Вот с богом и поехали. Едут далеко ли — низко, высоко ли — близко, на ровной вышине, как на бороне. И взяуся и посмотрсу в подзорную трубку. Едут мо́рём. Да и задумауся — запечалиуся сам о себе, о буйной голове, и также о жоне своей. «Какой жо старик-то быу, надо то спросить, а я дурак не спросиу, да отвалил на глубокое море. Вот как бы тот обратиуся ко мне, я бы спрошау, кто такой есь?» Оглянууся назад — старик тут сидит, и тот же самый старик, который коробочку запёр. «Ох, брат дедушка, я у тебя забыл спрошать, ты кто такой есь?» — «А я вот кто такой есь. Как 20 лет исполнится, так пошли сына. Я семгорбяшный бес (семь горбов), я сам могу орудовать всеми силами». — «Ах, — роспечалиуся Василей Стрелець, — ешшо подумау, что я, кажется, дома всё знаю. Что дома не знаю? Кажется, всё знаю». Поглядел в подзорну трубку, увидал близ своё царство родительское. «О, слава тебе, господи! Близко царство родительское. От царства недалече, около 3-х близ вёрст. Ну, господа команда, привалите к эхтому берегу!» Эта команда привалила к эхтому берегу. Привалили и зацялились на буйные, сильние, многоудёржные якоря морские, и зацялились к эхтому берегу. Василей Стрелець взяу ключик, открыл свою коробочку, сделауся сильней, богатой город. Золотые кореты, кабаки и б....ки. «Эх, мне бы (своим умом) быть прислуге 12 мальчиков!» 12 мальчиков приходят к нему к кровате: «Что тебе угодно, Василей Стрелець?» — «Моё родительское царство недале-

че, только в 3-х верстах — сходить к моему царству, узнать, где жена моя спит. На чём она спит, на том и принести сюда ко мне сонную». Принесли евонную жену в эхтот город. Жена проснулася в этиф полатах. «Что же мне, говорит, видится во сне муж перед собою! Прауда или спится?» Муж отвечал, Василей Стрелець: «Истинная прауда, собственный мой город!» Вывеу свою жену по городу гулять. Есь разные сады, растут разные фрухты, гля употребления были удобны. Она всё это усмотрила, хвалит и удивляется: «Как скоро мог этот город устроиться так! Видом не видала и слыхом не слыхала. Тут есь кабаки, трахтира, заведенья, и сильни, богаты и золотые кореты. И берут нас под руки, садят в кореты и катят по городу, никаких данных не спрашивают: ни дани, ни пошлины. А как ни погляжу — мой муж всё невесёлой, туманной». Василей Стрелець её муж спрашивает: «Как живете?» — «Живу хорошо и здорово». — «На честных ли божьих правах живешь ты?» — «Жиу честними божьими порядками, каково мои родитель отець и мать. А жиу хорошо отеч и мать, такжо и я, да и сын мой такжо». Удивился Василей Стрелець. «Как ты могла сына так выроботать?!» Удивился и сплакау горе́чими слезами, не можот слова сказать. «А что ты, муж, как плачешь?» — «Как мне не плакать?! Прикажи сюды дитя, отець и мать сюда!» Пришоу мой дитя хорош и пригож, и мало мать сыра земля родит такого человека. Приказау в золотых коретах съехать в родительско царство, привести отца и мать, а такжо и сына. Жена говорит: «В последнюю ночь ты сильно меня обнял крепко, и я приняла от тебе, окро́ме не грешна». Золотые кореты поехали в тройках, приезжают в родительское царство, садят в золотые кореты отца и мать и также евонного сына. Родитель подъезжаэт к эхтому городу, близь богатому заведению, питейному. «Можот ли быть, что мой сын такой город состроиу?» — и дивом удивляуся. Стричает его отець и мать, сына своего Василия Стрельця — Иван Васильевич на первой корете; на второй карете едет отец и мать. Зяли под руки, повели в это заведение. Стали угошта́тьсё разными напитками. «Довольни мы, сын, тобою, что вы нас так угостили хорошо, где же ты так пропадау 20 лет? Вот твой сын вырос 20-й год». — «Вашо ли дело, где я пропадау? Теперь пришел и привёз с собой город». А сам плачет и рыдает. «Об чём

ты так плачешь и рыдаешь?» — спрашиваэт евонная жена. «Как мене не плакать, как не тужить! Я дома сё знау, что дома есть отець и мать, а также и жена, а не знау, что в утробе остауся сын, что заработан был в последнюю ночь. Ну, вот, как 20 лет исполнится, надо отдать сына бесу нечистому через 20 лет». И стал больно очень плакать, что этого отдавать, а этому идти, Ивану Васильевичу. «Дак что же, отець и мать, скажите мне крайно слово, как тут дела у вас, куда же вы меня отдали или продали?» — «Ну, сынок, отправляйсе сегодняшней день или завтра!» Насушили ему дорожных сухариков. «Бери, что тебе надо, на корабляф золота!» — «На что мне золото? Продау меня, так уж пойду». Ну, отправнуся на путь свой — дороженьку. Идут далеко ли — близко, высоко ли — низко, против нёба на земле, на ровном месте, как на бороне. Идут лесами да болотами, стоит избушка. «Ах, избушка, избушка, к лесу задом, ко мне передом!» Захожу в эту избушку, разорвау серёдыш о порог. А в эхтой избушке лежит бабаяга. Выняла из-под печки лопатку, да давай меня лопаткой тукать. «Что ты меня, бабушка, бьёшь да колотишь?» — «А куда ты пошоу, земляк?» — «А вот, пошоу, говорит. По такому-то приказу родитель меня продал. Да, вот, не знаэшь ли, как мне пройти, где мне путь надлежит?» — «Сам-от сатана — мой брат родной». Он испугауся, ороб. «Ох, куда я попау? Ну, бабушка, напой да и накорми, тогда меня и победишь, али мне дорогу укажи». Она напоила, накормила, ночевать пустила; наутрие стали, также напоила, накормила, дала ему дорогу: «Куда, вот, золотой клубочек катится, туда и ты иди». Как только за порог запнулся, клубочек перед ним и покатился золотой. «Я, говорит, младшая сестра, скажи от меня старшой сестре поклон, она тебе укажот дорогу». Докатиуся клубочек до старшей сестры. Колынулся этот клубочек о порог — ничего не стало. Заходит опять в избушку. «Избушка, избушка, к лесу задом, ко мне передом!» Избушка повернулась, как на курьих ножках. Заходит в избушку. Старушка лёжит два раз матеряе той. Голова на лавке, ноги в трубе. «Здравствуй, бабушка!» — «Ох, ты какой явивься!» — «Да я от твоей меньшие сестры. Ночевал. Теперь к тебе на ночь. Она показала дорогу. Золотой клубок катился передо мной, и я пришел к тебе. Покажи мне дорогу». — «Ну, ладно, ведь я тебя съем». — «Ну, как

ты меня съешь? Ты напой, и накорми, потом я расскажу, куда я иду». Она напоила, накормила, теплу фатеру дала тут жо. Ну, брат! Наутрие встали. Напоила, накормила, дала железну тростоцьку: «Пока тростоцька подпирается — ту с ней иди, как в землю упрётся — так тебе не вырвать». Вдруг эта тросточка воткнулася в землю край моря в кустиках. И повырывал тросточку Иван Васильевич и не мог её вырвать. Поглядеу на вышнию высоту, и летит на море 12 лебедей, и сё лебедь к лебеде. И смотрит Иван Васильевич из-за кустика, что это за лебеди. Оди́ннадцёть лебедей кладёт пла́тьё вместе, а 12-й кладёт врозь. Эти лебеди долитити до моря, колынулися о землю и стало 12 девичь: одиннадцёть вместе, а 12-я врозь. Он стал по-за кустикам пробираться, да по колен ноги посмотреть (до пупа). Сё 11 лебедей выкупались, стряхнулись и полетили, а 12 потеряла пла́тьё, а Иван Васильевич украл. «Хто, говорит, мое пла́тьё украл?» говорит девича: «Если из сильно старых, то пускай мой праудедушко, а если из средних, то — дедушка, а если ешшо из средних, то пускай — отець родной. Буду почитать его вечно душой праведной. А из молодых — пускай мой муж. Буду служить ему сей душой праведной!» А он вышел из-за кустика, выносит ей пла́тьё. «Здраствуй, моя девича, я твой муж молодой. Ну, будь моя супруга севечная и праведная». — «Куда же быу ты посла́н?» — «Я посла́н к вашому хозяину, у которого вы проживаете». А она ему говорит на ответ: «Что я тебе скажу, то ты и делай! Каким же вы манерами попали сюда, Иван Царевич?» — «А, вот, такими манерами...» (идёт пересказ предыдущего). — «Ну, вот, я тебя и научу. Поезжай к моему хозяину. У моего хозяина есть 38 голоу, а всеф надо 40 голоу повесить, — два кола порожни. И нам, по всему, быть да не тут ли есь вдвоём?» Она приле́тила прежде его, и потом он явиуся. «Здраствуй, Иван Царевиць!» — «А, вот, я к тебе пришоу». — «Вижу, вижу». — «Давай мене роботу». — «Какая тебе робота? Слуги, дава́йтё стулья, столы, самовар, обед!» — «А мы сюда пришли не сидить, не цяй пить, ни обедать, а пришли роботать». — «Ну, ладно. Вот, я тебе даю работу, сделать стоуб от земли до небеси, чтобы мог работать кот, вверх идти — 12 сказок сказывать, а вниз идти — 12 писен пить хорошо». Он забрался в свою комнату, запечалился и повесил свою головушку ниже мо-

гучих плеч. Открываэт свое окно и поцепалосе окошечко. Посмотрел на это окошечко, вдруг моя Марья Царевна тут. «Что тебе, Иван Царевич, надо?» — «Да вот надо одной ночи сделать стоуб, чтоб туда кот шоу — сказки сказывау, а оттуда — 12 писен пеу». — «Это будет всё, Иван Васильевич, направлено! Напейся квасу, молися богу Спасу. Утро вецера мудреняе, кобыла мерина удаляе: возку возит и жеребят носит». И взяла булавку, в голову воткнула и спит богатырским сном. «Ну, говорит, хорошо!» Евонная жона это все к утру дело исправила. Дала ему кота в руки. Кот попоуз вверх по этому столбу — 12 сказок сказываэт, а сверху спускается — 12 писень поёт. Удивляетци ихней хозяин, что Иван Васильевич хитёр, а не он хитёр. Это, наутрие стаёт начальник, самой атаман. Приходит ко столбу, видит, что кот поузёт кверху и сказываэт 12 сказок, а оттуда идет — 12 писень поёт. Потом, погодя маленько, начальник и призывает Ивана Васильевича к себе в комнату. «О, слуги мои, давайте сюды стульё!» Набирает на столы самовары, приборы и обеды. — «А мы сюда пришли не сидеть, ни цяй пить. Давай нам роботы, не хочу цяй пить, не хочу обедать, хочу роботы дать». «Вот, тебе робота: бери мыло в свои руки, умойся биляе, будешь девушкам миляе. Сделай из 12 лебедей 12 девич. Выбери, которая девица твоя Марья Царевна. А не выберешь — голову на плаху». Иван Васильевич умыуся бело, вышеу в колидор и с ним 12 девич. У этиф у всеф девиць одинаковы платья, одинаковы и платки на головах. «Ну, вот, выбери Марью Цяревну. Не выберешь — голову срублю, а нет — обвенчаю». Приходит во свою комнату. Повесил свою головушку ниже могучих плець. Да и думат, как делу быть. Вдруг нигде взялась Марья Цяревна, у окна чепаетсы. Отворяет это окно, впускает свою Марью Цяревну. Марья Цяревна говорит: «Что, говорит, тужишь, Иван Васильевич?» — «Да как мне не тужить. Ты гляди, какая мне служба-то дана! Надо из 12 девич выбрать, которая ты, Марья Царевна». — «А, вот, когда нас он в колидор выведет, ты и смотри на меня. У нас будет платья одинаковы, и волосы, и ли́ча, вот изволь узнать меня. А в отличие, скажу тебе, Иван Васильевич: насыплю сахарку кусочек на правой брови, и прийдет муха, и сахар будет с меня ссать». — «А если, быть может, другая так захочет устроить окроме тебя?» Она отвечает, что «до-

уменья не хватит, окроме меня». Вызвау ихней хозяин, нечистая сила, в колидор все 12 девич. «Первый раз узнау?» — спрашивает у Ивана Васильевича. «Нет».— «Второй раз узнау?» — «Нет». А он с места на место бутит их — чтобы их не признать. «Также в третей раз узнау — так узнау, а нет — голова на плаху». В третей раз она ему сказала: «На меня смотри. Как муха села на правой брови, так эта самая я и есть». Ну, он всё-таки последней раз узнау, догадауся. «Вот, говорит, котора». Потом вторительный раз призываэт к себе слуги. Стульё набирает, на столы приборы, самовары. «Мы сюда пришли не сидить, не цяй пить, не обедать, а дело делать».— «Какую тебе дасть службу? Вот, против моего окна до этого столба выкопать конава одной ночи, сделать пароход и опустить в конаву воды, опустить пароход к моему парадному крыльцу, со всеми парами и силами направить, проэхатши, к тому столбу». Наутрие стает хозейка, будит своего мужа: «Стань, Иван Васильевич! Вот тебе служба есть. Бери молоток и потом колоти по готовым шляпкам, как будто ты пароход делаешь». Сейчас малеч приходит, дает ему молоток в руки. «Иди скоряе на пароход, пока наш атаман не стал. И выдет наш хозяин благодарить тебя за труды, что будто как ты сроботал одной ночь. Затем сядет на пароход прокатиться до столба, поантиресуется твоим пароходом». «Фу, какой он хитер,— говорит их хозяин, сам сатана.— Устроил одной ночи пароход, и вода напустил. Хорошо!» Вышел на пароход, сеу и поехал. «Ну, вот, теперь можете нас оввенчать или нет?» — «А тебе надо службу дать. Вот теперь я из девиць обращу 12 лебедей, и выбрать из них, которая Марья Царевна. Выберешь — оввенчать, а нет — голова на плаху. Есть 40 колушкоу. На 2 колышках нет голоушок — быть по всему, что вам быть тут». Обратил 12 лебедей. И стучит Марья Цяревна у окна. Пропустил Иван Васильевич в комнату во свою, повесил свою головушку ниже могучих плеч. «Что мне теперь делать? Я теперь сбиуся с делах своих. Как теперь мне тебя признать между вашими лебедями?» Она и сказала ему на ответ: «У правого крылышка есть крылышко подольше — замечай меня». Сицясь в колидор. В колидорах представил своих лебедей 12. Сам сатана сел во стуу, сидит во стуле и смотрит на всех лебедей. «По первый раз

сознал ли свою Марью Цяревну?» — «Никак нет!» Второй раз тоже: «Никак нет». Перегонял с места на место. «В третей раз, последней раз если не узнал — голова на отруб!» В третей раз пошел, признау правое крылышко подольше. Взяу ее в руки. «Вот, моя драгоченная судьба — Марья Цяревна!» — «Узнал! Молодчина в этот раз!» — «Так что можете теперь обвенчать или нет?» — «Нет, не могу!» — «Почему ты не можешь?» — «Иди в комнату на старожу — где раньше был». Приходит в стару комнату, сеу в стуу, повесиу голову пониже могучих плеч да и думаэт, как делу быть. Сатана ему сказал: «Вот, я выведу 12 жеребенков — все бурые, белогривые. Из 12 жеребенков выбрать. Узды сё новые, сё одинаково. Вот и выбрать, котора Марья Цяревна?». И все 12 жеребенков вывел на белой двор. «Ну, ладно, так вот, говорит, коли узнаэшь — обвенчаю, а нет — голова на плаху!» Сицясь вывел её на двор. Сицясь Марья Цяревна почапалась у окна в ёво же комнату Ивана Васильевича. «Здорово! Что ты как запечалился? Напейся квасу, молись богу Спасу. Утро вечера мудреняе и т. д. Вот, ты смотри на правой хвостик: одна волосинка будет подлинняе и покривяе». Он и смотрит, строго смотрит. Усмотреу и узнау во первой раз, также во второй. Перегони с места на место. Потом такжо в третей. «Сознау! Действительно, она, Марья Цяревна!» И выбрал жеребенка и вывеу с белого двора. Не мог сам сатана дознаться, кто хитёр. «Иди во свою комнату. Венчать поманю!» Призываэт к себе в комнату «Слуги мои, верны мои! Стульё, столы, приборы сбирать, самовары наливать!» Иван Васильевич говорит: «Зачем нам обеды?! Мы пришли дело делать». Сатана говорит: «Дать последнюю службу».— «Какую?» — «Вот, против моего окна вырубить дачу. Которой лес хорошой, толстой — окотать в костры, поплоше — сжечь на огне, пенья выкорчить, поснять пшеничи одной ночи, спахать, заборонить, сжать, намолоть и рыбник испекчи, и к девятым утрам к чаю принести пирог с рыбой». Эх как, брат, как он хитер! Не он хитер, а Марья Царевна хитряе его! Повесил головушку пониже могучих плеч. И потом Марья Царевна цепается у окна. «Ух, Иван Васильевич, что ты голову повесил?» — «Да как не весить! Вот одну ночь надо вырубить дача».— «Напейся квасу, молись богу Спасу. Утро вечера мудреняе, кобыла мерина удаляе:

возку возит и жеребят носит». Что сделать? Спит он богатырским сном. Сицясь наутрие стаёт, завертывает пирожок с рыбой в белой платочик. «Ну, иди к нашему хозяину, что он тебе скажет на ответ». Наш хозяин зяу этот пирог поглядел, с штяем закусил. Осмотрел глазами — всё срублено, изжено и спахано, посеено и жнитна видать. (Она так сообразила!) Кто что делает. А пшаницу готово принесли — муки-то. Пирог съел, похвалил. «Вот, сегодняшний день будем венчать вас». Взяу их, обвенчал. «Идите вы, молодые, на свою комнату, где Иван Васильевич был раньше». Марья Царевна пришла к Ивану Васильевичу в комнату, легла с ним вместе на кровать. Наутрие стала, плюнула слинку: «Слинка, слинка, отвецяй за меня и за Ивана Васильевича. Что спросят, то и отвечай». Ночь они не переночевали — ночью сдобились и ушли. Взяли в окно и улетели. Приходят там разные девицы самого их хозяина — атамана: «Ставай, Иван Васильевич! Хозяин зовет!» А слинка отвецяет у кровати: «Вот сичас стаём». А потом: «Умываемся!.. А вот, и оболокаемся!.. А вот и исправляемся!» Спогодя маленько, сицяс опять посылает слугу. «Скоро ли они там?» — «Да вот сицяс стаём». А потом: «Умываемся!.. А вот, и оболокаемся!.. А вот, и исправляемся!» Приходит сам атаман, толкает ихние двери. Вытолкнул их двери, у кровати увидел, что отвецяет слинка, а их след простыл. Посылает своих девич достигать их. «Что не увидаете, всё берите с собой». Ну, Марья Царевна говорит Ивану Васильевичу: «Припади к земле». Иван Царевич припау: «Шум в земле. Не то погода, или погоня».— «Это не погода, за нами погоня. Я обвернусь часовенкой, а ты старцём. Читай книгу! Спросят, много ли лет здесь спасаешься?» — «А спасаюсь 35 лет».— «А хто этта не прохаживал ли?» — «И зверь не прорыскивал, и птича не пролетывала, и часовенка мохом обросла». Он открыл книжку, читаёт. Сказали все 11 сестёр: «Что нам далее лететь! Вернемся!» Они вернулись взадь, а Иван Васильевич и Марья Царевна дальше полетели. Девицито приходят к бесу и сказывают всё, что видели. «Ой, вы, дураки! Взяли бы книжку — за ней человек пришел, а человека взяли — пришла бы часовенка за ней. Бегите взадь. Нету вам сроку. Догоняйте!» Они летели, летели, долетают опять близ. Шум, гам стоит, землятрясение земли, лес трещшит. Марья Царевна говорит

Ивану Васильевичу: «Припади к земле!» Иван Васильевич припау. «Шум в земле. Не то погода, или погоня».— «Это не погода, за нами погоня! Давай, я обернусь колóдцём, а ты коушычком — они пить не захочут». Добежали до колодца, до коушичка. Вода славно в колодце. Помужовали, помужовали и вернулись взадь к тому же хозяину. Он опять их посылает и сам сзади гонит. Гонил, гонил, часовенку перегонил, да и колодец. Вот Марья Царевна и сказала своему Ивану Васильевичу: «Будь я болотом, а ты будь коршýн — пить это болото. А я стану боле лить и делаться река, и брошу я в эту реку с себя перстень, и этот перстень пойдёт по реке и придёт этот перстень к Марье Царевне, сестрице моей родной». И Марьи Царевны прислуга сошла с ведрами на эту реку, изловила этот перстень, попауся в ведро. И сказала прислуга, объявила Марье Царевне: «Какое нынче бог дал счастье: кольцо в ведро залезло». Она взяла это кольцо и подала Марье Царевне. Марья Царевна и прочитала: «Будет, сестра родная, будет у вас заборщик спрашивать, станет мидь, серебро и золото: «Продайте мне эту старинную древность» — и вы никак не давайте, бросьте на поу, и россыплется это кольцо на много бисеров, и сообщится этот бúсёр опять же с водой, бросить его в ведро. Будет Иван Васильевич в ведре, будет и Марья Царевна в ведре». Пришел нечистой дух, стал это болото пить. Стало больше болото лить. Кинула Марья Царевна этот обрýч, и попауся он прислуге. Прислуга отдала сестре. Сестра и берегла. Этот сам сатана пиу это болото — не мог припить (он обернулся коршуном). Набасился в богатую одёжу, навесил на себя разные котомочки кожаны. «Будто я собираю мидь, серебро и золото. Что стóит старинна древность, подай сюда, тройную стоимость плачу!» Марья Царевна (сестра той) носила это кольцо до этого дня. Приходит к ней в усадьбу этот закупатель (сатана). Родитель Марьи Царевны сказау: «Давай кольцо, мы за него одно купим 21-о». Она взяла, не стерпя сердца, жалеючи своей сестры Марьи Царевны, бросила о пол и россыпауся на мелкий бисер. Она одну бисеринку заступила правой ногой и спустила в то же ведро. Из того же ведра соучинилася Марья Царевна и Иван Васильевич. И здоровкася со сестрою: «Здравствуй, сестра голубушка, что ты меня сохранила от самого

сатаны, от нечистого духа». Она верно увидала: «Сестра моя». Они тут погостили несколько суток. Марья Царевна спрашивает: «Почему ты была у злого духа?» — «Потому что меня мать прокляла». А затем конец, до свидания. Ушли в тот город, которой привезен из золотого царства. Приходит в тот город — никакого он не имеет виду, ни пашпорту. Забирает их поличия. Они поличии отвечают: «Скажите моему папаше: откупиуся от окаянной силы, нашоу себе вечную судьбу — Марью Царевну». Посадили в золотые кореты. Повезли Ивана Васильевича к своему отцу Василью Стрельчу. «Вот, твой сын жениуся. Вот, вам и супруга». Все собралось начальство, диуому дивовались, как он не мог там пропасти, вышеу в православную веру, обвенчался и скр... помчалсы. Отець, мать стречают со слезами — сколько лет не видали. Поздравляют с нареченной — с Марьей Царевной.

АСИНКРИТ МАРАКАЗОВ

35. КАК Я В ПИТЕР ХОДИЛ

Опошли мы с трём товарищем в Питер: Яков, Осип да я третей. Вот, мы пошли. Все знают дорогу. Мы пошли пешком. Я на перелеске да отстал от них и не мог догонить. И пошел я прямо дорогой. Подхожу — стоит дом. Дом большой. Зашел я в этот дом в кухню; в кухне нет никого. Я пошел по всем комнатам. Увидел там на стенах увешаны ружья разные, пистолеты. Пошел я в дальню комнату и увидел, там убита барошня. На руке золотое кольцо у ней. Я испугался: наверно, попал к разбойникам! Вышол я в кухню, залез на полати и лёг спать. Вдруг идут 12 сыновей разбойников, садятся за стол ести. А я с полатей глежу. Вот, теперь поедят меня, убьют! Там повернулся на полатях. Оне услыхали: «Фто там такой?» А я ответчал: «Прохожий, батюшки!» — «Слизевай с полатей!» Слез с полатей. Поклонился ним, а оне сказали: «Здрастуй! Ести хочешь?» — спрашивают. А я отвечал: «Охота!» Вот, они меня посадили за стол исти одного. И говорят: «Съешь за нас за всех — сколько мы все съели». А я думаю: «Чего делать?» Там принесли штёй. Шти выхлебал. Принесли каши. Ложку хлебну, а три в запазуху. Всю склал кашу за пазуху из блюда.

Вышел на улицу. Вывалил кашу из-за пазухи. Зашел в избу. Оне посылают опять меня спать. «Ступай спи! А с утра вместе с нам подёшь». Вот утром меня розбудили. И пошли в лес по дороге, дали мне ружьё. Попадаэт человек настречу. Они и говорят: «Бей его!» А я говорю: «Этого надо сегодня опустить». Оне-то опустили этого и стали мне говорить: «А зачем же тебе нужно этого опустить?» — «Он человек не богатой, бедной!» — «Как бедной? Одёжа на нем хорошая. И должны деньги у него быть». Так этот день проходили; никого не ограбили. Вот, пришли домой. Поужинали и легли спать. А мине не спится — я слушаю, чего они розговаривают. Оне розговаривают: «Надо его уходить! Как если его розбудить да сшибка сделать с ним — он нас перебьёт всех. А давайте мы его в пустую бочку посадимте и сташшим в мо́рё». Вот, меня взяли сонного, положили в бочку, бочку закупорили. Свезли к морю, опустили в мо́рё и поташшило меня в бочке. Друг бочка зашеворчела и стала задевать об окно обручьём. Вдруг остановилась совсем и не делаэт движения. Я думаю топерь: «Вот, погибну! Давай стану роскупоривать бочку!» Пробку выткнул из бочки. Увидел свет, а выйти из бочки нельзя. В бочке этой была патока. Прибегаэт волк и нюхаэт эту бочку — и положил лапу на дыру. Я наколупал патоки и намазал на лапу. Он облизал; наверно, полюбилась. Вдруг повернулся хвостом, и давай хвост запехивать в дыру; а я этот хвостик стал подтягивать к себе. Затенул весь хвост туда в бочку и дёрнул изо всёй силы. Волк испугался и побежал, а бочка за ним покатилась. И росшибла о пенек бочку. Я вышел из бочки и вижу лес. Не знаю, куда идти, а время поздно, так что ве́чор. Нужно лечи спать. Боюсь лечи на землю. Тогда полез я на осину. Влез на осину и стал к сучечку. А осина была дупля. Я уснул, да и провалился в дыру туда, низ головой. Пробудился, вижу — вверху там немножко свето́к. Сам себе думаю тамо-тко: «Вот теперь погинул!» Слышу: кто-то идёт, колёса стукают о землю. Вдруг к этой осине подходит мужик и стукаэт обу́хом по осине. «Ох, какая славная су́шина! Сейчас срублю». И начал рубить. Я приподнялся кверху. Вот, одну сторону дорубил до середины. Видать внизу свет. Я приподнялся ешшо повыше. Срубил мужик су́шину. Су́шина пала. Я оттоль выскочил. Мужик испугался, да в лес. А я сял на лошадь и

поэхал: «Вывезет лошадь в деревню!» Выэхал в полё, нахлестал лошадь, упустил одну. А сам пошел один себе. Пришел в деревню, а возле деревни ричка. День был жаркой. Вздумалось мне покупаться. Я розделсы и начал купаться. Захотелось мне на ту сторону переплыть. Переплыл я на ту сторону. Оввернулся — подходит земагор. Берет мое платьё, уносит. Я остался тут нагой в воде. Тут недалеко был мост через реку. Сял я под этот мост и сидел до вечера. Вечером увидел — баба застаёт скотину и оставила ворота полые, а сама ушла к суседке. Я марш туда — во двор. Со двора в избу забежал. А в избе нет никого. Печь была середи избы складена. Я туда за печку — где народ не ходит. В углу ухоронился. Вдруг стемнело. Приходит к бабе полюбовник. Она начала его угошшать. Вдруг стучится хозяин, а полюбовник и говорит бабе: «А куда мене деваться?» — «Тупай за печку» (где я был). Она пропустила хозяина. Собрала хозяину ужинать. Хозяина стала вином угошшать. Угостит хозяина, и полюбовнику за печку подаёт вина. А я будь не провор — да наперед полюбовника это вино и выпью. Вот, я выпил рюмочки три, мене стало весело. Я говорю полюбовнику: «Я теперь песню запою».— «Нет, не пой: хозяин обоих уходит!» — «А давай, пинжак с себя снимай — и не запою писен». А тот снял с себя пинжак, отдал мне. Вдруг хозяйка несёт чайной стакан вина и пихаэт за печку. «Я этот стаканчик выпью!» Мне стало совсем весело. Вот, я топерь говорю: «Вот, я запою совсем песни». А он мне говорит: «Не пой».— «А снимай с себе всю одёжу — я тебя отсёль выведу благополучно!» Вот, он снял с себя одежду. Теперь я нарядился в эту одежду. Вдруг ушшупал: туда дверь есть в подпольё, и говорю: «Полезай в эту дыру». Он спустился, и я вышел потихоньку из избы вон. Дождался утра и стукаюсь под окошком. «Хозяин, нельзя ли чайку попить?» Хозяин отвечает: «С полным удовольствием». Хозяйка отперла мне двери, пропустила меня в дом. Когда зашел я в избу, и говорю хозяину: «Хозяин, у тебя в доме неладно». А хозяин и отвечает: «Да отчего?» — «У тебя в доме черт есть».— «А ты выгонишь? — «Конечно, выгоню».— «Пожалуйста, постарайся. Я тебе заплачу». Попросил я у хозяйки вечер веник, оммочил в воду. Потом запачкал сажой и пошел к этой дыре, где спустил товаришша, и давай его мазать — всего запачкал.

Потом хозяйке велел затопить печку. А хозяйка затопила печку, я накалил клюку. Хозяину велел выйти на улицу, взять запор в руки или кол. «Гляди, как черт побежит — так и вали его». Ткнул этого полюбовника горячей клюкой. Тот выбежал и понёсся. Так шибко понёсся, что хозяин не мог его ударить по нём. Зашел он в избу, я у него и спрашиваю: «Что, видел черта?» — «Видел».— «Ударил его колом?» — «Нет, прозевал».— «Ну, да он больше к тебе не придёт». Хозяин меня угостил, как быть следует, и продержал он меня целую неделю и за роботу он мне дал 15 руб. Я пошел домой. Пришел домой не е́дной ни копейки не принёс. У меня спрашивают суседи: «Каково в Питере?» А я им говорю: «Худо ли в Питере! Сходи́те, узнайте!»

36. ОХОТНИК

В одной деревне жил мужик. Он занимался охотой. Раз в зимнее время поехал за сеном. Наклал сена воз. Идет обратно домой, а у его было взято ружьё с собой. Видит — бежит ласка. Он выстрелил. Убил её, шкуру снял, положил на воз, а мясо бросил. Оввернится назад — бежит ласка без шкуры за ним вслед и говорит: «Подай мне шкуру». Три раза она к ему подбегала. Четвертый раз подбегает и говорит: «Подай мне добром шкуру, а нет — сама возьму!» Он взял шкуру и бросил, и сказал: «Что за диво!?» Она ему отвечает: «Это не диво, а вот диво: не доезжая трех станций до Москвы, вот там у охотника случилось диво. Вот так диво! — говорит. Сходи — узнаэшь!» Он, там дожил до весны, пока дорога пала — нельзя роботать. И говорит своей старухе: «Ты суши, старуха, сухарей. Я пойду путешествовать». Вот он и пошел. Там-то спросился у охотника. Выпросилсы у его ночевать. И розговорились они про свою охоту. Этот охотник, которой пришел к нему ночевать, стал сказывать про ласку. А этот охотник, хозяин-то, стал сказывать по свою охоту: «Вот у меня есть три сына, мы, говорит, охотники. Раз мы пошли за охотой в осённеё вре́мё. Ходили мы целую неделю. Было у нас шесть собак взято с собой. Ничего не убили целую неделю. Я с печали такой сгоречилсе — тут изругался: «Хошь бы черт попал настричу — того бы убил!» А черт тут как есть. Я перепугался. Хотел выстрелить — ружьё из рук у меня выпало. А черт гово-

рит: «Ты хотел меня убить?» А я и отвечаю: «Да, убить».— «Нет, не бей. Тибе домой не попасти без меня».— «А как не попасти? Неушто я далёко ушел гораздо от дому?» А черт отвечает: «Да, ты далеко ушел от дому. Тебе домой идти — век будет не сойти, помрёшь на дороге; не видать дому». Я стал его просить: «Не выведешь ли домой?» А он мне говорит: «Ты, хотя со мной поступил неладно, да я выведу тебя домой. Садись ко мне на спину, да держись кри́пче. Да узнавай своё место. Узнаэшь как место, да удержисся — и будешь дома жить, а нет — не видать родимого до́му никогда!» Вот, я сел ему на плёча, захватился. Он меня и понёс. Я стал узнавать своё место. Узнал свой сад, захватился за дерево и закричал: «Старуха, сними меня с дерева!» А старуха заговорила: «Что ты, батько, ведь ты дёржисся за полати!» А этот старик говорит: «Как за полати? Да я держусь за дерево в саду».— «Пробудись-ко, говорит, батько!» Я проснулся, и верно — за полати. Перекрестился тут, поглядел: все сыновья живы, и собаки лёжа́т под лавкой, все тожо живы, благополучны». Вот с того время он отстал ходить за охотой.

37. ПРИСКАЗКА

Не знаю, в царстве-то каком жили-были мы втроём: я, дедушка с бабушкой. Жили-то мы богато. Деньги загребали лопатой. Хлеба имели много и скота до́вольнё. Жили привольнё. Печь да полати сами засевали, земь да лавку в найму отдавали. Молотить сева успевали, на брусу скирды складали. И скотинкой бог не обидил: было 25 кошок доёных, да 25 коров опоёных. Бывало, дедушка пойдет коров поить, а бабушка примется кошек доить. И до тех пор бабушка доит, пока спина не заболит. Много покойница бабушка трудилась, да одна беда с ней случилась: пестрой кот игривой, непослушной, шаловливой с кошками заигрался, да с брусу скирды спокидал, прямо в лоханку посшибал. Придавило бабушку колосом, завопила она зычным голосом. Скоро бабушка представилась, даже в баньке не попарилась! Тут дедушка сгоревался, поминки делать собирался. Хочет сделать их на славу: в наперстке растворяет опару. И вот, пара слезинок скатилась, да спасибо, одна воротилась. Полно, дедушка, горевать!

Пора пиво затирать! В ложке пиво затирали, в чану распускали. Положили 5 хмелин пузырных, нагоняли 25 бочек пупырных. Такое-то было славноё пиво, что всех соседей с ног сбило! На поминках был обычай таков: про гостей напечь блинов. Набежали на поминки соседи. Напустились на блины, что на мёд медведи. Первой блин своим чередом, а второй стал в горле колом, а от третьего соседи отказались, сами догадались. Идут гости домой — качаются, от угощенья ругаются. «Спасибо!», да давятся, а всё ругаются. Жили-то мы сыта, полной амбар был жита: два зерна овсяны, да три зерна просяны, 5 зерен гороха, от пыли стены до порога, рожь была сыромолоченая и червями вся источеная. Баушка пекла без перемёшки из году в год лепешки с гнилым горошком. Ну, что тут толковать, пора сказка начинать. Собирайтесь вокруг меня все старушки, молодцы и молодушки. Все садитесь около меня, кто на шесток, а кто на лавку. Да не делайте давку! А кто станет ахать да дремать, чтобы не было тесно в хате, полезай с богом на полати!

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ХАЗОВА

38. ЖЕРНОВ И ПЕВУН

Жил старик со старушкой. И у них было тольки что имушшества один жернов. Они кормилися этим жерновом. Ехал барин с кучером, слыхал этот жернов, послал кучера. Он его унёс. Старик и старуха посылают певунка. Певунок пошел к барину, сел на полиненку и закукырикал, что «барин, подайте старика и старухи жернов». Барин приказал слуге его, певуна, бросить во хлев, чтобы его там затоптала скотина. Окошка не закрыли, он и вылетел. Опять просит у барина, что «подайте жернов». Он приказал его зарезать и зажарить. Потом зажарили певуна, сготовили, потом барину и подали. Барин пошел до ветру, а певунок увидел и опять зарыкал, что «подайте жернов». Барин зарыкал слуге, что «секите ему голову». Ему слуга отсек холку. И певунок полетел. И барин приказал ему отдать жернов взадь. И потом певунок жернова нести не может. И набежало помошников: зайчик, медведь, волчок и лисица. Потом ему и пособили. Все эти ушли по домам, а лисица осталась у старика и старушки в гостях.

Она узнала, что у старика у старухи на вышке есть масло. Она и спрашивает, говорит, и что «бабушка, меня зовут в кумушки». А бабушка отвечает, что «поди, лисенка, зовут — так иди». Она и пошла. Масла съела полкриночки у старушки. Опять пришла, да и лёжи́т. Баушка и спрашивает: «Как, говорит, зовут крестника-то?» Она отвечает: «Бабушка, говорит, Поча́тышок». Опять лёжи́т. Полёжа́ла полёжа́ла, да опеть пошла доедать масло. «Я, говорит, бабушка, опять пойду в кумушки».— «Ну, иди!» сказала. Она сошла, там маслицо доела. Пришла и легла. Бабушка и спрашивает: «Как, лисенька, зовут?» А она: «Поскрёбушок».— «Ох, какие, говорит, все имена хитрые, лисенка!» Поутру стаёт и говорит: «Испеки-ко мне, старушка, блинков!» А старушка стала, натворила блинков, а старик пошел за маслом. Искал, искал, не мог найти масла. Старуха пошла, нашла криночку порожную. Ну, старушка и говорит: «Ну, лисенька, ты вчера у меня масло скушала, а я тебя хотела накормить блинками». Она скочила и побежала в лес. А старик и старуха остались без масла.

39. МОНАХ И ЕГО ПЛЕМЯНКА

Жил господин. Были два сына: один сын холостой, другой женатой. Сын этот ушел в монастырь. У женатого осталось двое детей — сын и дочка. Отец с сыном уехал в дорогу. Дочь оставили дома. Потом этот дядя манах узнал, что дома племянка, и стал ее смущать. Она не согласилась. И он взял написал брату письмо, что «дочь твоя живёт роспутно». Он, не стерпя сердца, посылает сына домой. Она очень обрадовалась, что брат приехал домой. И отец ему сказал: «Ты убей ее и вынь се́рдцо, привези ко мне». И брат стал звать сестру кататься. Катал ее по городу, потом отвернул лошадь в лес; по повертке бежала собачка. Сестра брату говорит: «Куда ты меня повёз?» Он стал рассказывать, что «дядя написал письмо нам, что ты живёшь распутно. Отец меня послал тебя зарезать и вынять се́рдцо, свезти ему». Сестра умоляла брата: «Оставь меня живую, а зарежь собаку». И он отпустил сестру, а зарезал собаку, вынял се́рдцо, завернул и свез отцу. Приехал к отцу, подал се́рдцо, и отец съел. Она вышла из лесу, пошла по дороге и дошла до избушки. В избушке жили разбойники, и разбойников дома не было. Она взяла

все прибрала в избе, вымыла и сама сопряталась. Приехали разбойники домой, узнали что есть человек, дали заклятие, что его не резать. Оне ей сказали: «Выходи, мы тебя не тронем». Она и вышла. Была она очень красива, и оне ее полюбили. Она жила долго у них. Узнал ее дядя, манах, что она жива. Нашел старуху волшебницу, посылает к ней. Старуха пришла и принесла рубаху, велела ей надить. Она рубаху надела и умерла. Приезжают разбойники домой, двенадцать братьев. Ее пожалели и сделали ей гроб и повисили этот гроб па двенадцать дубов. Сами все застрелились. Этим самым местом проезжал купеческий сын. Увидал такое чудо, снял гроб с дубов и подумал сам собой, что «эта моя судьба», повёз её домой и поставил в свою спальню. Куда пойдет, и все заперал свою спальню, и нехто не знал об этом. Стала узнавать его мать, почему стал заперать свою спальню. Он уехал на один день, родители сломали замок, выняли гроб из спальни и выняли девицу из гроба и всю раздели. Сняли заколдованную рубаху,— она стала жива. И потом поставили в горнешьныё. Приезжает купеческий сын домой, спросил у матери благословенья, чтобы повенчаться на ей. Мать его благословила взять её. Оне повенчались, и стала она проситься у мужа на постоялой двор, увидеть отца и брата своего. Он её отпустил. А вот в такое-то время собрались все: отец, и брат, и муж, и дядя, которой смущал её. Сяли они чай пить всё за один стол. Эта купеческая дочка оделась половым, стала чай подавать, и муж стал спрашивать купца: «Ты ездишь по дорогам и не знаешь ли каких-либо новостей?» Он сказал, что «я их не знаю. Вы святые отцы, живите в манастырях и не знаете ли чего? А ты, говорит, половой, живешь на большом месте, не знаешь ли чего?» Половой сказал, что «знаю. Что стану говорить — не перебивать. Если кто перебьет, то сто рублей денег». Сял на стул и стал рассказывать все про свое расхожденье, как было дело. И потом дошла до своих рассказов, и дядя перебил, которой её смущал: «Полно врать, половой!» Потом она говорит, что один отец велел убить свою дочь, вынять сердца, а убили собаку, выняли сердцо, он съел. И отец тоже перебил, что «полно, половой!» И она призналась, что «ты — отец, а ты — дядя, а это — муж». Дядю и отца приговорили к рострелу, а брата взяли они с собой.

СОЗОНТ КУЗЬМИЧ ПЕТРУШЕЧОВ

40. ИВАН КОРОЛЕВИЧ

Была у короля женщина, дочь, прекрасная Елена-королевна. Он её не опускал в сад одну гулять, всё прислугу давал. Вот оне вышли погулять. На другой день нечистой дух её и подхватил. Эти няньки, мамки, прислуги приходят и говорят, что «потерялась дочь твоя».— «Надо розыскать дочь моя», говорит. Были у его три сына. «Ну, тятенька, мы розыщем — бог пособит». Отправились они в путь-дорогу розыскать сестру. Сколько они время ходили, розыскать не могут. Дошли они до такие крытые горы. Боже упаси — гора!! Вот, между собою и толкуют три братця: «Уж кто-нибудь да ходит на эту гору». А середней брат отвецяет: «Где, говорит, этта попадёшь! Эка гора!» говорит. А третей говорит: «Нет, братанчики, надо розыскивать средства какие-нибудь». Они нашли дверцу, закопанную в горе. Отворили дверцу, а там когти большие, огромные. Большой брат и говорит: «Ну, вот, теперь и мы попадём туды». А середней ему отвецяет: «А дай, бог, попась». А большой брат и говорит: «Ну, уж надо одному идти — одни ведь коготы, по которым подыматься по горе (цапаться)». Вот он с ими простиуся. «Вы, говорит, братаны, дожидайтесь меня, покуда не приду. Может быть, жив останусь». Вот он простиуся с ними и полез туды. Полез, полез, только в виду у них стал. Вот Иван-королевич долез туды. Осияло какое-то. Больнё понравилось ему. «У нас такого весилия нету!» Ему надлежит путь-дорога, куды идти. «Эта, говорит, дорожка меня доведёт». Шел, шел, увидал государственный дом. «В этом доме кто-нибудь да живет!» Так осиял дом-крепость! «У нас, у наших хорошие королей дома, а вот в людях, господи, какие!» говорит. Подходит к этому дому и смотрит, никакого ходу нет из дому. Он ходиу, ходиу, добрался — следок в башмачках: по дрова хожено. Заходит он в эфтот дом. Одна девица сидит. Такая девица сидит! Она очень пондравилась Ивану-королевичу. Она его и узнала, что он руськой. «Ох, Иван-королевич, тебе, говорит, здесь смерть от нашего короля. У нас змей о семи голов. Вот он меня, говорит, и унёс. Он, говорит, к нам прилетает!» Она россказала ему, что «я такого короля дочь». Ну,

он у ей тут поговорил, покушал суточки. «Не добраться тебе, говорит, до сестры. Трудно тебе — голову ссекут».— «Ну уж пошел — так, господи, что будет!» Вот она его и пожалела: «Тебе не попасть. Я, говорит, тебе дам шар», и завернула шар в платок. «Ты дойдёшь до второго царства, а твоя сестра в посли́днём. У нашего змея — три государства, три дворця». Она ему россказала, как в дом заходить. Тот ешшо лутше дворець. «Господи! Господи! какие у королей дворци, не как у нас!» Вот он и дошеу опять до дворця: смотрит, в дом как попасть — вход ишшет. Вдруг она увидала, в окно поглядит: «Ох, руськой», говорит. Вот сичас она выскочила и его стричает: «Ах! Иван-королевич! Как тебя бог занёс сюды? Тебе смерть будет! Он ей: «Ох! Что господь даст! Смерть, так смерть! Зашел уж!» — «А трудно тебе своя сестра достать. Жизнь кончить здесь тебе! Я дам тебе шар. Только ты этот шар береги, только не теряй. Потеряешь — домой не бывать. На, вот, этот шар, опусти. Он тебя доведёт до королевства». Вот он шел этой дорогой и узнал: «Тот ешшо лутше двореч». Приходит в дом, и увидала сестра его. Увидала, это, его сестриця и говорит: «Ох, брат, говорит, жизнь тебе кончить здесь. Жаль тебя, говорит. Вот он прилетит скоро, тебе голову снимет к ряду». Ей очень стало его жаль. «Как вы, сестрица, меня сохранить не можете ли? Слободить?» Вот она ему и говорит: «Как тебя схоронить!? Да вот полезай ко мне под подол — тут сохраню. Ты, говорит, слушай, брат, что я буду с им розговаривать» Вот он и летит,— всё царсво, королевство дрожит. Он насилу удержался — лёжи́т. Вот он заходит в дом и говорит: «У! Здесь руськой есть».— «Ну, ты тут налетался по Русé и нахватался всякого духу! Давай-ко я у тебя в головке поишшу». Вот она его так уговорила, бóльнё этакой ласковой живучи́ не бывал до неé. «Вот мы, говорит, сколько лет вместе живём, скажи, какая тебе смерть?» — «А мне смерть, говорит, в моей спальнёй в головах — сабля». А тот и слышит Вот они с ей откушали. Он после обеда отяготел спать. «Вот, говорит, когда дом задрожит крепко си́льнё, тогда он и заснул!» Это все учит его (Ивана королевича). «До тех пор, пока заснёт, и дом стихнет, дрожать не будет». Он выскочиу, саблю схватил,— все семь голов нараз. «Вот теперь, слава богу, говорит, с сестрой остались!» Ему домой ехать из этого

царства неохота, а надо отправлетьси. «Хто жо вам, говорит, ку́шанье приготовляе́т?» — «А вот нам ку́шаньё кто приготовляет — вот тро́ска висит, возьми её в руки». Он взял её в руки, стукнул о пол, выско́чило три молодца. «Что надо, Иван-королевич?» — «Нам ку́шанье, говорит, приготовьте!» Покушали с ей, с сестрицей. Вот и надо отправлетьси им. Отправились оне. «Скажите, как вы спускаетесь на руську землю?» — «Нам спуститься — надо трои сутки плести плетень!» Вот они трои сутки сплели этот плетень. Он идёт по дороге, всё наза́д оввертывается. «Что жо ты всё оввертываешься?» — «Да как же?! Мне жаль элакое царство оставить!» — «Ну жаль?! Так на тебе платок, тряхни им». Платок тряхнул — королесьтво загорелось. «Вот возьми песку этого, завежи в этот платок!» Вот они опять и́дут и доходят до середнего царства. Ему жаль оставить, надо с собой взять: руськая — так! Вот он эту взял с собой, и третью также. Дошли до этой горы, надо спускаться им. Кого спускать? Давай сестру напе́рво. Этот плетень спустил до земли. А там братаны обрадили: «Слава богу, и брат жив, и сестра с нами!» Вот и другую королевну также спускать стал. И ту спустиу. Эти братаны поприняли — русьская! Так рады. Вот послиднюю спустил. Спустил как последнюю-то — эти братаны возьмут и плетень пересеку́т. Он потянул, поглядит,— половина: испугался — здесь остался. «Эх, братаны! Что вы сделали?» — «Ну, брат, говорят, теперь мы можем пожениться на этих королевнах, а брат, как хочет!» Вот этот брат так тряхнул платком, и вдруг ничего не стало. «Пойду я в последнее королевство, не могу ли там чего розыскать в их царстве». Ходиу, ходиу по этому царству, увидал тропку. Ну, эта тропка куды-нибудь сведёт! Привела его тропка к ха́тине. Заходит он в эту ха́тину, никого нету. Ходит и пече́лится, что никого нету. Друг вы́шол красной кот — огромной си́льнё. Вышеу и у него около ног трётся, сам головой качеет. А Иван-королевич не будь глуп: «Этот кот не так трётся!» — говорит, что-нибудь есть в этой хате». Ходиу, ходиу Иван-королевич, нашеу комодик небольшой. В этом комодике троска. Взяу он эту троску, любуется; упала в пол — выскочило си́льнё много си́лы и называют: «Что тебе угодно, Иван-королевич?» — «А вот мне, говорит, угодно попасть на родиму сторону к отцу, матери!» — «Можно», говорят. «Можете ли эла-

ки дворцы, какие тут были, выстроить?» — «Можно», говорит. Живо выстроили дворець; поглядеть — такой самой, какой был. И другой такжо выстроили они ему. Он и пошеу, в путь-дорожку отправиуся. Дошеу до горы — спускаться нады. Сросся плетень, по этому плетню он и спустиуся. Те дворцы все с собой взяу. Троской колонёт, их и не стало. Он спустиуся, их и нету. Вот он и пошел этой дорожкой к родимому королеству. Колонул троской, выскочило несколько силы. Вот он со своей силой стоит. Увидал отец его много силы, испугался, думает — неприятель какой! Вот этот король послал посланника: «Какой это явиуся король с экой силой?» Вот оне доложили ему: «Не будет огонь открывать, не бойся». Этот троской колонул, ничего не стало — один остался. Вот и пошел в город эфтот Иван-королевич. Ходиу он по городу, прибирал себе фатéру. Прибрал он себе фатерку. Там вдруг через сутки объявил король — два дворця выстроить кто возьмётся? Вот, на другой день и стал народ собираться эти дворцы строить. На другой день и посылает бабушку — хозяйку (на фатере что) на торги поряжаться, дворець строить. «А ты, бабушка, берись, другой не возмётся». Король и говорит: «Выстройте мне дворец около ночи, чтобы лутше моего был». Вот этта бабушка порядилась, богу помолилась. «Будет готово», говорит. «Порядилась, бабушка?» — «Порядилась».— «Ну и слава богу». Он взяу троску, колонул,— выскочило силы, бог весть сколько. «Выстройте мне дворець около ночи, и чтобы к свету готов».— «Рады стараться, Иван-королевич», ответила ему эта сила. Только светает — король проснулся; так ужастиуся — такой выстроен дворець, так осияло у него от дворця. Выстроили, он троской колонул — никого нету, один дворець стоит. «Ну, бабушка, ступай за рошшотом, получи деньги. Сколько попросишь, столько и даст король тебе». Король денег мешок насыпал, она с деньгами домой. «О! слава богу, я богата. Живу теперь я!» Вот второй дворець надо сделать. Вот он опять бабушку. «Пойди поряжайся». Король и говорит: «Чтобы к свету готов дворець был!» Бабушка и порядилась опеть: «Готов у меня будет!» Этта бабушка приходит. «Ну что? Порядилась, бабушка?» — «Порядилась», говорит.— «Ну и слава богу». Вот он ночи дождался, выскочило ой! сколько силы. «Что надо, Иван-королевич?» — «Чтобы

к свету дворець был» — «Рады стараться, Иван-королевич!» Живо они устроили этот дворець около ночи. А государь, король пробудился, и осияло в комнате от дворца от этого. Дома выстроил, надо королю сыновей женить, венцяться ехать. Вот она (середняя) отвецяет середнему: «Я буду венцяться, только сшейте мне пла́тьё подвенешное, чтобы не кроить и не шить, а чтобы было ладно». Вот стал король швецей искать: «Поди, бабушка, порядись», говорит. Вот бабушка пошла и порядилась: «К утру готово!» Вот он дождауся ночи. Иван-королевич стукнул троской. Выскочило силы много. «Что нужно, Иван-королевич?» — «А чтобы к свету было пла́тьё готово» — «Ладно, говорит, будет». Около ночи все исправили, к утру готово. «Бабушка, понеси! Что попросишь, то и заплатят». Он приносит — король принимает. Эта одёжа, как по ней. Он и спросиу: «Ладна ли?» — «Ладна». Вот их и повинчали. Надо второго сына опять. Также и вторая элак и говорит ему: «Сшейте мне такое же подвенешное платье, чтобы не шить, не кроить, и башмачки как раз». Эта бабушка опять и порядилась. Приходит к нему бабушка. «Порядилась?» — «Порядилась». Вот он ночи дождался. Колонул троской.— «Что надо, Иван-королевич?» — «Да сшейте к свету такое жо платье».— «Ладно, будет». Утром бабушка готова, снесла и деньги получила. «Венчайте, говорит, не меня, а первую, которой перво пла́тьё сшили, обе, говорит, не будем друг». Вот повинчали её и сделали пир и стали пировать. «Мне, говорит, линь, бабушка, идти на пир-от».— «А ступай! Ходят ведь», говорит. Вот он пришел в государство это и стал у двери, глядит, как пируют. Вот она увидала, эта середняя-то, в лицё; сичас выскочила, его — за руки: «Вот, говорит, кто нас достал, а не вы!.. За руки она его и за стол. А король ужастился — в крестьянской шубе! Вот тут оне все три и сестра тут: «Тятенька! Вот он нас достал, это братець мой».— «Да не может быть!» Его роздили. И король узнал, что сын. Поставиу всех трех рядом сыновей. «Да это — сын большой!» Середняя и говорит: «Я, говорит, за этим могу повенцяться. Он нас свободил, достал, я за него могу в замужество идти». Вот она за его и повенчалась. Жить поживать! И теперь живут.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ СЕМЕНОВ

41. ПОП ПАХОМ

Один приход без священника всё жил. Крестьяне и выбрали мужичка пойти искать попа. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок. «Как тебя зовут, старичок?» — «Меня зовут Пахом».— «Так будь у нас попом!!» Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, приказал жену и детей. Ну, дети работой у него занимались, хозяйством. У церкви земли, покосу было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедня служить; народу собралось много слушать нового попа. Ну, он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял. «Знаете ли, миряне, эту книгу?» — «Не знаем»,— ответили ему. «Не знаете, так нечего и сказывать». Второй раз и говорят: «Ну, ребята, как поп сделает так, скажем, что знаем». Опять взял большую книгу, кверху поднял: «Знаете ли, миряне, эту книгу?» — «Знаем».— «Ну, а знаете, так нечего и сказывать». Недовольни попом, что худо служит. Стали роптать прихожане! Ну, третью обедню стал служить! Много пришло прихожан: охотно обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и зачал роспевать: «Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра!». Потом и говорит: «Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить!» Прихожане испугались, все из церкви и розбежались: испугались, что долго. Ну, прихожане и уговорились, что надо прошéньё подать архирею, что поп худо служит. Архирей отписал: что на такое-то время приеду на ревизию. Архирей приехал с певчими и с протодиаконом. Собралось прихожан много. Архирей заставил обедню служить отца Пахома. Ну, архирей пошел вместе слушать с певчими, с протодиаконом, и мужички вошли слушать, как при архирее будет служить. Начал обедню служить: «Преосвященнейший владыко! — возглас первый. «Служаху при сей церкви 12 лет и составил капитал 12 тысящ. Вам жертвую 6 тысящ и протодиакону 500 рублей, певчим — 300 рублей. Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутишася кони его, и бысть глас с небесе: «прру». Певчие и подхватили: «Слава тебе, господи, слава те-

бе». Архирей вышел и говорит: «Миряне! Поп-от ничего служит!» — «Это при вас хорошо, а без вас плохо».— «Нет, пусть служит. Нельзя хаять!»

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОГДАНОВ

42. КАПСИРКО

В одной деревне был мужичок не очень богат. Детей у него было семеро или восьмеро. И так он очень бился хлебом и скудался, так что два, три дня голодом сидел. В некое время легли спать со своей женой. «Ну что теперь мы станем делать, раз хлеба нет?» — «А вот что, баба: у барина дача есть. Я лутше поеду в ночное время, бревно или два срублю». А баба ему на ответ и говорит: «Как, мужик, действительно у нас лошадь худая, ты поэдёшь? Неравно тебя в лисе там застануг. На сторожа попадёшь, а нет — на барина».— «Да ведь что будет, что бог подаст. Делать нечего; поеду, раз надумал». Таким образом напехал кошель сена, запряг лошадку и поехал. Приэжжает он в эту дачу к самому этому помешшику и сворачивает с дороги. Оммял место и прибрал две ёлочки. Дал лошади сена, а сам пошел рубить эти ёлки. Срубил эти ёлки и обделал, как следует, честь честью. Срубил, надо наваливать было на лошадь. Навалил на дровни, завязал, как следует, и мызгнул на её. Она — лошадь худая, не повезла. Он разгорел на её, поругал и ряспряг. Потом дерево свалил, оглобли связал и потом давай дерево вывозить. Недалёко от дороги, как видать стало большую дорогу — и слышит: кто-то едет. Вот он остановился и смотрит. Едет этой дачи барин и говорит своему кучеру: «Кучер, кто-то у нас в дачи рубит!» Посылает своего кучера: «В эту повёртку сходи! Узнай». Тот кучер туда сбежал. Видит — мужик стоит на дороге, отдыхает с возом. Вот ему мужик и говорит: «Мужичок, иди, тебя барин требует». Как мужичок испугался! — делать нечего, и пошел на дорогу. Вошел на дорогу, шапку снял и кланяется. И просит у барина прощенье: «Виноват, барин, ребят много, нужда заставила идти в лес». Вот барин и говорит: «Ну что, мужичок: дрова срубил, что с ними делать будешь?» — «Свезу в город и продам. И куплю хлеба пуд, или два, тогда будут у меня робята есть». Барин ему и говорит: «Мужичок,

я тебя сошлю!» А мужик и говорит: «Ваша воля. Куда хотите, туда и девайте».— «Вот, значит, это тебе, мужичок, не добыча. А вот я тебе дело дам, такую задачу дам,—если ты сделаешь, тогда награжу деньгам и хлебом».— «Ну ладно, сказывайте, какую делать причину».— «Вот у меня жеребец пятигодовалый есть. Вот вы его украдите, тогда я вас награжу, а если не украдите, тогда я сказню голова на плаху!» Вот мужичок подумал сам себе: «Ну да ладно украду». Барин говорит: «Украдёшь, так я тебя буду ждать».— «Так что, барин, дозвольте деревка увезти, уж коли срублены».— «Ну да ладно!» Вот барин уехал, а мужичок навалил два дерева и привез домой. Приезжает домой, два деревка свалил под окно и лошадку выпрег, а сам в избу вошел и стал одёжу скидывать с себя. Скинул как одёжу эту, сигарочку свернул, закурил и говорит своей бабе: «Баба! Ставь на стол ужинать». А ему баба на ответ: «А что ужинать? Что припас, то и ужинать».— «Ну ладно, баба, придётся так лёжиться спать. В лесе рубил, устал — да и поись нечего!» Легли спать. Вот он и стал своей жене сказывать: «Я, говорит, сегодня, баба, попал на самого барина, Съехал в лес, да и попал на самого».— «Вот попал на барина, что тебе за это будет!?» — «Да не знаю».— «Попал на барина, не помилуют!» Он и говорит своей жене: «Задал мне задачу барин. Решу, так помилует, а нет — голова на плаху. Делать нечего, барин раз мне сказал, я ему ответил, что сделаю, украду жеребца вашего». Посоветовались с женой. «Как, баба, нам ловчае украсть жеребца-то? Придётся вина четверть купить и мёду на двугривенной».— «Ну да как, мужик, вина-то? Да денег нету!» — «А вот у тебя сарафан есть, снеси продай: может быть, кто купит, рублишка три дадут за его». Делать нечего, баба взяла сарафан в деревню и продала. Приходит домой, отдает мужику деньги три рубля. Мужик деньги получил, зашел в кабак, купил четверть вина и пошел в лавку. Зашел, купил на 20 коп. мёду полфунта. Пришел домой и говорит своей жене: «Вот что, делать нечего! Одна у нас корова, да надо как-нибудь сметаны разживаться — на снеми бурак». Вот баба взяла сметаны с кринок наснимала, бурак этот и принесла мужику. Та ночь приходит. Мужику надо идти этого жеребца красть. Мужичок и отправился сам себе преспокойно. Близко ли далёко, не дошел

вёрст пяти. Ну, барин — сказано, в котору ночь придёт вор — запер жеребца в конюшни под замки и приставил 3-х сторожей и 3-х собак. И наказал этим сторожам: «Если вы прокараулите этого жеребца — и голова на плаху!» Оне ему ответ и говорят: «Ладно, барин, будем свою голову беречь!» Никаких делов, никаких беспокойств, зашли в скотную, взели лампу и сидят преспокойно. Этот мужичок приходит к конюшне. Его звали Капси́рко. Подошел к конюшне,— как собаки на его заучали! Сам себе и думает: «Как это мне половчае сделать, чтобы собаки не заметили?» Вот он помаленьку пробрался к воротам: было подворотечко, у подворотечки окошечко было небольшое. Взял бурачок, сметану вылил на землю. Собаки этот дух услыхали и давай сметану лизать, и урчеть отстали. Этот мужичок стал потихоньку под подвал рыться. Вот он, как вырыл эту ямку, и зашел преспокойно, тихим образом в конюшню, вычеркнул спичку и осмотрел, где конь стоит, этот Сивко. Осмотрел с коня Сивко уздечку (уздечко висело на стопочке) и поставил четвертную вина, где конь ел на яслях сено, а сам забрался под эти ёсли и забился в назем. Через несколько времени очередь сторожу нести сено коню. Приходит. Сено взял и стал класти сено в если, а сеном забряк о стекло. «Вдруг что такое брякает!» Взял фонарь в руки, посмотрел: четверть водки! Сичас эту четвертную взял и закрыкал: «Ой, робята! Бог послал четвертную вина, пьём», говорит. Приносит в скотную. «Ну, робята, давайте теперь по чашечке выпьем!» А один старик и говорит: «А как, если мы выпьем по чашечке, может, по другой захочем?» А этот, кто принес: «По одной выпьем и больше не станем». И 3-й сторож говорит: «А если выпьем, да прокараулим — и голова на плаху».— «Ничего, выпьем по чашечке, а больше не будем». Роскупорили четвертную и налили по чашечке, и выпили. Выпили и поманили. Один говорит: «Давай, товарищ, наливай по другой!» По другой налили и выпили. Как по две чашечки выпили, у них и зашумело в голове. Они заговорили и писенки запили. Один говорит: «Да что: по 2 выпили, давайте и по третей!» Вот они по 3-й налили и выпили. И сделались гораздо пьяны и писни запили, и остаточки все допили. Напились и спать полегли: даром что жеребец! Вот спать легли. Этот Капсирушко услыхал, что спать полегли,— тихо всё, не слыхать,

взял уздечко, вычеркнул спичечку, оглядел коня, где стоит, отвориу ворота и надел уздечко. Вывел коня на улицу, подвёл к камню, сел и уехал. Вдруг просыпаются утром сторожа. Один сторож и говорит: «Пойти посмотреть коня? Стоит ли? А не то, может быть, украли». Сторож сошел: коня и нет! В скотную и своим товарищам и говорит: «Всё, ребята! У нас коня нету!» — «Ну что, говорят; у нас голова на плаху теперь к нам». Другой говорит: «Делать нечего, раз провинились и быть нам!» В утре, как часов в 9, стаёт барин и проверяет сторожей. Пришел — в конюшне коня нет. И приходит в скотную и говорит своим сторожам: «Где же у вас конь?» Ну как оне виноваты, стали у барина прощенья просить. Барин рассердился и приказал их голова на плаху снять всем им. «Ну, делать нечего! Капсирко украл, нужно будет наградить его». Барин взял 2000 рублей и 2 воза хлеба, приказал роботникам свезти к Капсирко на дом. Деньги отдал роботникам. Возы наклали и поехали туда к Капсирку. К Капсирку привезли. «Вот, барин прислал тебе 2 воза хлеба и 2000 руб. денег». Мужичок и говорит: «Ну, баба, слава богу, зажили мы, стали теперь богаты!» Мужик живёт себе спокойно неделю и другую, денег много и хлеба того боле. Все 2 недели прожил, потом его барин опять и приказывает этого Капсирко к себе опять на дом. Посылаэт ему письмо, и по письму является этот Капсирко к ему в дом, к барину. И говорит: «Что, барин, нужно, чего требуете?» — «А вот что, Капсирко: у меня есть до тебя просьба — укради барыню. Украдёшь, так деньгам награжу. Не украдёшь — голова на плаху». Подумал сам себе и говорит: «Коня украл, а барыню не хитро́ украсть». Сам себе шапочку снял и домой преспокойно отправился. Приходит и говорит своей жене: «Барин опять дал мне приказ: украсть мне барыню. Если не украдешь — голова на плаху, а украдёшь — деньгам наградит». Вот ладно, хорошо, набаси́лся в ту ночь, как надо барыню украсти, запряг Сивко краденого в санишки в неражие, а сам набасился, как ку́деса, и перемарался весь во саже. Сел на этого коня и поехал к барину к дому. Подъэзжает к баринову дому и едет мимо паратного крыльца и насвистывает. Бароня и говорит бариню: «Я выйду, пойду посмотрю, что это за чудо едет?» Барин и говорит ей: «Смо́три, не выходи!» — «Нет, барин, не терпится, выйду посмотрю!»

Барин не мог унять. Как она вышла на крыльцо и спустилась на нижние ступеньки, а этот Капсирко не зевал долго. Эту барыню цап-царап, и в сани, и увёз. Идет близко ли, далёко, доехал до озера и видит, что какой-то человек там сидит и говорит: «Кого везёшь?» А Капсирко на ответ: «Барыню везу». (Он не человек, а черт из озера).— «Продай мне эту барыню!» — «А сколько, говорит, возьмёшь?» — «А шляпу денег навалишь!» — «Ну ладно, делать нечего, отдавай барыню, а шляпу денег навалю». Вот черт взял барыню за руку и повёл в жилище к себе. А своим чертятам приказал носить денег в шляпу. А этот Капсирко не будь глуп взял и провертел дыру в шляпе. Вот, черти носили, носили денег, покуда саней не наносили, и шляпы не могли наносить. Как сани стали наношены полны денег, и шляпа стала полна денег. Капсирко денежки обрал и поехал домой с деньгами. Приехал домой и живёт сам себе барином: денег много, всего славу богу. Живёт преспокойно. Проходит неделя и другая, и стало барину без барыни скучно жить одному. Делать нечего, говорит: «Не выкупить мне у Капсирко обратно барыни своей?» Приказываэт этого Капсирко к себе домой. Капсирушко, как услышал, что барин приказывает, отправляется к барину в дом. Приходит к барину и говорит: «Что, барин, нужно? Зачем требовали?» Этот барин и говорит: «Что, Капсирушко, обратно мне барони не возвратишь?» — «Ну же, отчего, барин, можно! А сколько ты за труды мне положишь?» — «А вот что: только возврати обратно, тогда половину дачи подпишу и 10000 де́нёг».— «Ну ладно, коли я возвращу барыню, но только с тем уговором, чтобы два ведра вина и несколько рогоз». Вот ладно. Преспокойно Капсирушко отправился к озеру, где он барыню продал, пришел на то место, сделал как бы шалашечку и стал преспокойно сидеть у озера. Сидит да веревки вьёт. Вот, выходит из озера чертёнок и говорит: «Чего, Капсирушко, де́лаёшь?» А Капсирушко ему на ответ: «Стану веревки вить, да озеро сушить, да чертят душить!» Вот чертёнок испугалсы и опять в воду убежал туды. Вот чертёнок и говорит старшему черту, на́большому. На́большой посылает опять чертёнка побольше. Вот другой чертёнок выходит из воды и спрашивает у Капсирко: «Что делаешь?» — «Да вот нонче годы такие—вот буду веревки вить, озеро сушить, да чертят давить всех». Как

чертёнок этот испугался, опять в воду убежал. Делать нечего, приходится приходить старшему черту, самому главному. Вышел и спрашивает: «Что будешь делать?» — «Да вот веревки вить, да озеро сушить, да чертят душить».— «А почему же ты станешь?» — «А отдай мне барыню назад». А черт и говорит ему: «А как я тебе барыню отдам?» — «Вот сделаем три штуки; если который которого переборим, того и барони».— «А вот что, Капсирко, давай свистнем. Кто шибче свистнет, тот в воду упадёт, тому барони не видать». Вот ладно. Черт и говорит: «Ставай, Капсирко, на бережок на самой. Я буду топерь свистать». Капсирушко стал на берег, черт свистнул свой ноготь, и Капсирко чуть в воду не упал. Капсирко и говорит: «Ну, черт, топерь ты ставай — я буду свистать». А черт и говорит: «Ладно! Я глаза завяжу».— «Да завяжи покрепче, чтобы глаза не вылетели!» Вот черт стал к самому краю воды на берег, а Капсирко взял дубинку и ему по уху как раз даст — черт в воду и улетел. Выходит из воды черт и говорит: «А вот, Капсирко, есть еще предметы: кто друг дружку обежит, того и барони». Этот Капсирко и говорит: «Эй ты, черт, чего ты схватываесся со мной. Есть у меня внучок 7 лет — и тот тебя обежит!» У Капсирко был пойман зайчик; они стали рядом оба и побежали. А Капсирко взял своего зайчика полонул, ударил по ж..., оба и побежали. Где за зайцем гониться черту. Черт порвал все по кустам, не мог внучета догонить. Как черт бежит обратно, а Капсирко ему и говорит: «Чего тихо бежишь? У меня внучет прибежал». А у него был другой пойман зайчик. «Ну, делать нечего! Ну дам ешшо третью штуку: кто кого победит, того и барони». А этот Капсирко и говорит ему: «Ой ты, черт, меня обежать не мог, где тебе меня обделать! У меня есть дед семидесяти лет — и тот тебя обделат». Этот черт и говорит: «Где есть-от?» — «А вот, поди, он тут и лёжит». Черт приходит в это место, где лежит этот дед, и говорит: «Ей, где ты, дед семидесяти лет, выходи, будем барахтатьсы». А этот дед, действительно, был медвидь — славной. Черт и говорит: «А как его звать?» — «А этого дедушка зовут Михайлом». Не порáто хотелось выходить медвидю из берлоги, да делать нечего, надо выходить барахтатьсы. Вышел медвидь, и стали барахтаться с чертом. Так барахтались, медвидь так черта уломал, что боже упаси нас! Вот черт и за-

рыкал: «Капсирко, закличь деда своего 70-ти лет, и барони не надо. Бери её!» Через несколько времени черт приказал вывести бароню из своего жилища. Бароню вывели к Капсирке. Он взял её, и преспокойно отправились от озера. Привёл эту бароню к барину и отправился, как получил деньги и подписали половину усадьбы, к себе домой. Пошел мимо бариново саду, где ходила свинья, Золотые Щетинки, с поросятами. А барин, действительно,— эту свинку пасли 3 пастуха — и наказал он этим пастухам: «Если вы эту свинку, Золотые Щетинки, прокараулите, то голова на плаху». А Капсирко видит: день красной был. Тихонько в сад зашел, свинку взял напутал, обвязал её и за плечо, а поросят в карман оклал и отправиуся. Потом этих поросяток пастухи хватились. «Поросяток нет!» Барин узнал,— поросяток нету, и голова на плаху — готово! Послау за свиней погоню. Лошадей запрягли и поехали. Вот вор слышит, что догонеют, недалёко. Как сделать? Сторону свернул, свинку оставил и за конавочку вышел: вывитриться ему надо. Взял присел и накатал да и шапочкой закрыл, да сам стоит у этой шапочки. Вот кучер увидал его и стал спрашивать: «Не видал ли ты вора со свиньей, не прохаживал ли здесь?» Человек ему и говорит: «Нет, батюшка, не видал. А что я могу догонить єтого вора?» — «Нет, тебе не догонить, потому что ты не умеешь на конех ешшо ездить».— «А что, дорога одна?» — «Нет. Сюда дорога, и туда дорога, и элак дорога». — «А я бы догонил!» — «Так что, брат, догони!» — «Нет, товарищ, нельзя мне догонеть. Так вот что — я рад бы догонеть, да поймал сокола и посадил под шапку; так вот нельзя от него уйти». А этот кучер и говорит: «Да что, я постою, постерегу. Догони, пожалуйста!» Кучера оставил беречь сокола, а сам того! Сел на кони и поехал. Кучер остался один, стоял долго времени. Ждёт, ждёт — человека нет и коней нету: угнали. Сам себе и думает: «Что за сокол? Надо погледить!» Взял тихонечко, маленечко туда руку пихнул под шапочку, потом руку вынел и всю руку в навозе перемарал. Потом и заругался. «Что теперь мне будет?! Свиньи не догнал и коней потерял!!» Делать нечего, отправился домой. А эта коней убрал, своротил в сторонку, и выпряг лошадей, и сходил за свиньей. Принёс свинью и поросяток. Вышел на дорогу, идёт себе преспокойно дорогой. Гребёт старуха в сто-

ронс. Вот и говорит ей: «Вот, говорит, старуха, паны (Литва) едут». (Прежде панов боялись). Вот эта старуха и говорит ему: «Што, батюшка, спасти нельзя от панов?»—«Ну ладно, ставай раком, я тебе ...сеном заложу». Он взял свой пёрст и дёржит. И идет барин, увидал этого человека в стороне. «Что, мужичок, не видал ли этта вора со свиньей? А этот мужичок: «Нет, барин, не видал». Этот барин и говорит: «А что, мужичок, догоню я этого вора на коних?» — «Нет, не догонишь, ты ешшо неладно повозничаешь». Этот барин спрашивает: «Что дорога одна?» — «Нет, не одна. Туды дорога, и сюды дорога, и элак дорога».— «А что, мужичок, возьмись догонить вора, я тебе заплачу» — «Нет, батюшка, рад бы догонить да нельзя».—«А что ты делаэшь?» А этот мужичок и говорит: «Несчастье случилось».— «А какое у тебя, мужичок, несчастье случилось?» — «Да вот, вёз бочку патоки, да ось сломал и сеном заклал, потому что рассохлась».— «А что это тут пёрст заткнул?»—«А гвоздь потерял и заткнул».— «А вот что: догони, а я подержу патоку». Этот мужичок сел на кони и поехал, а барин заткнул себе пёрст с золотым кольцом и дёржит. А мужичок уехал, ни слуху, ни духу. Вот барин ждать, подождать, нет никого. Вот барин вынел перстик и облизал его. Сам себе и думает: «Что за патока какая невкусная, неприятная? Прокисла, знать!» Вдруг старуха и зашевелилась под сеном и спрашиваст: «А что паны-то приехали?» Тот очумелся и не знает, что делать такой. Разбросал сено,— глядь: старуха. Взял её ладонью ударил, и она в чащу улетела. И сам остался не при чем, торговать кирпичом. И я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало

43. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА

Вот в одном селенье жил старичок Осип. Жили они со старушкой двоё. У них были две коровушки и лошадка, онбаришко, овинишко и всё такое. Однажды со старухой он стал разговаривать. Вот старуха: «Мы живём, слава богу, хорошо, а хорошо бы переехать куда-нибудь на пустошку однем пожить». Этот старик на ответ: «Не худо, старуха, пожить однем. Пожалуй, можно бы. А вот ужо, старуха, собраньё будет, сберутся сусиди, я поговорю об этом». Как собранье сельское

собралось, пришел старичок Осип на собранье. «Здравствуйте, говорит, сусиди!» — «Здрастуй, говорят, Осип» — «Вот, есть небольшая подскотина. Для одного будет». Вот судили, ему сказали: «Ну, с богом, только земли нигде не бери, только знай одну подскотину свою». Старичку Осипу сделали приговор. Старичок преспокойно стал собираться на житье туды. Старичок потихоньку, помаленьку перевёз избушку туды, поставил её на место там, перевёз овинчик, анбарчик, по-крестьянски. И стали они жить, поживать, да добро наживать, да земельку разделывать, распахивать, да сенокос чистить. Распахали земельку, посияли овса, а овёс уродился на первый год очень хороший. Дождались того время, как его надо обрабатывать. Намолотили овсеца, так что целой онбарчик овсеца навалили. И стали опять на другой год, и рожки посияли на землю, потом оуса посияли. У них хлеба как народилось! Очень много! И они стали жить так добро, хорошо и хлеба три онбара накопили. В одно вре́мё прекрасное легли спать, старик со старушкой. Старуха ему и говорит: «Теперь мы, слава богу, живём хорошо, у нас всего вдоволь, благодать господня. Как бы нам денег, так жизнь прекрасная была, премилая!» А старичок Осип и говорит своей жене: «Вот, баба, дура деревенская, из хлеба полдела деньги сделать!» — «Да как, батько, сде́лаёшь деньги?» — «Да как сде́лаёшь?! Взять его возик или два, да свезти на ярмонку, вот и деньги».— «Ну, дак ладно!» — «Ну коли, старуха, денег захотела, иди в онбар и нагребай ржи, пудов 30 воз». Старуха не будь глупа, зашла в онбар, нагребла ржи 10 мешков. Нагребла, приходит домой. «Ну, батько, я нагребла!»— «Нагребла, так ладно». Старик никаких манеров не дожидался, взял, наклал и поехал на ярмонку. Съехал он на ярмонку, стал на краишек базара. Стоит с хлебом, у него хлеба никто не купит, никто и не берёт. Стоял, до вечера времени простоял, никто не берет этого хлеба. «Ну, делать нечего! Не идти ли в трактир, не возмут ли хлеба там?», говорит. Пришел он в трактир, видит, что буфетчик за буфетом. «Что, буфетчик, хлеба тебе надо или нету?» А буфетчик ему на ответ: «Как хлеба не надо?! Да денег нет, все деньги в расходе».— «Ну, да что денег нет,— я и вином запью». Значит, этот буфетчик послал своего полового, приказал, чтобы хлеб висили. Свисили хлеба пудов 30. При-

шел старичок в трактир, сел на стул, разболок свой деревенской балахон серой, отороченной сукном. Снял с себя шляпу треугольную, скатанную из домашней шерсти. Вот его буфетчик и спрашивает: «Что, дедушка Осип, много ли тебе вина надо?» — «Да вина мне одну четвертную — да и будет», говорит. Как принесли старику четвертную водки на стол, подали ему стаканчик чайный. Старик сидит да винцо попивает. Вот, как четвертную выпил, а против этой комнаты была другая, против дружки дверь во дверь. Там в комнате сидел поп да чай пил и смотрит на этого старика: «Смотри, говорит, какой старик старой, престарой — да четвертную водки выпил!» Старик этот подзывает к себе буфетчика. «Буфетчик, подходи, буду рассчитываться с тобой». Буфетчик подходит ко столу. Он надевает шляпу треугольную, домашней катки, снимает с головы и трясёт, о стол колотит. «Ну, буфетчик, плачено?» Буфетчик ему: «Ну, ладно, дедушка Осип, плачено, плачено». А поп себе моучашком, моучашком про себя: «Что за черт. Я чашку попью, и то пятачок берут, а он четвертную выпил — ничего не платит». Старичок и говорит: «Ладно, ехать пора домой!» Буфетчик приказал половым: «Подите старику лошадь направьте честь честью». Старику лошадку направили, сел и поехал домой. Подъезжает к дому да писенки попевает. Услыхала его старушка, отпирает ворота и стричает старика. Стритила: «Ой, слава богу! Видно, с деньгам старик приехал да водочкой ешшо угостили». — «Да, матка, угостили», говорит. «Ну, старик, а как: деньги домой привез или нет?» — «Нет, матка, не привез». — «А кому хлеб-то продал?» «Да буфетчику!» — «Ну да ладно, не пропадёт за буфетчиком: деньги, когда угодно, получим». Живут недельку, живут опять и другую. Старик и говорит: «А, матка, у нас хлеба много, — ешшо воз свезти продать?» — «Ну ладно, так в самом деле схожу, нагребу онбар хлеба». Старуха сошла опять, нагребла 10 мешков оуса. Вот, старик опять преспокойно уклал возок, лошадку запряг и поехал. Съехал на базар. Стал по край базара. Постоял, постоял — никто хлеба не купит, никто и не берет. «Эх, черт побрал! Чем стоять, свезти опять старому буфетчику, тот возьмет», говорит. Вот опять старичок лошадку заворотил и повез хлеб в трактир. Приходит буфетчик. «Что, бу-

фетчик, хлеба надо?» А буфетчик ему на ответ: «Как хлеба не надо?! Да деньги-то все в расходе!» — «Ну давай, да не разговаривай, я вином запью!» Буфетчик приказал слугам свисить хлеб. Свисили хлебец, старичок пришел в трактир. Ну, и спрашивает его буфетчик: «Ну что, дедушка, много ли тебе вина надо?» Старичок Осип: «Да мне вина теперь нужно две четвертные». Вот, старику принесли вина две четвертные, поставили на стол. Старик, как сел за стол, снял с себя серой балахон домашней, домашнюю шляпу катаную трехугольнюю. Как он выпил две четвертные, а в другой комнате сидел, да водочку пил поп. Вот, как старичок Осип выпил винца, и говорит: «Ну, буфетчик, подходи росчитываться буду». Старичок шляпу с головы снимает и колотит во стол шляпой треугольнёй. «Плачено», говорит. Буфетчик говорит: «Ладно, ладно, дедушка Осип, плачено, поезжай с богом». А поп сидел, сороковочку выпивал и думает сам про себя: «Вот я сороковочку выпью, деньги нужно отдать, а со старика не берут». Как старик одевается, с богом и отправляется домой. Приезжает домой, писенки запевает. Старуха выбегает, радошно старика стричает. Вышла, ворота отворила: «Что, старик, привёз деньги?» — «Нет, говорит, матка, не привёз, у буфетчика все деньги в расходе». А она ему в ответ: «Ну ладно, за буфетчиком деньги не пропадут». Старик ей говорит: «Да, вот на такое-то число посулил, деньги отдаст». Вот опять дома живут недельку и другую. Опять старик старухе и говорит: «Что, старуха, давай хлеба продадим ешшо».— «Ну, ладно, старик, давай продадим». Вот старуха сошла в онбар и давай ржи нагребать 10 мешков. Старик опять воз наклал, лошадку запряг и поехал опять на ярмонку. Съехал на ярмонку, постоял, постоял, хлеба никто не купит, никто не берёт. Постоял опять. «А, черт! Место знаю, пойду свезу старому буфетчику, денег нету — вином запью». Приехал к старому буфетчику и говорит: «Что хлеба надо?» А буфетчик ему на ответ: «Нам, дядя Осип, хлеба-то надо, да деньги-то все, говорит, во расходе» — «Ну да ладно, я вином запью». Буфетчик приказал прислуге свисить хлеб. Вот как свисили хлеб, вот старик приходит в трактир и говорит: «Давайте вина три четвертные. Две себе да четвертная старухе за утруждение». Старичок преспокойно снял домашней балахон да шляпу. Сидит винцо пьёт, да

писенки поёт. Как водочку 2 четвертные выпил, опять таким способом напротив этой комнаты сидел поп да бутылочку водочки пьет. Этот сам себе поп и говорит: «Что за черт! Какая лафа! Вино пьёт, а денег не платит». Старик выпил 2 четвертные. «Ну, буфетчик, подходи! Пора домой ехать, буду с тобой расчитываться». Вот буфетчик подходит ко столу. Старичок Осип снимает шляпу домашней катки и колотит о стол. Осип буфетчику и говорит: «Ну, плачено, буфетчик!» А буфетчик: «Ладно, ладно, дедушка Осип, поезжай с богом». Буфетчик приказал дедушку лошадку выправить на дорогу. Дедушко в сани сел да писенки запел. Приезжает к дому, старушка выбегает, старика стричает: «Ну, что, старик, привёз ли деньги?» А он на ответ: «Нет, старуха, буфетчик посулил на такое-то число деньги». Выпрягли они лошадку, старушка самоварчик поставила и сили чаю пить. Этот старик и говорит старухе: «Поди, старуха, в санях четвертная водки стоит». Вот старушка сходила, четвертную водки принесла. И начали они водочку распивать и писенки попевать. Писенок попили и преспокойно уклались себе спать. Вот однажды вре́мё, собрались попы на собра́ньё. Выпили водочки попы и потом стали разговаривать кое-что про чего и про мелочи. Один скажет: «Ох, у меня лошадь хороша». А другой говорит: «Что ты лошадь! У меня попадья хороша. Вот есть, чем похвастать!» А третей поп говорит: «Это что за рассказы! А я вот штучку знаю, так знаю. А вот я однажды съехал в город, зашел в трактир, приказал чаю на одного. Подали мне чаю, и сижу и чаёк попиваю. А потом вокурат комната против комнаты. Сидел да вино пил, четвертную. А выпил четвертную, друг кликнул буфетчика и говорит: «Подходи, буфетчик, буду рассчитываться». А я на него всё смотрел. Буфетчик подошел. Вдруг он снимает треугольную шляпу и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено!» Другой поп говорит: «Да что ты! Да и я эту штуку видел». Опять третей поп: «Да что вы бахвалите! Да и я эту штуку видел, что шляпа платит деньги». Вот как попы принапились пьяные вдрызг. Один поп и говорит: «Вот кабы эта шляпа нам, попам, так мы бы попили!» А эти три попа были сродственники: тесть с двумя зятевьями. Эти попы сговорились между собою и стали разговаривать, что «давайте поедем и купим эту шляпу у Оськи-старика». Сговорились, запрегли лошадь и поехали

Доехали до деревни. Приехали и спрашивают дороги: «Где-то есть здесь такой старичок,— зовут Осипом?» Тут им в деревне россказали дорогу, где старичок живёт. Вот они туды и поехали. Едут его стариковой пустошью. Вокурат выезжает сам Осип из лесу, везёт воз дров. Увидал старик попов. «Здравствуйте, батюшки», говорит. Вот эти попы: «Дедушко Осип, мы к тебе е́дём, к вашей милости».— «А зачем вы едете?» — «Да вот нам сказали, что у вас такая-то шляпа есть, вот мы идем купить шляпу». Дедко и говорит им: «Да что вы, батюшки, продам ли я шляпу? Она меня поит и кормит, и баско водит».— «Да, дедушко, тебе де́нёг за шляпу много дадим».— «Много ли, батюшки, денег дадите́?» — «А сколько?» — «Да ниже пятисот не отдам. Да и то в том условии, да как старуха согласится. Та отдаст ли?» Поехали со стариком к его дому. Приезжают. Старуха выбегает. «Ах, здравствуйте, батюшки».— «Здрастуй, бабушка, здрастуй!» — «Ой я сичас, батюшки, самоварчик поставлю, да вас чайком угощу!» А они ей на ответ говорят: «Ой, бабка, мы не для чаю приехали, а дело делать».— «А зачем, батюшки?» — «Да вот, у дедка шляпу покупать приехали! Вот мы у дедки шляпу сторговали».— «А за сколько вы, батюшки, шляпу сторговали?» — «Да за 500 рублей».— «Что вы, батюшки! Дедко-то вам шляпу продал, а я не продам».— «А что, бабушка, что не продаси́? Ведь денег много,— 500 рублей».— «Что вы, батюшки, у нас шляпа поит и кормит, и баско водит». Ну, старухе говорили. «Делать нечего! Только вам я ниже пятисот пятидесяти рублей не отдам». Три попа друг на дружку поглядили. «Ну да уж, говорят, 500 рублей дали, а 50 рублей не убьёт нас, отдадим. На троих чего стоит!» Отдали 550 рублей деньги за шляпу. Тесть и говорит зятевьям: «Ну, вы как хотите, любо, не любо, а я вам шляпы не отдам. Спробую сам, каково шляпа работает». Как попы от Осипа уехали домой, тесть и поехал на ярмонку в город, нарядился в эту неражую шляпу, деревенскую треугольнюю и поехал в город. Приехал в город, зашел, где почище гостиница, занял там два номера себе, две комнаты, привёл гостей и стал приказывать разных вин и кушанья. Эти гости попировали, оделись и домой отправились по домам все. Этот поп остался один, надо росситываться с буфстчиком. «Ну, буфетчик, подходи, буду росситывать». Снимает эту шляпу с головы

треугольнюю и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено!» Вот буфетчик и говорит: «Что ты, батюшка, меня морочишь! Деньги отдай 50 рублей».— «Ах, извините, буфетчик, наверно, не тем углом колонул». Ну вот и другим углом колонул, дело ничего не выходит. «Ну, буфетчик, плачено!» — «Да что, батюшко, где плачено? Деньги отдай». Ну, делать нечего! Как поп не упирался, надо денег отдать 50 рублей. «Ах, черт тебя побери! Наказала меня шляпа на 50 рублей!» Делать нечего, отдал поп деньги. «Ну ладно, и зятевьям не скажу. Они побогатее,— пускай изъян примут». Домой приехал, помалкиват преспокойно себе. Приезжает к ему на дом старшой зять. «Ну что, тесть, каково шляпа отвечала?» Ему на ответ: «Ну, шляпа отвитит! Хоть на сто рублей, так заплатит!» И поехал старшой зять опять это в город. Приехал в город, пришел, выбрал почище гостинницу, и взял себе две комнаты, и набрал там гостей вдвоё больше, чем у тестя. Набрал гостей — попов, учителей, всех там набрал. Гости пришли, и давай их угощать. Приказал носить буфетчику разны водки и кушанья и всего. Гости погостили честь честью и поблагодарили за хлеб за соль и отправились домой. Этому попу надо расцитываться с буфетчиком. «Ну, буфетчик, подходи к столу, расцитываться буду с тобой». Буфетчик подошел ко столу. Ну, этот поп снял с головы шляпу треугольнюю. Колотит о стол. «Плачено!», говорит. Вот буфетчик и смотрит, и глаза выпучил: «Да что ты?! Меня морочишь ли, что ли? Отдай деньги сто рублей мне. Вот вас другой поп такой дурак находится. Что вы морочите!» Вот поп и говорит: «Ах, извините, не тем углом колонул». Колонул. «Плачено?», говорит. Буфетчик: «Да что ты? Как плачено?» — «Ах, извините». И третьим углом колонул. Буфетчик ему: «Да что ты, батюшко? Плати, не то полицию позову, с грехом отдаси́». Попу делать нечего, 100 рублей — да надо отдавать, да 100 рублей не пе́ша ходит! «Ну ладно, так и сяк, пускай-ко и я свояку не скажу. У него приход хороший, побогатее меня, и не скажу, что заплатил 100 рублей». Приезжает свояк ко свояку и спрашивает: «Ну что, свояк, каково шляпа работает?» А он ему на ответ: «Да шляпа хоть на 100 рублей ответит!» Свояк у свояка взял шляпу и поехал опять в город. Приезжает в город, в гостинницу, просит номер для гостей. Взял две комнаты, набрал гостей даже больше, чем

своя к, втрое больше. Ну, как гости пришли, приказал этот поп буфетчику носить разных вин и кушаньёв. Гости попировали несколько времени, погостили и отправились по домам. Остался поп, надо расцитываться. Вот поп шляпу надевает и буфетчика призывает. Буфетчик подходит. «Подходи, расцитываться буду». Поп шляпу с головы снимает, колотит о стол. «Буфетчик! говорит, плачено!» А буфетчик глядеу, глядеу: «Да что это у вас третей поп находится такой дурак, да все с этой шляпой?!» Буфетчика разгоричили, он взял попа сгрёб за косы и давай рвать. Делать нечего, поп закрыкал: «Ладно, черт побери! Отдам деньги, только оставьте!» Вынел кошелёк из кармана и отдал полтораста рублей деньги, и поехал домой. Приехал домой, три попа и собрались в одном месте: тесть с двумя зятевьями. Как они водочки привыпили, напились пьяные и стали разговаривать. Один поп и говорит: «Естолько перестолько (матюг), поедем убьём Оську-старика». А в то время, когда они разговаривали, ходил зимогор (в Петербурге зовут — «посадский»), он эти разговоры услышал, что попы этого старичка хотят убить. Этот сичас посадский отправиуся из этой поповы к старику. Приходит в деревню. Спросил дорогу, приходит к старику к этому Осипу и говорит: «Дедко Осип! Тебя хочут такие-то попы убить». Как зимагора старик чайком напоил и на напойку чай дал, и сахару, и краюшку хлеба. «Ну, спасибо, что сказал. Вот, старуха, приедут, нас убьют. А пристать некому, а людей мало у нас». Вот и придумал: «Вот что, старуха! Я снаряжу крест, и потом ты меня нареди, а я лягу в передней угол, ты меня саваном закрой, а сама ворота запри, ходи по сараю и причитай». Через несколько времени слышит, что попы едут; приехали попы, стукают у ворот, а старуха ходит по сараю да причитает. Эти попы ломятся в ворота. «Ой, да куды вы, батюшки, приехали, как и старик у меня помер, надо снаряжать да класть в гроб. Вот хожу веточки сбираю, отрепчей да виников в гроб покласти». Вот, никаких х..., ворота выломали и в избу вошли, а старуха — та всё ходит по сараю и причитает, и в избу не заходит. Один поп и говорит: «Вот я его за 500 рублей мертвого да крестом колону». Вот как колонул раз крестом, а тот руку и откинул. А другой поп и говорит: «Ну, ты неладно колотишь. Дай-ко я хорошенько!» Взял другой поп крест в руки и ударил. Он опять ногу

откинул, а третей поп говорит: «Ну, вы неланно колотите, дайте-ко я колону, он весь скочит». Вот третей поп взял крест да как его ударил. Старик свернулся с лавки, попу в ноги бух: «Ой, батюшко, спасибо тебе, спасибо. Оживил меня, а не то старухе беда бы без меня жить было». Попы обратно лошадь вернули и уехали. Приехали домой, разъехались по своим домам. Вдруг по всей России Империи и пошел слух: в таком-то городе такой-то помер генерал. Жена инерала дала знать по всей России: кто если мог воскресить её мужа, того бы наградила несметной суммой. Эти попы собрались вместе и стали межу собой толковать. Вот один поп и говорит: «Мы одного старика Осипа воскресили этим крестом. Возьмём его, пойдем и купим у старика этот крест». Вот, эти попы запрегли лошадь и поехали туда к старику. Приехали к старику и стали говорить: «Дедушко! Мы к твоей милости приехали».— «А зачем, батюшки, приехали?» — «А вот приехали, крест у тебя надо купить нам».— «Что вы, батюшки, продам ли я крест? Он меня поит и кормит, и баско водит. Я, глядишь, кого воскрешу! Мне и дают то пятёрочку, то десяточку. Вот я со старухой живу и питаюсь этим».— «Ну да что, дедушко, продасѝ крест?» — «Да ведь как, батюшки, продать-то?! Сколько дадите мне?» — «А сколько, дедушко, возьмёшь ты-то?» — «Да ведь как, батюшки? Как вам любо, не любо, а я ниже пятисот креста этого не отдам». Вот, эти попы друг на дружку посмотрели и пятьсот рублей эти деньги отдали за крест. Сили и поехали. Приехали домой и с дому отправились, где генерал помер. Приехали в такой-то город, допросились дом какой номер, какая квартира. Дом — № 50, кв. 33. Приходят на куфню туда, их спрашивают: «Вы оживлять пришли?» — «Тошно так, мы оживлять пришли». Их запустили в комнату, где генерал был наряжоный. Тогда заперлись в комнату, там их только трое. Один одному и говорит: «Давай крестом!» Один взяу крест и взяу его шмякнул крестом. Покойник на стаёт. Один и говорит: «Ты неладно колотишь, дай я снова колону». Вот как снова колонул, так еле со столов не уронили, а родитель не стаёт. Вот третей опять поп и говорит: «Дай-ко я свисну, дак он у меня скочит». Третей так его ударил, что череп с него сшиб. Потом оне тут напугались, сронились над столом. Захватят — беда, некуда не уйдёшь. Оживить не оживить

вили, а наказовыть наказовались. Вот друг дружку, надо, стали друг дружке толковать. Один поп и говорит: «Вот что, давай сделаем условие, чтобы никто три часа к ёму не ходил». Вот они так и сделали; вышли на куфню, сичас генеральше: «Вы через три часа только идите туда в горницу, а пока не ходите». Три часа время много. Помаленьку, понемногу надо утенуть из города. Вот лошадей нанели и тягу из города. А уж на ихние деньги старичок Осип кабачок открыл. Преспокойно, как старушка померла, себе водочку поторговывал. Вот эти попики и едут. Едут, увидали, что вывеска старика Осипа на кабачке. Один поп посмотрит: «Ух, здесь Оська торгует вином! Ишь, на наши деньги как хапит!» Один поп и говорит: «Он за наши деньги хапит, пойдём убьём его». А два попа: «А как мы его убьём? Поедем мимо!» — «Нет нельзя, надо убить его». Слизли с тарантаса, ямщик вернул коней и уехал. Раньше кабаки ставнями закрывались. Старичок все ставни закрыл,— попасть к нему нельзя. Вот один поп: «Я попаду». Сичас перелез через забор и к окошку. Бзял полено, разбил это окно и полез туда. Полез, а старичок-от, не будь глуп, сичас туда, взял топор и бац его по голове. Этому попу делать нечего. Взял его за косы, заташшил в кабак и бросил за бочку сороковку. Вот там два попа стоят, межу собой и толкуют: «Что же как долго он старичонко убивает?! Поди-ко», посылает другого, «вам вдвоем сподручнее — скорее убьете». Другой поп туда через забор. Приходит к окну, опять таким образом влизивает, как и тот. Старичок опять ударил его обухом, и свернулся тот. Взял за косы, выташшил в окно, опять за бочку бросил. Потом третей поп стоит, ждёт, долго дожидается. Сам себе и говорит: «Что за черт! Неужели двое убить его не могут? Наверно, помирились, вино пьют там. Надо идти и мне». Вот третей поп через забор, и тот туда. Опять к окну подошел и полез. И опять таким способом по лбу обухом ударил и убил. Выташшил этого попа за косы и повалил в передней угол на лавку. Этот поп лёжи́т. А у Осипа был такой человек, вроде как звали его Васильем. День ходил куски собирал, а к ночи в кабачок к Осипу. Пришел этот Василей ночевать. Вот Осип и говорит: «Ой ты, Василей, Василей! Чего вчера не пришел? Какой-то был, не знаю — поп, не знаю — монах, вино припил и меня прибил». Вот этот Василей и

говорит: «Вот, дядя Осип, давай его потоплю!» Вот Василей взял монаха на плечо и понёс в озеро топить. Взял на дорогу себе бутылочку водочки себе в карман и пошел преспокойно. Дошел до озера. Принёс этого попа. Бац только в прорубь его, утопил да сам и смотрит,— не выходит ли где. Посидит, посидит да стаканчик и выпьет. Как посидел до вечера, стало холодновато. И отправился опять к старику Осипу. А уж старик Осип, не будь глуп, повалил опять этого попа на эту же лавку. Васька приходит к Осипу, отворяет двери и спрашивает у дяди Осипа: «Что, дядя Осип, что поп пришел, или нет?» Осип говорит этому Василию: «Ешшо пуще стал хуже, пришел сердитее».— «Да что? Кажется, я его топил да посмотрел в прорубь, не выходит ли оттуда. Ну ладно, дядя Осип, давай я потоплю да подольше посижу,— четвертную водки дашь». Вот взял попа на плечо, а четвертную под пазуху. Донёс его до озера. Опять таким же манером в прорубь бац туда, только пузырьки пошли. Вот ладно, и сидит. Сидит, стаканчик выпьет да в прорубь поглядит — не выходит ли оттуда поп. Как просидел суточки, стало светать, на свету посмотрел на все стороны — не видать попа. Значит, без отрыжки готово! Опять преспокойно пошел к старику Осипу в кабачок. Приходит в кабак и спрашивает у дяди Осипа: «Что же, дядя Осип, пришел ли поп?» А Осип ему на ответ: «Да что, Василей! Пришел ешшо сердитее, меня почти прибил и вина больше выпил». Василей не видел, что в углу лежит третей поп. «Давай поуведра вина. Значит, я этого попа снесу, значит, без отрыжки, не придёт. Два дня просижу». Осип дал поуведра, он взяу поуведра, попа на плечо и к озеру. Вот принёс к озеру, бац его в прорубь,— только пузырьки пошли. Стоит кверху ногам берёзой. Сидит себе Василей, покуривает да водочку попивает. Вот он суточки сидит, другие сидит, попа всё нет, не выходит из озера; значит, утопил уж! И на другие сутки, сидит, досидел до свету. А дело это было против воскресенья. Церковка была у озера; как стало светать, сторож, действительно, звонил. Надо заутреню служить. Оделся и пошёл бережком. Вот Василей увидал этого попа, что поп идёт. Скочил да за попом драла и туда. «Ах, ты, черт косматой! Я тебя три раза топил, а ты всё выходишь?» Поп испугался: «Что ты? Что ты? За что меня так?» Этот Василей: «Эх! За что ты у Осипа-старика

вино всё припил и его прибил?! Я тебя прямо утоплю!» Никаким богам не мог молиться поп, схватил Василей его за косы и понёс в прорубь. Донес до проруби, взял за ноги: «Кайся грехами!» Попу неохота умирать. Взял за ноги и бац его туды,— только пузырьки пошли. Утопил, посидел и отправился к старику Осипу в кабачок. Пришел и спрашивает: «Ну что, дядюшка Осип? Не приходил поп?» — «Нет, батюшка, не приходил».— «Ну, значит, я его утопил». Сторож, действительно, звонил, а всё попа нету. «Что за черт?! Попа всё нету! Пойду домой, к попу схожу». Пришел и спрашивает: «Где, матушка, батюшко?» — «Да батюшко ушел в церковь».— «Да как же, матушка, ушел в церковь? Я бы увидел,— трезвонить стал!» — «Да, наверно, в церкву пришел туда». Сторож обратно вернулся в церковь, посмотрел,— в церкви нету. Стали попа искать, поискать — найти не знают где. Тем и кончилось. Я там тожо был, сказки сказывал. Кто слушал, тот скушал, а кто сказал, тот слизал.

ВАСИЛИЙ-ПЕЧНИК

44. БОГАТОЙ И БЕННОЙ БРАТЬЯ

Жилы-были два брата. Один богатой, а другой бенной. У этого бенного семейсво одолило очень. Приходит бенной к богатому брату. «Дай, говорит, брат, мне ись сегодня нечем. Корова была. Корову продам, вам займы деньги дам». Не поверил брат. Он пришел домой к хозяйке и говорит своей: «Мы корову-то заколем, мясо-то с детками съедим, а кожу продадим, на эти деньги и хлеба купим». Корову заколол, пошел продавать кожу. До городу далече, пришлось дело к ночи. Пришлось ему выпроситься ночевать. Подошел к дому, просится: «Нельзя ли, хозеин, ночевать?» А эта хозяйка всё прикидыватся мужу больнёй. Все к докторам ездит, ничего сделать не может. А у неё был дружок. Мужичок отошел от окна и видит из лесу другой. «Погоди, подожду, думает, его и попрошусь у него ночевать!» Вот он подходит к нему: «Нельзя ли у тебя ночевать?» — «Ой ты, батюшки! Нельзя, ничего у меня нету, ничего не печено!» А дружок у хозяйки в доме. «А куда мне деться?» — «А вот куда: пойдите в подполье, когда уйдет, вы и войдите». Мужичок пришел, повесил голову, а

мужичок и говорит: «Хозяин! Нельзя ли самоварчик поставить?» — «У меня ничего не печено, не варено».— «Ой, у меня и чаёк свой есь, и сухарки, сам напьюсь и вас напою». Потом и разговорилися: «А отчего она у вас больня?» — «Да не знаю».— «У неё нежить».— «Ну, батюшко, не знаешь ли ты, чем ее выпользовать?» — «Ай, знаю».— «Ну, вылечи, чем хочешь заплачу».— «Нет ли у вас погонялочки-кнута?» — «А я сегодня ездил в Вытегру, купил две». Опущается туды, взял кожу с собой. Ему детьсы некуды. А он ему отдал сто рублей денег и часы — только выведи. А он хозяину и сказал: «Как она пойдет (нежить-то), ты её кнутом и хлещи». Он кожей его опутал и выводит из подполья и говорит: «Нежить пошла, нежить пошла!» А этот хозяин кнутом-то и хлёшшёт, и провожает эту нежить. Потом утром стали эта. Хозяйка четыре года больня была и печки не тапливала. А теперь и говорит: «Хозяюшка! Тебя бы в лес-от поехать, тёплым накормить». Ну, этот хозяин доволен остался. Этому мужичку 50 рублей деньги выдал, что нежить выгнал. Потом он сошел в город, кожу и продал за пять рублей. Домой возвратился и посылает своё дитя к богатому брату. «Поди созови его чай пить». Этот брат не верит: «Чего у вас есь? Ничего нету».— «Нет, у нас тятенька в город сошел, много денег принёс». Этот брат приходит и спрашивает: «Каково ты, брат, торговал?» — «А ничего, 250 взял за пеструху, за кожу». Этот приходит с сумленьем, значит, домой. Жене и говорит: «У брата у пеструхи восемь пятен было, а у нашей деветь; свезём в город; он за 250 продал, а мы за 300 рублей». Пришел в город и крычит: «Пеструхи не надо ли? Пеструхи не надо ли?» Барин услыхал и посылает лакея: «Поди, спроси, что он такое продаёт?» Лакей вышел и спрашиват: «Что продаешь?» — «Да пеструху». — «Что спрашиваешь?» — «Да 300 рублей». И продал за пять рублей свою пеструху. Никто не даёт.

45. МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

С роду-то бывал я в Путине. Пришлось мне ночевать. Дошел до деревнюшечки и прошусь ночевать. Нигде не пустили меня. Отчаял духом. «Пойду,— говорю,— в баню». Не топлена нигде баня-то. Прихожу в баню, двери открыл — баня топлена. Я преспокойно

на полочек запрятался. Поляживай! Вдруг тут девица приходит. «Семён! Семён!» Я и говорю: «Чего тебе?» Приносит пирог с рыбой и бутылку вина. Двери отворил, я и взял. А она и говорит: «На тебе бутылку вина и пирог с рыбой. Я через час приду сама». Я думаю: «Это мне не ми́стечко — придёт, даст взбучку». Пошел в овин. В овине ничего нету. На цепах сани подняты. Я взобрался в сани, а баня-то недалече была. Оне й приходят в овин. Он и давай её бить. «Что ты, говорит, долго?» — «Как? Я, говорит, приходила, вам бутылку водки подала и пирог с рыбой».— «Как так? Я и не получал?» Оне и согласились тут в овине (сходу сделать). А мене любопытно. Я поднялся и давай через головку (саней) тянуться, а оглобель-то нету. Сани-то как пырнут, я и свалился через головки-то на гумно. И сейчас в бороде трещина. Оне и побежали. Потом уж мне тут не место. Я опять до деревни, мол. Прихожу в деревню — в избушечке огонёк. Старушка здобляется в бабки (там родят — она и сдобляется в бабки). Я подхожу и говорю: «Нельзя ли погри́ться?» — «Ай, батюшко, я, вишь, сдобляюсь в бабки. Да иди погриться, сейчас дочка с беседы придёт». Ну, потом дочка эта пришла и с ней две товарки — девицы. «Ой, говорят, сестрица, давай в тушицы поиграем». А я на печке лежал. Мне и захотелось этой тушицы посмотреть. Потом одну повесили за ноги к воронцю печи-то. Её закрутят, она завьётся, а они её похлопывают. «Твоя ту́шица, а моя душица». Мне и захотелось посмотреть, что это за ту́шица. Я потянулся с печи, кирпич полетел, и я с печи упал. Они как бросятся из избы и убежали. Я думаю, что мне не место, и давай убегать ночью. Вот как путешествовал.

46. ИВАН-ДУРАК

Жил старичок, у него было три сына — два умных, а третий дурак. Этот старичок, значит, престарел и говорит этому меньшаку-дураку: «Ежели я умру, то по три ночи у меня на могилке покарауль». Отец помер; он первую ночь и сошел караулить. Отец и спрашивает: «Кто караулит?» — «Я, говорит, Ваня».— «Ну, Ваня, тебе хорошо будет». По вторую ночь надо старшему брату. «Иди, Ваня, покарауль, тебе рубашку красную, шапку куплю». Ну, Ваня и согласился. «Ладно, схожу». По третью ночь тоже второй брат и говорит: «Сходи,

Ваня, покарауль, я тебе заплачу, что угодно». Приходит, опять отец и спрашивает: «Кто караулит?» — «Я, говорит, Ваня!».— «Ну, тебе от меня счастье. Есь, говорит, конь Сивушко-бурушко; только скажи: будь передо мной, как лист перед травой». Сивушко бежит, так земля дрожит, по сенной копне из копыт летит. В ушко влез — напился, наелся; во другое влез,— баско нарядился. У государя сделался бал на весь мир. Марье-царевне надо жениха выбирать. Эти братья здобляются на этот бал. А он сидит на пече да сопли на кулак мотает. «Братцы! говорит, возьмите и меня-то». Они отвечают: «Да куды ты, Иван-дурак? Сиди на печке да сопли мотай на кулак». Ну, он вышел, взял корзину на плечо. «Пойду в лес хоть за грыбам». Вышел на широкие луга да в шелковы травы, крикнул богатырским голосом, а молодецким посвистом. Сивушко прибежал, он оседлал и поехал в государство. Марья-царевна ходит на балхоне и смотрит, выбирает себе суженого. Он тольки доезжает, Сивушка разогнал и сразу до второго этажу. Она ему перстнем в лоб ударила, клеймо и сделала. Он это клеймо соплям замазал. На другой день братья опять здобляются. А он и говорит: «Братовья! Возьмите-ко и меня!» — «Сиди, говорят, на пече да мотай на кулак сопли-то».— «А я по заре-то приду». Приходит, и забрался на куфню и засел на кадушку. Марья-царевна ходит, нету, по клейму найти не может. Потом сошла на кухню, увидала его за кадушкой, сопли утерла и в лоб поцеловала. «Вот, батюшка, мой, говорит, суженой!» Веселым пирком да и за свадебку. Потом и говорит государь: «У меня теперь три царства. Есть, говорит, у меня свинка — золотая щетинка, она нашему царству очень пригодна; кто поймает, тому треть царсва подпишу». Ну эти зятевья поехали на жеребятах, а Иван-дурак и говорит: «И я поеду».— «Ты, дурак, сиди на печи! Куда тебе! Есь, говорят, кобыла, на которой воду возят, пусть хоть на этой-то и поезжает». Он сел не то что лицом к голове, а, знаете ли, лицом к ж... Не знает, как сясти. Хвос поднял, да это по ж... ладонью-то хво́шшет. Выехал. «Вот вам, сороки да вороны, от царя вам обед, а до меня вам и дела нет». Потом он насыпал, значит, яровые пшеницы на кожу. Свинка пришла, он ее и захватил. А эти зятевья гонялись, гонялись по лугу-то, не поймали. Приезжают к нему, а у него свинка пойма-

на. Эти зятевья и говорят: «Продай, Иван, свинку!» А он отвечат: «У меня не продажная, а заветная».— «Велик ли завет?» — «Да у рук и ног по пальцу отсечь». Они зглянулись и говорят: «Мы ходим в сапогах, а кушаем в перчатках, батюшка не узнает», и согласились. На второй день батюшка и говорит: «Есь, говорит, сивушко-бурушко, вот его надо поймать. Кто поймает, тому треть царсва подпишу». Иван-дурачок и говорит: «Батюшка! Дай мне коня, я и поеду». Таким же образом выехал из царсва, кожу с лошади сдёрнул. «Вороны и сороки! От царя вам ответ, а до меня вам и дела нет». Эти гонялись, гонялись зятевья; не поймали. А у него давно он в руках поймано, от отца завещано. Эти зятевья и говорят: «Продай коня!» — «Нет, говорит, у меня не продажный, а заветный».— «А много ли ты возьмёшь?» — «А из спины по́ три ре́мня вырезать». Они говорят: «Да мы ходим в одежде,— батюшка и не узнает». Согласились. Он по три ре́мня и вырезал. Потом и приехали и пируют, а Ивана не приглашают,— будто всё они поймали. А Марья-царевна ходит да плачет,— будто все зятевья поймали, а Ваня ничего. А Ваня и говорит: «Не плачь, Маша! Все будет бо́жьё, да нашо!» Потом пируют, а Ваня и говорит отцу: «Вот что, батюшка! Велите баню истопить». Истопили баню. «Пойдем, тятенька, с нам вместе в баню». Они и чёшутся, роздеться-то им и нельзя. А он розделся да и крычит. «Роздевайтесь, роздевайтесь! Тятенька! Велите им роздеться». Там розделися, а у них и нет по пальцу у рук и у ног. «А это что?» А Ваня, значит, отцу пальцы кажет и говорит: «А вот это — свинка-золотая щетинка». Розделись. «А это что?» — «А это конь сивушко-золотогривушко». Ване половину царсва подписал, а этих приказал растрелять за омман. Вот Иван живёт, поживает да добро наживает с Марьей-царевной; во веки веков. Полцарства получил, по родительскому благословению.

КОНДРАТИЙ КУЗЬМИЧ КУЗЬМИН

47. КУПЕЧЬ СКОРОБОГАТОЙ

Жил не богатой мужичок; просто бедность такая пристигла, что исть ничего, а детей много; и он занимался охотой, ходил с ружьём в лисе. По́ день сходил;

не то что убил, а не видал ничего, и на другой тоже, а поисть нечего. Голодом ребята сидят. На третей день пошел — тоже ничего. Выходит в свое поле, увидел: на кустике птичка сидит маленькая. Приловчился, взял, убил птичку. Жонка и спрашивает: «Что, убил чего?» — «Да вот птичку убил маленькую, не знаю, что дают за её». На другое утро стаёт, идёт в город продавать птичку. Входит к одному купцю в лавку. Купечь и гледит эту птичку, перевертывает и видит надпись под крылушком: «Самоё ежели кто птичку съест, царём будет; а ежели головушку съест, так золотом харкать станет и человечьи думы знать». «Сколько тебе за эту птичку надо?» — «А положь, сколько не жаль».— «Что ты на лошади или пешком?» — «Пешком. Дома дети голодом сидят».— «Пойди, найми лошадей на 30 рублей!» Он на 30 рублей 30 подвод нашел, по рублю за подводу дал. Подъехал к лавке, он ему товару навалиу 30 возоу и денег там несколько дал. Приезжает домой и товары жене показывает. «На, ешь, старуха, и детям дай! Бог добра послал». А купечь этот приходит домой и отдаёт хозяйке эту птичку. «Сжарь, и неси завтра на обед пёрво кушаньё». Она его приготовила, ошшипала, ожарила, как всё следует. А у его были два сына, в училишше ходили; пришли домой и не знают, чего поесть, а матки дома нет. Поглядел один в печь — жаркóе стоит. Один съел самое птичку, а другой головушку, и опять в училишше ушли. Приходит сам на обед, хозяйка собрала на стол, бросилась в печь, а жаркóе нет. «Куда девалась? Значит, ребята приходили домой — съели». Так и мужу сказала. Он призывает своего лакея. «Вечером дети придут, ты их зарежь и вынь серча из их и принеси мне, я их съем». Дети приходят; этот самый его лакей ножичек направлеет. Один и спрашивает: «Ты, дядюшка, для чего ножик направляешь?» А другой и говорит: «Ты хочешь нас зарезать, дядюшка? Отпусти живых. У нас, говорит, в конюшне сука двух щенят принесла, поди, их зарежь, и вынь серча, и перемой. Склади на тарелку, и неси». Он только заходит в столовую, а купечь сидит за столом. Лакей заходит и запнулся, и нарошно сронил их на пол, горнишна собачка съела их. Купечь и говорит: «Псы, говорит, были, пёс и съел». Вот эти робятки и отправлеются из дому вон, и пошли себе путём-дорожкой. Идут, там, сколько места, и доходят до двух дорог, и на стоубе

надписана надпись: «Кто по правую руку пойдёт — счастлив будет, а по левую — жив, либо нет». Вот они расходиться и стали; один, которую головушку съел, пошел в леву руку, а другому говорит: «Ты иди в праву руку; ты, говорит, ничего не знаэшь; тебе попрошше там». Вот он идёт, доходит до городу. Дело подходит к но́че. Заходит в одну избушку маленькую, старушка живёт старенькая. «Пусти, говорит, бабушка, ночевать».— «Иди, дитятко, фатеры с собою не носят. Ночуй». Он ночевал ночку, поутру стаёт. «Возьми меня, бабушка, во взятушки (в сыновья)».— «А не́куды мне брать, я сама пестёрошкой кормлюсь — ис нечего».— «А мы со тобой торговать станем».— «У меня, говорит, денег нет, торговать не на что».— «А у меня, говорит, есть деньги»,— мальчик этот говорит. Дал деньги старушке. «На, купи муки, ты пирожки будешь печь, а я носить торговать буду». Этот мальчик, напекла она булочки, пошел торговать. Просто с по́льзёй хорошой торговал. И опять печи стала старушка. Он и ходит. Вышеу в город, а у их в городе собра́нье купецество, господа́ — компания большая. Граф обанкрутился, надо дом продать. Вот его и выводят графа из дому во флигель. Мальчик подошел к ним. «Что, господа, толкуете, разговариваете?» Некоторые на его скричели: «Твое ли дело, молокосос, соваться в нашу компанию?» А остальние говорят: «Нет, нельзя отсылать мальчика, он, может быть, дом купит». «Человека видишь, а ума не знаэшь», говорят. И начали ему россказывать. «Что такой-то дом продаём».— «Сколько, говорит, за его просите?» Магазины целые, все в продажу. «300000 за его просим». Ну и он говорит: «Давайте, молитесь богу. Согласен все взеть, а деньги завтра привезу; с собою нету денег». Ну, его и отпустили домой; к но́че он приходит домой, дал бабушке отчет, что за булки получил. Сходил купил рогозу, куль, и давай харка́ть в этот куль. Полной нахарка́л куль золота. Поутру стает, выходит из избушки своей, скричал легкового. Легковой подъезжает. Вынесли этот куль, положили в сани, и повез к графу. «Что, граф, ваше превосходительство, весь куль берите́ или счётом получите?» Ему показалось мало куля. «Давай, сцитай!» Он отсчитал эти денежки и с графом расплотиуся. Приезжаэт домой этот мальчик обратно к своей старушке. «Будет нам, бабушка, бедно́ жить. Поедем, торговать станем, запишемся в купчи».

Старушка забрала именьицо, сколько было, и приехали в этот дом. Поместились и стали жить. Он начал торговать, этот мальчик. В городе его никто не знаэт, откуль он есть, как его зовут. Его прозвали Скоробогатой купечь; потому его прозвали, что был бедной, ходиу по миру, а потом стал богатым купчём. В одно время сидит в лавке; а у этого графа были три дочери и приходят к ему в лавку. Обошелся с ними, как следует, товаришку разного показал. Одна покрасивее всех была, меньшуха-то. Потом приходит одна девица. У него были шарфики дамские припасены... «Дорого ли стоит этот шарфик?» — «У меня, говорит, не продажные, заветные».— «А какой завет?» — «Да вот завет — поспать со мной». Она подумала, подумала и согласилась. Шарфик ей дал. И приходит домой эта девича, кажет покупку сестрам своим. «Дорого ли шарфик?», говорят. Она сказала какой-то. «Надо и нам купить сходить». Пошла вторая, и та тоже купила таким манерчиком, как эта. Приходит, тоже кажет сестре, и меньшая говорит: «Я тоже пойду куплю». Приходит в лавку к купчю. Спрошала чену, он ей ответил, что не продажные, а заветные. Ну, она не согласилась. Плюнула и вон пошла из лавки, так и не купила. Приходит домой, сёстры у ей и спрашивают: «Что, купила ли шарфик?» — «Нет, говорит, не купила. Я, говорит, знаю, как вы купили». Меньшуха-то понравилась купчю-то богатому, пригласила она его в гости; у её была подговорена бабушка-волшебница и говорит ей: «Хитрой он человек, он, говорит, золотом харкает и человечью душу знает». «Чего, говорит, сделаете?» — «А вот, говорит, напой пьяну. Поднеси потом сонных капель». Она сонных капель принесла и напоила. Он уснуу. Принесли ковёр-самолёт и его посадили и говорили: «Понеси, ковёр, его на морё, на окиан, на остров Буян». Там его оставили. Проспауся он, пробудиуся, не знаэт, где и есть. В лисе спит; и потом стал и пошел. Везде вода и лес. И ходит островом этим и дошел он до яблони. Взяу яблочек, зашшипнул и съел эти яблочки. Жеребчом сделалсе и стал ходить по острову. Жеребчом сделался, а думает по-человечьи и говорит сам себе: «Был бы, говорит, человек, то сам бы себя спас, а теперь лошадью — и звирь съест». И попадаэт ему другая яблонь; он дотянулся кое-как, тоже яблочко сошшипнуу, сделался молодцём. Взяу яблочко, надписал и надпись сделал:

«Что такие-то яблочки». И на других тоже надпись положил. Ну, ходит тоже островом. Видит: корабли идут не столь далёко от этого острова. Он и закричал им: «А, господа корабельшики, погибаю здись». С кораблей опушшают лёгку лодочку. Его взели и отвезли на корапль. Он спрашивает: «Вы куда, плывите?» — «Да мы плывём в такой-то город, к такому то Скоробогатому купчю с товаром. И у его надо товару навалить». Приваливают к берегу. Он выходит с кораблей и говорит: «Скоробогатому купчю скажите, что меня везли, так он за меня дорого заплатит, что привезли». Он поскорей пришоу домой. Сам одёжу одел другую и сидит, и торгует в магазине опять. Эти корабли привалили и приходят к ему с доношением: «Что пришли корабли с таким-то товаром». Он у них принел шесть кораблей и им нагрузил опять товару. Между ими рошшёт произошел. «Мы, говорит, везли одного человека, он велел сказать вам, что вы дорого за него заплатите».— «Да, он наказывал, что надо поплатиться». Он им три пригоршни золота отдал. Они поблагодарили. Эти девичи графовы увидали, что он торгует — магазин отперт. И приходят вся тройка к ему. Он поздороукался с ними: «Здрастуйте, барошни, давно не видались».— «Да, где же ты был? Не торговал что?» — «За товаром ездил: 6 кораблей им нагрузил, и 6 кораблей себе привёз, и разного заморьского товару навёз. Привёз заморьских яблочкоу. Не желаете ли попробовать?» Развязал платочек, достал, розрезал яблочок и дал попробовать им. Оне этот яблочок съили, сделались кобылами. Приказал кучера своего, надел на них уздечки и велел отвести в конюшню. «Ну, ухаживай за ими. Корми хорошенечко». Кучер начал кормить. Сено даёт — не едят; овса даёт — не едят. И приходит к хозяину и сказываэт. «Возьми манной крупы и вари каши — вот чего они любят». Он их кормить и зачал. И здумалось ему прокатиться, съиздить по городу на этих лошадях. Запряг. Все купчи вышли из лавок и смотрят, любуются на его: «Где этих лошадей достал?» У них в городе чарь помёр и садиуся другой из простонародья. Было приглашенье всем купчям на бал. И Скоробогатого приглашал купча. Он запряг эту тройку и поехал на бал к чарю. Вот они погостили у чаря, попили, закусили и завели розговор про лошадей: «Что лошади хороши у Скоробогатого купча. Где ты взял

их?» — «А вот у меня лошади, что захочу, то и сделают. Велю в дом войти, так придут, говорит, в дом». Ну, как приказал, они зашли в дом. «Вот у меня, говорит, сичас три лошади, три кобылы, а захочу сичас будут три девичи».— «А как ты сделаэшь?» — «А! сделаю».— Принеси, говорит кучеру, яблочки в платочке». Кучер и приносит; он взяу, вынел яблочки, розрезал на три чести — все девицами сделались. И был на балу граф, он дочек потерял — куды-то делись, не мог найти сколько время. Сичас выхватил шашку и хотел голову смахнуть, а новой чарь его за руку задержал, не дал. Эти девичи отцу и говорят: «Нет, папаша, он не виноват. Мы виноваты — смеелись над ним, а он нэм отсмиеваэт». Цярь оказауся его брат, они дружку тут признали. Скоробогатой купечь женился на графской дочке меньшой. Стал жить, поживать, добра наживать, лихо проживать, а зло со двора мётлами провожать.

48. ГОСУДАРЬ, ПОП И РОБОТНИК

В маленьком приходе жил свешшенник, он жил исправно, не было заботы никакой; и так он ожирел порато! И пришлось ему побывать к государю лично. И спрашивает его государь: «Вы, отец духовной, из какого приходу, и что вы ожирели, батюшка, так порато?» — «А вот, потому что нет никакой заботы».— «А вот я тебе загану три загадки — отгадай. Через мисяц и приходи ко мне».— «Какие, говорит, ваше императорское величество?» — «А вот, говорит, перва загадка: чего я стою? А вторая загадка: на своём коне, во сколько время всю Рассию могу объехать? А третья загадка: чего у меня на уме?» Вот хорошо. «Ступай домой, подумай и приходи». У попа жил роботник. Приходит поп домой печельный, в заботе такой: не отгадает — житьё будет плохое. Воусе похудел, хуже стал. Попадья его спрашивает — «Да, вот загадки государь загадал, а отгадать не могу». Потом роботник спрашивает: «Отчего это вы, батюшко, похудели?» — «Да вот, говорит, так и так, загадал государь три загадки, а отгадать не могу».— «А давайте, отгадаю, отпустите меня».— «А ступай, иди с богом». Одел во всю одежу попову роботник и отправился туды. Приходит роботник, говорит прислуге: «Доложите, что поп пришел». Прислуга доложила. Государь и говорит: «Пусть при-

ходит». «Ну что, говорит, отгадал ли загадки?» — «Точно так, ваше императорское величество».— «Ну, какие загадки?» — «Вот перва загадка: чего я стою?» — «А вот чего вы стоите, говорит, Исуса Христа продали за 30 серебренников, а вы первой помазанник после Исуса Христа, так вы 29 серебренников стоите».— «Хорошо».— «А вторая, говорит, загадка: во сколько время могу всю Рассею изъездить?» — «А вот будь, ваше императорское величество, ваш конь, как соныцё, в 24 часа объехали бы весь свет».— «А третья загадка: что у меня на уме?» — «Думаете, что мне не отгадать».— «Вот так, говорит, поп — молодец!» Выхвалил государь попа. «Нет, ваше императорское величество, я, говорит, не поп, а я его роботник».— «Ну, так будь ты попом, а поп пусть роботником».

ДМИТРИЙ КИРИЛЛОВИЧ СИРОТКИН

49. ПРО ВЕСЬ БЕЛОЙ СВЕТ

Жиу до того купечь, и у его были сын и дочка. И он с сыном отправлялся в иные земли торговать, а дочь свою оставлял дома. И оставил он ей несколько магáзин и прикашшикоу. «Дочка моя милая, оставайся, я тебе оставлею магазин и торгуй с прикашшиками. Если я от тебя чего учую, сделаю худо, то я тебе голову срублю». Дочка так торговала благородно со своими прикашшиками и скромно жила; и она в одно время захотела повидаться со своими сродственниками. Сделала она вечер и созвала свою родню. У неé был дядя один архиреем. И потом она угостила свою родню, и оне разъехались по своим местам. Она дядю своего оставила дома тут жо, и налила снова самовар, и сили они чай пить. «Ну вот, говорит, дяденька, ты скажи, как душа спасти».— «А вот, ты сделаем со мной грех, и я тебе скажу, как душа спасти».— «Вот сейчас же я схожу в другую комнату, и приду, и согласна я с тобой». Убежала она в самые задние комнаты и спряталась, заваливши одёжой. И дядя её поискал, поискал — не мог найти и с тем согласиуся; уехал домой. И раздумаусе: «У меня брат такой, узнает, что я сделал над дочерью — то меня решит». И взяу он, написал своему брату письмо: «Вот, брат, говорит, мой милой, дочь твоя после отъезду так гуляет. И завела в своём

дому трахтиль и б...» И брат принял письмо от брата своего про дочерь. И посылает сына своего изгубить свою дочь. И потом сын приезжаэт в одно время, в полночь домой. В городе огней не было. У его в доме в крайней комнате был огонь, и он подумал, что она сидит с полюбовником. И взяу, вошел в свой дом, запоры знаэт — запер и вошел к ей в комнату. Свечка горит перед иконой, она стоит и богу молится. Услышала, что хто-то пришоу. И поглядела, видит — стоит брат. Она испугалась и спрошала у его: «Ах, братец милой, зацем ты прибыл домой?» Брат взвыл и говорит ей: «Ах, сестрица милая, до нас письмо пришло, что ты в доме завела трахтиль и б..., и за это тебя отець велел решить». Потолковали с братом, и она отпросилась: «Не бей миня, отпусти на волю, я ни тебе, ни отцю не покажусь никогда». И брат пожалел её; отпустил на волю. И она с дому ушла ночью. И покуда она ночь была, так шла большой дорогой. И потом как стау день — она сама себе и говорит: «Я знаменитая купциха. Меня, говорит, кажной знает. Кто отцу донесётся, то и брату худо будёт». И она отвернула в лес. Подошла несколько лесом и вышла на тропинку. По этой тропинке шла нескольки время и вышла на широку долину. О середке этой долины стоял дом. «Пойду, говорит, в этот дом и узнаю, кто живёт; тут, быть может, закушу!» И приходит она в этот дом. Ворота не заперты, и заходит в этот дом, и походила она по всему дому — людей нет никого. Зашла в одну комнату: лёжит пирог в белой корке и графин вина; ей от устатку захотелось поись. Она наперво налила рюмку вина, выпила и закусила пирога. Тольки что пирога закусила, чуёт конной топот и розговор народа. Поглядела в окно: идет 11 человек верхам на конях, и все оне оружонные. Она сама себе и говорит: «Не к месту я попала: верно, этот дом разбойницеской». Заходит сам атаман в эту комнату: «Ах, братцы, вот нам сестрицю бог дал. Вы смотрите, не обиждайте ни словом, ни делом». И жила она тут нескольки время. Дядя думал про то, «что брат приехал, не убиу сестры и отпустиу он живую. И донесутсе слухи, худо мне будет!» И взяу, нашоу он себе волшебну старуху. И эта старуха поглядела по своим волшебным книгам: «Жива, говорит, у тя племянка». — «Так постарайся, как бы её уморить». — «Купи, говорит, на платьё атласу и сшей. Как она облочёт, так и умрёт».

И он купиу атласу и сшил пла́тьё; и взяла эта старуха и понесла. Приходит старуха к дому, и она как увидела, что руська бабка идёт, и она как обрадовалась ей и принела её в гости. «Вот, говорит, Маша, твой брат послал пла́тьё и всячески жалеет тебя». И она оболокла пла́тьё примери́ться и сделалась мертвая. Эта старуха ушла. Приехали разбойники и видят, что ихняя сестра мёртвая. Ну как они потужили все и сказали: «Что из мертвых не сделаешь живую, и надо, верно, похоронить». Сделали оне гроб, и «Надо, говорят, её вымыть», и стали. Только сне́ли пла́тьё — она сделалась живая. «Это ты-то отчего же сделалась?» А она им сказала: «Пришла руська старуха, и принесла пла́тьё, и сказала, что от брата; я одела его и сделалась мёртвая». Оне её и наказывают: «Ты никуда не ходи и никого не пушшай в дом». Дядя её спрошау, эту самую волшебницю: «Мёртвая ли моя племянка?» Она ему сказала, что жива. «А как же её уморить?» — «Слей ты ей золотое кольцо — как на́ руку положит — будет мертва. Потому, говорит, как стали мыть и пла́тьё сняли — она и сделалась живая, а кольцо не будут снимать». Слил ей золотое кольцо дядя и послал с этой самой воушебницей. Воушебниця пришла к этому самому дому и покинула это самое кольцо в паратное. Эта девича пошла за водой, увидела это кольцо. «Ах, это кольцо, видно, братец уронил». Взяла подняла, надела на руку и сделалась мёртвая. Приехали разбойники и видят, что ихняя сестра мёртвая; потужили, потужили — делать нечего, надо похоронить. Снели с неё пла́тьё и вымыли её. И один из их и говорит аватаману. «Братець, отдай с сестры кольцо». Он как сняу кольцо, она сделалась живая. «Это что же, сестра, над вами делаетсе?» — «А я, говорит, пошла за водой, нашла в паратном кольцо и думала, что вы стронили, я подняла, надела на руку и сделалась мёртвая». Они ей и сказали: «Некуда из дому не выходи: ни за водой, никуда. И будешь ты живая». Дядя же ее спросиу эту самую воушебницю: жива ли племянка его. Волшебниця сказала, что жива, оне сняли кольцо, и она сделалась живая. «Так нельзя ли ее уморить как?» — попрошау дядя воушебницю. Она ему сказала: «Купи ты булавку, я и снесу ёй, и она воткнёт в косу, и будёт мёртвая; тогда она никогды жива не будёт». Раз она во время обеда цёсала голову против зеркала, и булавки выдернула, и покинула на

окно. Воушебниця залетела мухой и переменила эти булавки — свою покинула на окно, и её взяла себе. Уцёсала она голову, заплела косы и влепила булавку. Влепила воушебну булавку, и сделалась она мёртвая. И потом приехали розбойники. И видят, в комнате ихня сестра мёртвая. Оне потужили, потужили — делать нечего, надо, видно, зарыть в землю. Снели с её платьё и оммыли её. И слили ей золотой гроб, и вынесли её на погреб: «Может быть, она опеть оживёт». И с этого горя оне запьянствовали, и роспорились друг с другом, и придрались. И все друг друга убили и нарушили розбойнической дом... Охотиуся царской сын со своими охотниками, и розъехались оне в лесу на стадо оленей, и росшибли они это стадо; и погониуся один за однем. Царской сын удариуся за ольнём и выехал он на эту долину. И увидел он этот дом. «Может быть, нет ли чего закусить? Исправной больно дом — крестьянин ли живёт или помешшик?» Заходит в этот дом, в эту саму комнату и видит, что дом розбойницеской. И розбойники все похи́чены, и именно не знаэт кем. «И не может быть, чтобы в таком доме нет каких-нибудь драгоценностей!» И пошел искать. Обошоу дом весь, как не заперто было ницего; ницего не мог найти, кромя розбойницеских орудий. Увидел ключи на стене: «Стой, говорит, эти ключи от чего-нибудь есь». Взяу ключи, пошоу на белой двор. Увидел западную дверь,— открыл ее. И туды лисница, и там сделан погреб. Отпер этот погреб, и в погребу там много драгоценностей, золота и серебра, и разных дорогих камений. И увидел золотой гроб, и роскутал её, и видит в гробу повалена дивича. И она ему воусе понравилась. И он взяу этот гроб и увёз домой. «Я найду, быть может, средьство и вылечу её». И он привез домой и приладиусе он домой приехать ночным временем: что нихто бы его особенно не видел. И взял он этот гроб и занёс к себе в спальню и поставиу под кровать. И сякими средствами он её лечил, а вылечить не мог. И он просто вжалелсе в её и сделалсе хуже. И говорит своей цярице: «Почему у нас сын сделалсе хуже, разве он не здоров?» — «Нет, говорит, он у нас здоров. А потому он как не в лёхком воздухе, и оттого он сделалсе хуже. Вы, говорит, пошлите его куда-нибудь на лёхкой воздух, и он тогда будет лутше». И отправиу его отечь войска смотреть и на целой месяц. И сын его запер свою спальню и наказ дал такой

своему прислуге: «Что, ежели ты пустишь в мою спальню кромя меня, я приеду и поплатисся ты мне своей головой». Раз отечь же его здумал его спальню обиходить, посылаэт своих служанок. Прислуга служанок не пушшаэт. Оне обратились лично к государю: «Что прислуга нас не пушшаэт». И он приходит сам и говорит слуге: ««Пусти в спальню». А слуга ему отвецяет: «Твой сын заказал мне, кого пустишь в мою спальню опричь меня — головой поплатисся». Отечь ему сказал: «А если ты меня не пустишь, я тебе сичас голову срублю». Согласиуся слуга пустить его в спальню. Отпер спальню. Зашли прислуги и стали очишшать спальню. И нашли под кроватью золотой гроб. И донесли государю. И пришоу государь с государыней; роскрыли гроб — и видят в гробу девичу. И удивились оне, как это она попала жива или мёртвая. «Верно, она попала живая, и потом она померла, и он об ей тоскует, и оттого он сделалсе хуже. Давай, мы похороним её до него». — «Все-таки надо ее оммыть!» Наредила она служанок оммыть эту самую девицю. И они стали расплетать голэф, и выдернули воушебну булавку, и она сделалась жива. И тот государь устрашиусе и спрошал у её: «Какая ты есь?» — Она ответила ему: «Я православная, христьянской веры». — «И как же ты сюды попала?» — «Я не знаю, говорит, как попала. Я жила у розбойников, и сюды не знаю, как попала». И оне видят, что девича хорошая, и обредили они её снова в своё платьё. И взели они к себе в комнату и до приезда своего сына. Когда сын приехал, был стречен отцом своим и матерью. А слуги не казали глаза. И приходит отець и подает ключи от спальни. И сын заходит в спальню и поглядел: гроба его нету. «А вы куды, говорит, красавицу мою девали?» — «Мы красавицу твою похоронили, как она была у тебя мёртвая». — «И мине, говорит, не перенести, и я, говорит, тогда помру». А отечь и сказал сыну: «А кабы она живая была, так что бы было?» — «А живая была, так взял бы я её замуж». И они в тот же раз приводят её живую. И он тот же раз с ею и оввенчалсе. И взял её взамуж, и жили они с ей два года; и она стала у его прошаться на родину: «Пусти меня, говорит, на родину». И он её уволил. И дал ей экипаж и тройку коней, и дал своих двух придворных енералов. И оне отправились на родину. Ехали там нескольки места, и заехали на небольшой перелесок, и им захотелось эту самую царицу во грех вес-

ти; и они напали на её вдвоё, вдруг. Она им и говорит: «Что же вы будете со мною делать двоё? Вы лутше поодинке. Вот я дам вам жеребей». Оне сказали: «Какой ты нам жеребей даси́?» — «Вот, я вот кину перстятку, которой первой сгребёт, тот вперёд». Она кинула перстятку, и оне выскоцили оба. Она хлестнула коней и уехала от их. Ехала она нескольки места. Кони у неё отчего-то сполошились. И опрокинули экипаж в канаву. Она покуда выправляла ко́ней, и видит, что енерали набегают близко. Она оставила своих коней и экипаж и убежала в лес. Оне, как пришли к ко́ням, выправили их из коновы. «Ну, куды мы топерь денемся? Государыни у нас топерь нету. Нас государь кряду решит». И подумали в том, что отвезли её далёко, и она, может быть, долго не воротится к государю. «Мы хоть то время будем живые! Пойдём к приходьской церкве. Скупим попа и дьячка и возьмём у них похоронную». Приехали оне к приходьской церкве к свяшшеннику и стали оне об этом говорить: «Что сделайте такую-то похоронную, что исповедали и причастили такую-то царицю». И они ему посулили 3000 рублей денег. И они розделили с дьячком. Поп взял 2000, а дьячок 1000. И дали им похоронную. И отправились эти енералы домой; и привозят они к государю похоронную. И государь им по похоронной поверил. И потом эта самая цяриця изошла в город, где она родилась, и зашла она в крайнюю избушку. И в этой избушке жила одна старушка. Зашла она вечером и спрошала у её: «Бабушка, напой меня чаем. А я завтрашней день куплю, тебя самоё отпою». Попила цяйку и лёгла́ спать: Утром стаёт и подаёт старухе 25 рублей дене́г: «Иди, бабушка, на рынок и купи мне из старья муськую одёжу. А что на одёжу не издержишь, а на остатки купи чаю и закуски». Купила старуха одёжи и закуски; попили они цяйку и закусили. И она говорит: «Бабушка, побереги это моей одёжи. Вре́мё бу́дёт, я тебе одёжу дорого заплачу». Она оделась в муськую одёжу и велела бабке подстричь волосы и отправилась в город. И пришла к отцю в лавку и стояла у него че́льнёй день у выручки. И отечь вечером спрошал у её: «Что же ты, молодечь, весь день стоял у выручки? Покупать ничего не покупал, и продавать ничего не продавал?» Он ему ответил: «Продать у меня, говорит, нечего, а купить у меня не на что. А вот бы, говорит, мне надо местечко послужить бы». Отечь говорит

своему сыну: «Парень, говорит, ловкой, возьмём мы к тебе в подручные!» И оне пригласили и оставили его тут жить. И так занеусе за торговлю и стал торговать лутше их. И он видит удаку в нём хорошую, посодил в особую магазину, и стал он там деньги так выручеть, что отець с сыном столько выручит, сколько он один. Прожил он пять лет и стал прошать у своего хозяина рашшот. Хозяин ему не зачал давать, зачал упрашивать, чтобы он ешшо у его послужил. Он согласиусе у его служить и согласиусе тем рошшотом его рошшитать, сколько с ним нажиу. И досталось ему тысеци большие, и он купиу осередь городу дом. И выноску вынесла про весь белой свет рассказ, как ихней столишней город, был и государь посулилсе войско осмотреть; и этому же городничену писау письмо, чтобы устроить фатеру для его приезду И этакой был выход, что все купчи и господа в трахтире, кромя ее, цяю не пили. И он всем был господам и купчам знаком. И потом городничанин делал собраньё, где бы изобрать про государя фатера для его приезду, и все так, как предложили сделать фатера у такого-то купча в гостинниче. Он не отпираусе порато. Приехал государь смотрить войсько; он запряг шестёрку коней, экипаж, и отправиусе к войськам. Просмотриу государь войська. И он видит, что государь кончил роботу свою, подходит к государю и просит его в экипаж, государь согласиусе и сел к ему в экипаж, и поехали. Приезжают к гостиннице; государь глядит на вывеску: «Что-то я вывески такой не видал нигде?» Попрошал он у его цяю; ему приносит закуски. Он у его и спрашивает: «Что это у вас за вывеска? Я такой нигде не видал». — «Это, говорит, у меня быль». — «Дак вот вы росскажите мне». — «Не стоит, ваше императорское величество, сказывать». — «Нет, нужно росказать, то я так и не уеду». — «Много трелоги будет, ваше императорское величество». — «Трелога даром». — «А даром, прикажите двух своих придворных енералов, от такой-то приходьской церкви попа и дьячка, такого-то архирея, такого-то купча (батька своего). Приказали енералов, дьячка и свешшенника, архирея и купча, и она предложила о том: «Ну, ваше императорское величество, я быль буду сказывать, чтобы никому меня не перебивать! Вот, говорит, дядя решиусе меня сгубить, потому как я ему не сдалась. Я ушла в лес в розбояницеской дом, и он меня решиу воушебной старухой. И потом розъехался цярьской сын, и нашоу в погребу девичу, и

убрал к себе, и сам уехау войськов смотреть. И отечь у него здумал спальню вымыть и нашоу в спальне гроб, и в гробу девича. И согласиусе похоронить. Стали они её мыть и выдернули воушебну булавку из косы. И она сделалась живая. И оввенчались оне с государем. И жили оне два года. Выпросилась она на родину, и он отправил со своими придворными енерали. И они отъехали несколько места, заехали в большой перелесок и здумали они с ей грех совершить. И оне напали на её двоё. Она и сказала так им двоим: «Делай поодинке — я дам жеребей вам». — «Какой ты нам жеребей даси́?» Она кинула перстятку. Они скочили за перстяткой, и она от их уехала. И вышла она в город и служила у такого-то купча пять лет, и она у купча рошшиталась». Государь у ней спрашивает: «Как же ты про неё узнал?» — «А, ваше императорское величество, куды жо ваша жена девалась? Если бы её привести к вам на лицо, могли бы вы узнать её?» — «А как бы я не узнал её, когда я с ней два года жил». — «А как же мне не знать, как все событие слуцялись со мной». Она сицяс обратилась в другую комнату, и надела свою женьскую одежу, пришла к ему: «Ну, вот вы можете, ваше императорское величество, узнать, кто я есь?» Он стал с радосью и поцёловал её и сказал: «Ты — жона моя». «А вот этот отечь мой», — указывает на отца. «А вот это — дядя мой, хотел сгубить миня. А ты вот с этими придворными енералами отправил меня, они хотели иссильницать меня. Я не согласилась, омманула их омманом и хлёстнула коней, уехала. И кони испугались, меня стронили в конаву, и оне привернули к какой-то приходьской церкве — скупили попа и дьячка, и оне им дали похоронную». И государь их согласиусе всех казнить.

50. ОХОТНИК И РОЗБОЙНИК

Ходиу раз охотник в лисе; идет и учул в лисе шум. Он стал подходить — тише и тише. Медвидь напал на розбойника, и розбойник не может отборониться от медвидя. И охотник стрелил звиря и убил. Охотник оборачивается и говорит: «Ах, голубчик, освободил меня от смерти. Приходи на завтрашней день на это самое место — я тебе самому добро сделаю; только приведи друга, которого лутше тебя нету». Приходит домой — у него семейство тольки было жива: отечь и мать. И свое дело россказал

отцю и матери: «Розошелся в лисе и медвидь хотел съисъ разбойника, и я его освободил от смерти. И он мене за это посулил добро, тольки завтрашней день придти на это место и привести друга, которого на свите нету лутше». Потолковали, не знают, кого взять. Жена и говорит: «Возьми меня, на что, говорит, меня лутше». И муж жону согласиусе взять. Приходят они на место — розбойника нет. И посидили они нескольки время, и заставил он жону у себя в голове искать; а сам у неё на коленях и заснул. Приходит розбойник и говорит этой жене: «Что ты за таким худым живёшь? Ты, говорит, выйди за меня замуж и будешь жить бароньюю». Жена ему сказала: «А куды же я своего мужа деваю?» — «А, на, говорит, возьми у меня саблю и отруби ему голову». Взяла у розбойника саблю, и только хотела отрубить мужу голову, розбойник той же минутой поставиу свою винтовку, и она саблей ударила по винтовке. Винтовка сбрякала, пробудиусе муж. «Это, говорит, что такое?» А розбойник отвецяет: «Вот, говорит, что такое, вчера ты меня от смерти освободил, а сегодня я тебя от жены. Я говорил тебе, что приходи в утро и приводи друга самого лутшого, а ты привёл жену. Разве она тебе друг? Ты бы, говорит, привел мать или собаку. Мать не согласилась бы сына отдать и выйти замуж, а собаке вдруг бы не прикормиусе; она бы зачула бы и залаяла, ты бы зачул».

51. ДЕНЬГИ (БЫВАЛЬЩИНА)

Пошоу дедко со внуком в лес, и накатилсе оболок; грянуло из оболоку и вывалилась куча золота. Внуцёк и говорит: «Дедушко, надо эти деньги обрать». — «Нет, не надо нам этих денег, — у нас свои есть». Стоят кайкают и идет барин с двумя лакеями. Барин доехал тольки до этих денег, сказау: «Стой, лакей!» Лакей остановиусе, и барин спрошал: «Какие это деньги, что вы не берите их?» Старик ответил: «Не знаэм, какие деньги; нам их не надо, у нас свои есь». Барин сказал: «Отдайте мне». — «Обирай». Барин послал обеих лакей собрать деньги и скласть в свой экипаж. И выскочили лакеи, стали обирать деньги. И барин вышоу, обрали все деньги и поехали снова в город. Не доехали до городу; лакеи роззорили деньги и согласились они убить своего барина. И убили его, отвернули в лес, проехали оне одну чашшу, и заехали оне на гладкой луг. Выпрег-

ли коней, и один отправиусе в город за обедом и за выпивкой, а другой остаусе у де́нёг. Тот купиу обед и выпивку, и пошоу из городу. И роздумаусе: «Что мы напьёмся вина и будем делить деньги и спроведём, может быть, промежу́ собой скандал, и нас могут захватить с этими деньгами, а вороцюсь обратно в город и куплю яду. Напою его ядом, и останутсе деньги мне одному». Воротиусе взадь в город, и купиу ёду, и пошоу на своё место. Выходит тольки из этой цяшши на гладкой луг, и тот его стрелил из пистолета, и убил его. «Вот славно, теперь не с кем делить этих денег». Обед осталсе на одного и выпивка и деньги на одного. И за́цял он выпивать, и взял эту самую бутылку с ёдом, и налил рюмку, выпил, и сделаусе сам покоён. По́мёрли все три, и никому не стало надо де́нёг.

52. ЗАВИСТЛИВОЙ ПОП И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Жиу свешшенник у приходской церкви. Приход был у его небольшой, бедной; и ему казалось всё мало. И говорит он своёй попадье: «Попадья, суши сухарей — я пойду себе места искать — не могу ли найти себе приход большой». Шел себе большой дорогой нескольки места и видит тропа. «Пойду, говорит, этой тропой. Она всё равно выведет на большую дорогу, а ей, может быть, будет ближе». Шоу, шоу этой тропой; затянууся он далёко, и старичок отдыхаэт. И он сказал: «Здрастуй, дедушко!» — «Здрастуй, здрастуй, говорит, батюшко Куда пошоу?» — «Да вот, говорит, шоу большой дорогой и свернул тропой и думал, что выведет она меня на большую дорогу, да вот и заплутал».— «Да и я-то, говорит, такжо», отвечает старик. «Пойдём, говорит, вмисте». И подошли они нескольки места и оприко́лились они на ночлег. «Надо, говорит, что-нибудь закусить!» Старицёк развязываэт свою сумку, вынимаэт просвиру. Свешшенник и говорит: «Дедушко, залезь в эту ёуку и погледи, не увидишь ли где-нибудь свету? И нет ли где-нибудь близко жила? Лутше бы в жиле ноцёва́ть!» Старицёк сразу же полез в ёуку. Он покуды лазел, и поп съел у него просвирку. А старик свету никакого не мог увидеть. Сла́зеет с ёуки и видит, у него просвирка съидена. Спрашиваэт у свяшшенника: «Батюшко, кто же, говорит, мою просвирку съеу?» «Я, говорит, не знаю кто».— «Да врёшь ты, говорит, ты

один и был. Ты должон был видеть или ты съел». «Право, я, говорит, не ел и не видел, кто и съел». Ноцевали они ночь, утром стали, отправились лесом и вышли оне к озеру. Старицёк и говорит: «Подём прямо, говорит, озером». А поп говорит: «Нет, озером идти потонём».— «Иди, говорит, за мной — дак не потонешь». Пошли они озёром, как сухим путём. Доходят оне до второго берегу. Старицёк выскочиу на берег. Поп ухнуу в воду. «Дедушко, вынь меня из воды. Я, говорит, тону».— «Выну, говорит, из воды, когды скажешь, кто просвирку съел?» — «Я не знаю, говорит, и не видел, хто просвирку съел». Старик вынел его из воды, и пошли они своим путём. Дошли они до городу. Старицёк и говорит: «Мы с тобой займёмся лекарьством. Здесь у знаменитого купця есть дочь, и мы её вылечим. И он нам за её дорого даст». Сошли они к купцю, зашли на куфню, и назвались они лекареми. И купець расположиуся им отдать доцьку. И оне заставили топить байну и снести два ушата воды: один ушат нагрить тёплой водой, другой оставить холодной. И снесли эту доцьку в байну. И выслали оне обратно прислугу. Заперли байну. И взяу старицёк, вынел ножик, изрубил доцьку на куски и склал в тёплой ушат в воду. Вынимаэт куски из тёплого ушата, и прополоскиваэт в холодной воде, и прикладываэт кусок к куску. И сложиу всю девицю и спрыскал холодной водой. И девиця сделалась жива. Не зазнала в себе никакой боли. Приходит к отцю, и отець спрашиваэт у её: «Здорова ли есь?» Она ему отвецяет: «Здорова».— «Как лецили тебя?» — «А я ницего не помню». И купець дал им, на волю представиу денег взеть, скольки им надо. Свешшенник набрал денег много. А старицёк этот поменьше. Вышли оне из городу. И свешшенник и говорит: «Дедушко, станем мы ходить и будем лекарями. Деньги мы большие наживём».— «Нет, говорит, я не пойду. Иди ты один, как тебе надо. Есть в таком-то городе, я тебе скажу, у графа не можот доцька, и её никакие дохтора не берутсе вылецить. Тебе огромадну сумму он даст. Ведь — ты видел, как я делал — так и делай, и тогда вылечишь». Поп сказау ему: «Я видел».— «Ну и поди». Отправиусе свешшенник в этот же город. Приходит к графу, доложиу, что пришоу лекарь. Граф позвал его к себе, и он взяусе вылецить у его доць. Приказал затопить байну и занести два ушата воды: один ушат нагрить тёплой

водой, а другой оставить холодной. Свели эту доцьку, и он велел прислугам вытти из байны. Запер байну. И зацял её рубить на куски. Изрубиу на куски и склал в тёплой ушат. Зацял вынимать эти куски. И разопревша говядина не дёржится у его в руках. И он испугаусе: «Что я наделал теперь, будет мне кась». Ту же минуту колонулось у дверей, и он спрошал: «Кто тут есть?» Он ответил: «Я, говорит, отпирай». Он пропустиу его и пришоу к ему товаришш. «Что ты, говорит, наделал?» — «Я всё так делал, как ты делал, а у меня ницего не выходит». И принеусе старицёк, зацял прополаскивать куски и прикладывать один к одному. И сложиу все в одно место. Спрыскал холодной водой, и сделалась она живая. И не чула в себе никакой боли и отправилась к отцю. Отець спрашиваэт у её: «Здорова ли есь?» Она ему: «Здорова!» И он у её спрошау: «Как тебе лечили?» — «Я не помню, говорит, как мене лечили, а только не цюствую в себе никакой боли». Граф за свою доць привеу их к деньгам, серебру и золоту. Дау им такую волю и дéнёг брать скольки хоцёт. Старицёк говорит свешшеннику: «Батюшко, бери большо; мне, говорит, меньше надо». Свешшенник наклал кошельки, и карманы, и сумку золота. И отправились оне из городу и подошли нескольки места. Старицёк и говорит: «Батюшко! Мы с тобой вмисте деньги-то добывали, давай, разделим мы их!» Поп и говорит: «А что ты мало брал-то, тебе бы надо больше брать!» — «Да давай-ко уж разделим». Вывалили деньги оба в одну куцю, и потом старицёк зацял деньги эти роскладывать на три куци. Поп у него и спрашиваэт: «Кому же ты третью куцю кладёшь? Нас, говорит, тольки с тобой двоё».— «А эта третья куця тому, кто у нас просвирку съел».— «А я, говорит, просвирку съел».— «Да, как ты? Ты помнишь, говорит, отпиралсе, что не я».— «Нет, я, говорит. Право, ей богу, я. Ты когда лазиу в ёлку, я тогда просвирку и съел».— «Ну когда ты всю просвирку съел — пушшай все деньги тебе». Оклал поп деньги и пошоу домой. И доходит он до своего поля, и тропинка была прямо ему к дому. И надо было лезти церез перелаз. Он полез церез перелаз. Сумка вылетела у него из-за спины и упала за огород. И он остаусе по сторону огороду, а сумка упала по другую сторону. И тут его задавило.

53. БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ

Ходиу батька с тремя сыновьями в лисе. Оне в лисе заплутали. И пристигла их ноць. И оне выйти не знают куды. Батька и говорит бо́льшому сыну: «Залезь в ёлку и не увидишь ли где-нибудь огня или жила?» Залез он в ёуку, увидел огонёк: «И вот огонь», говорит. Слез с ёуки. «Пойду я, говорит, за огнём или узнаю. Принесу огня или вас созову». Нашоу. Стоит избушка, а в ёй огонь. Зашоу он в эту избушку; сидит старик — лисья шуба и ку́ньёй воротник. И просит этот охотник: «Дай мне огня». А старик ему отвецяет: «Скажи мне, говорит, быль и небыль, а не скажешь, так вырежу из спины ремень, а из ж... пряжку». И посказау охотник быль, а небыли не мог россказать. И старик схватил этого охотника и вырезал из спины ремень, а из ж... пряжку. Охотник верти́тся, верти́тся, идти не можот. Оне по́дождали, по́дождали. Посылаэт отець другого сына, и приходит сын к этой самой избушке. Старик говорит: «Дам огня, как скажешь быль и небыль, а если не скажешь — вырежу из спины ремень, а из ж... пряжку». И россказал охотник правду, а небыли не мог россказать. Третей сын был Иван Дурацёк. «Сходи-ко ты, Ваня, что это они там доуго?» Иван нашел эту избушку. Зашел и сидит старик, лисья шуба и ку́нёй воротник. И он просит у его огня: «Дедушко, дай, говорит, огня».— «А дам я тебе огня, скажи быль и не́быль, а ежели не скажошь, так вырежу из спины ремень, а из ж... пряжку».— «А ну, если я тебе, дедушко, росскажу быль и небыль, дак из тебя, шуба лисья, из спины ремень, а из ж... пряжка». «Ну, говорит, слушай: отець ходил с треми сыновьями в лисе. Оне, говорит, сплута́ли с пути и не могли выйти в жило. Отець посылает одного сына залисти на ёуку, увидить огонь либо жило. Он увидеу огонёк и пошоу за огнём. И мы, говорит, богаты люди, у нас, говорит, де́нёг много. И живём мы богато, а деньги наживали мы: зачули, что за́ морём были до́роги мухи, а коровы были дешвы. Я, говорит, наимал мешок мух и поэлал, говорит, за мо́рё. Продау там я этих мух и накупиу собе короу. Пригнал, говорит, к морю. Мо́рё, говорит, не застыло. Короу прогонить мене нельзя; а вплавь опустить — оне потонут. Я взяу, вырубил сосновую мутоуку и пехнул корове в ж..., и повернул там в ей, и наверчу комом сала, и кину

в море̄. Накидало много. И к салу море̄ застыло. Пропнау этих короу. И остаусе у меня один бык за море̄м. Мине быка жауко стало. Я сошел за́ море̄, туды-то прошоу — подул ви́тёр. И пронесло у миня всё сало — нельзя мине быка перегонить! Я захватиусе за быка, за хвос и розвертел накруг себя, и фурнул этого быка, и перелетел бык через мо́рё, и я не отпустилсе от хвоста. И я за ним перелетеу. Пригониу я домой короу, надо короу кормить. Подошоу сенокос. Выкосил я пожню, надо ее́ убрать. Навариу овсяной каши и розмазал по этой по́жне. И налитили вороны и естребя и стали эту кашу исти. И носят они в одно место и когтями занесли всё сено в куци. И поэхал я за сеном, запряг я лошадь, наклал я сена, поэхал домой. В одном руцье телега увязла; лошадь я по́слал — не берёт. Потом хлёстнул я эту лошадь — лошадь перервалась надвоё. Взяу оснимал я эту лошадь, изрезал кожу на ремни, один конечь привезал к телеге, а другой конечь поволок домой. И он хватил до гумна. Привязау я за гумно другой конець и зажег гумно. Гумно горит, кожа от жару корчитсе, и телегу приташшило к гумну. И потом уцюл я, что на небе у богоу нет сапогоу и надо им нашить. Зарезал я всех короу, содрал с их кожи и выделал. И отправиусе на небо шить сапогоу. И сделал я лисницю, и залез на небо. И прорубиу я дыру, и зашоу на нёбо. Всем богам сшил по сапогам и маленьким божкам сшил по сапожкам. Денег мене там дали много. Я и пошоу домой. Прихожу к дыре, лисниця обрана, опуститьсе мене нельзя. Мужик цадит овёс, а гумно у него было бессте́нноё — мекину несёт прямо на миня. Я зачал эту мекину хватать и верёвку вить. Свиу я веревку, опустил в дыру и вижу, что она ешшо не достаёт до земли. Пошоу ви́тёр, понесло песок, я стал этот песок хватать да верёвку довивать. Нахватал песку, опустиу вереуку — хватила до земли, и зацял пущаться этой вереукой. Покуда микинина вереука была, она дёржа́ла миня. А как на пешосную верёвку опустилсы, и так она сорвалась, и я упал на болото. Весь опустилсе в грезь. Одна голова была видно только по плецям, и руки были в грязе́. И прилетела утка, и гнездо свила у меня на голове, и повадиусе воук исть эти ейця. Ейцё съест и зубы о ж... почёшот. Я знаю, что он придёт последнее ейцё исти. Опра́стал, опра́стал из грези свои руки, выпрастау. Пришоу волк ести послед-

нее ейцё. Съеу ейцё и зацял ж... цесать о мои зубы. Я захватиусе за хвос, рыкнул. Воук скоцил с испугу, мене и выташшыл из грези. Я опустиусе, и он убежал, не знаю куда. Давай, снимай, старик шубу; я сказал тебе быль и небыль». Сняу со старика шубу, вырезал из спины ремень у него, из ж... пряжку. Взяу огня и пошоу к отьцю.

АННА САВИЧЕВА

54. ИВАН, МЕДВЕЖЬЕ УШКО

Жиу поп. У попа была попадья очень красива, и ходил медвидь и три года на нее зарился. На цетвёртый её и увёл. Вот жить им, жить — родился сын, нарекнули имя: Иван, Медвежье ушко. Иван, Медвежье ушко ростет не по дням и цясам, и вырос он большой, и говорит матери: «Цьто же, мама, у нас тятенька мохнатый, а мы не мохнатые?» — «А то, цьто, Ваня, мы руськие, а ён зверь лесовой».— «Пойдем-ко, матушка, на святую Русь!» Она же говорит: «Где же нам уйти на святую Русь? Ён нас съест». Насушили сухариков и пошли. Мать идёт впереди, а ён назади. Ён ей все ноги отступал. Медведь бежит следом и рыцит: «Съем! Сына выростила и ушла! Добегу — съем!» Этот Иван, Медвежье ушко шёл сзади. Медвидь налетел,— ён, Иван, взял медведя за ушко,— тулово вылетело, а кожа в руках у Ивана, Медвежьего ушки осталась. Вот ён и говорит: «Куда, мама, эта кожиця нести?» — «Неси, говорит, дают денежки белые». Вот они и пришли к попу в сад. Поп и увидел их. Она яблони сгибает, яблоки летят, а ён — Иван, Медвежье ушко деревья сгибает да с корнем воротит. Ёна и говорит: «Поцьто ты яблони вороцяешь?» — «Да я вижу, цьто ты сгибаешь, и я сгибаю». Поп увидел их, узнал, цьто жонка, поздороукося с ними. Иван, Медвежье ушко стау жить-поживать у батька, стау ходить на улоцьку, поигрывать с робятками. Кого за голову охватит, голову оторвёт; ногу охватит — ногу оторвёт; руку охватит — руку оторвёт. Всех робят изуродовал. И стали ходить к попу жалиться: «Цьто же у тебя сын за вольниця? Всех робят изуродовал». Иван, Медвежье ушко видит, цьто дело не ладно, и говорит: «Папенька с маменькой! Скуйте мне в 30 пудов палицю». Вот ён вышел в поле, в широкое

раздо́льё. Кинул палицю — улетела под небеса. Фатиу, переломиу её; пошел домой, плачет: «Папенька и маменька! Вы надо мной насмехаетесь! Скуйте мне еще в 60 пудов палицю». Вышел в поле, в широкое раздо́льё, фатиу, опеть переломиу. Идёт опеть и плацет: «Ах, папенька с маменькой! Вы надо мной насмехаетесь. Дайте мне две трудные денежки — я сам скую». Вот ён и сошоу к кузнецю. Кузнець куёт, а ён вороцяет. Сковау 90 пудов палицю. Вышел в цистое по́лё, в широкое раздо́льё, выкинуу палицю, фатиу — не переломил. «О, это по мне дубинка!» И шоу, шоу далеко ли, низко, высоко ли, близко, дошоу до Горыни-богатыря. Горы с места на место перекатывает богатырь. «Бог помоць тебе, Горыня-богатырь!» — «Поди, добрый целовек! Какой я богатырь? Есть Иван, Медвежье ушко подюжае меня». — «Пойдём со мной в товаришши». — «Я, говорит, рад товаришшу». Шли далеко ли, низко, высоко ли, близко и дошли до Дубины-богатыря. «Бог помоць тебе, Дубина-богатырь!» — «Какой я богатырь. Есь Иван, Медвежье ушко, ён подюжае меня». — «Я самый и есь». — «Возьми меня в товаришши». — «Пойдём, я рад товаришшу». И шли далеко ли, низко, высоко ли, близко и дошли до хором. Хоромы в лесу. И зашли. В хоромах нет никого, а поуный дом волов (коров понашему). Потом быцька закололи, в ницьку склали и ожарили. Пойли, стали жеребей метать, кому в лес, идти, кому дома оставаться. Остался жеребей — Горыне-богатырю дома оставатьсе. Ён быцька заколоу, на лежаноцьку и лёг. Идёт старицёк с ноготок, бородка с локоток, и рыцит у двери: «Отворите». И ён взяу с лежаноцьки слез и отвориу. «Цьто есь в пецé, вороти на плецé, всё съем». — «Где тебе, гнилая хра́котина? Где тебе съесть?» — «Съем». Ён ему поносиу, и ён всё съеу. Его пихнуу, а сам ушоу — старицёк-от. Когда пришли: «Цьто, братец, нажариу ли нам говядины?» — «Нет, братцы, не могу; угореу». Ну, вот они сейчас быцька закололи, в пецьку склали. Потом на другой день опеть достаетсе Дубине-богатырю оставатьсе дома, а Ивану, Медвежьему ушку идти в лес. Он быцька заколоу, в пецьку склау, как же и тот, на лежаноцьку лёг. Идет старицёк с ноготок, бородка с локоток. «Отворите!» говорит. Ён стау, отвориу. «Цьто есь на печé, вороти на плецé, всё съем». — «Где тебе, гнилая хра́котина? Где тебе съесть?» — «Съем». Съеу. Биу,

биу, под лауку пихнуу. Пришли из лесу. «Цьто, изжариу?» — «Нет».— «Цьто, по-моему? (говорит Горыня).— «Я по-твоему». Быцька изжарили, найлись. На третей день Ивану, Медвежьему ушку оставатьсе дома. Ён двух быцьков заколоу, в пецьку склау, на лежаноцьку и лёг. Идет старицёк с ноготок, бородка с локоток, и рыцит у двери: «Отворите!» Ён взяу с лежаноцьки слез и говорит: «Ех, гнилая хракотина, я отцу, матери не отворивау и тебе не отворю!» Старицёк рыцит: «Отворите!» Старицёк цяпау, цяпау, сам дверь и отцяпау. «Цьто есь на пече, все вороти на плече; все съем!» — «Где тебе, гнилая хракотина, съесть?» Взяу ён свою палицю и подоткнуу под домом и вызнял этот дом. И посадиу его бородой кверху и сам сеу под окошецько. Его и подразниваэт: «Ты, угара, ты ходишь?» Взяу его опять взад: «Дураки придут, мол, испугаются». Его снес, взяу и посадиу в рошшеп. Те приходят из лесу: «Ешьте, говорит, братци; нашоу я вам угар. Высекайте по дубинке по хорошей». И высек по дубинке, и сошли в лес, и стали его бить, и ён рваусе, рваусе, со пнём и убежау. Добежау до плиты, плиту отворотиу и под плиту убежау. Пришли, всех быков закололи и сколько там шша. Из быков вырезали ремни, из ремней сделали ципь. И опустили Ивана, Медвежье ушко, и опустили под землю. Ён и пошоу. Шоу, шоу далёко ли, низко, высоко ли, близко, дошоу до медного дома и оперсе во свою палицю и перескоциу белокаменну стену и зашоу к девице в дом. Сидит девиця, тцёт и кросеньця медные. «И бог помоць, девиця, кросеньця ткать!» — «Поди-тко, добрый целовек, не ворона ли тебя в пузыре занесла?» — «Ах, девиця хороша, да не умеюци спрашиваешь. Не есь молодець, если ворона в пузыре занесла. Есь молодець, когда сам пришоу».— «Куда же ты пошоу?» — «Я, говорит, пошоу: не видала ли ты старицька со пнём?» — «Видала; скажу, только возьми меня замуж».— «Возьму», говорит. «Это наш отец, и поди дальше от меня, там моя сестра есь, она больше меня знает». И вот он шоу, шоу; далеко ли, низко, высоко ли, близко; дошоу до золотого дому и оперсе на свою палицю и перескоциу белокаменну стену, и вошоу к девице в дом. Сидит девиця тцёт и кросеньця серебреные. «Бог помоць тебе, девиця, кросеньця ткать!» — «Поди-тко, добрый целовек! Не ворона ли тебя в пузыре занесла?» — «Ах, девиця хороша,

да не умеюци спрашиваешь! Не есь молодець, когда ворона в пузыре принесла, есь молодець, когда сам пришоу».— «Куда же ты пошоу?» — «Не видала ли ты старицька со пнём?» — «А возьми замуж, скажу. Это — мой отец. Там еще есь моя сестра, она больше моего знаэт». Вот он опеть и пошоу. Шоу, шоу, высоко ли, близко, далеко ли, низко и дошоу до золотого дому. И оперсе о свою палицю, и перескоциу каменну стену, и зашоу к девице в дом. «Бог помоць тебе, девиця, кросеньця ткать!» — «Поди-тко, добрый целовек! Не ворона ли тебя в пузыре принесла?» — «Ах, девиця хороша, да не умеюци спрашиваешь! Не есь молодець, если ворона в пузыре принесла, есь молодец, когда сам пришоу».— «Куда же ты пошоу?» — «А вот не слыхали ли старицька со пнём?» — «Возьми меня замуж, скажу».— «Возьму».— «Этот старицёк наш отец. Поди выди на крыльцё: ён спит в дубу, только дуб стонет». Ён вышеу на крыльцё — только дуб стонет: так спит старицёк. И взяу он свою палицю, и пошоу к этому старику. И биу, биу этого старика, и до того его биу, цьто одна борода осталась. Ён эту бороду подогнуу под кушак. Иван, Медвежье ушко и не видау, как она подоткнулась, и пошоу опеть к девице взадь. «Пойди, девиця, замуж!» Девиця вышла, снарядилась. Вышли из этого дома. Иван, Медвежье ушко и говорит: «Жаль, говорит, идти из этого дому,— жар горит!» Она платоцьком махнула, всё золото к нему пóд ноги и подкатилось: «Бери это золото, Иван, Медвежье ушко, в карман». И пошли они опеть и пришли к другой сестре. И также сказау: «Пойдем, девиця, замуж». Такмо и эта девиця снарядилась и вышла. А ён и говорит: «Жар горит! Как из этого дому идти же?!» Она платоцьком махнула, всё серебро ему пóд ноги подкатилось. Клади, Иван, Медвежье ушко, в карман. Вот ён всеф треф сестёр взяу замуж, на всех товаришшей и на себя по невúсте. Приходит он к цúпе. Посадиу девицю на ципь, посадиу, ципью тряхнул. Товаришши и поташшили. Выташшили девицю и поцяли оне драться промéжу собой. Тому надоть и другому надоть. Ёнá и говорит им: «Не деритесь, там ешшо есь красивее меня». Опеть опустили ципь туды к ему. И он опеть посадиу девицю. Оне опеть драться. Опеть надо тому и другому: эта красивее. Ёнá и говорит: «Не деритесь, там ешшо красивее меня». Третий раз опустили ципь к нему. Посадиу

третью теперь девицю. Ципью трехнул, они и потянули. Выташшили, и оне опеть нацяли дратьсе: эта ешшо красивее. Ёна и говорит: «Выташшите Ивана, Медвежье ушко!» И опустили опеть ципь и поташшили; Ивана, Медвежье ушко и выташшили. И только ему вытти, и увидели этого старика бороду, и взели ципь и обсикли. Ташшим, говорят, старика Ивана, Медвежьего ушка». Иван, Медвежье ушко по колен в землю ушоу. Теперь ему вытти нельзя. И порошшитауся в сторону другую, и вышеу, и пошоу. И шоу он высоко ли, близко, далеко ли, низко, дошоу до пастушка. Пастушок пасёт стадо, полторасто животин. «Бог помоць тебе, пастушок, большим стадиком владать!» — «Не что бы владать, да у нас в цярстве не тихо».— «Поцему же у вас не тихо?» — «Да змей народ ес. Кабы кто этому делу помог, царь треть бы царьсва отдау. Царева доць приведена на съеденье к морю». И сказау Иван, Медвежье ушко: «Поди донеси цярю, помогу я этому горю». Приходит Иван, Медвежье ушко к морю. Море сколыбалось. Выходит трёхглавый змей. «О, говорит, Иван, Медвежье ушко, молод ты противу меня стоять!» — «О, говорит змей проклятый! Я парень холос, нежонатый, а ты меня пороцишь! На сколько же вёрст разойдёмся?» Змей и сказау: «На 3 версты!» На 3 версты разошлись. Иван, Медвежье ушко своею палицей розмахнулсе, палицей стегнуу, все головы отлетели. Похорониу ён эти головы. «Живите теперь тихо, ницего теперь вам не будет!» Вот ён пошоу. Шоу высоко ли близко, далеко ли низко, и дошоу до моря. У моря птиця Нагай, и её гнездо тут, и поднимаетсе сильняя погода. И её детки и зарыкали в гнезде. Ён взяу свой балахонцик сняу, их и окутау. Оне и говорят: «О, Иван, Медвежье ушко, уходи подальше, а то матушка придет, тебя съес». И он в лес отшатиусе. Подымаете шум, гам,— птиця Ногай летит к своим деткам. И прилетела и говорит: «Ах вы, детушки малые! Кто вас от погодушки сохраниу?» — «Мамушка! Нас Иван, Медвежье ушко сохраниу». — «Иван, Медвежье ушко! Иди сюда», говорит. Ён подошоу. «Цьто тебе надо?» — «Мне, птиця Ногай, не надо не злата и серебра! Вынеси меня на светую Русь!» Вот ёна ему сказала: «Настрелей мене сорок и ворон, сколько там шшан насоли говедины и стай на меня, и сам садись. Что я повернусь, то мне кусок говедины давай». И что овернется, ён ей кусок говедины и давает. Ей

доуго лететь. Она раз овернулась, дать не́цего, и другое овернулась, дать нецего. Третий раз овернулась, он взяу свои икры из ног вырезау да ей и скорошиу. Потом ёна́ его принесла на место: «Слизовай, Иван, Медвежье ушко», говорит. Ён и говорит: «Нельзя мне, птиця Ногай, слизти, я икры с ног искормил тебе». Ёна́ сказала: «Какое у тебя меско́ скусно́е, я бы тебя всего съела». Ёна́ взяла и выхаркнула взадь и приложила ему взадь к ногам. Вот ён пошоу домой, ёна́ полетела на своё место. И приходит ён домой. Его товаришши в байне. Его супруга в байне. (А она у них, как в казацихах). Вот ён подошоу и засвистау у байни. Ёна́ и уцюяла его свист. И обрадела ему, и плацет горько. «Послушай-ко, Иван, Мудвежье ушко, мне жира-то без тебя какая!» Вот ёна и зашла опеть в байну. И всё не ладно. Жару наметала, не ладно! Её бранят и ругают. Ён отвориу байну и говорит: «Ах вы, братци! Вы моё добро так и помните? Так мою-то жону и дёржите?» И взяу их, на ногу наступиу, за другую раздёрнул, и взял воронам, сорокам всех роскидау их. А ихних жон выдау замуж. Я была на свадебке, пиуко пила, по у́су текло, а в рот не бывало.

55. СТАРИК-ЗНАТОК

Жиу старицёк со старушкой. Ись у них не́цего. Эта старушка и говорит: «Старик. Теперь лето, сходи в лес, привяжи корову к ки́льце за фос. Вот корову станут искать, найти не могут; я и пойду просить по миру кусоцьков, и скажу, цьто у мене́ старик-знато́к: может корову найти». Ёна́ пришла домой. «Дедушка! Ты знаешь, корову мы не можем найти».— «Идите, говорит, домой, корова прибежит сама». Вот ён сошоу в лес, корову отвязау, нахлестау, корова сама и прибежала домой. «Ну, говорят, старик-знато́к, знает хорошо». Дошла вись к барину; и барину охота узнать, кого жонка принесёт поносная. Вот за стариком и приехали. «Дедушка! Идь к нам: тебя барин зовёт». Старик ницего не знает, ну, старуху бить: «Я ничего не знаю, а ты рознесла, цьто знато́к». Привозят старика к этому барину. Старик сидит на лауке, ницего не знает. Думу думаэт. Барин и повёл свою барышню. «Вот, дедушка, узнай, кого у меня бароня принесёт». От лауки ко дверям поведёт, старик и говорит: «Деука!» От двери

поведёт к лауке — «Парень». Барин его взяу по шее нахлестау. «Это сам знаю, старой цёрт!» Вот старика домой отправили взадь. С недилю прошло, бароня принесла парня и деуку. Вот старика угостили, старика и спросили, цьто — «Правда. Старик-знаток». И пошло дальше и дальше, цьто старик знаэт. И дошло дальше, до цяря дело дошло. У цяря потеряуся перстень. Цярю охота розыскать. И цярь посылаэт своих куцеров за стариком. « Ух! Старуха старая! Цьто ты рознесла?! Топерь мнё смерть», говорит. Приехали к цярю, посадили старика на куфню .Старик сидит и думаэт, и говорит промежу сам себе: (Прилоги строит, как не знает) «Что хребту, то и брюху». Там на пеце два повара лежат. Одному фамилия Хребто, а другому Брюхо. Оне с пеци свалились, и хлоп ему в ноги: «Дедушка и батюшка! На перстень, никому не сказывай, цьто перстень украли».— «У вас гуси есь?» спрашиваэт у поваров. «Гоните, говорит, гусёнка, гусёнок склюёт перстень, перо загнём и узнаэм». И приходит цярь, государь сам. «Ну цьто, дедушка, можешь сам розыскать перстень?» — «Могу, ваше цярьсво велицесво! Гусёнок склюнул». Вот оне гусей пригонили. Которой?» — «Да вот этот». (У которого перо загонили). Его и закололи; перстень выняли. Цярь его наградиу и угостиу, и старуху привезли в гости, угошшенья им дали. Вот потом идёт боярин старику настриццю. Охота узнать, цьто верно ли знаток. И зажау в руку жука, так и дёржит. «Узнай, дедушка, цьто у меня в руке?» Старик-от опеть прилоги и говорит себе: «Попау жуцька в боярские руцьки!» Боярин рожжау руцьки, там жук. «Ну, говорит, знаток, верно всё знаэт». Ну, топерь старика со старухой повозят домой. Запрягли корету. Положена подушецька, им садится на подушецьку. Им куцера и насмеялись над ним. Под подушку-то им нас... то. А у его была жонка Домна. Ён и говорит ей: «Садись, Домна, на толстые г...». А эти куцера-то пали ему в ноги: «Дедушка! Прости, не сказывай, это мы наделали!».

56. ХИТРЫЙ МУЖИЦЁК

Быу мужицёк. А раньше у них были барские люди. Этот барин,— кто может какую штука найти, что сделать надо, неси к барину. Потом если к барину, барин наказывал своих крестьян. У них, у мужицька дошло

дело, что ись ницего. Проспау ноць. Ему приснилось: «Иди, старицёк, на такой остров, там корцяга денег. Достань её. Сыт будешь от этой корчаги». Мужицёк был хитрой. Заняу мукя овсяной полпуда. Напёк он блинов корзину. Дожили оне до вечера с жонкой и пошли в лес. Этот старицёк идёт и вешаэт блины на ёлочки и на колошки. Сошли и достали оне деньги. Пошли назадь. Спрашивает жонка: «Для цего же блины?» А ён ей и говорит: «Сегодняшний день блинная туча». Потом подходят к жилу, крык в жиле жибко — мужицьки выехали в поле и крычат. Жонка и спрашивает: «Что же это, мужицёк, крычат в поле?» — «Крычат в поле: барина нашего запрягают в соху, вот он и крычит». Пришли домой. Стал мужицёк деньгам росходовать, взяу хлебця, накормиу детей своих; ушоу на работу. Жонка у него пошла на беседу, в компанью свою и похотела, и говорит: «Мы, говорит, топерь богатые, нашли денег много». Некоторые товаришши и барину взяли и передали, чтобы наказанье ему дал. Приказываэт его барин. «Что же ты, мужицёк, нашоу денег много, а ко мне не отнёссе?» — «Нет, никак нет, я не нашел денег. Кто сказал это про меня?» — «Как же ты денег не нашоу? Соседи про тебя говорят, и жонка говорит».— «Ну, прикажите мою жонку, наказывайте её там!» Приказали жонку. «Ну как? Твой муж нашоу денег?» — «Нашоу».— «Как же нашоу?» — «Вот мы, батюшка, в ту ночь и ходили, в котору блинная туча была». Вот мужицёк и сказал про её: «Вот без ума говорит, так поэтому нужно её наказать».— «Нет, батюшко, в то утро мы шли из лесу, когда вас в соху запрягали, вы и крычали».— «Нужно бы её убрать, она без рассудку», барин говорит. Муж остауся прав.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ЛАЗАРЕВ

57. СОЛДАТ ОТОМСТИЛ ХОЗЯИНУ ЗА ЗАГАДКИ

На прекрасное время шел солдат со службы. Так бы, как было вам известно, в прежнее время не было железных дорог, ходили более пешком, ну и этому солдату пришлось идти долгое время. Вблизь города Ваги (Олонецкой губернии) постигла его ночь в деревне Зелёной. Выпросилсы ночевать у одной женщины; хозяина дома не было. Когда вернулся домой хозяин, то

он этому солдату задал несколько задач. Иначе никак не соглашался пустить его ночевать. И когда наступила ночь, время спать, то хозяин этому солдату предложил лечь вместе на полати. Когда оне зашли на полати, тогда стал этот хозяин задавать солдату задачи. Во-первых: шла по полу избы кошка, хозяин указал на неё и спросил солдата, что это такое? Солдат ответил ему, что кошка. Хозяин сказал: «Нет, это не кошка, а это чистота», и дал солдату шелчок в лоб за то. А во-вторых, когда взяли огонь, то хозяин указал на огонь и спросил солдата: «Это что?» А солдат ответил, что огонь. Мужик опять солдату шелчок и повторил, что это — светлота, а не огонь. Потом в-третьих. «Вот, солдат, отгони, ответь: где мы лежим, как называется?» А солдат говорит, что этта на полатях. А хозяин ему опять шелчок: «Это не полати, а высота». После того солдату стало очень обидно. Когда дожили оне до утра, хозяин собрался идти молотить на гумно. Солдат стал хитриться, как отомстить хозяину за такие мерзости. В конце концов, всё-таки придумал, как отомстить хозяину. А у хозяина на полатях находился лён. Солдат поймал хозяйскую на полу кошку, достал из печи огня, привязал к хвосту кошки огонь; пристрастил кошку, а кошке страсть. Кошка с его страсти бросилась на полати и зажгла лён. Тогда солдат видит, что дело не ладно и хозяину в гумно. Когда пришел солдат к хозяину в гумно, то и говорит хозяину: «Мужик! говорит, твоя чистота схватила светлоту, занесла на высоту, неси благодать, а не то ничего не видать!» (А благодатью воду назвал).

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ГАНИН

58. КАК КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ЖЕНИЛСЯ

Захотел князь Владимир жениться. Заводил он пир на весь мир. Ходит по светлой по свитлице, по высокой новой горнице и говорит: «Сильные, могуцие богатыри! Кто решится высватать Марью Варфоломеевну? Выходит из-за стола Михалко Офонаскин сын и говорит такие слова: «Солнышко, Владимир, князь молодой! Не секи ты выше рук дерева!» Он и говорит: «Ах вы, 12 богатырей, возьмите сукина сына за потылицу, выкиньте церез тын на улицю». А он кое-как обернулся

мушкой или комарком и сел за стол опять. Это солнышко, Владимир, князь молодой, ходит по светлой по свитлице, по высокой новой горнице и говорит такие слова: «Кто согласится съездить сватовшиком Марью Варфоломеевну высватать?» Убераются больший за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответу нет. А этот Михалко Офонаскин сын выходит на свой зелен сафьян, на свои резвы ноженьки. «Ах ты, солнышко, Владимир, князь молодой! Не секи ты выше рук дерева!» А он опять те же слова: «Ах вы, 12 богатырей, возьмите сукина сына за потыницю, выкиньте через тын на улицю». Ходит он по светлой свитлице, по высокой новой горнице и говорит такие слова: «Эх, вы сильные, могуцие богатыри! Кто выберётся высватать Марью Варфоломеевну?» Хоут Хоутович: «Я, говорит, высватаю!» Собирались они свадебкой и поэхали. Ехали они, м. б., мисяц времени, а этот Михалко Офонаскин сын всё дома был. После их он удумал ехати. Сошел он в цисто полё, широкое раздолье. Скрицял он громким голосом, молодецьким посвистом: «Сивушко, бурушко! Вечное кавурушко! Как батюшке служиу, так и мне послужи!» Сивушко бежит, мать сыра земля дрожит. Из ноздрей пламя пышот, из ушей кужляв цяд валит. Он в ушко сходил — напилсе, наелсе; а в другоё сходил — хорошо нaредилсе. На коня садилсе и отправлялсе в путь-дороженьку. У него конь болота перескакивал, озёра перелятывал. Идет он лесом, уцюл шум, писк, вереск в лисе. «Не свадьба ли тут, говорит, болтаетсе?» Завернул — три братьця дерутсе. Дилят кувшинец о двенадцать рылеч, скатёрку-хлебосолку. «Что вы, братци, деритесь?» — «А вот, остались от дедушка две штуки, не можом разделить. Ты что за целовек?» — «Я — Матвей Горбаць, гряновит колпак, ходка нога, метка рука, могуць плечо, много можот». — «Ах ты, батюшко! говорят, ты много можешь? Раздели нам». — «Можно, давайте, разделю». Стрелил стрелки по сторонам. «Которой скоряе прибежит со стрелкой, тому скатёрка, второму — кувшинець, а третьему — ницего». А он сеу на коня и уехау. Всё и увёз у них. Один прибежал. «Видно, те братаны унесли». А другой прибежал: «Видно, меньшак всё унёс», говорит. Меньшак прибежал, видит ни у кого нет. «Видно, говорят, Матвей всё и увёз». Поплакали, так и россталиcь. Ехал путём-дорогой, услышал опять шум, гам, писк, вереск.

«Не свадьба ли плутаэт?» Завернул. Свадьба-то заплутала, а они ворон и сорок хватали да йли (пить, ись нечего!) «Вы что за́ люди?» — «А мы, говорят, свадьба, едем от города Кыева, от князя Владимира. Поехали к царю Варфоломею по Марье Варфоломеевне. А ты, говорят, что за́ целовек?» — «А я — Матвей Горбат, грановит колпак, ходка нога, метка рука, могучь плечо, много можот».— «Много можешь, так выведи нас на большую дорогу». А жоних говорит: «Право, право, коли дорогу знал, домой уехал — дороги не знаю», говорит. «Идьте, говорит, за мной, так я сведу вас туда, к царю Варфоломею». Вот они и поехали за ним в царство Варфоломейское. Посылают Хоута Хоутовиця свататься. А Хоут Хоутович: «Какой я сватовшык? Посылайте Матвея Горбатого». А жоних и говорит «Право, право, кабы знал дорогу домой ехать, дак дороги не знаю домой ехать!» Стали прошать Матвея Горбатого: «Поди ты свататьси». Матвей и пошел свататься прямо к царю. Кланяется на все четыре стороны, а царю в особину. Князь и спрашивает: «Коей стороны, ты молодець заезжей — птичка залетная?» — «Из города Кыева, от князя Владимира сватовшыком твоей дочери Марьи Варфоломеевны».— «Спрошу у дочки, желаэт или нет ли». Сошел и спросил. Она и говорит: «Вот что, папаша! Скажи им, что сколько напеку, наварю, чтобы всё пойли». Вот он приходит и сказываэт. А солнышко, Владимир-князь говорит: «Право, право, кабы дорогу знал, уехал, а дороги не знаю, вот беда!». Делать нечего, надо с утра идти. Приходят они; стали им кушанья носить. На перво время помаленьку йли, а потом разъились — не могут никак и наносить. Стали возами возить — всё поедают. Свои-те и говорят Марье Варфоломеевне: «Не можем ни наносить, ни навозить». А она: «Видно, говорит, мои суженые приехали! Скажите им, что сколько я завтра народу не созову, чтобы накормили мой народ». А жоних и говорит: «Право, право, кабы дорогу знал, так бы уехал, да дороги не знаю! Цем мы будем кормить?» говорит. Матвей Горбатой говорит: «Ступай, надо припасатьсе народ кормить». А народу нашло конця краю нет. Пришел Матвей Горбат, принёс скатёрку-хлебосолку, роскинул — все стали сыты и пьяны, перед каждым бутылка. И говорят: «Ну, Марья Варфоломеевна! Какие мудрецы наехали, мы их не могли ни споить, ни скормить, а они

напоили, накормили всех наших, что напилисе и передралисе все».— «Ну что делать, папаша! Видно, суженые уж. Ешшо вот баньку истоплю, пушшай сходят». Затопила она сама баню, натопила, калену нажгла. Матвей Горбатой и говорит: «Ступайте в баню, баня готова!» Хоут Хоутовиць: «Я, говорит, не пойду!» А жоних говорит: «Право, право, кабы знал дорогу, уехал, да дороги не знаю». А Матвей Горбаць взял венечек, идёт помахиваэт. Вошеу в баню, в угол дунул, в другой дунул, в третей дунул, в четвертой дунул — вода во шшанах замёрзла. «Что же вы над нами смеитесь? Послали, зазвали в баню, а вода застыла?! Что ж холодным хлестать». Делать нецего. Она и сказала: «Видно, суженой мой приехал! Надо идти замуж». Вот они повенцялись. Уклали их на поклеть спать. А Матвею тому не спится. Тот взял к кузнечю; сковал прут железной, сковал прут медной, сковал прут оловянной. Приходит, не спрашиваэт у дверей притворников, у ворот приворотников. Кого толкнёт, тот и не вздохнет, кого толкнёт, тот и не вздохнет. Приходит прямо в тот покой, где молодые спят. У князя Владимира, у сердешного, уж пена у урту. Он взел её, здёрнул, нацял стегать, весь прут железной на ней исхлестал,— она никакого слова не сказала. И медной прут до рук исхлестал; ни одного слова не промолвила. Взял оловянной. Оловянной прут гнётся, не ломится, только в ж... улипаетси. Она ему взмолиласе: «Ах, Матвей Горбат, гранитой колпак! Не буду более от роду такова. Стану у его ноги мыть, а воду пить». Вот они и жили тут с мисець времени, согласно больно жили с мужем, с Владимиром. Обжились хорошо. Матвей и говорит: «Вот что, солнышко, Владимир кнезь! Надо ехать домой», говорит. Вот они и поехали, добры молодци; выехали на ту дорогу, знают, где домой съехать, он с ними и простилсе: «Ну, теперь ступайте с богом, а я на свои дела поеду». Вот у него конь болота перескакивал, озера перелятывал — быстро доехал. Спустил коня на зеленые луга, на шелковые травы. Похоживает опять Михалкой Офонаскиным сыном, оделся в прежнюю одёжу. Вдруг свадьба и приехала. И хвастает: «Ох ты, Михалка, не ездил! Нас потчивали как хорошо!» — «А не взели, мне дома хорошо!» Вот она пожила несколько времени, видит: Матвея Горбатого в своём городе нету. Она волю забрала, мужа со двора стол-

кнула и в пастухи наняла. Сидит на кочике в рожочек поигрываэт, пасёт овечек, а Михайло Офонаскин сын подходит и говорит: «Вот, солнышко, Владимир, князь! Говорил я тебе, не руби выше рук дерева, ты бы в лисе погинул бы, кабы не я, на кровате бы тебя задавило, если бы не я!» — «А неужто ты был Матвеем Горбатым» — «А тошно так, я!» говорит. «Так что, помоги ты моему горю».— «Помоци-то помогу, а только ей не будет». Пошли они в цисто поле, широкое раздолье. Росвистал, розгаркал богатырским голосом, молодецьким посвистом: «Сивушко, бурушко, вечной кавурушко! Как батюшке служил, так и мне послужи». Сивушко бежит, мать сыра земля дрожит. Он в ушко сходил — наелсе, напилсе; во другое сходил — хорошо уредилсе, на коня и садилсе. И его с собой посадил. Поехали добры молодци. Она вышла на крылецько и узнала, что идет Матвей Горбат. Наклала в блюдо золота, в другое серебро, а в третье скатно-жемчугу: идёт встречать с подарками. Выходит и кланяется: «Прости миня, говорит, виноватую».— «Не испоунила ты заповеди — извела своё заклятьё». Сицяс вынял саблю вострую — снял ей голову.

59. ДАНИЛКО, ЛЕГОНЬКОЙ ДЕТИНА

В некоем цярьстве, не в нашем государстве, именно в том, в котором мы живём, был чарь молодой. Гулял на гульбишшё. Идолишше Поганое сняло с его чудной крест; заводил он пир на многих князей, на бояр, на сильных, могучих богатырей. «Кто бы выбрался съиздить достать пречудной крест от Идолишша Поганого, приписал бы тому половину цярства, покуду жив, а умру — все цярство». Убираютсе все большие за среднего, а средний за меньшего, а меньшему ответа нет никогда. Сделалсе цярь невеселой: не может такого человека найтись, которой выбралсе. Один старик и говорит: «Ваше цярьское величество! Нет у тебя на пиру такого человека, а есть Данилко, легонькой детина, трех лет — разуму нет;— живет у старухи, может ли нет он достать! Чарь поехал этого Данила искать, а он сидит на шесточке и без портков. «Бабушка! Не у тебя ли Данилко, легонькой детина?» А она и говорит: «А что тебе нужно, ваше цярьское величество?» — «А мне нужно, чтобы он съездил достал пречудной крест от

Идолища Поганого».— «Ваше цярьское величество! Я самой и есть!» — «Что тебе надо, то и бери».— «Мне ничего не надо! Дай мне 300 солдатов погулять с ними трое суток». Гуляли трое сутки, трактиры, кабаки всё открытые — безденежно поили. «Что мне, говорит, триста солдатов держать, будет тридцати мне!» Тех отпустил. Погулял он опять трои сутки с тридцатью солдатами. «Что мне, говорит, с 30 солдатами гулять? — Возьму трёх солдат». Взяу он трёх солдатов, послал их в путь-дорожку. «Ступайте, идите! Я, говорит, настегу после». Сутки ходит и другие ходит — не может себе коня достать по мысле. Такой ходит невеселой. Старуха попадает навстречу. «Что ты такой, Данилко, ходишь невеселой?» — «Отойди, старая плёха, посажу на долонь, шшёлкну, одна грезь будет». Она уйдёт от него, по заулкам обойдёт, и опять ему навстречу, и опять спрашиваэт: «Что ты, Данилко, невеселой ходишь?» — «Что ты привезалась, бабка? Коня не могу себе достать!» — «Ты бы меня давно спрошал, я бы тебе достала». Он: «Так неужели ты, бабушка, знаэшь коня?». Вынул горсть золота, отдал ей в руки. «Поди ты в цисто поле, на нём стоит двенадцать дубоу, под этими дубами лёжит камень-плита. Подыми ты эту плиту, тут выскоцит и конь прадедка твоего — может он владать тобой». Вот он сошел в цисто полё — отворотил эту плиту, и выскоцил конь; заходил вокруг его — всё равно — земля заколебалась. Захватил он, в трёх росах медвеных перепахал, до трёх раз накормил пшеной белояровой, и только видели, как садилсе — не видели, куда укатилсе. Вот он ехал путём-дорогой и настиг товаришшей своих. «Бог по пути, говорит, добрые люди!» — «Просим милости, говорят, доброй целовек».— «Куда же вы поехали?» — «А не знаем, куды подлець Данилко послал нас, не знаем, куды и ехать. Идем мы голодные и холодные».— «А, я, говорит, самой он и есть». Они ему в ноги. «Прости нас, говорят, грешных!» — «Ну, говорит, бог прошшает. Ступайте за мной вмисте». Доехали они до мостику каленого. На этом мостике три бочки воды — сильные и бессильные. Переэхали мостик, а тут стоит дом. Заехали они в эфтот дом, напились наэлись и спать повалились. Двух солдатиков послал на мост. «Караульте — кто там пойдет. Мне, говорит, и скажите!» Сами уклались спать. Этот солдатик, как уснул, он саблю взял да туды — как

ткнул! Приходит под мост, а те спят. Вдруг и идет Идолишшо Поганое о три головы. Как наехал на мост — конь на коленки пал. Он коню и кричит: «Ты что это, волчья пасть, потыкаешши, не по мне ли посильшика чуёшь. Есть один по мне посильшик, Данилко, лёгонько детина, трех лет и разуму ешшо нет и тот, кабы был здесь, на долонь посадил, другой щёлк — одна бы грезь была». Он выскочил из-под подмосту: «Ты что, Идолишшо Поганое, похваляешши? Ко двору идешь да хвалишши, не чтобы ото двора ехал!» В сторону махнул — одну голову отсек, в другую махнул — другую отсек, третью сторону махнул — третью отсек. Взяу всё спихау в воду, а сам в дом пошел и спать лег. Те поутру приходят солдатики. «Ничего не слыхали?» — «Ничего, брат, не слыхали!» Они позавтрикали, сили опять вперёд и поехали. Доезжают они опять до мостику. На этом мостике шесть бочек воды — сильные и бессильные. Он взяу перекатил бочки, сильные бочки на эту, а бессильные на эту. Приехали за мостик, а тут дом стоит, они прямо в дом. Напились, наелись и спать повалились. Посылаэт опеть одного солдатика: «Поди под мост; карауль. Кто пойдет, скажи мне». Эти два солдатика, как уснули, он взял сабельку да и туды под мост. Сидит под мостом, вдруг опеть Идолишшо Поганое едет о шести голоу. Как подъехал, конь на коленки пал и рычит. «Ах ты, волчья пасть, медвежья, что ты потыкаешши? По мне посильшик, по тебе ездок есть Данилко, легонькой детина, и тот, кабы был здесь, на долонь посадил, другой шшёлк, и была бы грезь одна!» Данилко выскочил: «Ах ты, Идолишшо Поганое! Нешто бы от двора ехал да хвалился, а то ко двору идешь и хвалишши». В сторону махнул — три головы отсек, в другую махнул — опеть три отсек. Всё опеть в воду спихал, сам опять пошеу. Пришеу и спать повалилсе. Солдатик приходит. «Что, брат, ничего не слыхал?» — «Ничего — все тихо!» Они позаутрикали, опеть поехали вперёд. Доезжают опеть до мостику каленого. На этом мостике девять бочек воды — девять сильные и девять бессильные. Оне опеть переехали за мостик, в дом опеть заходили, поужинали и спать хотели лёжитсе. «Нет, говорит, братцы, не досуг вам спать сегодня. Нате вам картоцьки, играйте в карты; если кровяное петно появится на карте, так и бежите туды». Сам ушоу туда, под мост. Взял эту сильную воду, перекатил

на ту сторону, а бессильную на эту. Сам под мост ушоу. Вдруг Идолишшо Поганое идет о девяти голоу. Как на его надъезжает, так он на коленки пал. Он и говорит: «Ах ты, волчья пасть, медвежья, что ты потыкаешши! Не по мне ли посильшика цюешь, не по себе ли седока? Есть, говорит, один Данилко, лёгонькой детинка, трёх лет, а разуму нет, и тот если бы был, на долонь посадил, другой шшёлк — однако бы грезь была». Выскочиу Данилко: «Ах ты, Идолишшо Поганое! Чего ты хвалишши? Нéшто бы ото двора ехал да хвалилсе». Взяу в сторону махнуу,— цетыре отсек, в другую махнуу — цетыре отсек, а девятую достать и не мог. Тот скоцил с коня да и сгрёб, сшиб под себя Данилка, и начали ногами барахтатьсе. «Ах ты, Идолишшо Поганое! Об чём мы дерёмсе! Дай мне правой сапог сдёрнуть — знали бы, где я пóмёр!» Сдернул сапог, кинуу, конь и взбунтовалсе на дворе. Выломиу ворота железные, прибежал тут, пазнуу его ногами,— Идолишшо Поганое улетел без веданья, без памяти. Данилко поправиусе, отсек ему девятую голову. Наложиу на себя пречудной крест. Пошоу он в дом. Приходит в дом, а картоцьки в доме так и плавают, не то что петнушко появилось. А те спят. «Ах вы, невежи, что вы делаете!? Миня чуть не убили! Конь помог, сберёг». Те извинеться нацяли — «Прости, говорят, виноваты мы пред тобой!» — «Останьтесь вы тут». Он взяу, обернулсе мухой и улетеу. Прилетеу к матери ихней в дом, а мать лёжит, голова в початному углу, а ноги на печé в углу, а нос упёрся в потолок. А он взяу, зашоу в нос и начал хрястóк ломать. Большая сноха и приходит. «Ах! мамонька! Моего-то мужа, а твоего-то сына убиу Данилко, лёгонькой детинка».— «Дак и мы как-нибудь будем ему. Я тебя оберну кроватью, а ему сон напушшу, как ляжет на кровать, так мертвой и будет». Другая сноха приходит. «Маминька, маминька! Моего-то мужа, твоего-то сына убиу Данилко, лёгонькой детина».— «Ну, говорит, дитятко, и мы ему каково-нибудь будем. Оберну тебя колодциком — пойдёт, как напьётся, так мёртвой и будёт». Третья сноха приходит. «Маминька, маминька! Моего-то мужа, твоего-то сына убиу Данилко, лёгонькой детина!» — Ну, говорит, дитятко, и мы ему каково-нибудь будем», говорит. «Я тебя, говорит, оберну банькой, а на их чёс напушшу; как, говорит, зайдёт, так мертвой и будет — кровью обольет-

се». Он взяу забилсе в нос, начал у ей хрясток ломать, она и говорит: «Снохи, снохи! Он у меня в носе, возьмите по коромыслу, и дуйте его». Те взели по коромыслу, ну дуть, ну дуть — матку и убили, его не вредили. Он улетел. Сели на коней и поехали. Доехали они до кровати — соудаты соскочили с коней: «Ах! спать хочем».— «Погодите! Не торопитесь. Вы и так передо мною виноваты — дайте я сперва». Взял саблей тукнул по изголовью — голова откатилась, кровати никакой не стало. Они опеть сили на коней и спать не захотелось — поехали домой. Доехали до колодцику, такая жадность напала пить — те соскоцили, хотели пить, а он им и не дал. Он как соскоцил сам, тукнул — голова проць отлетела, туловишше осталось. Сили на коней и поехали вперёд. Доезжают, стоит баня — такой чёс нашоу, что терпинья нет. Те соскоцили, хотели в баньку, он опять им не дал. Он опять слез, по зауголку тюкнул — голова проць, туловишше осталось тут. Опять сили и поехали, и чёсу не стало. Ехали они путем-дорогою — вертитсе около его бес — сам с локоть, а голова с пестерь, а борода с виник. Не колько ему ходу не даёт вперёд — на сторону перескакивает да на другую. Он терпеу, терпеу. «Ты что, бес проклятой, вертиссе?» А он сорвау с него крест пречудной и убежал. Опять и поехал вперёд за ним,— стоит дом, просто весь вызолочен! Подъэхал к дому, заходит в дом, а бес сидит за столом, на столе злата и серебра. Ничего не взял бес опять, один только крест сгрёб и опять вон. Данилко кричит: «Ах, цярь липовой! Отдай крест — так из-за моря невесту привезу».— «Привезёшь, так крест отдам, и сколько золота хошь, столько и бери! Поидешь, поезжай на моём петуне. Коня буду кормить лутше твоего». Взяу он пéтуна, поезжаэт; отправил солдатиков домой. Петуна по пéрью — пéтун скок, пéтун скачки дерёт. Петун бежит, мать сырая земля дрожит. Переэхал он сúнёе морё, идет берегом. Тут ходит мужик около груды огня и шишку оттаивает от ж...; шишка примёрзла. «Ох, ты какой счастливой! Возьми миня в товаришши, может быть, я тебе помогу», говорит. «Садись, говорит, на пéтуна». Сеу и поехали. Петуна по пéрью. Петун скак, петун скачки дерёт. Петун бежит, мать сыра земля дрожит. Переехал он сúнёе морё. Опеть едут; мужик ходит кругом — сосняк гложот; уж весь огладал сосняк. «Ох, говорит, какие вы счастливые! Возьмите

миня в товаришши. Я вам помогу, быть можот».— «Дак садись, говорит, на петуна». Поехали трое. Доехали — мужик воду пьёт. Реку выпил, другую пьёт. «Ох, говорит, какие вы счастливые — я, говорит, устал пить! Возьмите миня в товаришши! Я что-нибудь помогу вам». Цётвёро уселись на петуна, и поехали. Доезжают они до этого городу, где невеста — в Чарь-виноград. И пошел он сватацьсе невесту. Невеста и говорит: «Вот, сколько кушанья напеку, нажарю, чтобы вы пойли всё!» Вот он сказал своим товаришшам. Этот, которой сосняк глодал, отправилсе. Сначала честь честью, а потом не могут никак наносить, ни пи́теры и и́деры. Всё приели. Данилко и говорит: «Что жо вы не можете накормить?» Невеста и говорит: «Видно, мудрецы приехали — не можем напоить, накормить. Видно, суженые мои!» Потом и говорит: «Сколько пива наварю, сколько вина накурю, выпили бы, тогда и за́муж пойду». Вот приготовили к утру, они и пришли пить. Стали пить. Наперво — пить по стаканцику, а тот, которой воду-то пил, стал по целые чашечки, потом по целому ведёрочку, да по целой бочечке начал покатывать, и не могут навозить. Покуда и́здят, да и нету, нету. Изо всех кабаков вывезли вино — всё высушиу везде. «Мне этого не хватает». Хотел подойти к колодцю — выпить его. Ему не дали. «Лутше, говорит, так замуж пойду. Ешшо истопите, говорит, баньку — сходим да и пойдем!» Истопили байну, в калину́ нажгла, думает опалятся — сойдут. Этот, которой кругом груды-то ходил, оттаивал шишку, вошел в баню, только вiничёк шумит. В один угол дунул, в другой дунул, в третей дунул, цётвёртой,— а осерёдке вода застыла. Данилко приходит. «Что, говорит, вы над нами смеитесь — и париться нельзя — холодно в бане!» — «Видно, делать нечего, надо идти замуж!» Стали сряжаться, и поехали они, добры молодци — уси́лись на петуна да и поехали. Доезжают, где воду пьют, тот тут и осталсе. Они опять и поехали цетвёро только. Доехали, где сосны глодал — тут и осталсе. Уехали опять, где этот кругом груды ходил. Этот тут и осталсе, шишка опять примёрзла — ходит и оттаивает. Доехали дальше. Данилко и говорит: «Я везу тебя не за себя, а за липового цяря».— «Я за цяря не пойду, пойду за тебя».— «А как же?» — «Выставим половочьку на мосту, он станет перешагивать и свалитсе». Увидел их липовой цярь и идёт их встре-

цять, наклал груды золота и пречудной крест положил. «Давай, подари же ты нас на перво!» говорит. Подал блюдо золота и пречудной крест на блюде. «Ступайте же». А невеста и говорит: «Надо невеста — перейдёшь и сюды». А он, как стал переходить, свалилсе, так и понесло ветром по морю, одна борода так и лягает! Они пришли в дом, набрали золота, сили да поехали; взяли с собой и петуна. Приезжают скоком времени домою. Чарь и обрадел, приписал ему полцярства. Он женился на́ этой девице. Потом, покуда цярь жив, он жиу при цярьском дворце; цярь по́мёр, его и на цярьство посадили. Всё ему и досталось и пречудной крест.

60. БОВА КОРОЛЕВИЦЬ

В цярьстве Мауковрульском у цяря Мауковруна была доць Мерекри́са прекрасная. Ей сваталисе два жениха: цярь Додон, цярь Гридо́н. Гридон богатой, а старой; а Додо́н голой, а молодой. Ей хоцетсе за молодого, а батьке отдать за богатого. Вот батько отдал её за старого, за Гридо́на. Она не стала его любить. Посылаэт она его в ци́стоё по́лё. «Сходи ты, Гридон, настреляй мяса гусинного и лебединного. Принесу тебе сына Со́кола». Он и ушел. Она послала за им в сле́д: «Поди убей его там». Ходил он не мог убить — не нашоу. Она опеть на другой день посылает цяря Гридона в лес: «Поди, настреляй мяса гусинного и лебединного — принесу тебе сына Сокола, по колен рук в золоте, по локоть руки в серебре». Он опеть ушел, она послала цяря Додона за им вслед. Ходиу, ходиу, не мог опеть его найти. Она опеть на третий день посылает своего мужа в лес: «Поди, настреляй мяса гусинного и лебединного — принесу тебе сына Сокола, по колен рук в золоте, по локоть руки в серебре». Он ушел в лес, она посылает цяря Додона за им вслед. Он ходиу и нашоу его там, нашеу и убиу. Пришеу домой, и вышла она замуж за цяря Додона и родила сына, дали имя славного витезя — Бова Королевиця. И ростёт он по цяскам, ростёт ходко — славной витязь Бова Королевиць. Было времяцько три денёцька, стал на улицю похаживать; стало времяцька три годоцька, стал с робятками поигрывать. Цярь Додон отправлялсе, в инные земли уезжал. Ему снится там, что сидит сын-па́сынок, сидит на белых грудях, порит белые груди, смотрит на ретиво

серьцо. Ему это не кажется. Пишет своей жонке: «Цяриця! Сына моего, пасынка куда-нибудь девала, а нет, миня бы домой не ждала». Она не поглядела на это письмо. Он опеть пишот: «Лишила бы сына моего, пасынка, а нет, мужа не ждала бы». Посадила она в темницю своего сына. К ему ходила деука черняука, носила пить. А ему всё грезится, не даваёт ему покою, и пишот: «Куды-нибудь его девала сына-пасыка». Взела она, купила били, напекла пирожочков, хотела его отравить. Деука возьмёт, взяла с собой краюшку хлебця и с собой собацьку кликнет. Он и спрашивает: «Ох, маменька стоскнулась, поись послала?» Девка и говорит: «Дай-ко собацьке кинуть кусоцек». Кинула собацьке — собацька всю и изорвало. «Не давай-ко мне, деушка, этого!» Деука краюшецьку хлеба дала, а этих не дала и унесла взадь. «Не запирай ты, деушка, тюрьмы тёмной!» Деушка так и оставила. Он вышеу и говорит: «В город идти — меня захватят». Взял за стену и свалился за белокаменную. Лёжи́т на крутом бережке. Ехали гости, корабельщики цярьства Зезентийского; увидали, что это на берегу лёжи́т, бо́льнё сияёт, привернули, взяли его себе на судно. Он и заснул у них на судне. Они и говорят: «Отдайте, братци, мне!» А другой говорит: «Отдайте, братци, мне». А третей говорит: «Кинемте в мо́рё, никому ницего». Он пробудиусе и говорит: «Снилось ли мне, или вы говорили — один говорил: «Отдайте, братьци, мне». Другой говорил: «Отдайте мне». А третей говорил: «Кинемте в мо́рё?» — «Тошно так, говорили».— «Не кидайте меня в море, свезите к цярю Зезентию, он меня купит, только вы не опроситесь. Он заплатит вам большие деньги». Свезли они его в город; показали цярю Зизантию они и отдали его. Дал он им по 3000 на пай. И живёт он у цяря Зизантия, такой удалой, просто дело! Входит в сад, жеребца любимого цярьского заведывает — больше никакой ему роботы нету. Его зовут всё — новой слуга, новокупленной — имени он своего не сказывает. Доцька была цяря Настасья Зизентиевна. Захотелось ей посмотреть слугу новокупленного. Выпросилась она с нянньками, маньками посмотреть слугу новокупленного. Взяла шляпку серебреную, а он сидит на ко́чеке, шляпка на ём шветошная. Она взяла с его шляпку цветошную, наложила серебреную. «Доулеет нашему слуге сидить в шляпке цветошной, доулеет серебреной».

А он взял, эту серебреную кинул, и найти нельзя, а сам опеть цветошную наложил. На другой день приходит проведывать слугу новокупленного. Приносит шляпу золотую; сымает с его шветошную, накладывает золотую; он бросил, она опеть найти не могла. Наложил опеть цветошную. На третей день приходит без не́нек, без ма́нек, накладывает на его шляпку золотую, снимаэт шветошную. И не скинул этой шляпки. Потом они кольцям поменялися с ёй. С тое́ поры она стала в цярьство похо́живать к ему. Он и сказал ей, как его зовут: «Зовут меня Бова Королевиць». Она подружкам некоторым россказала, и от подружек стало королю известно, как его зовут. Королю не понравилось, что через доцьку узнал, как его зовут. Через сколько времени приехал свататьсе жених к ей. Приехау сын Лукопёр, косая сажень в плецях, голова как пиуной котёл, промежу глазами калёна́ стрела. И это стал свататься Бова Королевиць ее́. Цярь и говорит: «Ступайте, говорит, на поединок; которой которого изобидит, за того и замуж». А это выехал да с первого сраженья россек ему голову до самых плець. Пришел Бова и сказал: «Ну, цярь, я решил этого богатыря». Цярь написал письмо. «На, неси письмо к батьке Санталу Санталовичу, что ты убиу сына Лукопёра». Он сел на коня, которого стерёг, и поехал. Ехал, ехал доброй молодець путем-дорогою, старицёк живет один в лесу́, привернул он к ему ноцевать. «Что, славной рыцярь, Бова Королевиць, далеко ли направился?» — «А направился я к Санталу Санталовицю — убил его сына Лукопёра».— «Так не изди ты на коне туды. Опусти ты коня домой, а поди пешо́й. На коне ведь домой не бывать, пешой, может быть, и возвратисся назадь». И пошел доброй молодець пешком. Приходит к Санталу Санталовицю в цярьство. Приходит, подаваэт письмо к Санталу Санталовицю. Процитал письмо, что его сына убиу. «Надо его заутра, говорит, на висилицю». А доцька сидит и говорит: «Батюшка, батюшка! Неужели нашему цярьству будет воскреситель, а тому погубитель! Посади в темницю». Она вецерком оделась, с нянъками, мамками пошла. А он сидит да богу молитсе. А она перед им и скацет, и пляшет в одной тоненькой рубашке, без пояса, в одних беленьких цюлоцьках без чеботу. А он ее́ пнул — она улетела до дверей. Слуги схватили ее́, понесли всё равно как замертво́ и говорят:

«Ох, ты цярь, цярь! Плохо ты бережешь его — он у тебя сына-то убиу и доцьку-то убьет». А он и говорит: «Да завтра задавим его — повисим на висилицю». А доцька лежит и говорит: «Ах, батюшка, батюшка! Неужели он нашему цярьству будет воскреситель, а тому погубитель — пушшай он ешшо сутоцьки-те поживет». Она опеть до вецера дожила, пошла проведывать. Перед им опять и скацет, и пляшет на тоненькой рубашке, в одних беленьких цюлоцьках без чебота. Он опеть пнул её — она опеть до дверей улетела; лёжит без памяти. Её опять унесли ноской от его. Слуги и говорят: «Цярь, ты цярь! Он у тебя сына-то убиу и доцьку-то убьёт!» А она опеть просит: «Батюшка! Неужели он нашему цярьству будет воскреситель, а тому погубитель? Оставь ешшо на суточки». Она до вецера дожила, отправилась и опеть пошла его проведать. И скацет, и пляшет в одной тоненькой рубашке, в одних беленьких цюлоцьках без чебота. Он взял её, схватил за руки и повалил на кроватку и с ей уклалсе. «Вот что, Настасья Санталовна! Захотелось до ветру».— «Так поди сходи» и опустила его. Вышеу он до ветру да и марш, только и видела. Пришли слуги, а она спит одна на диване, его дожидаетсе. Вот он доброй молодець, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли — сам отправляетсе. Приходит к этому старику ноцевать. «Вот, говорит, я тебе, славной витязь, Бова Королевиць, говорил я тебе,— один скоряе воротиссе!» Дал он ему две ягодки. Одной ягодкой, говорит, помажессе — будешь старой, дрéвнёй, а другой помажессе, будешь лутше старого». Приходит он в своё царьство Зизантийское. Подошеу — пива варят, надо свадьбу играть, Настасью Зизантиевну отдавать. Он подходит к пивоварушкам: «Пивоварушки, батюшки! Дайте пивка, не ради меня, а ради славного витязя Бова Королевиця!» У их у цяря были афишки прибиты: «Кто поменет славного витязя Бова Королевиця, того на висилицю».— «Пей, пей, да убирайся! Чтобы мы не цюли этих розговоров». Приходит опеть к винокурам: «Дайте винця, не ради меня, а ради славного витязя Бова Королевиця». Захватили ковша, подали. «Пей да убирайся! Король уцюет и на висилицю». А Настасья Зизентиевна подаёт милостыню нишшим большую. «Пойду, говорит, и я просить!» Приходит, и просит, и говорит: «Настасья Зизентиевна! Подай милостыню не ради меня, а ради славного витя-

зя Бовы Королевиця». Она сицяс скоцила и подавает сама ему милостыню — красную бумажку за это. «Ой ты, батюшка! Где ты слыхал про его? Его и жива нет. У нашего цяря повелено,— кто его поменет, того и на висилицю!» А у его в конюшне конь ломит си́льнё, и говорит: «Что это бо́льнё конь ломит у тебя там? Подём, я поворожу́». Как зашли в конюшню, конь голову на плецё поло́жил ему. Она его и спрашивает: «Что, неужели ты славной витязь Бова Королевиць?» — «Да, я!» — «Фу ты, какой ты Бова Королевиць?!» Пошла проць, а он помазалсе ягодкой — всё и засияло, она и воротилась, воротилась и на шею ему бросилась: «Ах! Славной витязь Бова Королевиць!» Поцеловались, сили на коня́ да и уехали. Цярь хватилсе, и доцьки не стало, увезли доцьку. Вот он нацял войско сбивать, он за им погоню гнать. Собрал войско 60000 и послал в погоню за им. Он обратиусе назадь, всё это войсько и побиу. Было несколько богатырей, пустил их взадь — «Скажите, что не трудился бы понапрасну цярь Зезентей». Цярь насбирал войсько, они ему и говорят: «Нецего нам делать! Всё по-пустому». Вот он и спомнил, у него было 30 лет в засаде сидел богатырь — Полкан Полкановиць — туловище лошадиная, голова человеческая, скоки делал по семи вёрст. Он достал того богатыря и отослал его вслед. Бога́тырь его несколько время и настиг его скоро. Настиг, как сичас наехал, ударил па́лицей, он и не пошевелился. Тот его повернулсе, ударил, Полкан Полкановиць свалилсе. Стал и говорит: «Лутше, славной витязь, побратуемся мы с тобой, ты пусть большой брат, а я меньшой». Побратовались и поехали они вми́сте. «Топерь нас двоих никто не возьмёт». И ехали путём-дорогой, и Настасье Зезентиевне захотелось мяса гусинного и лебединного. «Сходи ты, славной рыцярь Бова Королевиць, набей мне мяса гусинного и лебединного. Я, говорит, принесу тебе двух сынов, ясных соколов». Роскинули шатёр белополотенной и ходил, бо́льнё скоро настрелял гусей и лебедей. Нажарили, наварили и наились. Опеть и поехали в путь-дороженьку. Ехали, ехали, опять ей и захотелось мяса гусинного и лебединного. Она опеть и говорит: «Славной, витязь, Бова Королевиць! Настреляй мне мяса гусинного и лебединного». Он взял и не стал шатёр роскидывать. «Скоро, говорит, и так постоите». Оставил их вдвоём. А скоро-то не удалось. Ушел далеко́нько, напал лёу

звирь ему. Поел этого Полкана Полкановиця, его коня также. Он покуда ел, а она ушла от них далёко. Ушла в лес да заблудиласе. Он пришел на это мистечко — трупы лежат — съидено всё. Думает, что и жонка съидена, и не искал её нико́лько. Вот он в город свой и пошел, в родительской, в царьство Додонское. Приходит, зашел он дядьке Доумантию: «Опусти ты, дядько Доумантей, своего сына Лукашку со мной». Тот и опустил. Пошел он к своей матке. Пришел к матере своей, просят они милостыню. Мать-то выходила, милостыню подавала, а в углу лёжи́т да кто-то стонёт. «Кто же это у тебя стонет-то?» — «Ох, батюшко! Чарь, лежит третей год в росслаблении, всё сердечко вынел у меня».— «Так, матушка, нельзя ли его вылечить?» — «Ты бы как вылечил, не знаю что бы дала!» — «Неси, матушка, топор!» Та принесла. «Стами́к ешшо неси». Она принесла стамик. А он взял цяря поло́жил, голову отсе́к. «Обирай, говорит, мать родная».— «Да что ты, плут, наделал-то?» — «Не я плут, а ты плутовка! Тебе жаль вот он 3-й от год, а я вот 30 лет странствую, тебе не жаль. Ежели бы ты моя мать была, во утробе не носила, то бы тебе это было!» А она говорит: «Да неужели ты славной витязь Бова Королевиць?» — «Тошно так, маминька!» Вот он и стау жить у неё. «Мне бы, маменька, женитьсе надо!»— «Да ты, батюшко, да́ле бывал, больше доброго видал. Женись, где хочешь». Он взетши, собрал свадебку и поехал к Салтану Салтановичу за невестой. Съехали, их и приняли цесть цестью — она и обрадела, невеста. Сели за стол, их стали потшивать. Гости пьяны напивались и розгово́рили шибко, громко. А у его деточки выросли большие и говорят: «Мы пойдем к батюшке на свадебку. Сделай нам по гудоцьку». Мамка и сделала им по гудоцьку; оне и пошли на свадебку. Пошли, сили на пецьку и нацяли играть: «Наш-от батюшка жонитсе, наша матушка на луки́х морьских». И поют всё. Он и уцюл эти розговоры. «Постойте-ко, робятушка! Потише, потише!» Стал да этих робяток и снял с пеци. Как снял с них колпацьки, всё в комнате засияло. Видит, что это его детушки, и спрашивает он: «Где же, ребятка, ваша матушка?» — «А наша-то матушка на луки́х морьских, а наш батюшко жонится». Вот он видит, что его жонушка жива, свадебку решил и уехал со своим поездом взадь, а этой сказал: «Выходи за кого знаэшь, а я поеду за прежней

женой». Приехал домой, свою тройку запряг и проехал за ей, привёз ее домой с малыми детушками. Повенчалсе с ей и стал жить. Всё живут. Я там был, мёд пил, по усам текло, в рот не попало. Нарядили там меня, добра молодца, дали коня леденого, сидёлышко рипяно, плётку гороховую, штаны мне синие, сапоги красные, рубашку красную. Я и поехал, доброй молодець, домой. А у мужика да у Дресвянной ж... овин горит. Мне захотелосе отнеть, я коня-то близко и поставил. У меня конь-от ростаял, ехать стало не на чем. Сидёлышко птици росколотили, а плётку свиньи ростолочили, я пешком и пошел. Птицька на колышке вертитсе: «У молодьця-то, говорит, штаны-те синие, синие!» А я подумал — скинь, скинь! Я взял и скинул. Опеть птицька на колышке вертитсе. «У молодьця, говорит, рубашка красная, красная!» А я думал — застр..., застр..., взял и бросил. Пошел домой в одной бедной рубашонке.

61. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЦЬ

В цярьстве Картоушьском, у цяря у Картоуза был дядюшка Лазарь Лазаревиць, сильнёй, могучёй богатырь. У него сын родиусе Еруслан Лазаревиць. Он вырос ходко, рос не по дням, а рос по часам. Стау он выростать о трёх годоцькоу. Стал на улочку похоживать и с робятками поигрывать, с господьскими детками и с енеральскими. Стал он шутоцьки пошуцивать, кого за руку захватитсе — руку оторвёт, а кого за ногу захватитсе — ногу оторвёт, а кого за голову захватитсе — голову оторвёт. Стали жаловатьсе детоцьки батькам. Батьки сошли к цярю Картоузу. «Закликай, говорят, ты своего внука. У дядюшки Лазаря Лазаревича сын, говорят, Еруслан Лазаревиць шутки шутит неражие. Нельзя нам, говорят, стало жить. Он наших деточек больнё обидит. Его закликай — а нет, мы, говорят, вон из городу выйдем». Приказал он дядюшку Лазаря Лазаревича. «Закликай ты, говорит, своего сына, а нет, так его в темницю посажу». Пришел Лазарь Лазаревиць домой, приходит и говорит сыну: «Не ходи ты, сын, на боярський двор. Не шути ты шуток неражих, не обижай ты боярських детей». Ему это не показалосе. Сошел он, ешшо больше наварзал делал — ешшо больше напакостил. Посадили его в темницю. Вот и сидел он в темнице до 20 лет. Тут у его, добра молодця,

больнё силушки много объявилось. Могуцие его плеча расходились, ретиво сёрьцё да возъярилосе. Роскатил он эту стену каменну. Вышеу он из темницы — ушоу он из этого говоду. И думаэт, что эта темница свалиласе, задавила Еруслана Лазаревича. Господа да енералы обрадили; пошоу он, доброй молодець, по загороду. Идёт он к синему морю. Идёт Ивашка, синяя епанця. «Что же ты, Еруслан Лазаревиць, невесёлой какой?» — «В городе жить нельзя, говорит, а ехать мне не на ком — коня не могу найти по себе».— «Седь же ты под кустышек, погоню я на море коней пить — 300 лошадей. Один конь буланой бежит наперёд, ты на его и гледи. Как он прибежит к синему морю, сфыркает, так по всему морю волна пойдёт. Ты и примечей его. Побежит он взадь, ты встань на колени перед его. Как он добегать станет до тебя, ты ударь его по морде; как он взапетки здассе, так можешь ты им владить, а не сдассе — не можешь. Он, говорит, ешшо деда твоего, бери ты его за удицю. Вот и обсёдлай до себя — может он владать». Обратал он его под седла, 12 подпруг под брюшину, 13-ю вдоль по брюшине. Не ради этой басы, а ради крепости богатырские. Только видели, как он садиусе на коня, и не видели, куда укатиусе. И ехал он близко ли, далеко, низко ли, высоко, сказка скоро сказывается, а время-то долго продолжаэтся Выезжает он на рать-силу, побоишше великое и кричит он громким голосом: «Есь ли в этой рать-силе, побоишше жиу целовек?». Отвецёют ему: «Есь, жиу целовек. Побиу эту силу Иван, руськой богатырь. Эта сила цяря Феодулова, у его есть доць хороша. Ему хоцетсе насильнёй рукой замуж взеть». Отъехал он от этого войська, есть тут шатёр белополотенной раскинут. Подъехал он к этому шатру, тут стоит конь да пшону зоблет — он взял своего коня опустиу. «Как отобьёт, так и я богатыря убью». Конь сразу и отпихнул того коня, и сам стал пшону зобать. Он зашоу в шатёр и лёг отдохнуть. «Что его будить топерь! И я, говорит, лягу отдохнуть!» Тот поскоряе и пробудилсе. Вышеу, поглядел — цюжой конь пшону зоблёт. «Ах он, невежа! Цюжим кормом кормить коня». Зашоу и стал его будить: «Ставай, доброй молодець! Не пора спать, а пора нам с тобой бой цинить». Вот они вышли, сели на коней и розъехались. Розъехались, копья ударили, копья прибили, сами себя не вередили. Мецеми ударились и меча прибили, сами се-

бя не вереди́ли — пошли на рукопашной бой. Вот, Еруслан Лазаревиць и сшиб того под себя. «Ах! говорит, Еруслан Лазаревиць! Опусти меня живого, пускай ты большой брат, а я меньшой! Пойдём в шатёр да побратуемся». Вот оне назвались братьями. «Посмотри, Еруслан Лазаревиць, как я с Феодуловцами буду гулять. Мне хочется у его доцька замуж взять насильно. Если моя сила не заберёт, то пособи, подмоги». Вот поутру он и поехал на рать-силу, побоишше великое. А Феодул-цярь 60000 силы выгониу. Этот Иван, руськой богатырь, кое-как, где мецём, где конём всю силу и погубиу. Остатки Еруслан Лазаревиць подсобиу. «Ну, я поеду в город топерь — возьму девицю в плен. Ежели буду во свадебку играть, то тебя прикажу». Заехал он в город, его и встретили цесть цестью, за принца, за хорошего. Корону ему дали, взели его в зетья себе, выдали Настасью Феодуловну замуж за его. Оне во свадебку играли, он и позабыл Еруслана Лазаревича и не приказал на свадьбу. Вот он, взятши, доброй молодець — их уклали спать, а он пораньше забралсе и уклалсе под кровать. А и спрашивает Иван, руськой богатырь, свою жонку: «Ах ты, Настасья Феодуловна! Коль ты хороша, коль ты красива! Есь ли тебя на свете краше и лутше? А я коль храбёр, на свете, есть ли меня храбряе?!» — «Я слышала от тятеньки, что Еруслан Лазаревиць храбряе тебя», говорит. «Слышала, что меня краше и лутше есть 3 девици — девица Агния, другая сестра Милайда, третия Ирайда». Он вышеу из-под кровати, пал на коня да и уехал туда. Приехал, они стоят, эти три девицы в цистом поле, в шатре, а он, взятши, их всех трёх и забрал. Вывел он одну эту — Милаиду и спрашивает: «Коль ты хороша, коль ты красива?» — «Какая я теперь *хорошая*, какая я красивая? Я теперь бедная, заполоненная». Взял, голову отсек ей. Взяу этот доброй молодець другую сестрицю и спрашивает её. И та то же самое отвецяет: «Какая я теперь хорошая, какая красивая? Я теперь бедная, заполоненная». Он взял голову отсек и этой. Взял третью — Ироиду допрашивать. Та и отвецеет ему: «Я слыхала от своего тятеньки, что есть в цярьстве Маукобрульском девица Маргалита Мауковруновна, та — нет её на свете лутше. А что Еруслана Лазаревиця нет храбряе на свете». Взятши, он и поехал и здумал: «Что у отця-матери благословенья не попросил?» И во-

ротиусе домой. Подъезжаэт он к своему цярьству. У ихнего цярьства стоит войсько сметы нету. Проскакал это войсько, прямо к себе в дом приехал. «Здравствуй, папенька! говорит, Лазарь Лазаревиць!» — «Ах, ты с кою сторону, сын любезной? Мы тебя не сцитали живым».— «Хошь я жил, говорит, да далёко был. Кто ж это за войско стоит?» Отець и отвецяет: «Это Данило Белой подвалил с войськём, хоцет наше цярьство разорить».— «Папинька! Дай-ко я поеду с ними погулять».— «Ой! говорит, ты, дитятко, ешшо мало лет, есть постарше тебя богатыри — пускай едут воевать». Он не поглядел, сходил на сарай, взял две метёлки и выехал погулять с Данилиным войськом. Это всё войсько этими метлами всё и погубил. Без сабли, без тесака всё поплениил, без меця и без копья. Цярь Картоуз и говорит: «Живи ты в нашем цярьстве, никуда не езди, извини за то, что мы тебя закладывали. Вот тебе я припишу сёла и присёлки, города и пригородки».— «Нет, говорит, не буду я жить». Пришел к батьку: «Поеду я женитьсе. Дай благословенье». Взял копьё самометно, мець-кладенець и отправилсе в путь-дорожку. Ехал он путём-дорогой; скоро сказка сказывается, а не скоро дело делаетсе, а он вперёд подвигаетсе. Приехал он тому цярьству. Стал он, доброй молодець, на цистое полё. «Чтобы цярь выставлял войсько — я приехал воевать. Выдавал бы доць замуж за меня! Нет поплеңю всё твоё цярьство». Вот он, доброй молодець, тут постоял. Цярь испужалсе, посылает с хлебом-солью, зовёт его к себе. «Не плени понапрасну моё цярьство, не бери ты доць замуж». Вот он, доброй молодець, обвенцялсе на этой девице, и живёт он в этом цярьстве. Год живёт, другой живёт и завёл с ней розговоры. «Неужели, где есть тебя лутше и краше, меня храбряе?» — «Как же нет меня краше? Есть, говорит, в цярьстве Цяряисиньском есть цяревна Настасья Цярясиньская. А тебя храбряе — Иван, Цяряньсиньская шляпка, под дубами стоит, не пушшает никого в город. Мимо его заець не прорыскивал, птицька не пролётывала, медвидь не пробегивал, воук не проскакивал, богатырь никакой не проезживал!» Он взятши, доброй молодець, сел на коня и поехал. «Поеду, говорит, изведаю, что это за богатырь!» А жена осталась от него поносна. Вот он поехал и вспомнил: «Что это я поехал? Дела там наварзаю м.б. много, а отцяматери не спросилсе!» И вернулся домой. Приехал он

к своему цярьству. А где ихнее цярьство было, тут одне головёшки лежат. Увидел в поле ветхую хижинку. Подъехал к этой бедной хижине. «Где же это наше цярьство?» — «Цярьство, говорит, погубил Данило Белой».— «А где же, говорит, цярь Картауз?» — «А цяря Картауза к себе увёз и глаза выкопал у цяря, и у дядюшки Лазаря Лазаревича, и у 12 богатырей». Он сел на коня да и туды, к Данилу Белому в цярьство приехал. Идет по городу, робята на улице гуляют, и спрашиваэт робят: «Робята! Этто в какой темнице сидит цярь Картауз и дядюшка Лазарь Лазаревиць и со 12 богатырьми?» Робята и указали: «Вот, говорят, в эфтой». Он подходит к темнице, не спрашивает никаких стражевых, ни у дверей притворников, ни у ворот приворотников. Двери изломал — в темницю попал. Дошоу и спрашиваэт: «Этта ли цярь Картауз и дядюшка Лазарь Лазаревиць?» — «Этта, этта, говорят, батюшко! Что тебе нужно, надо?» — «Я вас проведывать пришел».— «А ты, говорят, кто такой?» — «А я Еруслан Лазаревиць», говорит. Дядюшка Лазарь Лазаревиць спрашивает: «Кабы был Еруслан Лазаревиць, мы бы не сидели тут».— «Нет, папаша, я был жив, да далёко был очень».— «Кабы ты мой сын, съезди к огненному копью, к каменному шшиту. Убей ты его, достань ты из него желььца, привези и положь наши глаза. Мы и увидим, что ты наш сын». Отправлялсе он, доброй молодець из темницы, отправилсе в путь-дорожку и сделалась в городе трелога. Цярь собрал 12 богатырей, послал за им в погоню убить его. Надъезжают эти богатыри, ударили его палицей, хотили его убить. Он только головушку поцесал, назад махнул 12 богатырей убиу, а у других у 6 глаза вышиб. «Поезжайте домой и скажите Данилу Белому, не трудилсе бы за мной, ворочусь, говорит, всё цярьство попленю, голавне́й повалю». Вот он ехал, доброй молодець, путем-дорогою близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, а время много продолжаетси, а он вперед подвигаетсе. Вот он, доброй молодець, и выехал на рать-силу, побоишшо великое. Крицит громким голосом: «Есть ли в этой рать-силе, побоишше жиу целовек?» Ему отвецеют: «Есть, жиу целовек да встать не может. Подоидь ко мне», говорит. Он и подъехал. Лёжит тулова — сажень печатная длины, голова, как пиуной котёл. «Ты что за целовек велик лёжишь, больно огромадной?» — «Я, говорит,

Росланей богатой, не было меня храбряе и дюжае».— «Да как же ты попал эдак?» — «А вот я хотел съехать к огненному копью, каменному шшиту. А ты куды едешь?» — «Я еду тоже к огненному копью, каменному шшиту» — «Так не торопись, братець! Роспроси у меня, а не то он тебя убьёт. Как подъезжать станешь — он за 3 поприща станет огнем жечь. А ты сними шапку и маши: «Что к тебе еду, не пленить, ни бить, а еду к тебе пожить». А тот ешшо наказал: «Если поедешь мимо этого места, он и здохнет со всех плець — ты и спроси у его: «Ты что больнё тяжело здышешь?» Он тебе скажет: мне не силы жаль, а жаль вон это проклятое туловишше, завалило мець-кладенець». А ты ему скажи, что можно бы достать. Он и скажет: «Если достанешь, пропишу сёла и пригородки и доцьку замуж выдам». А ты приезжай, а я откацюсь на то времё. Он приезжал 60000 войська приводил — не мог ницего поделать». Вот он поехал, и принял он его, и живут они за согласье, ездят везде, розгуливаютсе. Вот они едут мимо этого места, со усех плець он и вздохнул. «Что же ты больнё со всех плець дышешь?» — «Да я вот что здышу, что не жалко мне ни силы, ницего, а вот это туловишше проклятое мець-кладенець завалило, никаким способом не мог достать».— «Ох, говорит, дивья достать! Давай я достану».— «Да ты как ежели достанешь, так я тебе пропишу сёла и присёлки, города и пригородки и доць замуж выдам». Скоро времени сел на коня да и туда. Подъехал, туловишше проць откатилось. Он взял этот мець-кладенець и поехал было. Этот и крицит: «Ах, Еруслан Лазаревиць, не торопись ехать, а торопись спроситьсе. Как станешь к ему доезжать, он и обрадеет, а ты ударь этим мецём, он и завертитсе, как дьявол, и станет говорить: «Прибау, прибау!» А ты ему скажи: «Нет цести, хвалы молодьцю, что с двух раз убивает, а то цесть и хвала, что с одного убиваэт». Приехал к нему, тот и обрадел шибко. Бежит к ему, этот ему — хлéсь в самую соць, он и завилсе, как дьявол, и крыцит — «Прибау, прибау ешшо!» А он и говорит: «Нет цести, хвалы молодьцю, что с двух раз убиваэт, а то — цесть и хвала, что с одного убиваэт». Повертеусе, повертеусе да и околел. Он, взятши его, распластал, вынял жельцо из него и поехау домой, к самому этому туловишшу. Взяу голову, подхватиу, помазал — тот здрау и стал. «Пушшай же, хоть ты и помладше меня,

пусть будешь большой брат, а я уж меньшой — как ты меня оживил. Я буду этим цярьством цярьствовать, а ты поезжай домой. Ежли слуцяй будет с кем драться, так я подмогу, а мне слуцяй будет, ты мне подмоги». Вот он, доброй молодець, и приезжает в это цярьство Данилово. Заходит он в эту темницю. Он взяу отца, берёт за руку и повёл его вон из темници. Помазал у иф глаза — узрили они свет, у цяря Картауза, у дяди Лазаря Лазаревича и у 12 богатырей. Выехал в цисто поле и подал знак, чтобы выставлял войсько Данило Белой. Вот тот и нацял в рог играть, в цимпалты бить, своё войсько сбивать. Вот сицяс насбивал 60000 войсько и поехал с ним воевать. Выезжает на цистое поле, он коё копьём, коё конём, коё мецём, 60000 войсько всё и решил. Самого цяря Данила на штыки взял, отрубил ему голову, остальней весь народ покорил, чтобы повиновались ему. Посадил опеть на цярьство цяря Картауза, а сам опять и уехал в цярясиньской шапке. И подъезжает он, где этот Иван, цярясиньская шапка стоит под дубом. Облоктилсе на палицю и поздремал, а он взял, эту голову отмахнул лишь. Тот и крицит: «Какой такой невежа подъехал? Я вот 30 лет стоял, мимо меня никто не пробежал, никто не проскакивал, птицька не пролётывала, заець не проскакивал, медвидь не пробегивал, воук не проскакивал, никакой богатырь не проезживал! А ты, какой удалой нашелсе, голову мне снял!» Поехал он прямо в город. «Заехал в город, говорят, так, видно, нашего богатыря убил». Выносят ему хлеб-соль, принимают его за гостя. «Живи, говорят, ты в нашем цярьстве. Стереги ты наше цярьство». Цярь и говорит: «Доць за тебя замуж выдам». Он и определилсе тут жить. Забыл он ту свою жону. Вот он, доброй молодець, и поживаэт тут. А у него там сын, доброй молодець вырос и расцюл у матки, что его отец уехал, и сказал: «Матка! Поеду я проведать своего отця!» Вот снарядиусе, она и дала ему свой отечеськой именной перстень. Сел на коня да и поехал. Имё ему Еруслан Еруслановиць было. Ехал он путём-дорогой; подъезжает он к этому цярьству и подал знак — приехал сильнёй, могуцей богатырь воевать. Отець его и выехал с им на поединок. Съехались, стрёжались, копья прибили, а сами себя не вередили. Мéцеми ударились, меця прибили, а сами себя не вередили. Пошли они на рукопашной бой. Этот и сшиб под себя,

Еруслан Лазаревиць приезжего богатыря. И спрашиваэт сго: «Какой же ты земли, какой орды?» Он ему и скажет: «Кабы я был бы у тебя на белых грудях, роспорол бы белы груди, досмотрел бы ретиво серьцо».— «Как же я стали тебя убью, не знаю, цей ты есть!» Посмотрил и увидел у него перстень именной. «Где же ты взял этот перстень?» — «У меня этот перстень отця моего. Взяу я у маменьки».— «Дак неужели ты мой сын? Да как тебя зовут?» — «Да зовут меня Еруслан Еруслановиць». И видит, что его сын, взял его за руки, поднял его, добра молодця, на резвы ноженьки, поцеловал его во уста во сахарные, повёл он его к себе в дом. Стал он его потцивать; обрадовался, что сын у него такой вырос. Взял он его повенцял на этой девице, а сам поезжает к своей старой жонке. И тут они свадебку играли, с мисяц времени пировали. Вот он и поезжает домой и наказывает он сыну: «Живи ты, сын, тихонько. Езди по белу свету, шального не делай, моих дружкоу не обидь понапрасну». Вот тот уехал к своей перёжней жоне. А он, доброй молодець, и здумал после его съехать погулять. Рассиюшки изведать. Ехал он, доброй молодець, и наехал на сильнего, могуцего богáтыря Рослунéя Богатыря. Ударил его по голове, тот пошевелилсе, а с ног долой не свалилсе. Тот и спросил: «Цей ты, этакой молодець сѝльнёй, могýцёй богатырь — главной лыцарь?» — «А я, говорит, Еруслан Еруслановиць», — «Да что ты, малолет — бóльнё дересся, со старыми стариками схватываессе? Спасибо не убил меня». Взял его принял к себе в гости. Почитал его место гостя дорогого. Пожил он у его, с мисяц времени погостил. «Прошшай-ко, приятель, надо мне поехать ешшо, поизведать Рассиюшки». — «Скажи батьку поклон. На то я не обижу, что ты меня ударил — ты меня не знал, ты малолет». Он опять уехал и поподалсе на Ивана, руського богáтыря. С тем съехалсе на страженье — того ударил, тот из седла вылетел. Стал, справилсе и спрашивает: «Цей это ты, доброй молодець?» Иван и спрашивает. «А я, говорит, Еруслана Лазаревича сын — Еруслан Еруслановиць» — «Да что ты, братець, бóльнё находишь — отець ведь мне приятель», говорит. «А я не знал этого дела». Тот созвал к себе в гости, нацял потцивать. Гостил он у ево опеть мисяць цѝльной. Роспростилсе, приезжает на родину к батьку. Батько и спрашивает: «Где ты побыл?» — «А был я у твоих дружков, обеих ударил. Одно-

го не мог из седла вышебить, а другого вышиб». И стали они тут жить да быть. Вся и сказка.

62. ИВАН КУПЕЦЕСКОЙ СЫН, КОТ, КОБЕЛЬ И ЗМИЯ

Был купець богатой, у его был сын Иван. Вот выпросил у батька 100 рублей. «Пойду, куплю цего-нибудь хорошенького». Взял сто рублей, ницего не мог прибрать. Видит, бьют кота серого. «Дай, говорят, сто рублей, так не станем бить!» И отдал сто рублей; кота не стали бить. Отдал 100 рублей, и кот за им пошел. На другой день стал опять просить у батька 100 рублей. «Пойду, говорит, цего-нибудь куплю согодня». Ходиу, ходиу, опять ницего не мог прибрать хорошого по мысли. Опять пришоу на то же место, бьют кобеля серого. «Что это, робятушки, вы бьитé?» — «Как не бить? Нам он много досадил. Давай 100 рублей, не станем бить». Он отдал сто рублей. Он пошоу, кобель за ним пошоу. Приходит домой, батька рассердился. «Что ты, дурак, деньги приводишь понапрасну?» Пошоу на третей день, не смеет у батька прошáть, у батька денег. Выпросиу у матки. Она и дала ему сто рублей опеть. Ходиу, ходиу, ницего не мог прибрать. На том же месте бьют серую змию. «Что вы, робятушки, за что еé бьитé?» — «Она много нам досадила», говорят. «Что бы вам надо, чтобы вы не стали бить еé?» — «Дайте сто рублей». Подал он сто рублей, они бить не стали. Пошоу, и змей за им пошла. Вот он не смиет домой идти. «Куды деваться?» А змей и говорит: «Пойдем со мной!» Вот он и пошел с ей. Подошла она к рекé. «Садись, говорит, на меня». Он сеу на еé, она скоцила в рекý. Оцютиласе на крыльце у дому. Заводила она его в дом. Старуха и спрашивает: «Где ты находилась?» — «Да вот меня мужик выкупил — меня убили бы». А она ему ешшо раньше наказала: «Проси одно кольцё у еé, больше ницего не надо». Она и стала говорить: «Бери сколько хочешь за еé, что ты еé выкупиу». — «Не надо мне ницего — дай мне одно кольцё с руки». Отдала кольцё. «Ну, вынеси опеть его нáвонь». Она взяла опеть его на берег вынула, и запецялилсе, что одно кольцё взял, не взял золота. И говорит она ему: «Разве, не худо тебе? Одно кольцё, переложи-ко с рýки на руку». Переложил он с руки на руку, выскоцило 12

поителей, 12 кормителей: «Цего, Иван, купеческой сын, угодно?» — «А мне угодно: напоите, накормите и спать повалите». Напоили, накормили и спать повалили. Вот он отдохнул. Стал, колечко переложил — не стало ницего. Домой и пошоу. Приходит домой, посылаэт батька свататьсе к цярю доцьку. Вот цярь и говорит: «Как я отдам, когда у тебя и дом худ — противу меня?» — «Завтра и дом будет хорошой!» Колечко переложил с руки на руку, выскоцило 12 кормителей, 12 поителей: «Цего тебе, Иван, купеческой сын, угодно?» — «Сделайте дом, чтобы лучше царьского дворьця». Выстроили дом, так цярь от сроду не видал. Опеть посылаэт батька свататси. «Вели, говорит, твоему сыну, чтобы вырыл яму 40 сажен длины и 10 сажен глубины, от моего дому до своего. Наслал бы мостики калёные и столбики тоцёные. Наслал сукна драгоценные, на каждой столбик наслал бы берёзок, насадил бы на каждую берёзку птицек-пташек. Поехали бы к венце́нью, чтобы пташки-птицьки роспевали. Приходит, батько всё россказал. Он с руки на руку кольцё переложил — выскоцило 12 кормителей, 12 поителей. «Цего тебе, Иван, купеческой сын, угодно?» — «А вот что: сделайте, чтобы была вырыта яма 40 с. длины и 10 с. глубины, от царьского дому до моего. Чтобы были насланы мостики калёные и столбики тоцёные сукна драгоценные, на каждой столбик — берёзок, на каждую берёзку птицек-пташек насадить. Поехали бы к венце́нью, чтобы пташки-птици поспевали». К утрию всё это изготовили. Цярь посмотрел, увидел всё готово, видно, надо доцька отдавать. Вот он и отдал доцьку, повенцели, и жили довольно хорошо. Думает, что она его больно любит. Вот она его выпытала. Он и россказал, цем он это розбогател, что колечко делает. Вот она обрала это колечко с его руки и похитила. Взятши, и уехала от него за моря. Она любила пастуха. Спросили они. Потерялась у него жонка; и сказали на его, что он убиу её. Цярь приказал выкопать яму, посадили его яму, закрыли заслонками железными, загребли песками рутожелтыми, одно окошечко оставили езы отпускать. У него кобелик и котик зарозались во хлеве. Кое-как да двери отворили. Убежали они к синему морю. Поезжали гости, корабельщики, они около их ласкалисе. И пригласили на корабль и говорят: «Ох, какие хорошенькие — котик и кобе́лик! Возьмём их на судно». Как подъехали к берегу, они выскоцили на бережок да и убежа-

ли. Побежали, побежали, выбежали на долину. На этой долине стоит избушка. Зошли они в избушку, а в этой избушке она спит с пастухом на диване. Кольцё у её в роте. Котик взял, засунул хвост в нос, она зачхала, кольцё-то вылетит, а кобель-ет сгрёб и в рот. Марш, побежали к синему морю. Опеть поезжают крешшоные за моря; они опеть тут ласкаютсе. «Эх, какие хорошенькие, возьмём их на судно». Ехали, всё такие смирные были, вдруг стали драться между собою — кольцё и укатилось в морё. Оне и нацяли с одного драться. Вдруг приехали они к берегу. Лоуци́ ловят, а эти гости взели тоню у них и вышела им шшука большая. И стали её пороть, и выпало кольцё из её. Котик сгрёб кольцё и в рот; и убежали они от их. Прибежали, опустил котик кольцё в пешшору к Ивану в яму. Он взял это кольцё с руки на руку переложил, вышло 12 кормителей, 12 поителей. Он видит: «Что надо мной деетсе! Выньте меня отсюдь из ямы». Они розворочали всё, достали его из ямы. Вот он вышел из ямы, сицяс прямо к цярю. «Ваше цярьское величество! Ты засадил меня в засад, а доцька твоя живёт, говорят, у пастуха за морями». Сицясь цярь соудатов наредил и отправил за ей. Соудаты пришли, а она спит в обнимку с пастухом. Взели соудаты, похватили их обеих, приташшили к цярю, ей голову ссек и ему. А этому Ивану сказал: «Женись на любой, бери полцярсва, я помру, тебе всё цярьсво, когды я тебя понапрасну в яму садил». Вот он стал жить-поживать, женился на другой, стал хорошенько жить.

63. ЛЕСНОЙ И ШВЕЦЬ

Мужицёк ходил шить. Шитья не может найти. Идёт и говорит: «Мне бы хоть лесной дал пошить!» Вдруг идёт мужицёк ему навстрецю. «Куда ты, мужицёк, ходишь?» — «А вот шитья ишшу». — «А пойдём ко мне, есть одеяло, нужно пошить». — «А я и рад!» Вот и пошли они дорожкой. Своротили они в сторону по тропке — вышли на долину. На долине дом стоит, большинской дом. Завёл он его в дом. Выходит старуха, он и ушоу, этот хозяин. Старуха и спрашивает его: «Для цего ты пришоу, молодець?» — «Пришоу я шить, меня хозяин шить созвал». — «Цего шить?» — «А одеяло» говорит. «Ты смотри, шей полутше, чтобы понравилсе, сколько швецей не бывало, всё не нравятсе. Сколько он прине-

сёт овцин, ты все и клади — обрезкоу только не делай и не отрезывай лапочек». Он и принёс ему овцин ношу цельнюю; подал овцин, а сам ушоу опеть. Вот он и стал шить одеяло и роскладал все овцины по полу, так и стараетсе, как можно половцяе. Ницего, никаких он обрезачкоу не сделал и сшил одеяло. Хозяин и приходит. Посмотрел, взял, и понравилась. «Вот что, братець! Сшей тулуп мальцику с рукавицями и с шапкой!» — «Ты бы как изразок, какой надо шить». — «А вот у моего брата есть, я вот пойду завтра схожу. А ты отдохни». А тот и сходиу и принёс тулуп, ему показал. Он вымерял всё, кажно место. Вот сукна принёс целой кусок. Сшил тулуп этакой. Ему понравилось очень хорошо. «Сшей ты мне, братець, и другой!» Он у него кое-каких штук много нашиу, жил доуго у него. Он думаэт, что мисяця три жиу, как из дому вышеу. Старуха и говорит ему: «Смотри, он станет тебя росцитывать, спросит, много ли за роботу надо, а ты не проси ницего, только скажи: сам ты знаэшь сколько, не изобидь!» Вот он и приходит. «Ну, швець, много ли надо за роботу?» Он и говорит: «Сам ты знаэшь, постарше меня — клади, безобидно чтобы было». — «Так не надо ли тебе, молодець, девиця?» Вывел девицю, так за первой сорт — просто бы глядел всё время. Одёжа на ей хорошая. «Дам я, говорит, ей в приданоё тройку лошадей и с коретой. И одежу тебе под венець дам такую хорошую. Ешшо, говорит, 50 рублей деньгами дам». — «Так благодарю, говорит, довольно!» — «Вот я, говорит, привяжу колоколець к дуге, тебя отправлю совсем, говорит. Сбрую дам на кони под серебром. И отправлю я тебя, на дорогу выправлю. Съйдешь ты к венценью, тебя признают, что кони у тебя старосты нашего церковного, станут у тебя коней отымать, а ты и скажи, спомни: «У кого я жил — кабы тот на это время!» Я, говорит, и приду». Вот он домой и поехал, приехал к своему дому с колокольциком в тройке. «Отпирай-ко, батько, ворота! Я, говорит, приехал!» Батька обычалсе — три года не было домой, его не клали и живым. «Как не жив? Я, говорит, себе невесту привёз. Ступай-ко, батько, к свешеннику, нам надо завтра оввенцять». Свешшенник и говорит: «Приезжайте — оввенцёю». Батька пришоу домой, срядилисе свадьбой, и поехали. Приехали к венценью, стали их венцеть. А народ обступили лошадей, говорят: «Кони же нашего старосты». Вот сицяс за старостой, говорят: «Твой кони на-

ходятсе». Староста пришел. «Кони тошно мои». Не дают им садитьсе на коней. «Где ты, говорят, коней взял? Ты их украл». — «Ох! Кабы, где я шил — тот на это время был!» А тот: «Я тут и стою. Что у тебя, Ванюха?» — «Коней отымают». — «Ты как, господин, признал коней-то?» — «Признал». — «А тарантас-от признал?» — «Признал», говорит. «А доцьки-то не признал?» — «Нет, говорит, не признал». — «Ах, ты дурак! Она у тебе из люльки потерялась, 20 лет хранил при себе. Это теперь зеть тебе, принимай его за зетя, а это доць твоя! Зови ты их, в гости веди! Давай ты ему приданого, сколько ему надо, столько и давай». А был этот староста купцём. Вот он, взятши, захватил зетя за руку и доцьку также и повёл их в дом к себе. Вот он и нацял их потцивать. Наделил ему столько товару и денег — спасибо, что доцьку вывел!

АЛЕКСАНДР ОСИПОВИЧ ЕРШОВ

64. ИВАНУШКА КУПЕЧЕСКОЙ СЫН И СТАРИЧОК

В некотором царстве, именно в том, в котором мы живём, на гладком месте, как на бороне, жил знаменитый купець. У него был сын Иванушка. И рос очень он быстро, так что в прежнее время были люди по особой породе. Когда ему исполнилось пятьнадцать лет, тогда отець и мать его назначили торговать в свою магазин. Когда начал он своё молодецкое дело, тогда дело торговоё пошло лучше прежнего, как было постановлено у отца. Более всего старались идти в этот магазин маладые барышни. И вот в один прекрасный день Иванушка торговлю вёл очень барышную. Отчёты сдавал каждый вечер отцю своему. И вот прошло несколько время с хорошими барышами. Родитель его любил за эти самые дела. В один прекрасный вечер, кончивши свою торговлю, Иванушка, по обычаю прежнему, как и в прочие дни, оброщается со счётом денег в выручку для того, чтобы узнать раньшее времени, сколько сегодняшний день прошла выручка. И вот в самую эту минуту открывает один человек входную дверь лавки. Видом был он седым — старичок, в шляпе. Обращается к Иванушке, просит у него отпустить ему за пять копеек палочку крючков. Иванушка был человек уважительный. Хотя не время,

ну, всячески дал ему палочку крючков. Получил с него пять копеек денег и положил в выручку. Когда вышел этот самый старичок, Иванушка снутри запер дверь на крючок. И потом, обративши внимание на выручку, так как за ним был посол из комнаты: приглашали кушать чай вечерний. И вот он сейчас, хотевши взять деньги и идти к атцу с атчётом. Атворил выручку, и их в ней не оказалось. Огорчал сильно молодой человек, что неприятно быть явитьсе к отцу. Но помочь его горю было некому. Пришлось явиться к отцу в таком положении. И быстро, когда вошел в комнату, отец спросил его попрежнему: «Ну что, Ваня? Как твои дела нынешний день торговый?» — «Ох, батюшка родной, очень приятно шли мои дела в течение дня. Последний час моей торговли оказался для меня несчастным». — «Что ж, мой дорогой, с тобой стрётилось?» — «Да вот, мой папаша, входит в лавку седой старичок и просит у меня товару на 5 копеек, просто прямо сказать по-русски, палочку крючков. Я, не желавши его оскорбить, что он не во время, отпустил. И получивши с него денег 5 копеек. И вот, когда просили вы меня чай пить, обратился я по-прежнему в денежный ящик. Хотел захватить выруценный капитал. Смотрю — его не оказалось. Очень, очень дрогнуло тогда моё сердце, но помочь моему горю было некому». — «Ну, ладно, сын мой. По-русски — первая вина прощается. Но прошу вперёд так не сделать. А то за это я вас накажу очень строго. Пожелаю даже не видеть вас в доме». Ну вот настаёт день, уже люди-покупцики уже дожидаются молодого человека у магазина, чтобы он открыл магазин. Когда он открыл, то торговля его пошла в таком порядке, что нечего было брать в руки аршина: продавал целыми партиями и кусками. Опять по прошествии этого дня таким же способом, как и вчера, являетсы тот самый старичок. Быстро Иванушка разгневался на этого седого. Но старичок: «Что ты, мой родимый! На первый раз я к вам схожу в магазин. Я никогда к вам не бывал», — понёс старик своё оправдание. С быстрой гневностью Иван: «Ну что тебе, старый седой, нужно?» — «Иванушка, купеческий сын, шляпа порвалась. Хочу купить шляпу». И вот Иванушка показал ему шляпу. Сторговались за рубль. И вот опять также произошло это дело, как и вчера: денег в выручке не оказалось. Отец, разгневавши до большой крайности, приказал Иванушке завтрашнее утро вытти, куда хо-

чешь, в 6 часов. Мать его очень жалела, но супруга своего прогневить не смела. Прошла ночь, настало утро. К шести часам печка у матери была истоплена. Приготовлены были пододные пироги. Когда, получивши эти пироги, Иванушка стал прощаться с матерью. И вот мать ему заповедала: «Сын мой! Человек ты молодой. Прошу тебя исполнить моё приказание. С тем ты эти кушай пироги, кто тебя, мала, наставит, дорогу укажет и скажет, куда идти». И вот Иванушка вышел из дому, пошел вокруг своего города. Вышедши за город, Иванушка разобиделсе, ну делать было нечего. Пошел со всеми дорогою. Ну, долго он шел, потом сдумалось ему закусить. И, откуть возьмись, стречу ему седой старик. «Здравствуй, Ваня!» — «Здорово, дедушка». — «Куда, дорогой Ваня, пошел?» — «Не знаю». — «Что с тобой?» — «Так произошло». — «Ведь ты знатного купца сын?» — «Что же делать! Ну, старик, некогда мне с тобой рассуждать: есть хочется. От усталости изнурился». И старик тоже повторяет, что «и я хочу закусить». Вот они и присели. Вынимает Иванушка один пирог, так как он был приготовлен очень скусно для простого народа. И вот этот самый мужичок просит Иванушку уступить ему чась: «Попробовать вашего пирога». — «Нет, дедушка, я не могу дать этого пирога никому. Он заповедной моей матерью. Заповедь его такая: «Кто молодого человека на путь наставит, дорогу укажет, скажет, куда идти, с тем он может кушать пирог». И вот говорит этот старичок: «Я вам, Иванушка, купеческий сын, укажу, куда идти. Вот этой самой шоссейной дорогой! А более теперь не могу сказать ничего». — «И в этом случае не могу вам дать я самого пирога». На этом вопросе они и разошлись. По слову старичка Иванушка и пошел по этой дороге. Ужо — прошла ночь, настал второй день. Иванушка опять здумал закусить. И откуть тот же самый возьмись старик. «Здорово, Иванушка!» — «Фу, черт возьми, откуда ты взелся, тот седой старик, тот же самый, который был вчера? Разве ты преследуешь за мной?» — «Нет, Ваня дорогой, я не видал тебя». Молодой человек обдумавши: много он стречал личностей одинаковых. «И вот, старичок, мне есть хочется». — «Ах, любезной Ваня, я уже путешествую очень давно и тоже утрудивши, хочу закусить». Вынимаэт Ваня заповедной пирог. И этот самый старичок, увидавши вкусный на вид у Вани пирожок, обративши ему, начал просить

у него. Ну, Ваня ему объясняет: «Пирог этот я только могу дать тому, кто меня на ум наставит, дорогу укажет и скажет, куда идти». — «Ну вот, Ваня, я тебе все три предмета скажу. И вот и я могу кушать с тобой пирог». Когда они кончили этот пирог, то старик стал на резвы ноги и стал старичок рассказывать и указывать, куда идти и что там сделать. «И вот, Ваня, иди вот этой самой дорогой шоссейной, и скоро она кончится; на конце её увидаешь огромный камень. И вот подыми ты этот камень и иди в эту нору». Ну, Иванушка так и сделал. Прошел эту шоссейную дорогу и увидал действительно этот большой камень. И взел отвалил этот камень, и оказалась большая пропась. Ну, и он не пострашился идти в эту пропасть. Когда он шел, на пути препятствия не было никакого. Потом смотрит и видит, стоит дом с двумя этажами. Цветом весь белый с блестящим отливом, так как он оказывается весь хрустальнёй. И он подходит ближе ему и видит у входа два льва стоят. Обротился он в свою котомку, нашел там два валящих, два кусочка. И бросил он в разны стороны. За этими кусочками бросились львы. И в эту минуту Ваня успел ударить в кнопку, к которой был привязан колокольчик для знака в дом. И вдруг открылось окно, и видит того же самого седого старика. «Ох! Здравствуй, мой любезный Иванушка, купеческой сынок. Пожалуйте в парадное крыльцо». И дверь была открыта. Вошовши Иванушка в дом, старик любезно стретил его. Ну, посторонних в этом доме не было никого. И вот оне начали угощаться разными напитками. Ваня несколько опьянел. И старичок предложил ему покой, так что путешествие Вани было очень давнее. И вот прошла ночь, настал день, и они со стариком опять любезно начали угощаться. По окончании угощения старичок говорит своему гостю Иванушке: «Ну, дорогой Ваня! Не время тебе здесь проживаться, нужно идти на Русь. Вот я тебе даю цветное платье, под видом зеленоё. Прошу тебя исполнить моё заповедь — не говорить кроме ничего, как зелёноё. Кто спросит, отвечать также». С тем наш Иванушка отправился от этого старика. И вышол он на Русь, белый свет. И пошел он в столичный город, где жил самый государь. Когда он заходил в город, публика увидала такого чудного человека в одежде, что он одет в зелёноё платье, и желали узнать, чей он, чьего роду и племени. И он им на ответ один вопрос: «Зелёноё». Публику этот во-

прос изумил. Привели его городовому. Городовой спрашивал на разные манеры. Ответ получал только: «Зеленый». И повели его к высшему начальству, и высшее начальство ответ получили тот же. И дело дошло до государя. Представили его лично государю. У государя была единственная дочь. И она пожелала видеть такого чудного человека. Личность Иванушки была очень красивая — белого цвету, с алым румянцем, круглым лицом. И царевне он очень понравилсе. Ну, и царь не получил особого ответа, кроме: «Зелёного». И быстро он разгневался. И издал своё слово — приговорить его к росстрелу. И было назначено публичное место. И в это время были еще два разбойника, приговорённые к росстрелу. И вот, когда настал день, когда назначен был росстрел. Иванушка свели на публичное место. Там уже были два разбойника и начальство, в ожидании государя; быстро и строго смотрели в ту сторону, с которой ожидали его. Когда здоблялся царь, его любимая дочь стала просить своего отца взять её с собой. Еще хотелось видеть такого человека. Государь разрешил своей дочери пойти с им. И вот, когда пришли на публичное место, Иванушка был приговорен к росстрелу, и два разбойника с ним. И вторично увидала молодая государыня такоё алое лицо, сжалилась серцем своим и стала просить своего папашу. «Папенька! За что мы будем мертвить такого юношу, когда он нам не сделал никакого вреда? Может быть, от роду матери говорит он только это самое слово». Царю запала жалостная мысль к своей дочери, в обдумчивость своего горячего характера, пришел к убежденью справедливости речи своей дочери. «Ну, господа, хочу изменить царское слово. Этого молодого человека прошу оставить в покое». Тогда отвели Иванушка с публичного места в сторону. В эту минуту дочь государя обратилась к своему отцу: «Папа! Вот что мы сделаем! Назначим его конюхом вот к этой старой кобыли, на которой вывозят воду, и пусь он живёт у нас при дворце». Просьбу дочери отец исполнил, и обратились оне домой. И привели Иванушка к этой самой конюшне. И обычай у этого государя каждодневный был проверять своих конюхов в восемь часов утра. Вот, когда настала ночь, наш Иванушка не спит. Очень, очень загорюмивши сидит и думает свое мысли: «И вот как я налетел с этим стариком, чуть-чуть не умертвил своѐ головы, благодаря этому вопросу, что единственная дочь сжалилась надо мной».

После этой думы открывается дверь в конюшню и входит в неё тот же самый седой старичок, у которого он был в поземельном царстве, в гостях. «Ну, будет тебе, Ваня, унывать, вались скорее спать. Пословица говорится так: «Утро вечера мудренее, кобыла мерина бывает ёдренée». И вот тебе мой наказ: поутру — ставай и очищай свою карюху, и она будет привязана на 12-ти цепях, и конюшня твоя будет обита золотистыми коврами». И вот Иванушка с тем заснул. Проснувши утром, видит этот вопрос справедливый и принимается по слову старика чистить свою конюшню, в ожидании своего государя. Когда подходил восьмой час утра, государь сдоблялся на проверку своих конюхов и любезно его дочь просилась пройти с ним посмотреть нового конюха. Когда оне прошли всех старых, у тех оказалось всё в старом положении. Теперь подходят к конюшне «Зеленого». Открывают дверь; блеснуло сияние ковров, сбесилась старая карюха, и забракали все двенадцать цепей, которыми была оснашшена! И государь пришел в ужас, и думал он про себя: что ж такöе? В такöе короткое время видит большую перемену в лошади и чистоту конюшни. И любимая дочь его обрашшается к своему отцу с вопросом: «Вот, папа, видишь, человек оказывается для нас полезным, а мы его хотели умертвить занапрасно». И вот в эту тоже самую минуту у царя засела мысль, так как уже двадцать лет у него подсохший любезный его сад. И вот он задумал дать приказ этому «Зеленому», чтобы он ему обязательно представил к завтрашняму дню, так сказать, к девяти часам, к утреннему чаю три яблока с любимых его яблоней, себе, тож и любимой дочери его. И взяли нашего из конюшни «Зеленого» и привели в сад, где находилась ихняя сторожевая будка. И указали ему в ей быть. По прошествии дня, к вечеру Иванушка тоже опять очень задумался. «Ах! как бы посятил меня тот же самый старичок, который был у меня вчера вечером». Только успел проговорить, дверь будки открылась, и входит тот же самый старичок. «Ну, Ваня, вались спать. Утро вечера, думает, мудренее, а твоя кобыла кöрюха оказалась мерина ёдренée. И вот тебе мой приказ: на царской любимой яблоне будут к утру вырошшены три алых, румяных яблока, и вот два будут яблока сросшы в одном месте, прошу их дать самому государю с супругой его. А третей яблок будет вырошшен на особой ветке. Этот яблок дол-

жен ты передать дочери его. И сад весь покроется зелёным, алым цветом, с птичками кинарейками, с приятным воздухом». И вот Иванушка обешшался исполнить этот приказ и ложился спать. Прошла ночь, настало утро, Иванушка открывает дверь будки, которая была прямо в сад, и видит сад в полном цвету, с приятным воздухом. И пошел он смотреть ту яблоню, на которой должно быть вырошшено три яблока. Подходит к яблоне. Вопрос этот оказался справедливым. Вернувши обратно в царскую кухню к прислуге государя и просит предметами показания своего рук две тарелки, на которых ему будет угоднее поднести три яблока. Положил на тарелки. И пошел опять обратно в ту же самую кухню, где дожидалсе того времени, в которые ему было назначено явитьсе к государю с новыми зелёными овощами. Когда минул уже восьмой час, прислуга вся быстро начала справлять государю утренний чай: и в эту минуту «Зелёный» дал знаками прислуге, чтобы доложили государю позволение дойти ему в комнаты. Прислуги постарались передать такой вопрос поскорее, так как их удивляло самих в таком вопросе. Государь, получивши от прислуги объясненье, не медля время, приказал войти ему в его чайную комнату. И вот наш «Зелёный» входит в комнату и видит, что сидят государь, сидит с супругой за одним столом, и он, вежливостью своих ручных знаков, подаёт им на тарелке два румяных яблока, которые в течение ночи он приготовил в его застарелом саду. Этому вопросу государь очень был рад и из спальни с государыней выходил в те комнаты, в которых были окна прямо в его зелёный сад, и видит приятный воздух его застарелого саду. Птички поют разными голосами. И потом возврашшаются обратно в свою чайную. «Зелёный» был ешшо тут. И вот он показывает на руках своими знаками, где находитсе их любимая дочь, которой у него на тарелке тоже приготовлен алой яблок. Объясняет ему государь, что она находитсе ешшо в спальне и нужно будет обождать полчаса, когда она станет и будет утренний кофей. И так скоро полчаса прошли, доложили дочери государя, и она позволила войти по серцу любимому «Зелёному» в её комнату. В это время в комнате посторонних никого не было. «Зеленый» на тарелке подаёт ей алую ленту и просит знаками её кушать. И она очень была этому вопросу очень рада. Взявши перечинный ножичек, который был

подан ей прислугами, разрезав пополам алый яблок и увидела буквы отливом золотистых, прочла их и объяснилась, что быть за «Зелёным». Потом расчетверила, повторилось то же. Быстрым взором осмотрела она молодое лицо «Зелёного». С тем возвратился он в сад в свою будку. И вот прошло, может быть, каких три или четыре дня, как вдруг государь получил иностранное государство змеинного бумагу, будто бы змей двенадцатиголовой желает взять его дочку в замужество. Эта бумага очень опечалила родителей. И было в ней написано так: «Ежели не жалаешь отдать даром, то такого-то числа я на вас пойду войной». У этого государя государство было очень небольшое, так что войска было очень мало, а у змия, он знал, что в сто раз боле. И он обратилсе в сенат и дал знать своему начальству и издал указ царского слова, чтобы собиралися войска в его столичный город к такому-то числу. И вот пришоу этот день, настала ночь, является в будку тот же самый седой старичок и говорит: «Ну, Ваня, полно тебе теперь стеречь государский сад, нужно будет ехать на войну со змеем, побитьсе за свою назначенную супругу — царскую дочь. Вот я тебе дам коня Сивку с полным снарядом, с палицей, шашкой и копьём и прошу тебя вытти в чистоё полё, крикнуть: «Сивка бурка, вечный каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Он тут и будет. И ты зайди ему в правое ухо, выдь в левое, и будешь молодым рыцарем. И выдь в этот город, где будет у царя собрано войско, и он сам будет тут и скажи ему, что я молодой рыцарь, ваше царское величество, жалаю повоевать за вашу единственную дочь и быть твёрдым натуристым зашшитником вашего царства. И спроси у него войска не более как трёх убогих, слепых, хромых. Когда будешь на войне, будешь сражаться с его младшим братом, с трёхглавым. Во окончании этой битвы, твой Сивка побьёт всю его рать, также и брата трёхглавого. И прошу, чтобы ему не прибавлять второго удара, так как он волшебник: может со второго удара быть здравым». И с тем старик ушел. Прошла ночь, настал день, и слышит «Зелёный» в городе сильный шум. И пошел он в чистое поле по приказу старика. Свистнул: «Сивка бурка, вечный каурка: стань передо мной, как лист перед травой». Сивка бежит, так мать сыра земля дрожит, из ноздрей пламя огненное пышет; стал перед него, как вкопанный. Тогда Иванушка вошел ему в пра-

вое ухо, вышел в левое и окозался молодым рыцарем. И, вернувши в седло, помчался в город, прямо в эту самую собраную публику солдат. Подъезжает к государю и говорит таковую речь: «Ваше царское величество! Я, молодой рыцарь, жалаю побиться на ратном поле змия за вашу единственную дочь и прошу у вас войска — трёх убогих, слепых, хромых». Государь рад был такому рыцарю и не смел в слове своём поперечить; и сейчас исполнено было его просильное слово. И он просил у государя, чтобы войско его солдат осталось в этом самом городе. И вот поехал он со своим войском вдоль города и вёл с ним разговор. Слепой говорит: «Ничто мне будет там неинтересно, как только бы добраться нам до этого проклятого змея; кряду бы отрубил ему все двенадцать голов. Только прошу тебя, хромой, везти меня скорей». Ну только с ними он и путешествовал, что один город. По-за городу он умчался от них на ратное поле, где было назначено. И вот он доезжает до места и видит тьма тьмуща выставлено войска. И взял в руки от седла палицу и прямо помчался в ту сторону. Не столько он бил палицей, сколько топтал его добрый конь; повалил он наповал всё войска и убил брата трёхглавого и обратно вернуся по той же самой дороге к своему войску, так как войско его отдалось от города только две версты. Ну, и обратно пошли они в город прямо на государево лицо. Публика еще солдатская еще не успела разойтись, когда рыцарь молодой к государю подъезжает с рапортом и просит его наградить своё войско, дать им за затруднение по чарке водки, по фунту мяса, по девке. Когда это было исполнено, тогда было рассуждение — хромой и говорит слепому: «Вот так, брат, времечко! Знать, теперь, брат, разгуляемся, с красными барышнями позабавимсе». Государь просил молодого рыцаря к себе в дом; на это он был не согласен, потому что ему было приказано этим самым старичком. И он вернулся в поле и зашел Сивку в левое ухо, вышел в правое и стал опять по-прежнему «Зелёным». Коня спустил и кряду же последовала вторичная телеграмма от самого змия, чтобы государь был сам на завтрашний день на ратном поле и привозил свою единственную дочь. И вот вечером являетсе к Иванушке старик и объясняет такие слова: «Нужно тебе ешшо побиться, Ваня, за свою нареченную». И вот настало утро, и он повторил также. Вышел в чистое поле (прямо

сказать), получил коня с новым припасом, и было ему заказано этим стариком: «Будет у тебя сражение с самим змием, и вы на разведку отдалённости версты. И ты ударишь его этой палицей. Сшибёшь его с коня, и ты ему не прибавляй. Скажи ему так: «Что русская рука однажды бьёт, не очень милует». Если прибавишь, то он тебя погубит — и он тебе мечом рассечёт правую руку, которую дочь государя перевяжет тебе эту рану своим синим шелковым платком и наденет на твой палец златой свой перстень». Ну, вот так и было. Утро отправилось у государя всё войско, и ведут дорогой разговор. «Ух, братцы, говорит государь, если бы бог послал нам вчерашнего рыцаря на помочь». Как раз в эту же самую минуту он оказалсе лично, прямо у ихних карет и с объяснением, жалаючи побиться вторично на бранном поле за его единственную дочь. И вот государь относитсе к ему с просивным словом: «Ежели покончите это ратное поле, то я жалаю выдать за вас единственную дочь и передать вам своё государство». И вот оне, доехавши до поля, и начал молодой рыцарь бить змеиную силу, так как в кою сторону махнёт палицей, так цельная улица ляжет мёртвых тел, и так прибил всю его силу, и пришлось отрожаться с самим змием. И вот сделали они уговор разъехаться на версту, сделать быстрое сражение. Вот когда разъехавши один от другого, мчались друг на друга, как молнии, и сделали ихние лошади сражение, так что скочили чуть не под облака. И ударил рыцарь змия палицей и отбил ему одиннадцать глав. И пал змей на землю и просил прибавить. В этот момент у рыцаря была ранена правая рука, и он ему ответил «Русская рука однажды бьёт, да не больно милует». Змей кряду умертвился. В этот момент скакала тройка с царской каретой прямо к рыцарю, и, видевши раненую его правую руку, молодая царевна, быстро скочивши с кареты, снявши с себя шелковый платок, забинтовала этому рыцарю рану и надела на него свой златой перстень и поехала домой. Но рыцарь с ними ехал очень мало — быстрым полётом умчался, заехал в чистое поле, около города, и опустил своё Сивку и пошел на своё назначенное место. Является к нему тот же самый старик и розрешает ему его собственный язык и говорит: «Ну, Ваня, заплатиу теперь я тебе всё, чем был я должен, и вот ты теперь заснёшь богатырским сном на двенадцать дён, и я вот напишу над твоей

сторожкой, чтобы не смели будить с двенадцати дён ни одного часу». С тем и роспрошшались. И вот приехал государь домой с войском, сделал большой пир; проздровляли со словами за водкой, за бакалом за здравие молодого рыцаря. Когда это всё успокоилось в царском доме, царевне пришло мнение проведать старелый сад, и вот она прошла своего царя с прислугой пройти в новый, зеленый сад. Когда она гуляла по саду, всё это её интересовало, потом запала ей мысль, спомнила молодое лицо, которое ей представило из этого саду румяный яблок, в котором видела она золотые буквы, что быть за «Зелёным». Просила своих нянек остановитьсе в отдаленности этой будки, а сама пошла в неё. Подходит и видит надпись: «Не смей будить ранее двенадцати суток». Так тихим образом открыла она дверь сторожки и видит спящего тут рыцаря, который старалсе за неё на бранном поле; и видит на руке своей собственный златой перстень и забинтованная рана её шелковым платком. И в этот момент быстро ударила ее серце весёлости и радости, так что по её румяному лицу прабúла тёплая слеза, и она обратилась к своим служанкам и возратилась обратно в дом. Прошло двенадцать дён, уже кончаются часы. Ну, молодая государыня не могла выдержать несколько часов, старалась уволиться у своего отца в сад и увидеть молодого рыцаря. И вот, когда она была у будки и без терпения ждала последний час и минуты заповедной надписи над дверями будки, и начала будить молодого рыцаря. Когда он проснулся от богатырского сна, тряхнул своим плечом, промолвил: «Долго я проспал! Где ж мой Сивка?» Ну, государыня больше от радости не позволила ему сказать ничто, как бросилась к ему на шею, и стала его целовать своими алыми губками, и взяла его за руку, и повела к своему отцу. Когда пришли во дворец, она обратилась к своим родителям со словом: «Вот мой зашшитник, вот мой и супруг, мои родители!» Когда посмотрели на рыцаря родители, тоже признали, и такая была радость, что я, сказители не могут оценить, ни в сказке сказать, ни в книжке писать, ни пером рассказать. И пошел пир разо весь мир, и там разные напитки. И я, сказитель, там был, мёд пил; по губам текло, а в рот ни одной капли не попало. Тем, господа слушатели, и кончилась моя любезная сказка.

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ СУСЛОВ

65. ПРО СЕРЬГУ И МИТЮ (СТАРИНКА)

В имении г. Федорова управляющей Семен Иванов Сонцев и кресьянин Никитин Попков. Управляющей купиу у Никитина груду соломы не за дорогую цену. Из этой груды наклались большие два воза. Привозит в село и говорит десятнику Сергею Кузьмину: «Серьга! говорит, я схожу к управителю, не прибавит ли он мне за солому». Митя приходит к управителю. Управляющей стоптауся на него. «Почто, хромой?» — «Батюшка! говорит, Серьга солому не принимаэт». — «Ну, пошли его, гнилого носа, ко мне». Микита приходит и не сказывает. Говорит: «Серьга! Тебя управитель звау». — «Я до паужна не пойду». В паужну надел свой белый балахонцик и отправиусе к управителю. Управитель не спрашивау ницего. Цёлк его в ухо, и давай за волосы волочить его по полу. Таскау, таскау, и приволок к косяку, ко дверям и, давай, головой стукать о косяк. От устали запыхауся. «Цто, гнилой нос, у Митьки соломы не принимау?» — «Как, батюшка? Я принимау, а он хотел к тебе прибауки просить. Возы больно велики». — «Так поди-ко сходи за ним, за хромым». Серьга приходит в Микульскую. Митя в окошко и глядит, как Серьга подходит. Митька на зъезд и выскоциу и спрашиваэт: «Ты куда, Серьга?» — «К тебе, ступай на село».— «Серьга! Не знаэшь пошто?» — «Вот сойдешь, так узнаэшь». Пришли в контору, управитель и спрашиваэт: «Что, хромой? Серьга принимал ли соломы?» Отвечает: «Принимау, батюшко!» — «Ну-ко, Серьга, как я тебя, так и ты его». Ну и смотрят друг дружки и глядят, а шапки и руковицы на пол склали. «Что, гнилой нос, глядишь? Кати его». Серьга (здоровый был такой) как хватит Митю, так Митя, как сноп, облетел, и давай, тоскать, как снопа, за волосы, только ноги лягаютсе. Управитель: «Худо, гнилой нос! Как я тебя о косяк головой». Приташиу к косяку и давай колотить о косяк головой. Тогда управитель стоптаусе: «Вон, матушку вашу!» Шапки и рукавицы стали сбирать, он их под ж... пихаэт. Вышли на улицю. «Эх, Серьга». — «Что, Митя?» — «Так о косяк хватиу, что и шапка не входит». — «Я тебя милостив, мне ешшо пушше было».

66. САДКО

Что во славном-то Нове́-го́роде быу купець Садко богатой. Приходили корабли да из-за моря; все кладовые были напоунены, товару этта столько было, что возить да не вывозить, носить да не выносить. И собрал Садко со своим товаришшем Веркулом войско и построил до́мы, словно, притон разбойницей, не стало новгородцам и выходу. Убивали и муцяли. И пошла тогда улиця на улицу, и хотели оне выбрать себе правителя. Не могли они ницего поделати. Кажда улица стояла за своих господ, и пошло кровопролитье. Ешшё Глеб да и Вадимушко откривись (?) да от Руси к старику да к Гостомыслушку. Во поуноць да и во темную с им да и посоветовати. От сноха была Людмилушка. «Поди-ко, кто-то колотитсе, не начевать ли, не на ночлег ли проситсе». Река Воухов из берегов да вырываетсе. Выходят два знатные да новгородца. Гордомысл да поднимает свою голову, узнаёт Вадима да Глебушка. «Вы куды да в это вре́мецько?» — «Надо к тебе да поветовати. Не стало у нас во славном Ноугороде не порядку, не суда. При варягах худо было жить, да надо найти нам князя, чтобы правил он с верою». Старик моувил слово верное: «Не дам совету ложного; на то Перун да вот порукою. Надо сделать да порядок в Новгороде. Ступайте вы за море и просите себе князя из варягов. Земля, скажите, обильна и богата, а порядку в ней нет, и просите князя с дружинами».

ГЛЕБ ДМИТРИЕВИЧ ЯКУНИЧЕВ

67. МОСКОВСКИЙ СТАРИК

Жил старик около Москвы только со старухою. И у них была одна корова только. Старик и говорит: «Старуха, что я думаю, корову продать! Хлеба нет, вот и продадим корову». — «Что старик — продавай!» — «Я погоню в Москву». И гонит в Москву. Вдруг настречу попадает барин. Барин говорит: «Дедушка! Продай мне гу́ся». — «Что ты, ваше благородие! У меня, говорит, корова». — «Что ты, старик! Пришел в Москву да обманываешь? Ведёшь корову, а говоришь гуся». — «Нет, говорит, корова». — «Какая у тебя корова, когда гусь?» Так еле отбиуся от барина. Второй барин попадаэт стре-

чу и говорит: «Продай, дедушка, гуся». — «Что ты, ваше благородие? У меня корова, а не гусь». Старику стало в сумнительных: что «продаю корову, а покупают гуся. Нет, уж не продам за гуся, а у меня корова». Опять отбиуся от этого ешшо. Потом попадаэт третий барин: «Продай, старик, гуся». — «Да что ты, у меня корова, а не гусь». — «Что ты, старый черт, мазурничать пришоу в Москву? Нельзя ли тебя в участок забрать». Старик и думаэт: «Наверно, гусем стала корова моя. Ну так купи же и гуся» (Видимо, стал склоняться). — «Сколько тебе надо?» — «Пятнадцать рублей» (цена коровы) — «Да что ты, старый черт, ведь гусь дворовый кормлёный полтора рубли стоит только, а ты просишь пятнадцать рублей?! Возьми деньги полтора рубли, коли хочешь, а нет, в участок заберём». Старик согласиуся. Отдал корову за полтора целковых, вместо гуся. Потом старик одумалсе: «Это, говорит, не мазурики ли московские и есь? Вот что я сделаю — схожу в гостинницу». Рубль подал деньги половому: «С гостями приду, от меня денег не требуйте». Во вторую и третью гостинницу пошоу. В трех гостинницах дал старик по рублю. И потом выходит на улицю. Идёт по панели, и навстречу ему три господина. «О, сватовья любезные! Я, говорит, старик в Москве маленечко позагулял. Я, как вижу, что вы люди-то хорошие; пойдёмте со мной в гостинницу, я с вами рублёвочку ешшо прогуляю». Заходят в гостинницу. Старик потребовал на рубль водки и там чего закусить. Закончили это угошшение. У старика была шапка о четыре угла. И берёт эту шапку за угол. Стряхнул и по столу колонул: «Половой! В росчёте?» говорит. «В росчёте, дедушка в росчёте. Вперёд милости просим». Да и во второй и третей трактирах позагулял; шапкой тряхнёт и спросит: «Хозяин! В росчёте?» — «В росчёте, дедушка! Вперёд милости просим». Так в трёх трактирах по рублю прогулял. И везде шапкой тряхнёт и в росчёте. Вот эти его сватовья задумали: «Что это такое?» говорят, что у старика, стало быть, шапка так действует. Денег не платил, а всё в росчёте. Это их удивило. Вышли из гостиницы и говорят: «Продай нам, дедушка, эту шапку». — «Что бы, батюшки, как мне эта шапка продать? Ведь я этой шапоцькой и живу. Она нас со старухой и кормит. Я, говорит, и на сто рублей заберу в лавке, да скажу, что в росчёте!» — «Так продай нам, дедуш-

ка, шапку». Будто знакомой — захотелось им шапки. «Однако уж, сватовья хорошие, возьмите, делать нечего. Мне немного старику и жить-то». — «Так сколько же ты, дедушка, с нас возьмёшь?» — «Да что, братцы, дайте хоть тысячу рублей. Доживу со старухой и этим». — «Да что ты, дедушка, много ведь!» — «Да что же вы-то мне дадите? Я от вас-то ничего не слышу». Переспросил снова. «Вот что, дедушка, по триста рублей с брата». — «Сотню рублей уступаю. А меньше ни копейки. А нам со старухой, может, и будет, доживём. Ну что делать!» Отошли эти трое. Подумали: «По триста рублей с брата. Отдаём деньги. А зайдём в хороший магазин, наберем на три тысячи рублей; шапочкой тряхнём, скажем: хозяин! в росчёте? Быстро наживём. И скажут: милости просим, пожалуйте вперёд, покупатели хорошие! — На три тысячи рублей!» Согласились. Старику выдали деньги по триста рублей с брата, всего девятьсот рублей. Старик денежки получил, роскланелсе и простилсе. «До свиданья, сватовья любезные! Пользуйтесь моей шапочкой». Старик ушоу от них. Зашел в гостиницу опять и подал ешшо рупь серебра». «Загуляю с гостями, а денег с меня не требовать». Ну хорошо. Эти три господина: «Давай, попробуем мы эту шапочку. Пойдём же и мы в гостиницу и проверим мы эту шапочку, как она будет росчитываться». Заказали тоже на рубль серебра некрепких напитков. Вот берёт один шапку за угол, трехнул и говорит: «Хозяин! В росчёте?» — «Как это так в росчёте? Денег не платиу да и в росчёте! Денежки, господа!» Делать нечего, выдали деньги. Вышли на улицю, один и говорит: «Ты не так шапкой тряхнул, она и не подействовала. Я, говорит, заметил, как надо тряхнуть. Пойдёмте со мной, тогда с меня денег и не потребуют». Все это на рубль серебра и загуляли. «Хозяин! В росчёте?» — «Да как в росчёте? Рупь запили, денег не платили да и в росчёте!? Я ведь знаю вас, господа! Вы ведь здешние свистуны. Давайте деньги без всяких». Делать нечего, спорить нельзя, и выдали деньги. Да и третий таким же манером сделал. Трешник тряхнул. Трехнул шапкой и сказал: «В росчёте!» Половой говорит: «Деньги, господа! Вы здешние мазурики, я вас знаю; в участок заберу. Деньги, деньги!» Заплатили и вышли на улицу и начали эту шапочку рвать: «Вот, говорят, нам старик гуся-то влепил! Славно мы купили гуся у него». А старик за

этим следит, где они находятся. Подходит к ним: «О сватовья любезные! Я всё здесь путаюсь, загулял, говорит, я, старичонка». — «Отойди прочь от нас, старая ведьма!» — «Да что вы, сватовья любезные!» — «Как что? ты нас оммазурничал. Шапку дал. А денег пропороли сколько! Шапка оказалась пустая, не действует». — «Да что вы, сватовья любезные! Я вам денежки выдам, отдайте мне шапку взадь». — «Да мы уже изорвали, один уголок у нас ешшо и есь». — «Отдайте хоть уголок, и тот у меня подействует. А вы всё не так делали. Шапку получили, а не спросили, как делать. Я бы вам сказал». Угол бросили ему. Старик взял угол. «Пойдемтека, сватовья, ешшо рублёвку прогуляю. Делать нечего». Пришли в гостиницу, заказали напиточку, там полегче не больно хмельного. Ну и, значит, выпили это. И старик берёт уголок и говорит: «Вот бы, братцы, как делали!» Тихонько тряхнул, колонул по столу и сказал: «В росчёте?» Половые отвечают: «В росчёте, в росчёте, дедушка! Вперёд милости просим во всякое время». Удивило мазуриков опять. Вышли на улицу и говорят: «Отдайте, дедушка, нам уголок». — «Сто рублей; братцы, выдайте, меньше не отдам. Сами отдали. Не притесняйте, а то полицию призову». Ну, делать нечего. Сто рублей опять подали. Роспростились и опять пошли в гостиницу пробовать уголок. Теперь уж поняли, как старик делает. И всё ихнее дело оказалось пустое. Ничего не вышло. А старик домой марш к старухе. «Слава богу, старуха! За корову я денежки получил хорошие. А продал я её за гуся. Только не ври, старая, а тысячу рублей привёз». — «Куды врать! Славу богу, старик, теперь до смерти станем доживать». Пожили несколько. Старик завёл себе кафтан серый, степенный и шапку тоже степенную. И рукавицы себе завёл порядошные. «Да вот что, старуха, я задумался; я теперь, как одеждой исправилсе, пойду опять в Москву». — «Ну да с богом, старик! Ступай». Пришел старик в Москву. Ходит в главных улицах у магазинах по панели взад и вперёд. И присматриваетсе, где там дорогими товарами торгуют, пушными, заморскими зверями, какие там есь. Ходит день и другой и третий. Всё смотрит. Один купец заметил старика: что это старик ходит и присматривается, ему что-нибудь надо? Купець: «Выдти сходить до старика, что ему надо?» Выходит купец, спрашиваэт старика: «Что тебе нужно, дедушка? Ты уже

ходишь не один день. Я смотрю, тебе что надобно?» — «Да, батюшко, требуетсе и весьма нужно». — «Да что такое тебе надо?» — «Да вот, батюшко, я должен сто рублей здесь в магазине, только не знаю, которому купцю. Стал стар, да паметь плохая, забыл, в котором магазине занял сто рублей деньги. Надо мне выдать, заплатить. Потому как я старый, мне надо на тот свет увести». Купець озарился на сто рублей. Старик заплатит, так всё не мешаэт. «Дай, дедушка, я признаю тебя, я тебя видал; не у меня ли ты взял-то?» — «Пожалуй, батюшка, что и у тебя». — «Так пойдём, говорит, в магазин». Зашли в магазин. Поставили старику стол и посадили на место и подали чай и закусить кое-что. Вот, значит, это поугошшалсе, купець и говорит: «Так выдай же, дедушка, деньги-то».— «Так вот что, батюшко, я деньги-то выдам. Пойдем, говорит, в суд, там роспишемся, что я не должен и ты получил».— «Пойдем», — опеть согласилсе. Поехали в суд. Купец заявил, что надо со старика получить деньги. Старика и спросили: «Должен ты этому купцу сто рублей?» Старик говорит: «Должен, батюшки, сто рублей. Согласен выдать деньги. Только с тем, что ему от меня дано под залог товару было лисиць и куниць, разного пушного товару. Потому что у меня деньги были на выходе, а товар был не в цене, я занял сто рублей, а товару оставил на тысячу рублей». — «Ну что, ты получал от него на тысячу рублей товару?» — «Никак нет, не брал я никаких залогов». А старик и говорит: «Почему же ты мне дал сто рублей взаймы без залога? Первый раз видимся, ты меня не знаешь, и я тебя не знаю; а незнакомому человеку кто сто рублей без залогу может дать? Подумайте, господа судьи! Без залогу не дают». Суд принял во вниманьё: старик говорит правду. Суд и говорит: «Ты, купець, старику выдай залог на тысячу рублей. Ты как, дедушка, товаром желаешь его получить али деньгами?» — суд спрашиваэт старика. Старик: «А я на все согласен, батюшки, как он хочет: хоть деньгами я согласен, и товаром я согласен». — «Так что, купець, как согласен, выдавай. Мужика не держи». Делать нечего, купец пожалсе, — суд присуждает. Подумал, что товаром оно выйдет больше. «Скажет: у меня такого-то товару было да такого-то». — «Обирай же, старый, деньгами, когда у тебя совесть есть то сделать!» — «Да, ба-

тюшки, согласен и деньгами. Мне-то что старому? Все равно!» Вот купець со зла выкинул тыщу рублей на стол. Старик и говорит «Гг. судьи, отсчитайте ему сами своими руками 100 рублей, которые я ему должен, и дайте росписку, что он с меня других не требовал». Так и сделали. Купцю отсчитали сто рублей. Купець деньги взял, не простясь ушел с сердцем. «А ты, дедушка, не торопись. Окладывай деньги; не спеши». Старичок тихохонько окладывает деньги, подчитал — верно. А купець вышел на улицу, и попала ему настречу старуха старая. Он и говорит ей: «Поди же, бабка, ты в суд и заяви, что «этот мужичок — мой муж», и заяви, что «он меня не кормит». От меня возьми 25 рублей, поди только скажи, что он тебя не кормит». Старуха вошла, раскланялась: «Батюшки судьи! Вот этот старичок мне муж будет, и он меня не кормит, нельзя ли мне с него взять кормовые?» Судьи спросили старика: «Что, дедушка, это жона тебе?» Старик повернулся, посмотрел: «Жена, говорит, батюшки!» — «Так что же ты ее не кормишь? Ты дай ей кормовые деньги». — «Рад бы, господа, я её кормить, да она меня не слушаэт». — «Что же, бабушка, отчего не слушаешь своего старика?» — «Как, батюшки? Да я рада слушать своего старика, пусть прикажет что, я все рада для его уважить». — «Вишь, говорят, старик; старуха тебя согласна слушать». — «Так вот что, батюшки, дайте ей 25 розог горячих на первое при мне; если слушает, я выдам ей деньги кормовые». Делать нечего. Старухе надо слушать старика, — охота получить деньги. Старуха согласна. Положили и давай валять. Не могла стерпеть, закричала дурным матом: «Батюшки! Оставьте меня живую, он мне не муж, и я ему не жена! Отпустите живую!» — «Вот видите, батюшки, как она меня слушаэт?! При мне и отказалась. Какие ей кормовые?» Старуха с ругательством ушла, и старичок поблагодарил суду и отправиуся к своей старушке. И всё живут хорошо. А и закончим на этом. Конечно, оно было угошшенье, дали мне блин, да 90 лет он в п.... гнил. А был я такой-то смел, взял да и съел. Кто слушау, тому куней хвос, а кто не слушау, тому плюй под хвос!

68. ДУРЕНЬ

Жили два брата и мать с ними, и потом, значит, один был дурень у них. И посылают этого дурня до деревни. Идет дорогой, попадает ему настречу дорогой собак стадо. Вот он шапку снял и раскланялся. Собаки подумали, что он их дразнит, взяли и разорвали его кафтан. Идет домой и плацет. Приходит домой, и спрашивают: «О цем, дурень, плацешь?» — «Как, говорит, не плакать? Я иду — навстречу собак стадо попадает. Я им кланяуся, они мне кафтан и разорвали». — «Ах ты, дурень! Ты бы взял кол и колом бы их, оне бы все и разбежались». — «На сей день буду очеслив, вежлив, так свисну колом, что перевёрнется!» Ну, на следующий день пошел опять к той же деревне. Подаёт стречу, везут священника. Как встретился, колом хлесь священника. Ну, опять и начали его рвать: «Ну зачем ты священника?» И отдули. Приходит домой и тем же манером плачет. Его и спрашивают: «О чем, дурень, плачешь?» А он — так и так: «Вы велели колом, я, говорит, колом ударил да священника, меня опять и отдули». Они говорят ему: «Да ты бы, дурак, не так. Ты видишь священник едет, ты бы подошел поближе: «Батюшка, благословите! Он бы тебя и благословил». На следующий день опять подходит тем же путем, были кусточки. Выходит настречу зверь, просто медведь. Ну он шапку снял и подходит: «Батюшка! Благословите». Тот как ахнул его, ну тот и не знает, сколько времени лежал. Благословил. Приходит домой и плацет. Его спрашивают: «О цем, дурень, плацешь?» А он отвечает: «Вы велели подойти поближе и сказать: «Батюшка, благословите!» Я и сказал, меня медведь и ахнул». Они говорят ему: «Да ты бы, как зверь подошоу, ты бы его грезью; он грези пушше всего боитсе». — «Так завтра опеть же с ним поделаю, грезью всего загажу». На следующий день опять до деревни пошоу. Идёт дорогой, по край речки; два молодца в красных рубашках борются, молодые ребята. Потом он доходит до рецьки, видит, что грези довольно. Ну, и взел грезью опеть шатать их, всех залепил грезью. Ну, оне рассердились: делать нечего и давай его трепать!

ИЛЬЯ СЕМЕНОВ

69. КУПЕЦЬ БОГАТОЙ

Вот в тамом мисте публицьном жил купець богатой — и купец именитой, торгующей. У этого купця был один сын. Этот купець помер. Остаусе этот купець семнадцати лет с матерью. Вот матка его все именье, приход и расход — всё на него и передала. Он в три года всё именьё-то и уничтожил отецеское. Вот он зашоу в старую лауку, нашоу ешшо деньги, два четвертные билета. Сейчас он приходит к матере: «Вот я, матерь, ешшо нашоу пятьдесят рублей деньги».— «Да пятьдесят рублей не велика штука! Тебе только на две вечеринки, коли по-прежнему. Тебе не наживать, а проживать!» — «А нет, говорит, мамка! Я проживать больше не согласен. Сходи к дедьям; мне дедья, а отцу братья, оне справляютсе за море торговать с разными товарами — не возьмут ли оне меня в прикашшики. Попроси их усердно». Вот хорошо. Она обратилась к деверьям: «Братцы! Возьмите моего Ванюшу в прикашшики ехать с вашими разными товарами!» — «Да, сестрица, ничего бы взеть для тебя и для отця для покойнего, дак Ванюша роспутного поведенья! Не знаэм, что и делать! Ну да возьмём; как обратитьсе на старую степень, так станем и держать». Вот сейчас карабли нагрузили этого товару. Своего попутного ветру дождались и отправились. Вот переехали в иные земли и стали на три лауки. Сами по лауке и его в лауку порядили; и стали топерь они торговать. И потому, что оне публишные торгаши, с их не было в этом городе ни дани ни пошлины. Вот оне торгуют; а у него лучше всех и приход и расход в лауке. Вот он поторговал несколько время тут в этих магазинах, вот и просит: «Дедья! Дайте мне сто рублей деньги!» (Он у них на учёте был) — «А на что жо тебе деньги?» — «А потому, что не на оконценье ярманки купить для себе товару, домой привезти».— «Тебе, племенник, дать деньги можно, у тебе свои пятьдесят рублей есь, да и у нас позаработал порядошно». Вот ему сто рублей деньги и выдали. Он пошоу в город в рынок, ничего не может себе товару купить подходяшшего. У того поторгует, у другого, ничего не купит. И подыскался под его человек. «Что жо я, молодой человек, я тебя попри-

мичу: ты ничего не купишь и не продаёшь?» — «А я, дедушка, человек не шляюшшей, я заморских купцей племенник родной».— «Чего же тебе здесь надобно, в этом-то рынке?» — «А надо мне на сто рублей товару купить, с барышами домой привезти».— «У тебя при себе сто рублей денег есь?» — «Есь».— «Выдай мне на руки, выдай душевно деньги, я тебе товару представлю». Вот его старик ведёт из улици в улицю, из переулка в переулок и завёл его в крайней дом, прямо в угловой. И выводит ему девицю за руку. «Вот для тебя товар подходяшший».— «А нет, мне не надо».— «Ну, можешь отправлетьсе без товару и без денег, коль не хочешь». Являетсе он к дедьям. «Что, Ванюша, купиу?» — «А нет, хоть купиу, да много его оказалось, а денежек мало при себе, в залог и продал». Дедья его совести и повйрили. «Ну, надо тебе додать, а тем ста рублям не пропадать». Этому делу день да ночь, и сутки прочь. Поутру опеть сто рублей выдали. Надо ити товар покупать. Вот опеть вышеу в этот город, рынок. А тот человек, просто мазурик, подыскалсе опеть его в другом одеянии. А Иван его не узнау. И говорит старик: «Чего ты, молодець, добиваешше?» — «А мне надо, дедушка, товарцу».— «А у тебе сто рублей есь?» — «Есь», говорит. «Выдай ты мне без стесняньья их, а я выдам тебе товар какой подходешший». Он опеть ему и выдау сто рублей. Опеть варёного нечего и варить — в тот же дом и привеу, и ту же девицу: «Возьмите её».— «Нет, за сто рублей не взяу и за двести не возьму». Приходит к дедьям, и спрашивают: «Опеть не хватило? Ступай с утра исправить свои дела». Он опеть-таки сто рублей умажил тому старику. Взяу эту и девицю. «Видно, и судьба моя такова!» Вот эта девиця и пошла с ним. «Какого ты поведенья?» — девиця спрашивает его. «Я — купеческой сын. А ты каких поведений?» — «А я — царьская дочь. Дак вот ты теперь Иван, купеческой сын! Ты как меня взяу, как посмотришь, ты счастлив за меня будешь». Вот они на постой стали, дом, фатеру взели. И сделалось ему дело в клуб ходить с графскими, и с господьскими, и с генеральскими людьми гулеть. Ему на это дело пошло; много имйнья отыграл. И просто навыиграу, и винных контор, и лавок винных, и лавок и разного товару много. «Завтра день воскрёсный, сходи в церкву», она говорит Иванушке: «и людей публика

большая. Проберись ты, говорит, на крылос. А ты придешь к полуобидне: как придешь, не станут богу молитьсе, все на тебя, на твою одежду окидывать глазами. А отойдёт на выход, тебя станут в гости жолать. А ты не гось им нужен, а им нужно рисунок с одежды твоей снять. А ты до первой грези дойди, покатайсе в грезе, тебя и не станет никто звать. Как я наказываю, так и делай». Он сейчас обратиусе к ней, в дом свой. «Что, Ванюша? Как велела, так и сделау? Ну благодарю, так и благодарить буду; нам не надо, чтобы снимали рисунок в одежде. Сами делаэм. Ты теперь цяйку попей, да пообедай, да отдохни, да и ступай опеть в клуб на старое место. Да не чтобы в клуб идти; который купець проиграусе, ему не розыгратьсе. А цего ты у него выиграу?» — «Да двести рублей денег, склад винный, лавку, да винную контору и лавки все отыграу у него».— «Ты отдай это всё имйнье взадь, а проси ты старого сарая у него угольнего, что без крыши у поля стоит».— «А нам он на что?» — «К изгоде». Вот пришли они на публику, на игру. Купець и говорит: «Нам нет возможности с вами топерь сыгратьсе. Вот ты, купець, съйдем мы с тобой в ряд, да потолкуем в лад. Я тебе всё имйнье отдам, а отдай ты мне сарай угольней, простой». Вот оне на первое посмиялись. «Да на что тебе?» — «Да я стану уголья класть». И покладку сделали и росписались они в земском правлении. Вот он вечеринку поиграу в клубу и обратилсе к жене в дом. «Что какова у тебя вечеринка?» — «Да вечеринка не пустая. Выиграш хороший».— «А как с купцём положиуся?» — «А с купцём — сарай-от мой».— «Ну тебе надо от этого дела топерь отстать, от клубу-то; надо другими делами заниматьсе. Ступай завтре в рынок. Иди жо, купи ты крестьянского струменту. Купи ты двадцеть лопат и двадцеть топоров да посутникам бочкарям двадцеть сороковок вина, чтобы и приежие были до фатеры». Вот сичас посуду собрали, до утра дожили; опеть посылаэт на рынок: «Поде́ншины народу петьдесят человек зови да лутших выбирай!» Вот это сейчас поде́ншину привел петьдесят человек. «Что прикажете делать?», рабочие спрашивают. И приказали этот сарай ломать. Этот сарай розобрали, роздрыли, и под полом оказалсе драгоценного камня. И поуные эти двенадцеть бочек и нагрузили. Скопили этот товар. Надо караул настояшшей этому товару.

«Охрана надо хорошая, судароня!» — говорит своей жене. А она отвечает: «Мы охрану неопасную сделаем. Поди купи смолы. Просмоли бочки, будто как товар дешевой, простой. Пусть в каждой пристане так валяютсе. Сходи в кузнецю, на своё имя клеймо и сделай. Безопасно, что такого-то купця товар из-за морей». Вот хорошо; она на себя сделала одежду смоляную нехорошую и на него. Вот прямо к дедьям и явились оне. Дедья и попеняют ему: «Где же ты, Ванюша, проживал это время, месяца четыре?» — «А я на заводе на смоляном работал. А я двенадцать боцек на свой пай сгониу. Возьмите меня на один свой караб».— «А это кто с тобой стоит?» — «А это моя жонка».— «Да тебе бы дома первосортную дали, а отсюда тебе последнюю».— «А я жона мужа своего и цестная».— «Ну добро, катай товар на караб да и вези его!» Скатали этот товар на карабли, пови́трия дождались, с берегу и миг переехали. «Ну и сказывай: есть ли тебе куда товар-от выгрузить?» — «Есь, у меня после отця кладовых много. Стены голые стоят». Ну вот к матери он и явиуся. «Здравствуй, маменька!» — «Да что ты, такой, этакой необихо́дный, приехал?» — «Я, мамка, там на смоляном заводе работал».— «Да что ты привёз?» — «Да двенадцать бочек смолы привёз».— «Да у тебя вон свои заводы стоят».— «Да это старое, прожитое».— «А это что? Кто с тобой? Подрушная?» — «А это моя жонка. Я там жониуся».— «Тебе бы дома дали, дома первосортную, а ты оттуды привез?! Может, какую и подзаборную. Возьму двухаршинную пауку и изломаю всю до рук. Ну да ладно, живите! Бог с вами!» Так и дело прикрыла. Вот оне по́жили хорошее вре́мё. Она видит, что женщина хорошая, продувная. Вот он услышал, что дедья отправляютсе к царю с подарками. «А, дедья! И я с вами пойду».— «А ты с чем пойде́шь, племянник?» — А я, говорит, возьму блюдо смоленое, подойник, вихоть».— «А совесть дозволеет, так пойдём». Вот она ему подарок справила. И наказывает ему: «Ты не хапи́ ни мной, ни товаром, а то у тебя ни жены не будет, ни товару». Вот сейчас пошли. Дедья подарили цяря заморскими подарками разными. А оне его с благополучным приездом проздравили. И он их отдарил. А он у дверенки стоит. «Ты что?» — «А я, ваше величество, вот чем занимаюсь: этот товар идёт везде — и для скота, и для людей, и для пароходу, и для городу, и для деревни».

А Ванюша его и манит. Царь и говорит: «Ступай, Ванюша, в залу, я тебе пару слова скажу». Зашоу в залу, скидал все сверху, только поднос серебряный остался в руках. И дарит цяря шести́ми камнями драгоценными. Государь это ладит подарок взеть, да на ногах не мог устоеть. «А что же, ваше величество?» — «Да дорог подарок. Наше цярсво и двух камней не стоит, а ты даришь шестими. А не оставлеешь себе ими́нья такого, а всё мне отдаешь».— «А у меня, ваше царское величество, дома-то большое ими́нье есь, большое количество. У меня двенадцать бочек-сороковок поуные».— «Да ты где этот товар промыслил?» — «А у меня жонка; за границей женился, а это жонкино ими́нье есь». Вот его государь из купецецкого званья и выключил, в капитаны пожаловал. Он пошоу домой и пи́сенки запеу. Стречает его жо́нка. «Ах, говорит, кошка скребёт себе на хребёт, а рано пташечка запела, да кабы кошечка не съела бы. Да ты меня решил да и себя решил». А государю захотелось отнять. Этот цярь собирает пир; и назвал на этот пир и кнёзей, бояр, купцей, и богатырей, и служашших людей. «Куда прикончить этого человека, а жена мне хочется взеть». Вот в этом пиру большой хоро́нитсе за среднего, а средней за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит этот старичок о седьмом десятке и говорит: «Ваше царское величество! На него большие вины нет, по-пустому крестьянские крови проливать грех. Есь, говорит, цярсво за три́деветь земель, за тридеветь озёр. Тридесятое царсво, публишное королесво. А не пожалий ты служашших поук целый необуценых, а его за старшого, за артельшика». Вот его и призвал на лицё на своё. «Ну что же я требуюсь, ваше царьское величество?» — «Ты как чину получил, так чину должен и служить. Поук солдат новобра́нцев, вот тебя нужно послать за артельшика в то место». Тольке ему слободы — обратитьсе в дом, у матере благословенье взеть да с жонкой проститьсе. Вот пришоу простиусе да и марш в ход. Жона только платоцек свой в карман положила: «Слёзы утрёшь», говорит. Этот топерече пошоу в ход. Всё вода и вода. «Ах! какая у меня была прежде жонка, какое у меня было ими́ньё! А теперь я вижу пред собой нёбо и вода. Теперь протер бы свои слёзки, да жаль платоцек. Погляжу на платоцек, как на родимую жонку». Взяу и привязау. Вот тут он их и забыл, этот платоцек. В это царьсво вышли на публишную пристань, стали без всякого

стесняньа. Мосты подъёмные отпустили, а на пристане́ два молодця прямо домой оборотились. Отцю и матере: «Мы из Расеи кораб запустили».— «Да вы зачем запустили? Я тридцать лет никого не запустил, а вы запустили! Может, какого-нибудь неприятеля с ми́ной!» — «А потому что мы худого не обрекаем на этом корабле. Тут есь именной платок нашей сестры. Хороший признак». Вот государь с государыней посмотри́ли с крыльця. «Верно, наша, говорят, форма». Сичас с разными подарками пошли товар стричеть. И спрашивают на этом корабле: «Кто есь за хозеина?» — «За хозеина я», говорит. «Где же ты этот платочек взеу?» — «А у меня, говорит, не краденый, а жонкин».— «А где ты жониусе?» — «А жониусе я за море́ми».— «Пожалуйте ко мне в зало». Ну, как его по изводу по́слали, он всех новобранцев и распустиу. Все благодарить его: кто и два ми́сяца послужил. Он и три года гостил на жониной родине. А она у них потерялась 14 лет на петьнадцятом. Прогостиу он у них три года, а ему не больше, как за три ми́сяца показалось. Вот тоже обрашшается на свою родину. «Ты, милой, уве́довай нас письмом. Наш адрес знаешь, а мы твоего нет». Вот он приехал на свое место, а у них, где постройка была, сожжёно место, всё похишшено. «Пойду я к синю морю, да потону. Какая у меня ими́нье было, какая у меня жонка! А теперь нет ничего». Лёг я, согнулся, встал стряхнулся! «Нет, говорит, не потону. Одна голова не бедна, а бедна, так одна!». Посмотри́у, видит в море едет старичок в чашке, а погоняет лошкой. Перевёз его через море̄. «Выходи, говорит. Был Иван купеческой сын и всяко нажилсе».— «А ты как же меня, старик, знаешь?» — «А ты мне тристо рублей деньги пла́чевал, а я тебе жонку дал с приданым».— «Былоё, говорит, дедушка!» — «Ну былоё, так делать нечего».— «Знаешь, где наше ими́нье?» — «Государь хотел твоё ими́нье получить, да ему не удалось. После твоего отъезду приехау Идолище поганое, обжоришшо людскоё. Вот он два ведра пива, ведро зеле́ного вина. Пожираэт он жарко́го быка — третьяка да о́вцю ялую. Ну топерече он пожег ваше царьсво, а это жонка походит за ним венчётьсе. Посли́днее тебе свиданье с ней».— «Да как, дедушка? Не попасть мне?» — «Отчего не попасть! Я схожу с тобой. У него двенадцать музыкантов однех будет. А ступай, из двенадцати музыкантов одному откажут,

а ты в музыканты и поступишь». Вот сошли, обошли с музыкантами, там одному отказали. Вот публика собралась. Стала его водкой подчивать, его признала: «Ей, музыкант! Мне тебе два слова сказать. Ты не купеческого званья, не Иван ли купеческой сын?» А он не признаетсе: «Я не тех и родов соусем». Вот эту музыку развели поуный ход. Этот старик стал своей музыкой розделывать. Прежде всего отбиу жониха, а потом всю публику. Остались только трое: Иван купеческой сын, жона да и он. Ему здесь делать нечего — взял свой кораблик, на жонину родину и уехал. Старик на своём ми́сте осталсе.

70. ИВАН ЦАРЕВИЧ И БОГАТЫРКА СИНЕГЛАЗКА

Было это дело на море, на океане: на острове Кидане стоит древо золотые макоуки, по этому древу ходит кот Баюн, — верх идёт пи́сню поёт, а вниз идёт сказки сказываэт. Вот бы было любопытно и занятно посмотри́ть. Это не сказка, а ешшо присказка идёт, а сказка вся впереде́. Будет эта сказка сказываться с утра после обеда, поевши мяккого хлеба. Тут и сказку повидём. Было это не в каком царсве дело, в иностранном государстве жиу чарь со чарицей. У чаря у чарицы было три сына. Больший сын был Федор Царевич, а второй сын Васи́лей Царевич, а младший сын был Иван Царевич. Этот чарь собираэт пир на весь мир. Забрау к себе на пир кнёзей, и бо́яр и удалых полениц. «Хто бы, робятушка, съездил за тридеветь земель, в десятое цярсво, к деуке Синеглазке. Привёз бы от этой деуки Синеглазки живые воды молодые, кухшинець о двенадцати рылець. Я бы этому седоку полцярсва прописал и поукамени самоцветного!» В этом пиру бо́льший хоронитсе за среднего, а средний хоронится за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит его сын старший Федор Царевич и говорит: «Не охота нам в люди цярство отдать. А я поеду в эту дорожку, эти вешши привезу и тебе, отцю, сдам». — «Ну, дитя мое милое! Нашо добро да нам и пойдёт». Вот хорошо; ходит это Федор Царевич по конюшням, выбираэт себе коня неезжалого, уздаэт узду неузданную, берёт он плётку нехлёстанную, кладёт он двенадцать подпруг с подпругою, не ради он большие, а ради крепости, славушки молодецкие. Отправиусе царевич в дорожку;

видели, что садиусе, а не видали, в кою сторону укатиусе. Едет он близко ли далёко ли, и низко ли высоко ли, предно нёба на земле, на чужой стороне и доезжает он до горы. На полугору заехал, на полугору лежит плита-камень, на этом плиту подпись подписана и подрезь подрезана: «Три дороги. Первому дорогой — тому голодному быть, во вторую ехать — сам сыт, да конь голоден, а в третью — с девицей спать». Как поразмысливаэт сам себя: «Сам я голодный — доуго ли проживу, на коне я на голодном не доуго доеду, а с девицей спать обрекаюсь — это дорога самая лучшая для меня». Поворотиу в дорожку, где с девицей спать, вдруг доезжает до терема. Вдруг выбежала девица: «Душечка, я выйду, тебя из седла выну; со мной хлеба-соли кушать и спать опочевать».— «А девица, хлеба-соли я кушать не хоцю, а сном мне дорожка не искоротать. Мне вперед подаватьсе».— «А, царской сын, не торопись ехать, а торопись кормить!» Приводит его в спальню. «Лёг ты к сти́нке, а я лягу на крайчик. Тебе пить, мне исть подам со ври́мем».— «А девица прекрасна, у Христа везде ночь равна».— «А у меня подольше людских!» Вот у её кроват походечее. Лег он к сти́нке, она кроват повернула, а он бултых туды, марш, сорок сажен яма глубокая. Вот там сидит скольке время, и порядошно время прошло. Вот его отец во второй раз собираэт пир, опеть же также на весь мир. Опеть на этот пир собралось публика; и цари, царевичи, и короли, и королевичи — и собрались на этот бал. Вот этот государь: «Вот, ребятушка, кто бы выбраусе из избранников и выбраусе из охотников в то же самое цярсво, к этой девице Синеглазке эти вешши достать, живая вода мне царю дать». Хорошо в этой публике — больший хоронитсе за среднего, а средний хоронитсе за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит опеть его сын середний, Василий Царевич. «Батюшка! Неохота мне цярсво в чужи люди дать, вещи привезти тебе, в руки сдать».— «Ну, дитя моё ми́лоё! Нашо добро нам и пойдёт». Вот ходит Василей Царевич по конюшням и выбираэт себе коня неезжалого, уздаэт он узду опеть неузданную, и берёт он плётку нехлёстанную. Опеть кладёт двенадцать подпруг с подпругою не ради басы, а ради крепости, ради крепости богатырские, славушки молодецькие. Поехау, он, царевич, . дорожку. Видели, что садитсе, а не видели, в кою сторону укатиусе. Вот

он опеть доезжаэт до этой горы. На полугоре лежит плита, и на этой плите подпись подписана и подрезь подрезана: «Три дороги растáни. Дорогой самому голодному быть — ехать, а в другую — сам сыт, да конь голоден, а в третью — с девицей спать». Вот он обратиусе: «Как я не поеду на голодном коне, а самому доуго не жить, а с девицей спать — эта дорога для меня весьма лучшая!» И опеть поворотиу — с девицей спать. Доезжает он до терему. Вдруг девица: «Душечка идет, я выйду, из седла его выну. Хлеба-соли кушать со мной и спать опочевать».— «А я хлеба соли кушать не хочу, а отдохну, дорожка не скорó спать».— «А добрый молодець, чарьской сын, не торопись ехать, а торопись кормить». Вот он опеть с простого сердцу лёг на кровать. А она его опеть туды. «Кто летит?» — «Василей Царевич».— «А кто сидит?» — «Федор Царевич».— «Ну какóво же, братанушка, сидить!» — «Да не худо. С голоду не уморит, да и насыта не накормит — фунт хлеба да фунт воды. Эка, пáря, вот попали!» Вот и сидят молодци-то, царьские дети. (Дальше рассказывается в тех же точно выражениях, как отец созывает пир и как уже младший сын Иван Царевич вызывается ехать к Синеглазке). Доехал до дорог до растáни и поворотил он на ту дорогу, где самому голодному быть. Ну и доезжает он до терему. Стоит терем, избушка на курье ножке, на собачьей голёшке. «Эта избушка — к лесу́ задом, а ко мне передóм!» Эта избушка повернулась к лесу задом, а к нему передом. Обратиусе он в эту фатерку, и сидит там старушка баба-яга старых лет. Шоуковый куҗель мечет, а нитки через грядки бросаэт. «А, говорит, руськево духу не видала: руськяя коська сама ко мне пришла. И я этого человека изжарю, на белой свет не опушшу».— «Ах ты, бабушка яга, одна ты нога, ты не поймауши птицю, теребишь её; а, не узнауши ты мóлодца, хулишь. Ты бы сейчас скочила, пёрнула, столп отдёрнула и сителем потресла и говеденки принесла, напоила меня, накормила доброго молодця, дорожного человека, и гля ночи постелю собрала; улёгся бы я на покой бы, а ты села бы ко мне ко зголовью, стала бы спрашивать, а я стал бы сказывать: чей да откуль, милый человек? Как тебя зовут?» Вот эта старушка всё дело и справила, его накормила, как следуэт, и ко зголовьицю села и стала спрашивать, а он стал сказывать. «Чей ты, милый, да откудь, да как

тебя зовут. Какие ты земли, да какие ты орды, какого отча, матери сын?» — «Вот я, бабушка, из такого-то царсва из дальнего я государсва, царьской я сын Иван Царевич. Поехау я за тридевять земель и за тридевять озёр, дальнёе государство к деуке Синеглазке за живой водой и за молодой от своего оча-родителя я послом настояшшим». — «Ну, дитя моё милое, она эта самая сильная богатырка, она мне родная племянка, а брату моему дочка; не знаешь ты, получишь ли, милый, добро». Вот он поутру вставаёт ранёхонько и умываетсе белёшенько. На все цетыре поклониусе и ей за ночлег поблагодарну. «Не стоит благодарности, Иван Царевич! Каждому полагаетсе ночлег и пешему, и конному, и голому, и богатому. Всяким людям. Оставь ты своего коня у меня, а поезжай на моём коне в эту дорожку. Мой конь большая, и палиця моя погрузняя». Вот он оставиу у старушки коня, поехал на её коне. Этот конь способнее, лушее его бежит. И йдет он близко ли, далёко ли. Не скоро дело дйетсе, не скоро сказка сказывается, и он вперед подвигаетсе. Вот и день до ночи коротаетсе, вот он завидел стоит впереде терем, избушка о курьих ножках, о собачей голёшке. «Ах ты терем-избушка на курьих ножках! Ты повернись к лесу задом, а ко мне передом, мне не век вековать, одна темная ночь ночевать. Как мне из этой фатерки зайти, так и вытти, как заехать, так и выехать!» Вот эта фатерка обернулась к лесу задом, а к ему передом, как он подъехау. Вдруг конь услышау и заржау, а этот откликнулся пушше, потому что кони бывали одностадные. Услыхала в фатерке старушка, — приехала ко мне, видно, сестрица в гости; и вышла она, и разговаривают между собой. Не сестрица приехала, а приехал молодець прекрасный. «Пожалуйте ко мне в палатку». Коня этого убрала и его к себе пригласила. Встречают по платью, а провожают по уму. Что у ей в доме нашлось, все взела и накормила, и опеть для ночи постелюшку собрала, к изголовьицю и села. «Чей ты, милой человек, находишьсе? Чей ты, да откудь, да как тебя зовут?» — «А я, батюшка, из такого-то царьсва, из дальнего государсва, царський сын». — «Куды продолжаэшь путь?» — «А поехал к девке Синеглазке за живой водой и за молодой. И надо у нее захватить живые воды и молодые, куушинец о двенадцать рылец». — «А не знаю, милой, как ты получишь? Она сама сильная

богатырка. Она мне племяника, мово брата дочка. А в лес съидешь подальше, побольше нарубишь. А у меня есь старшая сестра, ты туда и съйдешь, а у меня почуешь». Вот он и обночевалсе у старухи. Поутру он вставаэт ранёхонько, умываетсе белёхонько, на все четыре стороны поклониусе. «Да не стоит благодарности, Иван Царевич! Ночлегу не возят и не носят с собой, везде полагается ночевать, и пешему, и конному; оставь ты сестрицина коня у меня, а возьми моего коня; мой конь ешшо бойчая, а па́лица моя грузняя». Вот он сейчас и отправиусе. Вот он и видет опеть, далеко ли есть. Всю станцию проезжаэт скоро, все сутки в дороге. Доехау до терема. «Ах, терем, избушка! Обернись к лесу задо́м, а мне передом. Мне не век вековать, а ночь ночевать». Подъехал он к этой фатерке; конь усышау, опеть заржау, а этот откликнулся пушше. Вот услышала хозейка: «Приехала, видно, сестриця ко мне в гости!» Погледела — конь её, а седок чужестранный, и не знает его. Ну, так вот говорит: «Пожалуйте ко мне в полату». Стречеют вас по платью, а провожают по уму. Вот что у её свелось — она этого человека напоила и накормила, и собрала этому человеку постельку. «Чей ты, милой человек, да откуль находишьсе?» — «А я — Иван Царевич: поехал я за тридеветь земель, и еду я за тридевять озёр, еду я в тридесятое царство, и надо мне воды живые и молодые и кувшинец о двенадцати рылец». — «А где, дитя мое милое?! Вокруг её царсва стена три сажени вышины и сажень ширины и стража тридцать богатырей — тебя в ворота не пропуся. А надо тебе ехать в сретину ночи да ехать на моём коне — мой конь через стену и перескочит и в ночное время, и в первом часу ночи. Хоть сегодня еще передню́й, а сегоднешнюю ночь переправься». Вот она ему и показываэт: «Ты, говорит, бери воду в таком-то ми́сте, под таким-то номером; а войдешь в спальню, они спать, их тринадцать богатырей, по одну сторону — шесть и по другую — шесть, все в один лик, в один рост». Вот он сеу на её доброго коня и поехау в ночное время уж. Этот конь — подскакивать, мха, болота перескакивать, рики, озера хвостом заметать. Это дело было, пошла стрепня рукава стрехня; кто про что, а кто в пазушку. Эту станцию проехал он ходко. Приехау к этому граду, не спросесь перескочиу этот конь и перемахнуу стену. Вот он сейчас эти вешши нашоу в таком-то ми́сте, под таким-

то номером; добраусе и захотел ешшо самоё увидать. Приходит в спальню. Оне спят. По стородну шесь и по другую шесь, она на расмашку. Он и напоил в её колодцике своего коня, а колодцика не закрыу, так и одеяня оставиу. Надо ему ехать. А конь очутил и человеческим голосом проговорил: «Ты, Иван Царевич, погрешил, мне теперь стены не перескоцить». Он начал коня по крутым ребрам: «Ах ты конь, волчая пась, травяной мешок! Нам здесь не проживать в этом государсве». Вот конь махнул и однем подковцем заднее левые ноги и задеу за стену. У стены струны запили и колокола зазвонили, тут просто воуки завыли, и по всему царсву пошоу звук: «Вставайте! Сегодня у нашей богатырки покража большая!» Вот эта сама Синеглазка с двенадцати этими богатырками в погоню. Вот к избе, там другой. Коня переменил, а она не кормя идет. «Баушка! Не видала ли сукина сына, такого невежа?! — «Нет, баушка говорит, не видала! Проехау Иван Царевич, во всем подсолнешном царсве такого нет — солнышко на небе, а он на земле». — «Воротитеся, пожалуйста. Мне не то жалко, что коня напоил, а то дорого, что колодцика не прикрыл!» Вдруг доехал до другие бабки. Он сел на коня. Он с улицы, а она (богатырка) на улицю. «Баушка! Не видала ли кого?» — «Нет, проехал молодець, да давно уж, молодець прекрасный — солнышко на небе, а он на земле». Ну, он обратиусе на своего коня и сеу. Вот она стала вид забирать; как стала достигать, он на коленки встау и прошшенья просит. Ладят эти богатырки на него наехать, с плеч голову снесть. Она и отви́тила, что покорной головы меч не сечёт. Слезла сама с коня и берёт его за белые руки и подымает его с земли. Вот оне тут в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах, на шеуко́вых травах роскинули оне шатер белополотняный. Тут оне гуляли и тонцовали в этом шатре три дня и три ночи, трое сутки. Вот они тут обручéлись и перстнéми оменéлись. «Через три года приеду я к тебе, свое царсво уничтожу». Она отвитила ему: «А ты идь домой, нигде не привёртывай, и она домой, и ты домой идь». Вот он приехал в свою местность, до этих растеней, до этих до дорог и думаэт: «Вот хорошо, домой еду, а мои братья иде-нибудь в засаде сидят, гниют понапрасну». Вот он поворотил с дорожки, тоже их проведать; обратилсе к терему; она выскочила и говорит: «О, Иван Царевич! Я тебя давно

поджидаю хлеба-соли покушать». — «Я не покушаю и поем». — «Дай тебя из седла выну». — «Видал и лучше тебя».Она его ввела. Он ее на кровать положил, да сам и спехнул. «Кто есь там жив человек?» Они, как два комарика, спишшали: «Мы живы — Федор Царевич да Василий Царевич». Он у неé насбирау кое-чего снастей и чего и вынел их. И подошли оне к стене. А зеркала на стене, землей стали порастать. «Да что мы будем людей пугать? Уж больно черны стали». Он их умыл живой водой, по-старому оне и стали, обратились. Ну вот хорошо, сичас сил и поехал, а они пошли пешком: коней не было. Приехал он на ростанье тут. «Что, братьица, покараульте мои вешши и коня, а я поотдохну». Вот он лег отдохнуть и богатырским сном заснул. И говорит Федор Царевич: «Что ты, Василей Царевич, думаэшь?» — «А вот что, пришлось бы изгнить в ее погребке нам, ежели бы не братец выташшил. Нас отец-от без вешшей не мало и чести дас, сделаэт пастухами. Давай его в нору и спустим, а его вешши возьмем». И спустили его. Вот он летел туды три дни и три ночи. Улетеу, отшиб он свои ноги. Опамятсвовал на взморье. У этого моря только старый дубни́к лес да мелкий сосняк. Только нёбо и вода. Вот и подынается погодушка, божья благодать, из моря и с нёба. У Нагай-птицы дити пишшат, а погодка их бьёт. Взяу он с себе снял, Нагай-птици деток покрыл одеяньем, а сам под дуб ушоу от погоды. На проходе этой погодушки летит Нагай-птица. Всякими языками: «Не убила ли вас погодушка-несчастье?» — «Не кричи ты, мать! Нас сберег рассийский человик. Потише, не разбуди его». — «Для чего же ты сюды попал, милый человек?» — «Меня братья засадили так; братья родные, а хуже чужих». — «Что же тебе надо за беспокойство? Ты моих деток сберег. Злата ли, серебра, камня драгоценного?» — «А ничего, Нагай-птица, мне не надо, ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попась в родную сторону? — «Ну дак мне надо два шшана пудов о двенадцать говедины». Вот он был человек прожиточный, сошоу к рыбакам и к лесникам на взморье. Накупил гусей, лебедей и серых у́тиц. Привезли, поставили ей один на правое плечо, а другое на левое, а сам стретину стал кормить, и она летит в вышине. Шшан выдавал целый, изо другого стал потчивать. Подавать да подавать — и стала у ей харчей всех. Вот стали у ей харчи все. А она обёр-

тывается. Он у себя и у рук и у ног пёрсты обрезал да ей и выдал. Прилетели. «Слезай, Иван Царевич!» — «Не могу сойти: свои персты отрезал». — «Не знала, что твое мясо. Всего бы тебя съела». Всё взадь выхарнула, она взадь отправилсе. Он примазал живой водой да молодой: у его была склянка для дороги. Он посмотреу, братовей нет уж. Пришоу он пешком в свое отецецькое цярьсво. А отцю, матери не кажетсе. По-прежнему купецецкая была торговля, винная лавка. Он всё пьёт. Слышау, что отец ешшо царсво не прописау, а вешши получиу. Вот сичас это дело прошло. Вот эта девка Синеглазка и прикатили в это царсво. Она за три версты в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах, на шеуковых травах роскинула шатер белополотняной. От этого шатра до царьского дворця три версты сделала мост калиновый. Макоуки точёные, перила золочёные. На этой макоуках птицьки пели разными голосами. А это сукном драгоценным обтянула улоцьку. Вот в восемь часов утра царю повеска: «Ваше царское величество! Пожалуйте в сегоднешний день виноватого; а виноватого не потасі́, ваше царсво покачу, а у тебя живого глаза выну, домой отвезу». Он читаэт повеску и плачет. «Ну поезжай-ка, Федор Царевич! Ты, видно, виноватой, доуго ездил». Вот он и пошоу, Федор Царевич, пешком по этому месту. А у этой-то бегают два мальчика около шатра — прижитые. «Маменька, маменька! Сюды наш тятенька сегодня идёт». — «А по которую сторону?» — «По правую руку мосту». — «Как ишшитйте, исхлешшите!» Так робятка протрехнули, что вернулся и домой и не сказывает отцу. На второй день повеска: «Подавайте и на сегодняшний виноватого. Не дадите, сама подкачу, вас в полон возьму». Вот он и говорит: «Ступай ты, видно, ты виноват, Василий Царевич!» Василий Царевич пошоу. И опеть робятка: «Маменька, маменька! К нам опять тятенька идёт». — «А какую сторону?» — «А по левую руку» (и он мостом идти не смеет) — «Шшйте и исхлешшите попушше прежнего». Так протрехнули, что добром. И этот обратиуся к отцу. И сейчас, так и не жалится ни на кого. Вот хорошо, на третий день опеть повеска. «Ну ступайте, ишшите пьеницу — третьего сына». Сейчас он пошоу. С собою взял компанью двенадцать человек выпивших людей из заведенья чайного. Этот мост ломают, сукна рвут и за собой дорогу чистят. Мальчики:

«Какой-то разбой идет с двенадцатью товаришши. Мост ломают, и сукна рвут и по себе ди́лят». А она говорит: «Это ваш тятенька с товаришши. Берите каменье драгоценно, угощенье и напитков, и идите тятьку встречать». И сама вышла стречать. Вот стри́тила их. А этих товаришшей по стаканчику обнесли, а они по своим домам и отправились. Вот она сама обратилась к государю: «Вот те двое его засадили, в земное царсво его взели. Он три года там и страдау». Вот было всего довольно в этом царсве. Он обвенчалсе. Все пили на этом пиру. И посадиу его на царсво. И заступил цярьсво топерь отеческое, а этим братьям нес мало чести. Отпусти́ли ночевать: где ночь, где две, а третью ночевать нельзя. Сколько знау, столько и сказау. Весь конець, я не молодець.

71. СЛУЖИЛОЙ СОЛДАТ

Вот в прежни времена служил солдат 25 лет и выслужил 25 реп — и единой красной нет. Вот он служил в публичных местах. Которые по одно году по отпуску домой уволили, а его государь ешшо на год оставиу. Вот за этот год государь подарил ему коня. Такого коня в публичных местах не было. Вот он и поехал дорогой незнамой. У одного хозеина в селении спросиу, велик ли этот перелесок. Вот этот хозеин и ответиу: «Я сам век не бывал в этом перелеске: не знаю, велик ли и есь». Вот он выехал в этот перелесок и не знает, дорога незнакомая; нашел он тут сторьё с сеном; коня привязау и зарыуся. Вот туто образовался, поутру ставау, коня оседлау, а сторьё вдруг загорелось. «Как же? огошка не до́бывал, табаку не курил, а загорелось». Из старья выскочила девица. «По-пустому я горю, выташши меня из старья!» Она топерече выскочила из старья, овернулася змеей и три раза́ овернулась ему круго́м шеи. Вот делать нечего, не отбыть от ее, уж с ней и поехау. Пере́хау перелесок до жила́, и просит он у хозеина чайку попить и пообедать. Вот про него самовар сготовили и обед, что ему требовалось. Она с ним в одной чаше, с ним пьет и ес. Вот он сейчас поспешаэт: «Что тебе хозеин за угошшенье?» — «Да ницего, служивый. У меня два сына сами в службе были; за них мне с тебя ничего не надо». Вот хорошо, он доехал. Большой град-город видно. Приехау к этому городу,

к городским воротам. В этом городе все окаменело. Со сторожами караульными ничего и не говори. Взяу коня, отпустиу на волю. Делать нечего уж! Она сейчас отпирлась да на стену и поползла. А эта стена была три сажени вышины, а одна сажень ширины. А он по бечеве влез, да за стену и улетеу. Вот хорошо! Опамятоусе. Пришеу на хлебный рынок; ничего не может отыскать — все камнем окаменело; все торгаши и извошшики. Вот она сделалась по-старому, она 33 года была заклеймена, все царсво тоже сделалось по-старому. Вот и говорит: «Отышшите человека, который меня освободиу от огня, он у нас топерь в цярьсве». Вот, хорошо, розаслали все афишки, и по домам, и по трактирам, и везде, чтобы таковокого человека розыскивать. Найти не могут. Один хлебопекарь вышеу и говорит: «У меня есь незнамый человек в пекарне; спит». Вот его добудились, к государю и обратили его. Вот ему государь и говорит: «Я тебе отвожу место возле меня, другое против меня, а третье, где пожелаэшь. Вот я тебе топерь дарю половину цярьсва. И дарю паука многоцветного, а ежели желаэшь взеть мою дочь с большим приданым». А он говорит: «Я, ваше величество, взяу топерь у родителей благословенье на службу цярьскую, а насчет законного брака не брау благословенья». А она ему отвйтила: «Не меня, а другую возьмешь, все равно, ужо жонишься. Так я тебе дарю рубашку: на огне не сгоришь, и на воде не потонешь, и никакая смерть будет тебе от рубашки, ото всего спасет. А ешшо дам тебе револьвер шестиствол. Заряжай, — лучше мины всякие разнесет, что потребуется». Ну и денежные суммы на дорогу дала ему, колькй надо на продовольство. Он и поехау. Воть он и ехау скольки дён, скольки ночей. Вот доехал: силы стоит армия большая; этой армии серому ворону не облетывать, а ясному соколу не осматривать. Было это силы сорок королей и сорок королевичей да еще у каждого в запасе на полях по сороку тысяч стояло на полях. Вот он спросиу, не спросиу, какая сила, да двумя стрелами испортиу, всю силу и разнес. Вот ехау в град, а там про него дорогу уж и росшшившают, подъемные мосты спушшают. — «Вот эта сила и под тем стоит?» — «Эта сила принця». А у принець приехал у короле дочь свататьсе, а ему охота натурой взеть. А королевна за него выйти жалает, а отец и мать не жалают. Вот тут поговорили да побаели. А солдат с этой

королевной и обвенчалсе, и не спросиу никаких данных. Вот их отвели на отдых. Она и говорит: «Как ты меня обратил, хотела за принеця вытти, а вышла за тебя, в пожилых годах». А он ей отвечает: «Ах ты жоншина! Волосы у тебя доуги, а ум короток, не годитсе тебе идти в поук. У меня вот рубашка: не на огне не сгорю, не на воде не потону. Вот револьвер, два стрела выстрелила и два остались». Вот она сейчас напоила, рубашку с его сташшила и принцю отправила. А сама в лауке рубашку купила и револьвер. А те отослала принцю, чтобы тот пришоу ее мужа и убиу. — «Я ему не жона буду, а он мне не муж. А я тебе жона буду, а ты мне муж». Вот этот немедленно принець приехал, сразу злой смерти и придали, сразу порешили его. «Куда это мне, сударыня, тело девать?» — «А ты его на меукие кусья расколи, в мешок оклади, к коню привежи. Куды надо, туды конь и поволочет». Вот хорошо. Конь переду не знаэт, а взад и обратиусе. Прибежау в цярьсво змеиное. Бегаэт и ржет. А она вышла на крыльцё, видит знакомый конь и говорит: «Вот топерь конь знакомый говедины мне привез; ну большая тебе дурность была у нас, хорошо тебе у нас было жить. А жонила молодца чужая сторона. Теперь жонитьсе бы и попробовау. Вот кусья все не истерено; я тебя опеть обрашшу». Вот она отправилась за тридеветь земель, за тридеветь озер. Приходит к бабе-яге, одной ноге, за живой водой за молодой. Вот и просит: «Дай мне воды хорошие». Вот она родник и указала: «Вот, говорит, самая вода и лучшая». Вот она птичку разорвала пополам, в родник и бросила. Птичка взад и не вылетает из этого родника. «Вот, говорит, старая меня обманула, не такую воду, — пустую указала». — «А эта лучше вода», указала другой родник. Вот она опеть птичку разорвала, бросила в родник, и птичка опеть не вылетаэт. Опять не того! Пустоё дело! Из третьего родника птичка опеть вылетела живая. Вот это хорошая вода. Вот она оборотилась в свое цярьсво и стала это кусьё складывать и смазывать. Вот он стау по-старому. «Вот как доуго спау! А где лег, а где проспауся!» Да вот и жонила молодця. «Ну желаешь ли ты меня взеть, обвенцятьсе?» — «Нет, не желаю». Вот хорошо. Она сейчас: «Я тебе дам кошелек самотряс. И убыли никогда не будет. Поезжай, куды знаэшь, в подземное ли цярсво». И ехау он той самой дорогой, тем цярьсвом, где он венцяется. А все

это место стало заростать лесом, весь град пожжен. В одной хатке, фатерке он нашоу — живет человек. «Хто тут есь жив человек в этой фатерке?» Отвечеет: «Я, солдатик». — «Какого ты государя?» — «Да я — ешшо государя Первого Петра!» — «С кем приживаэшь?» — «Да один. В цярсве было много, да все померли. А ты хто?» — «Да я не давних царей. Иван Иванович — я. Пусти меня ночевать».— «Да я бездушно рад, да только у меня есь нечего». — «А как тебе, дедушка, на эту сумму нельзя найти денег?» — «У меня денежек нету». Он сумою трехнул и дает ему: «Поди купи чайку, сахарку, и водочки, всякой закуски, всякого продовольствия». Вот старик всего накупил. И сейчас они чайку попили, позакусили, водочки попили. Вот старичок и спрашиваэт: «Куда это ваше цярсво девалось?» — «А нет, батюшка, кто старое помéнет, тому и глаз вон. Я раз помúнул, и глаза нет, а второй раз и поменуть нечем». Ну он и отвечает старому служашшему: «Роскинь подоу-то». И насыпау ему поуный подол серебра. «Все роскажу, пусть и другого глаза не будет». Вот начал сказывать ему запятую: «У нас был король, а у этого короля была дочь. За королевну сватауся принец. А ему, королю, была дать охота. Вот ехау проезжаюшшей флотьскей солдатик, всю силу и похитиу. Вот обаяли его, он и повенцялсе с этой королевной. Ей бесчёстно, что за принця не вышла, а вышла солдатика флотьскего простого, в пожилых летах. Он топерь свели отдохнуть, — она с него сташшила рубашку и револьвер; принецу и отдала. А мужу другую рубашку купила». — «А, дедушка, я тот самый и есь солдатик». — «Ну, батюшка, послушай, я больше нечего не знаю». — «Дедушка, я конем обернусь, а ты меня прынцю позад и проведи. У него торговый день про завтра. И просите за коня 1500 руб., и он дас, а деньги в твою пользу. Вот они утром встали, он конем обернууся, старик его продавать и повел. Вот с прúнцём свидание сделали. «Дедушка! Что это не продажный ли конь?» — «А куды же мне с таким конем человеку дряхлому! Надо продавать». — «Много ли ты за него будешь просить?» — «1500 рублей». — «А вот и не продать, дедушка!» — «Ну не продать, так что же делать!» — «Вот возьми тысячу рублей». Старик не берет, не соглáсён. «Возьми двенáдцёть сот». Добро, прикончиу дело. «Веди, мой за 1500 рублей». Вот привели на стойла. А пишша чтобы шла с

кухни. Лучшая куфарка и взела кормить его. Сейчас покормила. Он и говорит своей супруге: «Пойдем покататься». Она посмотрила: «Конь добр, да не старый ли муж мой?» — «Да что это у тебя мужей много? Флотьскей был муж, да и конь — муж?» Она промолцяла. Вот она пришла во свой дворець и сделалась больня. Вот дохторов, лекарей обошла, ни от кого пользы нет. Она мужу и говорит: «Я двенáдцёть дён и ночей не спала, на утринней заре заснула, и видится мне во сне. Зарежь этого коня, да серце с печенью вынь, я поела бы и здрава стала по-старому». — «Ах поезжау бы!» Да жена желчае: «Надо коня зарезать». А эта куфарка была продувная женщина. Пришла проведать коня, а он в крови по копыта стоит. «Что ты, конь, стоишь? Али невзгодушки цюешь?» А он человеческим голосом и говорит: «А ты вот что, пока я в живности, ты вырви из хвоста волосья да в сад заповедной и брось». Вот утром пришли месники, коня стребили, серце и печень вынули, поварам и подали. Повара и сготовили кушанья. Вот она и покушала, здрава и стала. Вот хорошо, нескольки время прошло. Он пошел гулять в сад. Посмотреу, что древо очень велико. Ее посылает. Она пошла посмотреть древо. Ей и задалось. «Древо-то добро, да не вряд ли не муж, муж мой старый!» — «Да что и лгать. У тебя и флотьскей — муж, и конь — муж, и древо — муж, и я — муж! Все мужьé!» Она опеть сделалась больня. Всех дохторов обошли, госпитали, ничего не могли сделать. Вот опеть она ему и отвецеет: «Ты бы древо спилиу бы, и коренье вынули бы топорники; это бы корéньё истолкли нáмелко, я бы с кофеем да и в чаю и попила бы это древо». Вот он ей и отвечает: «Сад весь испакостил». Горничная девица пришла в сад и отвечает древу: «И скоро твоя жиснь на корню». — «Чего надо мной станут делать?» — «А она станет тебя в чаю да в кофею пить». — «Не станет, говорит, возьми, покуда я на корню стою, листья возьми да и в морё скидай». Вот эти топорники пришли, дерево срубили, корéньё на мелкое ей приготовили. Попила не попила, опеть поправилась. А этот принец, у него была купальня отеческая на взморье, пошоу в купальню, вымылсе и пошоу он по бережку поразгулятьсе. У бережку дворовая утка просто к рукам лизет. Вот он здумал эту утку схватить. Вот утка эта подальше, да подальше. Он рубашку положил и револьвер, все оклал и за ей поплыл. До

того доплыл, что душой не может собратьсе. Вот сейчас утка бросилась о землю, обернулась солдатом, револьвер схватиу да злую смерть принецю и придал. Во дворець вернулсе, и на другой стрел и ей смерть. А в этом королевстве было все довольнё. Где пиво варить, и вино курить, честным пирком да и за свадебку. На этой горничной и повенчалсе. Я на этой публике был и пиво пиу. Пиво текло, а мне в рот все не попадало. Дали мне коушик, так я изломал его, дали мне ложку, я выкинул за окошко, а кто лёгок на ножку, тот беги по ложку.

72. КУПЕЦ БОГАТОЙ, НЕБЛАГОЧЕСТИВОЙ

Был купець богатой, именитой, торгуюшшей. И такой был он неблагочестивой, не пропушшал никого ночевать: ни конного, ни пешого. И вот приходят к нему ночёвать артиль в 13 человек и проситьсе. «Я теперь не знаю, что вам пушшать. Я здесь работниця».— «А где ваши хозяева?» — «А хозяева вверху, в доме там».— «Мы ночуем здесь. Не уйдем!» Пришли в куфню. Она их накормила. И постели забрала и улеглись преспокойно. Около полуночи или более или мене опеть очутились люди там за окном. Говорят: «Здешнюю ночь, Исусе, опочеваешь с апостолами-то?» — «Здесь», говорит. «Так в верстах в 50-т от этого места или боле у бедного мужицька родиуся седмой сын. Какой участью на роду напишешь его?» — «А участью хозяина этого иминья» — «Так и записать?» — «Так и запиши». Вот и преспокойно те не заходили в дом, а эти 13 человек ушли тоже до свету. Поутру этта куфарка встала за обрядом, куды ей требуется. Поправляетсе она с делами. Сготовила она хозяевам самовар. И она же стала чай пить, на другом столе тольки. «Я, Иван Иваныч, перед тобой сегодни виновата ночью».— «А какая такая вина?» — «Ты никого не пушшаэшь для ночлегу людей. А я запушшала сегодняшнюю ночь 13 человек. Один там около полуночи ответил под окном. Там за 45 за 50 верст у бедного мужицька родился седмой сын. Они его твоим именьем и наградили». Он взяу стоу и едва столом эту куфарку не захлеснул хозеин. «Я знаю и этого человека Чичигина. Да, он бедно живет. Вот я сам отправлюсь. Узнаю, коль правда, то работницу награжу, а то заместо её не одна будет жить

работница. С большой наградою могу ее россчитать». Взяу он запрег лошадь, положил товару для случая. и отправиусе. Приезжаэт он в этот приход и в это самое селенье. Вот не спрашивает хозеина и прямо идет в дом. И в этом доме обиходу совсем не было. И бегают робятки. И одеяньё с них свалилось, и рубашки плохие. «Что жо вы так добились, что и одеянья не стало?». Вот и отвечает хозяин этому человеку: «Как жо, как у нас седмой сынок родиуся? Живем худо, надеу плохой».— «В какоё время?» — «В такое», отвечают. «Ну, как вы можете его кормить это семейство, какими средствами?» А они ему отвечают: «Как придётсе, Иван Иванович».— «Продайте из ортѝли одного».— «Продать-то мы его продали бы, да покупателей нету».— «Продайте, который-от нынь родиуся. Я и куплю. Много ли вы за него вы возьмитé?» — «Да не знаэм чего взеть».— «Возьмите триста рублей. За него деньги заплачу вам». Вот он триста рублей отсчитау, да и говорит: «Обирайте деньги». А сам и увез его и с люлькой. Поехал он дорогой не той, не известно. А перелесок один был на дороге 20 верст. А самое зимнее время, около самого Крещенья. Зима была холодная, морозы были лютые. Он в полдорожке, на перелеске его и вышвырнул. Там и оставиу: «Владей моим именьем». Сам и уехау. А после дорогой этим ехал барин. У этого барина сидит кучер на кóзлах. Около этого места и остановилсе. «Что же, ваше благородие, кабы летнюю пору, кабы бурлáки какие б ночевали, а теперь не знаю в зимнюю пору, кто это там огонь заводит?» Барин и посылаэт его разузнать. Этот кучер сошоу, а этот младенець в люльке лежит и поигрываэт цветами нового растенья. И ночник горит. Этот барин взяу этого младенця и привез домой. «Ну, баронь, находку я хорошую привез в этот выез».— «А хорошая, так и ланно».— «Да сына тебе привез». Вот этта они сына и стали топерь воспитывать. И воспитали этого сына до восемнадцяти лет. А этот купець прежде дружбу имел с этим барином. Поехау он торговать в инные земли; этот купець и наворотиу к барину на шесь мисяций. А он, этот человек, ходит, помогаэт самовар готовить, да ешшо чего там разные угошшенья. Этот купець и разговориусе: «Какая славная у вас прислуга!» — «Какая прислуга? Это мой сын». Купець и отвечаэт барину: «Вы будете бара, пяток пара, на

вас и побору не будет. Отдай-ко ты мне сына в доброхоты».— «Дак сына надо при себе держать. Надо его и жонить».— «Жонить? Так у меня и дочка есть».— «Ну, и самая удобная, говорит, штука». Вот сейчас и породнились и сделали сватовство. Вот он горюет барин, купцю и говорит: «Да мне это сын богом данный. Да его в таком-то перелеске нашоу». Тому купцю-то серце так и обожгло. Вот он ночью и надумал поутру письмо написать, письмо, чтобы его там порешили. Вот он поутру встау. «Да нельзя ли мне писмецё написать на родину? А с ним и послать?» А барин отвечает: «Да я сам в объезд поеду, сам свезу».— «Нет, ему ловчае». Вот он поехал, а его на богодану родину невесту смотри́ть. Пошоу он туды, и попадает ему настречу старичок на перелеске. «Здравствуй, молодой человек». Обошоуся с ним ласково старина. «Здравствуй, говорит, дедушко».— «Куда, милой, твоя путь гласит?» — «А путь гласит на богоданная родина нареченную невеста посмотреть, тéшшу да и всё заведéньё». И отвечает ему старичок: «Нет ли у тебя письма?» — «Есь».— «Покажи-тка ты мне письмо». Он ро́зорвал это письмо. Так и писано в письме: «Старуха, не жалей денег, а передай этого человека злой смерти». Это старик письмо да все и изорвал. Он отвечает: «Ах, дедушко, ты всего меня разориу».— «Ничего я тебя не разориу!» Он вынул сумку, из сумки вынул чернила и перо. И под ту руку, какой писано, и написал письмо: «Ступай же ты нынь к купцихе и передай ей письмо». Приходит он в дом, купцихе это письмо и передал. Вот и писано: «Купциха, сейчас венчай молодого человека». Купциха сейчас гостей созвала и повенчала его со своей дочерью. Этот купець не поторговау и возвратился скоро домой. А зеть тут ходит с ключам везде и торгует везде и в лавках, и в магазинах. А он приехал да своей купцихе: «Зачем ты ему такое доверие дала?» — «Да я его обвенчала со своею дочерью».— «А кто тебе велел?» — «А я по твоему письму».— «А разве я писау это в письме?» — «Да поди, погледи письмо, вон в камоте». Он взяу, посмотриу: письмо его, а не то писано. Ну, он живет да на затя и ко́зитсе. Нелюб зеть. А у этого опеть, у купця были заводы смоляные. Написау он письмо туды. Да не порешат ли его там уж. И надо бы ехать на паре лошадях. А он пешком послал. Пошоу этот человек. А попадаетсе ему старичок. «А куда

пошоу путь гласит?» — «А пошоу — у папаши есь заводы смоляные, я иду посмотреть».— «А у тебя письмо?» — «Есь».— «Покажи». Прочитау, изорвау, вынул перо и написал другое. Ему и подал. Вот он пришоу туды на завод и подал письмо служашшим, доверенным в этой заготовке. «А, молодой зеть, мы рады. Мы твои рабы, а ты будь наш хозеин». Он им отвечает: «Как я ваш хозеин, а вы мои рабы,— кто получал 10 рублей, тот получать впредь будет 20, а кто 20 — тот получит 40. А наш папаша сюды прибудет,— попотчуйте его злой смертью, угощением, говорит, хорошим». Этот папаша не мог дома протерпить и приехау на эту заготоуку. Его ссадили в котеу, в смолу кипучую и прикончили. Это именье все тому человеку и осталось.

ЕЛИЗАВЕТА ПАНТЕЛЕЕВНА ЧИСТЯКОВА

73. ПРИСКАЗКА

Был старик да старуха. У их была пестра курочка. Снесла яичко у Кота Котофеича под окошком на шубном лоскуточке. Глядка мышка выскочила, хвостом вернула, глазком мигнула, ногой лягнула, яйцо изломала. Старик плачет, старуха плачет, веник пашет, ступа пляшет, песты толкут. Вышли на колодець за водой поповы девки, им и сказали, что яйцо изломали. Девки ведра изломали с горя. Попадье сказали, та под печку пироги посадила без памяти. Попу сказали, поп-от побежал на колокольню, в набат звонит. Миряна собрались. «Что жо сделалось?» Тут межу собой миряна стали драться с досады.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГАДИНИН

74. МИШКА ВОДОВОЗ

В одном царстве, в одном государстве, именно в том, в каком мы живем, жил царь да цярицця. У царя и у царици было детей один сын. Был он на возрасте — летах. Здумал он женитьсе, просил у отца благословенья. Благословял его отец: «Поезжай по всем городам, по всем землям, выбирай себе невесту». Объехал он все земли, города, не мог нигде себе невесты по нраву найти. Приезжает он свое царсво, его отец и спрашива-

эт: «Прибрал ли ты себе невесту?» — «Не нравятся мне невесты, только есть через тридевять земель, во тридевятом царстве — живет Анна-царь и управляет всем царсвом. Славная деушка». Берет он деветь богатырей, спрашивает у отца благословенья и идет сватать себе невеста. И в этом царстве не было источника воды. И один человек возил из утра до вечера воду, и только ему и роботы, и звали его Мишка Водовоз. Провозил день до вечера Мишка Водовоз воду. Выходит царь на белой двор, и спрашивает у него Мишка Водовоз: «Где же, ваше царское величество, сегодняшний день у вас Иван Царевич?» Царь отвечаэт ему: «Ах! Мишка Водовоз, уехал Иван Царевич за тридевять земель, в тридевятое царство брать себе невесту — Анну-царя». — «Ах, что же он мне не сказауся, я бы с ним съездил. Дайте мне коня, я пойду, догоню его». Царь дозволил дать ему коня. Сошоу он на конюшню, выбрау себе коня, оседлал коня и поехал достигать них. В скором времени догнал он своих товарищей и в большом толкучем болоте. Говорит он: «Бог попутел, добрые люди!» — «Просим милости, добрый человек! Далеко ли тебя бог понес?» — «Да с вами, товаришши». — «Да мы сами до сих пор йздим, что и не знаэм, куды дальше». — «Для того-то я с вами и поехал, вы бы век пройздили, не выехать бы вам». — «Ах, Мишка Водовоз!» Оборотился Иван Царевич и узнал его. Скоро выехали на большую дорогу. Скорым временем доезжают до царсва. Царсво стоит золотые верхи. Поехали они в цистое поле, в широкое раздолье. Сняли с лошадей сёдла и пустили в луга, шоуковой травки шшипать. И роскинули они десять шатров богатырских. А у Мишки Водовоза нет богатырска шатра, поставил три колышка, окинул свой балахонишко, выстроил себе шатришко и наказал всем десяти человеком: «Придёт посланник оттуда, будеть спрашивать — чьи вы люди, вы только сказывайте: «Не знаэм». Увидела Анна-царь в подзорную трубу со своего балахона, что десеть шатров стоят богатырских, а одиннадцатый шатришко, посылаэт сильнего, могучего богатыря: «Спроси, какие люди: насмешники, или силы просят, или женихи — шли бы в царсво». Приходит сильний, могучий богатырь, стал спрашивать: «Чьи вы люди?» Отвечают: «Не знаэм». Прошоу всех десеть человек, усе говорят: «Не знаэм». Подошоу до Мишки, пнул его ногой. «Этта

какой черт лежит?» У черта спрашиваэт — черт стал по-своему и рассказывать. Скочиу и давай его бить: до тех пор его биу, тот едва живой ушоу. Приходит сильний, могучий богатырь, Анна-царь и спрашиваэт: «Чьи люди?» — «Всё отвечают, что не знаэм». Выбираэт Анна-царь другого могучего богатыря. Подходит могучий, сильный богатырь и спрашиваэт: «Какие люди? Если насмешники — уезжайте, если силы просите — огонь открывайте, а женихи — идите в царсво». Те все отвечают 10 человек, что всё: «Не знаэм». Подходит он к Мишке Водовозу, пинаэт его опять: «Этта какой черт лежит?» говорит. Черт вставаэт, ему по-своему рассказываэт. Схватил его, давай бить. До тех пор он его добиу, что тот едва живой ушеу. Приходит он к Анне-царю и сказываэт: «Отвечают, что не знаэм». Выбирает Анна-царь сильнего, могучего, разумного богатыря и посылаэт. Подходит могучий, сильний богатырь и спрашиваэт: «Чьи вы, люди?» Всё отвечают: «Не знаэм». Прошоу он всех 10 человек, подходит он к Мишке Водовозу и спрашиваэт: «Встань, добрый человек, и скажи: чьи вы люди? Насмешники — уезжайте, силы просите — огонь открывайте, женихи — идите в царсво». Стау Мишка Водовоз и говорит: «Мы не насмешники, не силы просим, а приехали из такого царсва жениха сватать за Анну-царя».— «Ну, милости просим к нам в царсво». Оседлали коней, сели и поехали. Приезжают в царсво. Анна-царь стоит на балхоне и стречаэт них со своим заветом: «Я пойду за вас замуж, только сослужите мне службу».— «Какая у вас служба?» — «Есь у меня пистолет. Кто из него выстрелит, тот и будет мой жених». Иван Царевич выстрелить не смиет, боитсе. Мишка говорит: «Берись, я выстрелю, только отойдите подальше». И говорит Иван Царевич Анне-царю: «Я сам не буду стрелять, а есть у меня человек, так тот выстрелит».— «Мне все равно, был бы только из ваших людей».— «Прикажите вынести пистолет». Приказала Анна-царь вынести пистолет. Выносят пистолет 12 богатырей на носилках. Становят на землю, отходят прочь. Подходит Мишка к пистолету, берет в одну руку. Подняу кверху, пальцем ударИу, разбиу его вдребески, бросиу на землю и вымолвил он такое слово: «Это не орудье, а орудишко!» И Анна-царь говорит: «Есь у меня ешшо служба. Есть у меня конь. Кто моего коня объездит, тот мой жених». Иван Царевич

приказал Анне-царю вывести коня. Мишка Водовоз говорит: «Я объезжу». Анна-царь приказала вывести коня. Выводят 6 богатырей на трех цепях. Конь увидел чужестранных людей и забрасауся. Схватиу Мишка Водовоз его за одну ципь и вывеу его за город. Сеу на коня и приехау в топучее болото. И до тех пор он найздил на коне, что едва выехау на большую дорогу. Едва подошоу он к городским воротам, упау в воротах. Схватиу Мишка за хвос, волочит его и едва приташшил. «Нате коня, он пропадет,— мне беда будет». У Анны-царь не пиво варить, не вино курить, честным пирком и да за свадебку. Назначили Мишку дружкой на всем браке. Наказываэт Мишка Водовоз Ивану Царевичу: «Привезут тебя от венче́нья, посадят тебя за княжой стоу, тогда выпью немного, а стану шалить из ума. Стану бить, ломать, со мной никому не совладать. Ты выдь, меня и уговаривай: «Ты, Мишка, послушай меня, иди, я тебя поведу спать». И приведи к той спальне, куда тебя поведут на подклеть. Придвинь ко дверям». Оввенчалсе Иван Царевич. Привели его из церкви, посадили за княжой стол. Потом Мишка выпиу немного, стал бить, ломать, никто не мог совладать. Вышеу Иван Царевич, стал уговаривать: «Ах, Мишка Водовоз, иди, я тебя сведу спать». Отвел его к той ко спальне, повалил его к той ко спальне, ко дверям. Произвели княжой стол, повели Анну-царя и Ивана Царевича, в спальню на подклеть. Подходит Анна-царь. «Это кой пьяница лежит?» — «Не шевелите его, это дружка, он во хмелю неражой». Повалили Ивана Царевича и Анну-царя на подклеть. И Анна-царь стала Ивана Царевича заигрывать. Наперво руку накинула, потом ногу накинула, потом стала руки наворачивать. Иван Царевич был не богатырь, а она была богатырка. Иван Царевич говорит ей: «Ах, сударыня, дай мне сходить до ветру». Вышеу он за двери, будит Мишку: «Мишка! Вставай! Она нас обоих погубит».— «Вались на мое место, я пойду». Повалиусе Иван Царевич на Мишкино место. Пошоу Мишка Водовоз, сошоу, повалиусе рядом с Анной-царем. Стала Анна-царь заигрывать. Мишка Водовоз схватиу её за шиворот, ударил ее о пол, иссек два прута железных, а третий медный. Бросиу её, как собаку. Вышеу за дверь. «Ну, Иван Царевич, valись на постель. Теперь ничего не будет». Иван Царевич пошоу, повалиусе на постель. Перву

ночь и проспал. На другую ночь также повели на подклеть, Мишка Водовоз тут. Стала Анна-царь на Иван Царевича руки накидывать, и ноги, и груди наворочивать. Ему очень тяжело стало. И стал проситсе до ветру. «Мишка! пойдем! А то она нас обоих погубит». Мишка говорит: «Вались на мое место, я опять пойду». Она стала опять руки накидывать, и ноги, и груди наворочивать. Мишка схватиу её, повалил на пол, иссек два прута железных, третий медный. И прутья за кожу иссовал и бросил, как собаку. И вышел он за двери. Посылает Ивана Царевича: «Иди, ложись на постель, теперь ничего не будет». Проводили они день, угошшались. На третью ночь опеть. Царский закон: трое сутки. Пробыли они трое сутки. И ехали они раньше горой, а теперь вздумали водой. Оснастили они себе пароход. Взели себе 9 богатырей пароходом править. Сошоу Иван Царевич со своей Анной-царем в каюту. А Мишка Водовоз лежит среди пароходу без всякого приюту. Пустились они в море. Объехали несколько мес. И Анна-царь вышла из каюты и видит, что Мишка Водовоз лежит без всякого приюту. Оборвала себе пла́тьё, оцарапала лицё, распустила воло́сьё и бежит в каюту, говорит Ивану Царевичу: «Ах, Иван Царевич, меня Мишка Водовоз ссильничал». Не стерпя своего серца, Иван Царевич схватиу саблю и отрубил Мишке ноги и бросиу его в мо́рё. Мишка Водовоз схватиу свои ноги в руки и поплыл па берег. И Анна-царь велела повернуть пароход назадь, обнажила саблю: «Ежели не повернитé, то всех перерублю». И Мишка Водовоз бедный выплыл на берег. Сидит у берегу моря, качает головой. «Вот где пропадет моя голова из-за чужой п...» Ниоткудь взяуся, идет один человек, несет песте́рь за пле́чами. Доходит до Мишки. «А, Мишка Водовоз! Ты с коей стороны? Что сидишь этта?» — «О, дядя Микита, у меня ног нету. А ты что пестерь за плечами носишь?» — «А у меня рук нет. Руки в пестере».— «Что ж теперь станем делать?» — «Катись-ка ты теперь в гору». Закатиуся Мишка в гору. Подставил Микита в пестерь. Бух Мишка в пестерь ему. Топерь, слава богу, оба пошли. Вот они шли сколько места у край моря. Доходят они до некоторого царсва. И в этом царстве делаэтсе пир на весь мир — на князей, и на бояр, и на бедных людей, кто только идти мог. И царь хочет замуж дочь свою выдавать и выбыраэт рыцарей храбрых и могу-

чих. Посадил дочку в третий этаж дома: кто в третей этаж скочит, поцелует в уста и перстень с руки снимет,— и будет её жених. Некоторые рыцари находились, до первого этажа могли доскочить. Микита и говорит: «Мишка, говорит, я прежде бегать-то хо́док, а ты руками-те крепок. Смотри, я разбегусь, как скочу, ты не целуй и перстень не снимай, а её хватай, и все тро́ё убежим». Разбежаусе Микита, скочиу, Мишка её в охапку. «Держи, держи», кричат, а Микиты и след простыл. Вот оне бежали несколько места. Прибежали на некоторую долину. Нашли оне себе квартиру, определилисе оне тут жить. Оставлели царевну тут, приносили ей пишшу и стали замечать, что царевна час от часу стала хуже. Стали её спрашивать: «Что тебе жить невесело, али пишша худая ли?» Она объяснила им: «Нет, мне жить весело, пишша хорошая, а только ко мне ходит в поудень баба-яга, меня заставит искать в голове, а мне груди ссет». В тот день они не ушли на добычу — дожидались бабу-ягу, и в поудень вдруг идет баба-яга. Увидеу Микита, бросился на ягу, а Мишка сгреб за волосья. И Микита бросиуся по лесу бегать, а Мишка сидит в пестере и давай ёукой хлестать бабу-ягу. Яга и змолиласе: «Ну убейте до смерти, а оставьте душу на покае́ние».— «А скажи, где живая молодая вода?» А она привела их и показала. Они схватили птичку, ро́зорвали и бросили. Не летит птицька из колодцика. Взели они птичку из колодцика и давай бить бабу-ягу пушше прежнего. Яга змолилась опеть: «Не убейте до смерти, а оставьте душу на поко́яние». Привела к колодцику. Они птицьку ро́зорвали и бросили, птичка и улетела. Достали они воды. Мишка примазау Миките руки. Руки приросли. Отвязау песте́рь Микита, упау Мишка на землю с пестерём. Примазау себе ноги. Приросли у Мишки ноги. Встау Мишка на ноги и говорит Миките: «Ну-ко, Микита, захватывайся за эту осину, крепко ли, нет ли приросли? Я потену». Захватиусе Микита за осину, а Мишка за́ ноги, поташшил Мишка Микиту, а осина кореньем поворотиласе. «Ну, руки крепкие! Ну, давай я захвачусь, Микита, за осину! А ты ташши меня за ноги». Захватиусе Мишка за осину, поволок Микита Мишку за́ ноги. Не оторвались и ноги, крепко. Стау Мишка на ноги. «Куда мы её деваэм эту проклятую ягу-то?» Говорит Микита: «Нагибай ты, Мишка, эту осину, у тебя

руки старинные». Нагнуу Мишка осину, выворотиу с кореньем. Согнуу Микита ягу у двйри и пехнул пóд корень. «Опушшай, Мишка! Ей и могила тут». Опустиу Мишка осину да хлопнул корнем. Пришли они назад к царевне. Оба, слава богу, здоровы. «Нам двоим у однéй не жи́ра. Бери. Ты, Мишка, помоложе!» — «Нет, дядя Микита, твово труда побольше было!» Кинули онé жéребей. И досталосе дяде Миките. Распрошшалисе, и один пошоу вправо, а другой влево. Микита пошоу влево, а Мишка вправо. Мишка в скором времени попау у край моря и шоу берегом. И увидеу стоит царсво — золотéи верхи! Заходит он в чистое пóлё, в широкое раздолье, в зелёные луга. Подходит, видит, пастух пасет свиней. И видит пастуха лицо знакомое. И свиньи некоторые стали на него бросаться, и он от свиней стал оборонятьсе. Которую пнет, та буде жива не была. Увидеу пастух и давай ругатьсе, и давай плакать: «Что ты делаешь! Мне теперь смерть, голова на плаху! И знаешь, мне и так какая жира! Каждое утро надо каждой свинье поклонитьсе и под хвостом поцёловáть, также и вечером!» — «Снимай, пастух, одёжу с себя, накладывай мою». Сняу пастух одёжу, наложиу Мишка Водовоз пастухову одёжу и погонил свиней. Пригонил он к белому дворý. Надо бы ворота отворить, да кланитьсе, да под хвостом целовать, а Мишка давай свиней пинать да через забор бросать. А Анна-царь увидела. «Что же сегодня пастух не добром свиней заставаэт? Надо отрубить голова!» Схватила саблю, бросиласе на пастуха. Вышеб Мишка саблю из рук, схватил её, свезал руки, сделал приказ, чтобы розыскать 9 богатырей; вывесь из темницы. Розыскали богатырей, выпустили из темницы. Пришли богатыри. И пришли к Мишке Водовозу. Мишка Водовоз сделал приказ оснастить пароход. Оснастили пароход. Оснастили и отправилисе в море. И Анна-царя бросили связанную и привезли в своё царсво. Приехали они в своё царство, сделали бал, такое веселье. Всё живут да и царствуют.

75. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРЬКАЛО

Вот в одной деревне жил крестьянин. Был у его сын малолетком. Никуды они его не посылали. Всё один и один сын. У добрых людей стали йздить робята в лес по дрова. Старуха и говорит старику: «У добрых

людей издят робята в лес по дрова, и нам надо сына посылать. Ваня! Съйзди в лес по дрова! Привези хоть воз лучинок!» Ваня напяхау мешок сена, запряг лошадь, взяу топор, сеу на лошадь и отправиусе в лес сам себе один. Приезжает он в лес, остановит лошадку, отдает сено ей, берет топор и идет искать лучины. Нашоу березку и давай ее рубить. Ссек березу, береза упала на землю. И он послышалсе, что у березы у вершине хлопаетсе. Походит Ваня к вершине и видит птица. И птица говорит человическим голосом: «Положь топор, не бей меня! Седись на меня, я тебе за это заплачу». Ваня положиу топор и подошоу к птице, сеу на еу. Птица поднялась повыше лесу стоячего, пониже оболоков ходячих, понесла Ваню неизвестно и куда; и увидел Ваня у край моря, и большой камень, и большая плошшадь, и такое красивое место. И подумал сам себе: «Кабы были деньги, переехал бы на это место жить». Прилетела птица, опустилась на землю. Слез Ваня с птицы, птица хлоп о землю. Сделался такой же молодец, как и он, и говорит ему: «Ваня! Выдет мой отец и станет спрашивать: кто такой ты. Я скажу, что спаситель мой. Он тебя захватит за руки, приведет в комнаты к себе. Он тебя станет угошшать, ты пей, ешь, что душа примет. Станет тебя потчивать и угошшать златом, серебром, ты не бери ни злата, ни серебра, скажи, что у отца и своего много. И проси ты у его одно зерькало». Выходит отец: «Кто это?» — «Это, папаша, спаситель мой, спас меня от смерти». Давай поить, кормить и угошшать Ваню. И проживау Ваня трое сутки у него. И старик стал его награждать златом и серебром. «Нет, дедушка, у моего отца и своего много».— «Так чего тебе надоть, Ванюшка?» — «Отдай ты мне, говорит, одно зерькало».— «А сослужи мне службу», говорит. «Какую, дедушко?» — «А вот у меня есь колесо, обвернись раз на колесе, тогда я отдам зерькало».— «Пойдем, дедушка! Я сослужу тебе эту службу». Птица и говорит ему: «Не ступи на чёрные ступень, а скочи на красные». Сошли, увел его старик в погреб. Верти́тсе колесо. «Вот скачи на колесо и вертись кругом!» Ваня скочил на красные ступени и обернулсе кругом. Вышел оттуд, лежит старик мертвый. «Что такое это сделалось?» говорит. Говорит ему брат его: «Это — смерть его. Кабы ты скочиу на черные ступени, так бы ты мертвый быу. Ну, говорит, Ваня! Са-

дись на меня». Обернулсе птицей, подал ему зерькало. «Я довезу тебя». Отправиу его на место к своей лошадке. «Прошшай, спаситель мой!» Простилисе. И лошадка стоит, сено ес. Ваня нарубил воз лучины, наклал на лошадь и поехал домой. Сел он нá воз, вынул зерькала и смотрит в зерькало. «Пошто я взяу зерькало? Ах, зерькало, зерькало». А зерькало отвечает по-человечески ему: «Что тебе, Ваня, надо?» — «А набей поуный мешок денег мне, место сена-то!» Зерькало и набило ему поуный мешок денег. Ваня приезжает домой. Заезжает в деревню прежних робят никто не узнаэт. Кричат: «Вон Ванька Дéдин ѝдет!» Приезжает домой, распрягаэт лошадку, заносит мешок денег в ѝзбу, и мать давай его ругать: «Где ты, плут, был. Ты издил подорожничал?! Откуда деньги привез? Отца ты уморил — три года ѝздил. Сейчас пойду в правлéньё — старшине заявляю». Ваня сидит смотрит в окно. Идет старшина, сотьской, там понятых. Ваня вынимаэт зерькало и говорит зерькалу: «Зерькало! Обирай деньги и наложи поуный мешок клюквы». Обрало зерькало деньги, положила поуный мешок клюквы. Приходит старшина, сотьский и понятые в ѝзбу, спрашивают Ваню: «Где ты был? Где ты этакую сумму? Мать заявляет, что поуный мешок денег?» Ваня отвечает им: «Я и сам не знаю, где и издил, вот насбирал поуный мешок клюквы». Хватили в мешке — клюква. «Ах ты, старый черт! Начальство беспокоишь?!» Видит Ваня, что с матерью не жира. У Вани была кошка и собака любимые,— взяу свое ружье, вышеу на крыльцё с кошкой и собакой, вынел свое зерькало. «Ах, зерькало, зерькало! Привези меня на край моря, на такой-то камень, на такую-то плошшадь с кошкой и собакой!» Оказалсе Ваня на том же морском береге, на той же плошшаде с кошкой и собакой. Разгуливается Ваня по этой плошшаде и думаэт сам себе: вынимаэт зерькало и говорит зерькалу: «Ах, зерькало, зерькало! Построй мне такой домик, чтоб и близко не было нигде такого дому». И стал дом в скором времени, и такого дому близко нет. Апределилсе Ваня в этом доме жить. Ходил каждый день на охоту. Пришел с охоты вечером к себе в дом. Вынимаэт зерькало и говорит зерькалу: «На сегодняшнюю ночь принеси японского короля дочь». Она буде в его комнате и была. Была принесена. Японский король сбесиусе, по всем землям, по всем городам розыски по-

давал. Нигде не мог найти. Паблиз царского дворца жила волшебница. «Я могу твою дочь отыскать, только дай мне такое позволенье, что я потребую». Король: «С моим большим удовольствием». Позволил ей. «Постройте судно, дайте матросов и капитана». Скорым временем это было все приготовлено. Отправились оне у морё. Приезжают оне к этому берегу, где у них построен дом. Выходит эта самая воушебница, идет к этому самому дому, проситсе ночевать. Королевская дочь пустила её ночевать и спросила её: «Куда идешь?» — «Я иду проходом богомолка, иду богу молитьсе».— «Ну, ночуй у меня», говорит. И стала спрашивать: «Кто у тебя в доме есь?» — «У меня один муж».— «Где он, говорит, находитсе?» — «Он каждый день ходит на охоту».— «Пойдет он утром, никого не смотрит?» — «Нет, в зерькало посмотритсе, в шкап положит и ключи с собой унесет».— «Он придет, ты у его попроси ключей, когда пойдет на охоту».— «Хорошо, я у него попрошу ключей». Приходит Ваня с охоты и спрашиваэт: «Какой человек эта?» Королевна объясняет, что идет богомолка богу молитьсе, и Ваня ничего больше не спрашиваэт, ложитьсе спать. Утром стает, берет свое ружье, кошка и собака с ним отправляетсе на охоту. Выходит он из дому. Волшебница спрашиваэт: «Не оставил ключей?» — «Нет, не оставил, так я сейчас сбегаю за ним». Выбежала за Ваней, догнала его: «Ах, Ваня, оставь от шкафа ключи». Ваня вынул и подал ей. Приносит ключи, отпирают шкап. Воушебница берет это зерькалю и говорит: «Зерькало! Обери этот дом, очисти плюшшадь, перенеси всё на карапь!» Как очищено место было, Ваня увидеу скоро, бросиусе бежать на карапь. Наскочил на карапь, притаилсе тайком, с кошкой и собакой. Отвалили оне в море. Вышеу Ваня среди моря, оказаусе капитану, капитан спросиу: «Какой ты человек?» — «А так и так, попау, говорит, нечаянно». Капитан и говорит: «Можешь ли ты что работать?» — «Что прикажете, все могу работать».— «Можете вы мне суп приготовить? Только я потребую, чтобы все это было мне готово!» Капитану было все готово, он приготовиу капитану суп,— не то что самому — едал, а он не слыхау такого супу, так ему понравиусе. Все время ему и готовил суп до приезда в Японию. Привезли королевскую дочь к королю японскому, король устроиу бау, всех матросов, капитана и волшебницю стау угошшать и нескольких посторонних людей. И завели оне раз-

говор. Капитан и объясняет: «Быу у меня на суде повар, не то чтобы я такого супу не едал, а даже не слыхал». Объясняэт это королю, король сейчас велел приказать его. Капитан сейчас приказау его. Приходит Ваня. Король спрашиваэт: «Можешь ли ты мне суп приготовить? Только чтобы, коль потребую, все было готово». У короля все было готово. Ваня такой суп приготовиу, что король не то чтобы едал такого супу, а и не слыхал. Остаусе Ваня у короля в поварах, и жил он несколько времени. И это воушебница приказала выстроить башню выше всего городу и посадить эту королевну в башню и впушшать к ей служанок однех. Построили башню, посадили королевну, и ходили к ней одне служанки. И в одно время шоу Ваня мимо этой башни, и увидела королевна и опустила кошелек и письмо, и написала в письме: «Сходи, Ваня, в гостинницу, наймовай людей, и проводи ход подземный под башню, и проводи там сухопутную машину». И было денег опушшено петьдесят тысеч. Сошоу он в гостинницу; зачал ров копать и проводить сухопутную машину. И скорым временем провели сухопутную машину. И Ваня стал ездить каждый день на машине под эту башню и входиу к королевской дочери. И в одно утро проспау доуго, и попали служанки встрѐть и захватили его. Неизвестного человека под суд дать нельзя — распоряженье сделало начальство. «Свезти его в один ров и бросить — и помрет он там». Привезли Ваню к этому ро́ву, кошка и собака с ним. Бросили Ваню в ров, Ваня летел сорок дней, сорок ночей. Упау на землю, лежал без чувства неизвестно сколько. Очувствовался Ваня совсем и видит: сидит кошка на чапках и командует своими войсками. Кроты и мыши стоят на вытяжке. «Все ли, говорит, собрались?» — «Нет, батюшка государь, не все, не все; ешшо вот нет храмого (sic.) писаря». Идет хромой писарь-мышонок. «Что ты, хромой черт, так доуго?» — «А вот, батюшка царь, ходиу на белый свет, ел в верши, старуха ударила палкой по ноге и сломала ногу». — «А знаэшь ты дорогу на белый свет?» — «Знаю, батюшка государь!» — «Ну, поди вперед!» — скомандовала кошка. Все кроты и мыши пошли в поход из этой пропасти. Давай дорогу рашшишать. На первое они шли сто́я, потом пошли на коленках, пошли четвероного. Ползли ползком, едва выбились на белой свет. Вышли на белой свет, хромой писарь и говорит: «Эта старуха

и сломала мне ногу, что у тебя отняла зерькало. Пойдем мы у её украдём зерькало. Ты останься, Ваня, здись, а мы пойдем, кошка и собака со мной». Приходят оне к этой воушебнице. «Ты, кошка, сядь под зголовье, а ты, собака, седь рядом, а я заберусь ей на грудь, запихаю свой хвос ей в нос и стану шевелить, она зачихаэт, подымет голову, кошка, не зевай! — Ташши из-под головы, подавай собаке, собака уташшит». Зашли оне к ей в кйжину. Старуха спит, кошка села под зголовье, собака встала рядом, хромой писарь-мышонок забраусе ей на грудь, запехал свой хвос ей в нос и давай шевелить. Старуха зачихала, голову отодрала. Кошка поташшила зерькало, подала собаке, а собака схватила и унесла и принесла Ване. Ваня взял это зерькало и говорит этому зерькалу: «Зерькало, зерькало! Как ты меня оставило?» — «Что же мне делать, коль я не в твоих руках было!» — «Ну, говорит, зерькало, зерькало! Принеси меня к этому же морю, на эту же плошшадь». Принесло зерькало на эту самую плошшадь и с кошкой, и с собакой, на старое место. Ходит Ваня по этой самой плошшаде, разгуливаэтся. Вынимаэт зерькало и говорит зерькалу: «Построй мне такой дворець, чтобы такого дворця нигде не было». И встау дворець и пожалуй такого дворця и нигде нет. Погулял Ваня по своим комнатам, посмотрну всё. Вынимаэт зерькало: «Зерькало, зерькало! На сегодняшнюю ночь принеси японского короля дочь!» А она буде здесь и была. А он ей говорит: «Кабы сюда самого бы короля!» — «Нет, сейчас нельзя, с недильку поманить, тогда можно», говорит. Прошло с недильку времени, он и говорит: «Зерькало, зерькало! Принеси на сегодняшнюю ночь и самого короля». Король буде сам и был в его комнате. Пробудилсе король и не знает, буде на том свете. Пошоу из комнаты в комнату, видит: спят оба витязя на одной постели, на одном диване, и подходит он потихошеньку, ступает он помалёшеньку, вставаэт она на коленки, просит он прошшения. Вставаэт Ваня, вставаэт дочь, здороваэтсе с отцом. И король даваэт благословенье. Отправляет их в Японию, и Ваня не желаэт ехать в Японию. Короля отправиу, король злобу затаил да и войну Россию открыу.

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПОВ

76. ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ

Отець был при старосте лет, а сын при младосте. Поганое идолишшо наступал на них. Отець не благословлят воевать. А он сильнё изобеждал их: «Матушка! говорит, я поеду в чистое пóлё, могуций сырой дуб этот росшибить. Тогда могу с этим идолишшем воевать». Когда подъехау под этот дуб, ударил его, розлетелсе дуб на мелкие цести. На другой день: «Матушка! Дай благословенье воевать с поганым идолишшем». Выезжав он с поганым идолишшем воевать. Поганое идолишшо он победил и привез он его домой. Посадил в темницю на крюк. Матка сошла смотреть его. Показалсе он красивым — сняла его с крюка. Как быстро извести сына? Потом вот говорит: «Ты незамоги, и пошлем его к 12 братам-богатырям, у них есь 12 яблоний заповедных, и проси ты, чтобы он привез по яблоку с каждой яблони». Приходит он поутру. «Здравствуй, матушка государыни! Каково поживаёшь, можешь?» — «О! дидятко! Немогу. Виделсе сон мне, кабы ты съйздил к 12 братам, богатырям и привез ты двенадцеть яблоков с 12 яблоней». — «Матушка! Дай благословенье». — «Христос с тобой, милый дитятко!» А усердием думаэт, чтобы уехал и не приехал. Отъезжав он к 12 братам, богатырям, оне вышли при всей форме воевать. Он пудову шляпу снял, им низко кланеетсе, а оне ниже ему. «Я, братцы, вот что к вам приехал — у вас есь 12 яблоней заповедных, дайте вы мне с кажней яблони по яблоку, потому у меня мать нездорова сúльнё». Оне дали ему 12 яблоков. Приезжаэт он домой к матере своей, подходит, подает ей подарки, а она подарки принимает, а глазами на него не глядит, как он ушел, так она поганому идолищу обратиласе. А поганое идолишше сказал: «Вот что, ты усиль себе боль и скажи, сúльнё немогу, чтобы ты съйздил в иные земли к Батыю-богатырю, привез живые воды и молодовые». Поутру приходит: «Здравствуй, матушка государыни! Каково поживаёшь и можешь?» — «Сильне немогу. Мне видялсе сон, — кабы ты съйздил в другие земли к Батыю-богатырю, привез живые воды и молодовые». — «Матушка! Дай благословенье!» — «Христос с тобой, милое дитятко!» А усердием думаэт, чтобы уехал и не приехал. А ему

через 12 братов ехать надо, опять 12 братов разоружились, во всей форме вышли. А он пуховую шляпу снял, низко поклонялсе. Спрашивают оне: «Димитрий Царевич! Далеко ли ты поехал?» — «Поехал я Батыю к богатырю по живую воду и по молодовую». Оне не йздиют. Говорят: «Тебя мать изводит». Стал подъезжать под то царсво. Конь попадаэт стречу. «Конь! я тебя съем». — «Не ешь меня, в этакое время пригожусь тебе». Потом попадает огромнейшая собака-кобель. — «Собака! Я тебя съем». — «Не ешь ты меня, я в такое время пригожусь тебе». Приезжает он. Батыя-богáтыря нет дома, уехал он воевать к 12 братам. Он у отца спрашивать стал живые воды и молодые. Оне дали воды. Он курёнка помазал — разорвало курёнка. Россердилсе. «Давайте воды, которые я требую!» Дали воды. Курёнка помазал — куренок ожил. Потом у отца и у матери глаза выкопал. Заповедные яблони пóчал сичь и валы валить, начал жечи́. И оне послали посла за своим сыном, он не дождалсе сына, поехал домой. А сын за ним. Конь стал приставать у Димитрия. Этот конь и подвернулсе, которого он стритил. Сел на коня, и этот конь стал приставать, а Батый настигать. Вот собака подвернулась, на собаку сел. На собаке, копыто у собаки не буцит. На повороте собака в кусты увезла его. Батый-богатырь проехал его. Собака вывернулася на дорогу и давай с угон за им бежать и настигла его. Он ударил его в поход Батыя-богатыря, он с коня упау. Потом он отсек ему голову и за вал вон и этот вал сожег. Приезжает к 12 братам-богатырям. Оне вышли при всей форме воевать. Оне его боéлись, думали, что их убьет он — Батый-богатырь. Он пуховую шляпу снял и низко кланелсе им, а оне ниже ему. «Не бойтесь — я его ныне убил, Батыя!» Приезжаэт домой к матере. Явилсе, с маткой поздоровался: подарки принимаэт, а глазами не гледит на него. Потом, как ушел, к Кáреду. «Он приехал, он, верно, си́льнё могучий богатырь, что, наверно, не могут победить». — «Что же, ешшо его пошлем к Кошшую Бессмертному. У него кувшинец о 12 рылец с напитками, хоша он не дуж, а хитер. Кругом его огненное пламя горит, никто к ему не подъехать — сгорит в огне». Поутру встает. «Здравствуй, матушка государыни! Каково живешь, можешь?» — «Ох! Сильне не могу, Виделсе сон. Съиздил к Кошшую Бессмертному по кувшинець о 12 рылець с напитками, ты бы его привез, я бы была

здорова». — «Матушка! Дай благословенья!» — «Христос с тобой, милое дитятко!» А усердием думаэт, чтобы уехал, да не приехал. Потом он и поехал. Подъезжает он к Кошшею Бессмертному, нацял коня хлестать: «Ну-ко, Сивушко, бурушко! Подымись повыше лесу темного, а пониже оболок ходучих!» Конь перескочиу огненное пламя, не опалил кудрей. Кошшуй Бессмертный сильне испугался. «Я к тебе приехал не бить, не драться, а у тебя есь кувшинець о 12 рылець с напитками. У меня мать нездорова. Дай ты мне, Кошшуй, всё ими́нье!» Готов всё ими́нье дать — испугалсе. Потом у его, у Кошшуя, была дочка и говорила отцю: «Понаваливай меня замуж». — «Я не смею, говори сама!» Сказала. Она стала ему говорить, он громко скричал на её: «Поуно смеяться!» Она вторично стала говорить, и он соглясилсе ее взять. И сказал он ей: «Через год буду к тебе». Потом поехал. Перескочил опять же конь это пламя. Приехал домой, матере подает. Мать принимает, а глазами на него не смотрит. Как он ушоу, она к Ареду и являетси, что он приехал. «Ну, он сильне хитер и дюж. Ты оживи́ ныне и напой его допьяна и выпытай у него, в цём сила состоит». Поутру приходит, поздоровался с маткой: «Как живешь-можешь?» — «Слава тебе, господи! Теперь я ожила». И напоила она его допьяна. «Вот что, Димитрей! Скажи, в цём у тебя сила состоит?» — «У меня сила состоит в волосах. Есь золотые волосины в голове. Кто эти вырежет, так я обессилею». Она: «Дай-ко я в голове поишшу». Она не добираласе ни вшей, ни гнид, а этих вот волосин, эти волосины и выстрегла. Она Ареда выпустила на волю. В приказе отдала, что Димитрий не царь, а Ареда прекрасного знали бы за царя. Потом он уехал Димитрий из дома. Через после своё волоса наросли, и он силой собралсе. И ехал он дорогой, видел в шатре спит девиця. Посмотрил он: Марья Кошшаевна. Он её розбудил. «О! Димитрий Царевич! Давно я тебе добираласе». Приехал он, силой собралсе. Поганого идолища убил, а мать захватил и об пол грянул и убил её до смерти. Потом наступил на царсво и стал жить царствовать.

ВАСИЛИЙ УСТИНОВИЧ ГОРБАЧЕВ

77. ИВАН ЦАРЕВИЧ И МИТРЕЙ ЦАРЕВИЧ

В некотором царьсве, в некотором государьсве, именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, жил цярь с цярицею. У них не было детей. И стали они господа просить, чтобы дал господь детеныша по живности на радость, а по смерти на помин. Церез несколько времени сделалась цяриця поносна и ходит, сколько времени ей принадлежит. И стала она ходить последний десяток, и в одну ноць приснился им сон обоим с цярем: цяриця родит двух сынов, и Вихорь Вихоревич унесет ее после рожденья. Вот они проснулися ото сна, написали по записке и посмотрили эти записки; и приснился им сон один и в одно время. Тогда государь утром встает и посылает своих слуг за теми каменщиками, которые могут из дикого камни сделать фатерку в евонном саду без окон, навешать двое зележные двери — одни чтобы отворялись вовнутрь, другие на волю. И посадили её в эту фатерку – ешшо не родила. Она в этой фатерке и родила двух сыноу. Этих малых детоцек отобрали от нее, окрестили и одного назвали Митрием, а другого Иваном. Эти малые деточки ростут не по дням, а по часам — в 10 часов всё ровно стали, что 10 годоу. И так они вышли прогуляться на улицю и слышат, называют робятка — «тятька» и «мамка». Вот они и говорят: «Что же это у всех есть отець и мать? От кого же мы родились? Добро, есть у нас тятька, а матери нету». Вот они сошли на конець города, у одной старушки увидали курочек. «Что же, говорят, за птици? Таких не видали!» Митрей подошоу, одну пнуу и убиу её. Старушка выходит из своей фатерки и забранила их: «Ах вы плуты, розбойники! Вы не цярьские ди́ти, ни хрестьяньские! У вас и мать в арестаньской сидит!» Они тогда подходят к баушке и спрашивают: «Скажи-ко, баушка, где наша маменька сидит?» — «А вот, робятка, ваша маменька сидит. В вашем саду построена фатерка — она в ней и сидит». Вот эти робятка сицяс и пошли от ей. Подходят к фатерке — у ей стоят два солдата с ружьями на карауле. Эти молодьци стали прошаться войти в эту фатерку. Оне их не пускают, тогда они стали с ними поступать погрубее. Митрей Царевич ударяет одного, изладились и убили

обоих за один раз. Иван Царевич подходит ко дверям, сицяс берет за́ скобу и сорвал их с замка́. Внутреннюю дверь коленками прижимает. Увидали мать, поздоровались с ней, обрадовались друг дружке. И стали оне звать прогуливаться в сад свою мать. «Ах вы, деточки! Куда же мне идти с вами прогуливаться в сад? Миня Вихорь Вихоревич унесет». — «Ах, маменька! Мы элакй два сына дадим ли унести тебя Вихорю?» Ну никак не могла от них отговоритьсе и пошла с ними прогуливатьсе. Берет один под руку, другой под другой, пошли по саду прогуливатьсе. Тогда налетает Вихорь Вихоревич, дунул сильным ветром и роскинул их по сторонам. Цярицю подхватил й унес. Как буря прошла, посмотрили молодци, их матери нету в саду, вот тогда они дали знать своему отцю: «Что ваши деточки отдали Вихорю В. свою мать». Вот тогда росчерчав отець на своих детей и пошел в сенот. «Что же, господа сенотóры, мне дитей на виселицю повесить или под рострел дать?» Вот тогда сенотóра предложили ему то — «что если они сумели отдать В. В-чу, то пусть сумеют воротить обратно, а чтобы без неё не являлись в городу». Вот тогда Иван Ц. говорит: «Папенька, ваше царское величество! Прикажите своим мастерам изготовить дубинку, чтобы идти в поход». — «Тяжела ли тебе надобна дубинка?» — «Да мне дубинка нетяжёлая надобно — положите 400 пудоу материалу, зелеза и стали по равной части». Вот он приказал мастерам сработать такую дубинку. Сработали. Приходит Иван Царевич, берет эту дубинку, станови́т её на передок и выпинывает кверху. И подставляет свой толстой лоб под эту дубинку, эта дубинка попадаст ему в лоб, вся россыпалась на мелкие шшебни. «Ах, папенька, ваше царское величество! Какая же это мне дубинка?! Не могла устоеть от моего лобу? Правьте ешшо материалу столько и соберите старые крохи — сработайте дубинку потяжелее». Вот тогда собрали старые крохи и сработали ему дубинку. Он берет эту дубинку, кладет на передок и выпинывает кверху, подставляет свой толстой лоб под эту дубинку. Эта дубинка попадаэт ему в лоб, только погнулась. Тогда он берет эту дубинку в руку, выправляет церез колено. Вот так эта дубинка! Можно и подопра́тьсе! «Эх, Митрей Царевич! Тяжела ли тебе надобна дубинка?» — «А мне в 500 пудов да и будет!» Вот они два добры молодця отправляются в путь-дорогу со своими дубинками.

И идут оне близко ли, далеко, низко ли, высоко, против неба на земле, на цюжой стороне. Вот скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Подходят оне к одной горе, потом видят у этой горы стоит войско. Тогда они спрашивают их: «Что же, господа войсько? Для цего же вы здесь находитесь? Какого неприятеля сюда обжидаете, или что такое?» Тогда оне ему отвецяют: «У нас теперече унес Вихорь В. двух девич — у поуковника дочь и у енерала. Тогда нам желательно достать их с этой горе, а влезти на гору никак не можем, потому как оченно крутая». Тогда Иван Царевич и говорит им: «Идите же вы в город и прикажите сюда везти кузло и зелеза, будем ковать чипь с крюком, которая могла бы захватитьсе этим крюком за берег — тогда мы по этой чепе и влезем эту гору». Вот эти соудаты сицяс отправились в город и представили из города кузло и зелеза; и начали они ковать чепь с крюком. Собрали чепь с крюком 1000 пудоу. Вот Иван Царевич подходит и берет эту чепь и смотал не матушку всё ровну, как на веревку, и положил на землю. «Подходите, соудатики! Кто сколько может закинуть эту чепь». Соудатики подходили, никто не мог ее привзнять от земли. Вот Митрей Царевич берется за эту чепь и кидает до полугоры, и выше не мог поднять. Иван Царевич берет эту чепь в руки и говорит соудатикам: «Падите, соудатики, на землю, не то, как я чепь махну, тогда не устоять вам на ногах». — «А ничего, говорят, такую страсть видали и то не падывали на землю». Вот он сицяс махнул — все, что убиты стали, пали на землю. Тогда он приказывает своим соудатам: «Устройте моему брату, чтобы ему льзя сохраниться от погоды». (Он оставляет его как бы караульным у чепи). «А я полезу на гору один». Вот он тогда и полез один на гору. Поднялся он на гору один по этой чепе и видит стоит домик медной. Вот он и стау подходить к эфтому дому. Из эфтого дому выходит девича Марья, енеральская дочь. Стричает его и ведет его к себе в комнату. Приводит в комнату. Сумка с крючка долой соскочила, два молодца выскочили: «Чего изволите, Марья, енеральская дочь?». Сицяс она им приказывает: «Давай напиток, закусок, всё чтоб было готово на столе!» Не знать, где чего взялось, все перед ним и приготовилось! Вот тогда они стали выпивать и закусывать. Эта Марья, енеральская дочь, и стала говорить ему: «Иван Царе-

вич! Ежели ты будешь в живности, возьми меня в замужество». Она девича была хорошая, ему понравилась. Он тогда согласен был на эфто, взять её в замужество. Тогда они перстнями поменялись, — все равно, что образовались: «Да, Иван Царевич! Тебе не время находиться у миня в комнатах, потому как мой младшой брат Вихорь Вихоревич, о три головы, он скоро будет домой. Он, ежели узнает, нас обоих пождрёт. Вот есть три дуба, он прилетит и станет спускаться с трех дубоу на землю». Тогда Иван Царевич пошоу от нее из комнаты. Вышел на улицю, увидал, летит Вихорь Вихоревич, о три головы. Прилетаэт, садится на три дуба и спускаэтся на землю и бежит на Ивана Царевича — хочет его съесть. А Иван Царевич идет со своей дубинкой, — тому не замечательно, что такая оборона есть. Как сошлись они близко друг с другом, махнул дубинкою и смахнул все три головы. И сам пошоу вперед. Видит впереде серебреной дом. Подходит он близ серебреному дому, подходит — девича и стречает его. Приводит его к себе в комнату. Этот молодець ей понравилсе, а она не оченно была красива, и тожс стала говорить ему: «Возьми ты меня в замужество». — «Ах ты мила! — отвечает он ей. — Взял бы я тебя в замужество, дак я сам под смерть иду». Ну тогда этим розговором дело приКончилось. «Тебе теперь не время здесь находиться! Прилетит средней брат Вихорь Вихоревич о 6 голоу, будет садиться на 6 дубоу, спускаться на землю». Тогда Иван Царевич пошоу от неё из комнаты и видит — летит Вихорь Вихоревич — середней брат. Прилетаэт, садится на 6 дубоу, и спускается на землю и хочет его разорвать. Иван Царевич к ему с своей дубиною. Размахнулся — смахнуу ему три головы, на другую сторону махнуу — отмахнуу остальные три головы. Тогда отправиусе сам вперед и видит впереде стоит золотой дом. Тогда он подходит к этому дому, выходит евонная мать, стричает его и обрадовалась своему сыну. «Ах ты, сынок! Какими ты судьбами попал сюды?» — «Да, маменька! Слава богу, две заставы прошел, на 3-й не знаю, что будет». — «Дак вот, сынок, 3-я застава очень крепка! И у его во дворце стоят два тшана — один с сильней водой, а другой с бессильней. Ты возьми, напейсе сильней воды, — перёстанови тшаны с места на место». — «Ах, маменька! Как же мне узнать, в котором тшане сильняя, а в котором бессильняя?» — «Ах, сынок мой!

Сильняя вода завсегда что ключом кипит, а бессильняя всё ровно что платочек роскинут стоит». Тогда он подходит к евонному дворцю и ударяет своей дубинкой в зележные ворота. Ворота и не думают от евонной дубинки. И увидал, лежит камешок порядошной, приподнял его, подволок к воротам и ударяет он этим камешком в ворота. Тогда ворота выломились. Выходит он в эфтот дворець и смотрит: в одном тшане ключом вода кипит. И начау он эту воду пить, и пил он, сколько мог. Подходит к другому тшану, в том вода стоит, и переставляет он тшаны с места на место. Где стояла сильняя вода, тут поставиу бессильнюю, а где стояла бессильняя — тут поставиу сильнюю. Тогда выходит из дворця и берет этот камешок и пробует, прибыло ли в ём силы. Розмахнуусе этим камешком и перекинуу церез дворечь. Вот тогда пошоу он к своей матере. Приходит под окно, мать и говорит ему: «Вот, Иван Ц.! Топерече Вихорь В., старшой брат о 9 голоу и прилетит он, будет садиться на 9 дубоу и с 9 дубоу будет спускаться на землю». Вот через несколько времени является Вихорь Вихоревич, старшей брат, садится на 9 дубоу, с 9 дубоу спускается на землю и говорит Иван Ц-чу: «Я вижу, что ты человек мужественный, пойдем мы с тобой во дворечь». Вот они сицяс приходят во дворечь — этот Вихорь В. с ходу и напал на бессильнюю воду и нацял пить, а Иван Ц-чю показывает на тот тшан. «Ты пей из того!» Вот Иван Ц. подходит ко тшану и начал пить. Напилсе воды, отклонилсе и говорит: «Вихорь Вихоревич! Цярьская рука не допивает — остатки на землю выливает». — «А! Лей!» говорит. «Хватит этого добра». Вот сицяс вылил эту воду изо тшана, а Вихорь Вихоревич выпиу, сколько было во тшане воды. Отклониусе Вихорь В. и говорит Ивану Ц-чу: «Ах ты, говорит, как мене обманул». — «В чем же я тебя обманул?» — «Да я, говорит, бессильней воды напилсе». — «А почем же я знаю, у тебя где сильняя вода, где бессильняя?» — «Ну да ладно — и старой силой я могу с тобой оправитьсе». Вот они тогда выходят изо дворча и захотили побарахтатьсе — испробовать свою силу. Никоторой никоторого не может спихнуть, а один одного по колен в землю убили. Иван Ц. и говорит Вихорю В-чу: «А что же нам пришлось без залоги с тобой сражатьсе — надо нам систь с тобой позалогивать!» — «Дак, пожалуй, я и радехонек!» Вот они сили, покурили, по-

том у Вихоря В-ча сила больше уничтожаетсе, а Ивана Царевича больше скопляетсе. «Ну, Вихорь В., нам время с тобой за роботу заниматьсе». Вот второй раз они схватились. Иван Ц. и положиу его на землю. Тогда прижимает его своей дубиной да напротив серьча. Вихорь В-ч и стал его просить, что не придай смерти, а придай живота. «А вот, Вихорь В-ч, у тебя есть дудочка, отдай, тогда я тебя оставлю живого!» — «Да никакой у меня дудочки нет!» — «Нет, отдай!» И начал прижимать покрепче. Тому стало очснно трудно и пришлось наверно отдать эту дудочку. Вот он подает эту дудочку. Иван Ц. кладет себе в карман и заступаэт его ногой — отрубает ему все 9 голоу. Тогда приходит своей матере в комнату и видит евонная мать обмёрши лежит. Тогда берет он свою мать на белые руки и начинает её кацять. Евонная мать проглянула своим глазом и видит, что у своего сына на рукаф. Тогда обрадовалась она и востала на ноги. Вот тогда они сили за столик и стали выпивать и закусывать. И справились в путь-дорожку. Выходят оне из эфтого дому — остановиусе Иван Ц. и смотрит на золотой дом. Спрашивает его мать: «Что же, Иван Ц-ч, разве не хочется тебе оставить его здесь?» — «Да хорошо бы, маменька, кабы его взять с собой!» Вот она сицяс платочком махнула — одно золотоё яичко востало. Взяв Иван Ц. золотоё яичко, положиу в карман. И пошли вперед. Подходят близ серебряному дому, подходит дочь полковника, встречает их соусем одевши с ими в поход. Иван Ц. опять остановилсе, тогда девиця спрашиваст его. «Разве не хочетсе тебе его оставить здесь?» — «Да, хорошо бы взять его с собой!» Только она платочком махнула — одно серебряное яичко остало. Взяв, он в кармашек положил, пошли опять вперед. Подходят близ медного дому. Выходит Марья, енеральская дочь, встречает их и ведет их к себе в комнаты. И сумка с крючка долой соскочила — 2 молодца выскочили: «Цего изволите, Марья, енеральская дочь?» — «Напиток, закусок, чтобы всего было готово на столе!» Не знать, где взялось — всё приготовилось. Стали выпивать и закусывать. Потом оне оделись и пошли к своей чепе́. Выходят оне из дому, Иван Ц. осмотреусе на дом. Марья, енеральская дочь, спрашиваэт его: «Что же, Иван Ц-ч! Не хочется тебе оставить его здесь?» — «Да хорошо бы, кабы его взять с собой». Сичас она платочком махнула — только одно медное

яичко остало. Положиу, и пошли вперед. Подходят оне к чепе́, и говорит им: «Спускайтесь вы, тройка, а я побуду здесь, потому как я один тяжелее вас всей тройки». Вот они стали тройка спускатьсе. Он повалилсе на бережок и заснуу. Проснууся ото сна, а чипи нет. Брат евонной отобрал чипь, его на горе и оставиу. И сичас своей дубиною стращает всю тройку — мать свою и 2-х девиць: «Кладите заклятье, что вы нас 2-х и не видали, а достал вас от Вихоря Вихоревича Митрей Царевич». Тогда оне заклели́ сами себя, потому как думали, что Ивану Ц-чу не спускиватьсе с горы. Вот Иван Ц. проснууся ото сна и запечалилсе себе: «Что я здесь с голоду должо́н помереть». И тогда надпомнил свои домики в кармане. Вынимает медное яичко из кармана и кладет на лужок. Махнуу платочком — медный дом восстау. Входит он в дом, в ту же и комнату. Сумка с крючка долой соскочила, 2 молодца выскочили. «Цего изволите, Иван Ц-ч?» — «Давай напиток и закусок, чтобы всего было готово на столе!» Не знать, где что взялось — всё приготовилось. Сеу стал выпивать, закусывать. Да ешшо надпомнил эту дудочку в кармане. Вынимаэт её из карману и запи́кал в её. Из её выскакивает старичок с ноготок, и борода с локоток. «Чего изволите, Иван Царевич?» — «Что ты можешь такой маленькой сделать мне?» — «О! Я могу тебе служить!» — «Ну что же ты можешь мне сослужить?» — «А то, что твои товарищи в полуволоке, а мы будем в самом городе». Тогда они выходят из медного домику. Иван Ц. махнул платочком, одно менное яичко воста́ло. Взял он его в кармашек положил. «Ну, как же я буду, старичок, садиться на вас?» Сосмиялся старичок. «Да порасширь ноги, говорит, а промеж ног подхвачу и понесу». Так и сделали. «Разделяй мою бороду пополам». Он разделил. «И оверни вокруг кулаков, чтобы мне тебя дорогой не потерять». Вот он сичас розделил бороду пополам, овернул кругом кулаков, полетел с горы и обгоняет он брата в полуво́локе со своим товаришшам. Прилетают они в город. Иван Ц. выпросилсе постоять у одного старичка со старушкой. Старичок со старушкой были пьяничи, какую копейку наживут — всё и пропьют. Тогда подает он 5 рублей старику: «Сходи в лавку, принеси закусить, выпить». Сходиу в лавку, напились, наелись и вся тройка. Тогда день-другой пережил, вдруг Митрей Ц. является близ городу с 3-мя женщинам и дает известие

своему отчу, чтобы встрецял с двум девицям и с цярицей. Цярь приказал встретить их с музыкой, пушечной пальбой и со звоном. Приходят они в царьской дворець, Митрей Ц. и говорит Марье, енеральской дочере: «Нам бы с тобой повенчатьсе!» — «Хорошо бы нам, да у меня нет подвенешных башмачкоу. И сходи, найди таких мастеровых, чтобы сработали башмачки — моей ноги не померили, а чтобы были вакурат». Вот тогда понеслись слухи по городу, что такие мастерые нужны. Никто не берется. И засылает Иван Ц. старичка: «Ступай, берись, старичок, за роботу, а я сроботаю!» Вот тогда старик пошоу в цярьской двореч. Приказываэт доложитьсе цярю. Доложились. Цярь потребовал его наличо, потом и спрашивает: «Можешь ли ты такие башмачки сроботать?» — «Да, ваше царское величество, могу». Тогда выдают ему товар на башмачки и подают старику 100 рублей за роботу. Старик приходит домой, подает товар и деньги. «А деньги пускай вам со старухой». Старушка лежит на печке и говорит: «Старик! Принеси-ко четверушку, выпьем по стаканчику!» А старик сходиу, да по стаканчику всю четверушку и розмерили. Иван Царевич товар весь изрезавши, выбросил его за окно, вышел на чистое поле, положил медное яичко на ровноё место, платочком махнул — медной дом восстал. Вошел он в эфтот медной дом, в ту же комнату. Сумка с крючка долой соскочила. Два молодца выскочили: «Чего изволите, Иван Царевич?» — «Напиток, закусок, чтобы всего было довольно на столе!» Не знать, где что взялось, всё перед ним приготовилось. И сел, стал выпивать и закусывать. И приказывает этим молодцам: «Слетайте к енералу, принесите от него башмачки Марьи, енеральской дочери, именные». Не знать, где что взелось, сичас перед ним приготовилось. Взяв он эти башмачки, выходит из медного дому. Платочком махнул, медное яичко восстало, в карман положил, приходит к старику на фатеру. Сичас старика и будит: «Ставай, старик! Не время спать, а время к цярю отправлятьсе». Вот старичок встает, одеваетсе белёшенько, умывается хорошохонько, отправляется в цярской дворець с башмачкам. Приказывает цярю доложитьсе. Царь требует его налицё. Приходит он и подает башмачки Марьи, енеральской дочере. Посмотрела она на башмачки, поглядела — оне самые её башмачки и есь. Тогда она и видит, что кроме Ивана Ц-ча

доспупить этих башмачков нельзя, и думает сама с собой: что он явилсе в город, только не знает, где его взять. Старичок уходит домой. Опять Митрей Ц. подходит к Марье, енеральской дочере, и говорит: «Нам бы с тобой, Марья, енеральская дочь, повенчаться?!» — «Хорошо бы, Митрей Ц., нам с тобой повенчаться, да где же нам будет с тобой после венця отдыхать?» — «А что же, Марья, енеральская дочь, разве у нас комнат нет?» — «А я желаю после венця отдыхать в таких комнатах, в которых не жи́вано. И были бы оне новенькие, так чтобы в одну ночь построенные. Ты вот найди таких рабочих, чтобы могли построить сегодняшней ночи 3 дома напротив цярьского дворьця!» — «Ну, какие же тебе надобно домы?» — «А один дом медной, другой серебряной, третей золотой. Тогда на завтрашней день будем венчаться». Вот Митрей Ц. дает знать по городу, чтобы прибирались такие мастеровые. Никто не берётсе за роботу. Иван Ц. услышал это дело и посылает своего старика. «Ступай-ко, старик, берись за роботу, а я сроботаю».— «Да хорошо бы братьси за роботу, да сколько надо матерьялу?» — «Да ведь домы-то небольшие — проси материалу по́ сту возоу на дом!» — «А куда же этот материал нужно везти?» — «А вези этот материал к своей фатере». Вот и пошоу старик в цярьской дворець. Приходит. Приказал там цярю доложитьсе. Доложились царю, что такой-то мастер явилсе. Цярь требует его на вечо́р. «Ну, что же ты, мастеровой, можешь ли ты сроботать три такие дома в одну ночь?» — «Могу, ваше цярьское величество!» — «Ну, сколько же надобно материалу на эти три дома?» — «По́ сту возоу на дом». Вот у цяря материалу было довольно, нагрузили 300 возоу и пошли за ним. Доходит старик своей фатерки, оставиу 300 подвод. Входит в свою фатерку, спрашивает своего постоельця: «Куда же этот материал грузить?» — «У тя погребная яма велика, а погре́биця больше того, поди и отвори двери, и пускай грузят в одно место. А мы се́ночи разберем, что куда требуется». Вот выходит старичок, отворяет на погребицю дверь, и стали грузить материал. Свалили ему 300 возоу в эту погребицю. Вот Иван Ц. доживаэт до вечера. Как все в городе ути́хнулись, он приходит напротиу цярьского дворця и становит 3 дома: один медной, другой серебреной, третей золотой. И сам входит в медной дом, повалилсе и спит

себе преспокойно. Потом Марья, енеральская дочь, проснулась ото сна и видит, что построены 3 дома. Тогда встает она с постели и отправляетсе в медной домик. Приходит в ту же комнату к Ивану Ц. на одну постельку, под одно одеяльчико, и спят себе в спокое. Потом чарь пробуждаетсе и усмотрил напротив дворця 3 дома и будит цярицю. «Встань-ко, цярица! Что же это напротив нашего дворьця 3 дома?» Чарича пробуждается ото сна, подходит к окну, посмотрила в окно и говорит: «Это наш сын явился в город, Иван Ц.» — «А как же ты знаэшь, что это Иван Ц., когда мы его ввидь не видали?» — «Да не Митрей нас достал с горы, а Иван Ц., мы положили заклятне — застрашшал. А теперь делать нечего, когда сам явился налицё!» — «А не знаешь ли ты, где он находится?» — «Знаю, пойду я к своему сыну». Приходят оне в медной домик, и видит цярь своего сына Ивана Ц., что спит на одной постеле с Марьей, енеральской дочерью. Подходит к постеле и открываэт одеялышко и поцеловал своего сына и сам обратиусе от своего сына и пошоу в сенот. «Ну что же, г. сеноторы? Куда же мне девать своего сына Митрея? На висилицю повесить, или па растрел взять?» — «Да, В. Ц. В.! Сын ваш, и воля ваша, куда хотите, туда и девайте».— «Ну, не только что повесить его шелковой нитке, да уж на рогозиной петле». Тогда приказываэт цярь повесить петлю, и поташшили в петлю Митрея Ц. за обман евонной. Повешали его, потом дожидаясь света Иван Ц. встает с Марьей, енеральской дочерью, приходят к своему отцю в покои. Поздоровались тогда с отцём, матерью. У цяря не пиво варить, не вино курить. Крутым пирком за свадебку. Тогда оне повенчались, произвели свадебку. Иван Ц-ча отец посадил на цярьство. Стал он жить и цярьствовать. Всё живет и цярьствует.

78. БАРИН И НИЩИЙ

Были прежде барьскне. У него были крестьяна в обширном расстояини — 12 вёрст от него. На которую квартиру он приставал прежде, выпросилсе один старичок ночевать, хозяин хоша его не пускал. Барин поздоровался с хозяином и окинул глазам по избе и увидел старичка на печке. «Что же это у вас за ночлежник?» — «А вот, господин барин,— выпросилсе к нам

один старичок переночевать. Он нам не помешает». Попили они чайку, произвели себе угощенье. Постлали ему постель в передней угол. Барин спит себе до полночи. С полночи разбужаетсе. Захотелось ему покурить. Сел он себе на постеле и стал папиросу вертить. А на это время прилетают два ангела под окошко. Стучит под окном: «Господи, ты здесь?» — «Здесь, говорит, ангели господни».— «Вот в одной деревне родила женщина 5-го сына. Каким же счастьем мы будем его наделять?» — «А вот мы будем наделять такого-то барина именьем, потому что он бездетошной». Вот этому барину не заспалось, у него сéрдце закипело — надо мальчика извести. Дожидает он света и будит своего слугу: «Ставай-ко, слуга, запрягай лошадей и поедем». Запряг ему слуга лошадей, и поехали они в эту деревню, в которой женщина родила мальчика. Приезжают он к той деревне, она сидит на печке, держит мальчика у грудей. «Продай, тëта, мальчика!» — «Ах ты, доброхот, где продать своего детишша? Хоть 5-й сын родился — а не продать!» — «Да сколько бы ты за его взяла?» И, так как она хотела от него деньгам отойти, спросили с него 500 рублей. Он сицяс вынимает бумажник и отсчитывает 500 руб. Подаёт бабе деньги, а берет у её мальчика в однех пелёночках, садится на лошадей, и поехали на волок 12 вёрст. Доезжают оне до половины волока, барин приказал кучеру остановить лошадей. «Неси же этого мальчика в сторону — в лес. И убей его в лесе». Вот кучер берёт мальчика в руки и понёс в сторону. Приносит и кладёт на снежок; губить ему мальчика жалко. И послышалось ему в стороне — говорит: «Оставь мальчика живого, а ударь в пень. Изо пня на тя кроф брызнет, ты идти к барину и можешь!» Приходит он к барину, сицяс барин и спрашивает его: «Убил ли ты мальчика?» — «Вот и кроф на мне».— «Скидывай же ты эфту одежду с себя. Надень другую. А не то, пожалуй, увидают — скажут, что мы с тобой мужика убили». Вот они, сицяс переодолсе, вперёд и поехали. Отъехали не больше как с версту, и им попадается другой усадьбы барин встречу. Тоже и бездетошной. Вот они постояли там несколько времени. Совет произвели межда собою, что им требуется. И разъехались. И доезжает барин другой усадьбы до эхтого места, где мальчика снесли в сторону. И послышалось что-то барину, будто бы в стороне плачет. И посылает он кучера, тем же и сле-

дом. Приходит кучер в сторону, а мальчик плавает по лугу, а под ним и снежок растаял, и кругом мальчика горит огонёк, а он по лугу плавает, траву шшиплет, ест. Кучер удивиусе себе — что такое. Приходит к барину и обсказывает, что видел в стороне. Тогда барин посылает его обратно: «Неси мальцика сюда». Берёт он мальчика, приносит барину. Барин завертывает его в тулуп и посылает лошадей как можно быстрее до деревни. Приезжают они в деревню и сицяс отыскали сосучую женшыну, которая может покормить мальчика у грудей. И попалась как раз на мальчикову мать. «Ах, тёта, покорми у меня мальчика, он поести хочет». Тёта берёт мальчика к груде и кормит его. Смотрит, как будто бы мальчик ей, а только накинутьсе не может, что мальчик действительно её. И тогда он стал звать её в няньки с собою, чтоб мальчика воспитать до возраста лет, пока за хлеб не приметсе. Вот сичас она поехала с ними. Барыня выходит встречать своего барина. Вот барин ей и говорит: «Ох, барона! Я гостинець себе привёз — сына». Сицяс же барыни берёт его в руки и ташшит себе в комнаты, и стали его воспитывать. Не столько нянька с ним возится, сколько барони. И до тех пор они его воспитали — стал он у них лет 17. Выучили его грамоте хорошо. Оне его почитают за родного сына, а он за родных родителей. И тот барин, который увёз мальчика в лес, приехал он домой — у него жена сделалась поносная. И родила она дочи. Вот у них дочи и стала на возрасте лет. Церез 17-то лет — тот барин и приехал к этому барину и спрашивает: «Что же это у тебя жена не рождала детей, а сын такой большой?» — «Да этого сына я нашел в лисе, и воспитали его. Он нас почитает теперь за родителей, а мы его за родного сына». Вот потом у этого же барина серьцо заболело, как бы ему погубить мальчика. И просит он этого же барина особую комнатку: «Нужно написать жене письмо».— «А вот можете наверху, никого там нет — можете писать!» Сходил барин, написал письмо, положиу в конверт, запечатал барскою печатью. Тогда опускаетсе к барину и просит: «Уволь ты своего сына, отправил чтобы моей жене письмо!» Приказывает своему сыну ехать к бароне с письмом. Садитьсе он на коня и поезжает — берёт письмо в руки. Идёт путём-дорогою. Попадается ему мужичок встрету. «Куда, молодець, поехал?» — «А поехал вот от барина к бароне,

письмо повёз».— «А покажи его?» — «Ах, дедушко, сломаем мы печать — мне за эхто худо будет».— «И однако покажи, ничего не будет нам с тобою». Раскинул полы у верхней одежды, а под низом ризы. Тогда мальчик вынимает письмо и подаёт ему в руки. Старичок дунул на конверт, и слетела с конверту баринова печать. И стал старичок письмо читать. «Вот с этим письмом явился бы ты к бароне — сицяс баронь срубила бы тебе голову». Тогда старичок это писанье дунул — всё слетело долой. Начинает он писать своей рукой. Написал и положил письмо в конверт. Дунул на конверт — баринова печать пристала. Тогда подаёт мальчику письмо. «Идь с богом теперь тебе ничего не будет!» Приезжает мальчик к бароне, подаёт ей письмо. Баронь роспечатала конверт — прочитала письмо. И приказывает своей дочере приготовить самоварчик — угостить посланника чайком. А сама отправилась по своим делам. Сходила она к свешшенику и к другим протшым, и приводит их к себе в дом. И там стали они этого молодця насильно женить на своей дочере. И повенчали на своей дочере его. И вдруг барин являетсе домой — входит к барони, с дочерью и с зятем — стречает его. Барин вынимает — сашку и хочет барони голов срубать. Баронь подходит к нему с письмом: «Барин! Погоди, не руби головы моей — ты что писал — я то и исполнила. Вот извольте письмо вашо!» Берёт барин письмо в руки — начал он читать и начал волосы рвать. «Я писал, говорит, одно, а у меня оказалось другое». Выскакивает из кареты. У него был пивной завод — он и побежал на пивной завод. Приходит и говорит своим пивоварам: «Ну, господа пивовары,— ну после меня хто первой придёт, того валите в пепел». Тогда сам приходит домой и посылает своего зятя. «Ну когда же ты стал зятем — иди на пивной завод, заведывай пивовароу». Вот зять стал одеватьсе, и жонка сама стала с ним справлятьсе. Тогда барин и кричит на свою дочь: «Тебе нужно остатьсе дома».— «Ах, папенька, я теперь стала не твоя — и воля не твоя. Со своим мужичком куда хочу, туда и иду». И тогда пошла она со своим мужичком. «Вот, мужичок, у нас есть знакомка в сторонке, привернём к ней». Тогда привернули они к незнакомке, а барину не терпится дома, как бы побежать поскорее на завод, посмотреть, как зять будет в котле варитьсе. Прибегает на завод, как только на порог, его подхватили да и в котел

поташшили. Он закричау: «Не тот, не тот».— «А нам, говорят, а не что и досадиу». Вот барина в котле и сварили. Потом являетсе баринов зять со своей женою. Как только вошли на завод — пивовары и говорят дочери бариновой: «Ах, Машенька! Мы твоего папашеньку в котле сварили». Дочь и отвечает пивоварам: «По псе и поминки все». Заворотилась со своим мужичком. Пошла обратно домой. «Ах, маменька, нашего-то папеньку пивовары в котле сварили». И бароня тоже отвечает: «По псе и поминки все». Призывают барони пивовароу к себе и дарит им пивной завод и дом, а топерече забрала всё именье, сколько могла увезти с собою, и переехали оне к тому барину. Два-то барские именья скатились в одно место, стали они жить богато. Да в то время я у них был, пиво и вино пил, по усам текло, а в рот не попадало.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МОЗАЛЁВ

79. ПОП И ДЬЯЧОК

У одной приходской церкви жил поп и дьячок, и оне были сильные пьяницы. И так что оне пропили все свои имущества, и без имуществ им жизнь была уже плохая. И дьячок приходит к попу и начал говорить ему: «Давай, говорит, поп, я буду воровать, а ты будешь колдовать. И принеси, говорит, из церкви старинную книгу, будто бы тебе книга показывает это колдовство». И сам отправился к одному помещику и покрал у того бричку. И эту бричку скатил в речку, в глубокий омут. Сам и пришел к попу и сказал попу, что бричка в речке. «Я, говорит, пойду к помещику и скажу, что у нас поп хорошо знает. Тогда, говорит, по книге и разгадаешь». Тогда сам отправился к помещику. «Я, говорит, слышал, что у вас потерялась бричка». (Так как помещик уже разыскивал эту бричку, но нигде отыскать не могут). «Сходите, говорит, к нашему попу, поп про это хорошо знает». Тогда помещик отправилсе к попу и начал просить его разгадать, где бричка находится. Поп сказал ему: «Я, говорит, буду разыскивать бричку не задаром». Тогда помещик сказал попу: «Будет много за беспокойство уплачено». Поп принёс книгу и рассмотрел, будто бы в речку утащщил черт и она находится теперь в речке, вот в таком-то

омуту. «Поезжайте скорее, дабы черт не уташщил её далее». Помещщик съехал к этой речке со своей прислугой и нашел в том омуту, где сказывал поп. Тогда помещщик и сказал: «Да, говорит, поп действительно хорошо знает». Тогда заплатил ему хорошее вознаграждение. После того дьячок ушел к другому помещщику и покрал у помещщика любимого жеребца, который был помещщика любимый, и свёл его в лес и привязал к дереву. Затем пришел и сказал попу, где находится такого-то помещщика жеребець. Сошел затем к помещщику и говорит: «У нас поп про такие дела хорошо знает, разгадает». Тогда помещщик обратился к попу и начал его просить и сказал то, что будет вам за это вознаграждение от меня. Тогда поп принёс книгу; и посмотрел неё, и сказал помещщику: «Что ваш жеребец угонен лесным чертом и находится теперь в лесу, в таком-то месте, привязанный к дереву. Поспишите туда, чтобы лесной черт не угнал далее». Тогда помещщик со своей прислугой отправился в тот лес и находит жеребца привязанного к дереву. Тогда помещщик заплатил за труды попу, да и сказал, что поп хорошо знает. Затем дьячок отправился к третьему помещщику, у которого была нянька, водилась с ребятами. Тогда дьячок и украл мальчика от этой няньки и снёс его в лес в охотницкую избушку и накупил ему всяких конфет и пряников; и сам пришел к попу и сказал: «Что мальчик находится в лесу в охотницкой избушке. И так роскажи помещщику, говорит, чтобы завтрашний день приходили бы в этот лес и затем, не доходя до избушки на полверсты, и слушали бы, когда у избушки закричит: «Охо-хо, да охо-хо!» В такое время около половины дня, чтобы я мог отойти от избы». Помещщик, услыхав от тех помещщиков, у которых терялись бричка и жеребец, что поп весьма хорошо знает, обратился к попу и начал просить его разгадать, где находится мальчик. Тогда поп сказал помещщику: «Мальчик ваш находится в лесу, унесенный лешим. Ступайте, говорит, в этот лес, в такую-то охотницкую избушку и, не доходя до избушки на полверсты, остановитесь и слушайте, когда закричит, что — «Охо-хо, да охо-хо», тогда поспешите к избушке, как можно скорее». Тогда помещщик отправился со своей прислугой в сказанный лес. Не доходя избушки, остановились и начали слушать. Тогда дьячок, зная указанное время, пошел от избы и закричал:

«Охо-хо, да охо-хо!» Тогда помещщик поспешили к этой избушке и, действительно, нашли мальчика в этой избушке и начали спрашивать мальчика: «Кто тебя взял сюда?» И мальчик сказал: «Меня взял старик большой и черной, волосы длинные». Тогда помещщик подумал, что действительно унёс его леший. После этого потерялась у царя казна, украли воры, кроме этого, дьячка. Тогда царь собрал всех ближайших генералов и начал им говорить, дабы розыскать такие-то деньги. Эти господа не знают, как розыскать. В это время приглашены были те помещщики, у которых терялись вещи, как-то, значит: жеребец, бричка и мальчик. Тогда и сказали царю: «Так что, говорят, нужно будет достать попа от такой-то приходской церкви, т. к. поп знает про такие дела хорошо». Тут царь послал за этим попом. Когда посланные приехали к попу и сказали: «Что вас царь требует для разысканнья украденных денег» — поп сказал: «Погодите, я схожу к дьячку». Тогда спросил дьячка поп: «Где находятся царские деньги?» Тогда дьячок сказал, что я не знаю. А поп должен был обязательно ехать к царю. Тогда поп сильно затужил, что про деньги ему неизвестно, где они находятся. Попа этого частенько народ называл Вороной, другие называли Жучком. И поп должен был ехать к царю. Тогда царь допросил попа разыскать таковые деньги. Поп сказал царю: «Дайте мне особую комнату на сутки времени, пробыть одному». Тогда попу дадена особая комната. Так как он уже сильно боялся, думая, что ему будет за это сильно наказанье, когда он не разыщет таких денег, то в ночное время ему было не до сна. Ходя он по комнате и говоря сам про себя: «Ну да теперь, что спине, то будет и брюшине!» Этих воров так и называли: одного называли Спиною, а другого — Брюшиной. В то время они слушали под окном: как услышали попов разговор, то и стали говорить сами про себя, как бы доложиться попу, дабы попросить попа, дабы не обличил их. И тихим образом постучались у комнаты попа. Поп услыхал ихний стук и спросил, кто там. Воры тогда попросили опустить их в комнату себе и начали просить попа, дабы поп не обличил их царю, что оне украли деньги. Затем поп спросил их — где находятся деньги. Тогда воры сказали, что деньги находятся под мостом. Тогда поп сказал им: «Ступайте, караульте, чтобы у вас не перекрал нихто, тогда про

вас я не скажу царю, что вы украли». Тогда воры ушли караулить деньги и стали дожидать попа, когда приедет за деньгами. Затем попа потребовали к царю. Тогда поп указал царю, что деньги находятся под таким-то мостом. Тогда царь со своей прислугой приехал к этому мосту, и отыскали украденные деньги. Тогда царь взял в свои палаты попа и начал его угощщать. Тогда царь и начал говорить при обществе собранных господ: «Да, действительно, поп хорошо знает». Тогда один из господ сказал царю, что поп ничего не знает. Царь в ответ сказал: «Как не знает? Как сказал, где деньги, действительно, деньги тут и есть?» Этот господин сказал царю: «Давай, говорит, убьём ворону и зажарим её и принести её попу на кушанье. Ежели поп, действительно, знает, то ворону кушать не будет». Тогда царь приказал застрелить ворону, зажарить её и подать попу на кушанье. Когда подали ворону на стол, тогда поп, т. к. прежде попа называли Вороной, и тогда удивляется сам себе и говорит про себя: «Ах ты Ворона, ты Ворона! Залетела ты, Ворона, в царские хоромы!» Тогда царь приказал обрать ворону от попа со стола и сказал, что — «Вот сказали, что поп ничего не знает, поп, действительно, хорошо знает!» И затем один из помещщиков сказал царю, что поп ничего не знает. Тогда царь отошли от попа с этим помещщиком, и помещщик сказал царю: «Что возьмите, говорит, жучка в свои руки, затем придите к попу и спросите его — «что у меня в руках?» Тогда царь взял принесенного ему жучка, зажал в руки и пришел к попу и сказал: «Знаешь ли ты, что у меня в руках?» Но так как попа прежде прозывали Жучком, то он сказал, удивляясь сам себе: «Ах, говорит, Жучко ты, Жучко! Попался ты, Жучко, в царские ручки». Тогда царь бросил жучка на пол. «Вот и сказали, что поп ничего не знает, а, действительно, поп знает хорошо». Тогда царь отправил попа на своё место и вознаградил его наградою. Тогда поп приезжает на свое место и пришел к дьячку и стал говорить: «Как бы нам уничтожить эти волшебства?» Тогда дьячок сказал попу: «Это волшебство можно уничтожить скоро. И т. к. в ночное время выбрать из дому имушшесво, которое получше, и тогда зажечь дом, когда дом загорит, выбежи, под окно свались и катайся: «Ой! мне не жаль ни дому, ни живота, а жаль волшебной книги!» Поп так и сделал. Выбрал имуш-

шество, которое получше, и зажег свой дом, выбежал, под окно свалился и начал кататься и сам сказал: «Ах! мне не жаль ни дому, ни живота, а жаль волшебной книги!» После к попу стали приходить просить попа, чтобы он разыскал, кому чего требуется, но поп сказал: «Что теперь я не могу колдовать, так как у меня сгорела волшебная книга». Так это и скончаетсе.

80. КАК НА НЕБО ХОДИЛ

Жили три брата. Один был полоумной, другой безумной, третей дурак. И пошли мы за охотой на один день и весь день проходили, никого не убили. На вечеру пришли к озеру; и сидит утка у берегу. Полоумной стрелил мимо, а безумной не попал, а дурак взял утку, и пошли; и хотели вытти к ноче домой. И зашли мы в лес, и стало тёмно, мы не могли попасть на дорогу и остановились ночевать; росклали пожог и нам захотелось ись. Утку бы изжарили, да огня нет. Увидали в стороне огонёк, я и послал полоумного: «Сходи-ко принеси огонька. Хоть утку сжарим да съедим!» Полоумной пошел за огнём. Шел да шел, приходит; стоит избушка, в ней сидит старик, лапти ковыряэт. «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй!» говорит. «Бог помочь!» — «Спасибо». — «Дедушко! Дай огня!» — «Нет, не дам».— «А что же?» — «А скажи сказочку,— соври небыличку, так дам огня, а ничего не скажешь, тогда вырежу из ж... пряжку, из спины ремешок да и огня не дам». Полоумной подумал, подумал. «Да нет, не знаю», говорит. Старик взяу вырезал из ж... пряжку, из спины ремешок, вытолнул его за дверь. Полоумной приходит к нам. Я и спрашиваю у его: «Что, полоумной, принёс огня?» — «Да нету!» — «Что же?» — «Да я, говорит, от вас пошел, да куст за куст, куст за куст, огонёк от меня пропал — я насилу и к вам попал». Я и говорю: «Пошли дурака, так чего от дурака будет?! Сходи-ко ты, безумной!» Безумной пошел. Шел да шел и приходит к избушке и говорит сам себе: «Вот дурак сказал, что не нашел, а я прямо пришел!» говорит. Заходит затем в избушку, старик сидит и лапти ковыряэт. «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй!» — «Бог помочь!» — «Спасибо!» — «Дедушко! Дай огонька!» — «Нет, не дам!» говорит. «А что же?» — «Да скажи сказочку и соври небыличку, тогда дам огня. А ничего не скажешь, тогда вырежу из ж... пряжку, из спины ремешок». Безумной подумал,

подумал. «Нет, говорит, ничего не знаю». И старик вырезал из ж... пряжку, из спины ремешок и за дверь вытолкнул. Безумной приходит к нам, я и спрашиваю: «Принёс огонька?» — «А нету», говорит. «А отчего же?» — «Да я от вас-то пошел, говорит, огонёк-то видать, а я шел да шел, огонёк-то от меня и пропал,— я насилу и к вам-то попал».— «Надо дураку было идти самому!» Я взял да и пошел. Прихожу к избушке. «Вот, говорю, дураки не нашли, а я прямо пришел». Захожу в избушку, старик сидит и лапти ковыряэт. «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй». — «Бог помочь!» — «Спасибо» — «Дедушко! Дай огонька!» — «Нет, не дам, говорит. «А что же?» — «А скажи сказочку, соври небыличку, а нечего не скажешь, вырежу из ж... пряжку, из спины ремешок и огня не дам». Я подумал, подумал. «Вот что, дедушко! Я скажу сказку, совру небыличку, а ежели ты скажешь, что врешь, тогда у тебя — из ж... пряжку, из спины ремешок и огня возьму».— «Ладно, сказывай!» — «Тогда взял и пошел от старика. Шел да шел прибылотком. Лепился по одной колодинке и оборвалсе, свалилсе в грязь,— вылезти не могу. Опираясь на руки, ноги освобожу, так руки вытянуть не могу. А руки вытяну, так ног не могу вытянуть из грязи. Так и лежу в грязи. Откуда возьмись волк! Погнал зайца — заець направилсе через меня, я схватил зайца за хвост да как ахну! У меня заяць убежал, а шкурка осталась. А я всё вылезть не могу, и волк направилсе по заячьему следу и прямо через меня. Я схватил волка за хвост. Да как ахну! Шкурка убежала, а волк осталсе. Дело было летнее жаркое. Волчье тело начало гнить, стал смрадный запах. Дышать мне было очень плохо, а вылезть из грязи не могу. И думаю себе: «Как бы мне старика обмануть?» Вдруг услышал треск по лесу. Вдруг и бежит ко мне медведь и направилсе прямо через меня. Я схватил медведя за хвост, медведь меня и уташшил. Я и думаю себе: «Постой! Медведя удержу». Но у меня руки ослабли — медведь от меня и убежал. Затем я выхожу на прекрасну долину; мне и захотелось пить, а пить нечего, я и увидал недалёко река. Стой! думаю, теперь пойду напьюсь! Прихожу к реке, случилось со мной несцястье — вода-та за рекой. Мне пить-то и нечего. Я дурак ухитрилсе и пошел за реку. Дошел я до воды, и случилосе со мной опеть несчастье — напился бы, да нечем, ковша-то и нет. Тог-

да я взял снял с головы череп, взял и напилсе и пошел назад, а череп оставил тут. Вышел на прекрасну долину, и потенул северной ветер,— у меня в голове стало холодно. Я схватиусе, а у меня черепа и нет на голове. Ох, тимнешенько, где пил, там череп и забыл. Прихожу к черепу, а утка уже гнездо свила, яйца парит. Я как ахну! Яйца-то улитили, а утка осталась. А ты вот, старый черт, огня не даёшь! Мы бы утку сжарили да съили! Тогда я череп надел на голову да и пошел. Выхожу на большую дорогу; гуртовщики скот гонят. Я несколько быков у них украл, угнал их в сторону и снял с их кожи, изрезал на ремни и насшивал долгой ремень, смотал его колесом да кверху и кинул; у меня ремень повисилсе. Я и удумал — полезу по ремню,— за что ремень захватилсе? Я лез да лез на небо и влез». А старик всё молчит. «И думаю: теперь мне на небе весело будет. Да вдруг показалось мне страшное невеселье — на небе пусто да гладко, нет ничего. Только бог и да ангелы, больше никого и нет. Я ходил, ходил по небу, мне очень стало невесело. И думаю себе: пойду я к ремню да опушшусь назад. Прихожу к ремню, а ремень оторвалсе да свалилсе. Мне слезть-то не по чём. Хоть пропади! Я взял да и пошел по моим щаскам. Я и увидел, мужик на гумне овёс веёт. Я и давай пелёвку ловить, да верёвку вить и насвивал верёвку длинную-предлинную. Мужик овёс извеял, я прихожу к тому месту, где был ремень. Опустил верёвку в окошко, верёвки у меня не хватает до земли, а вить мне больше не из чего. Так я дурак на это хитёр. Взял верёвку вытенул, захватилсе за концы, верёвку и опустил, у меня вакурат до земли и хватило. Я и давай опушшатьсе по ней. Доопушшалсе до конца, а у меня не хватили глазы — верёвки-то ешшо столько надо до земли. Я и задумалсе свалитьсе, так убьёссе, а лизть назад неохота». А старик всё молчит. «Так я, дурак, ухитрилсе У меня был с собой ножичок, я взял да верёвку перерезал да и связал, у меня вакурат до земли и хватило. Я слез да и пошел». И спрашивает у меня старик: «Чего ешшо на небе видел?» — «А чего видеть? Ничего не видел; только видел, что мой дедушко на твоём дедушке дрова везёт».— «А вот ты, говорит, и врёшь!» Мне это и надо было! Я тогда взял да у старика вырезал из ж... пряжку, из спины ремешок, и взял огня, и пришел к своим братьям. Тогда мы утку сжарили и съили.

81. КАК ХУДОЖНИК РИСОВАЛ 12 АПОСТОЛОВ

Это было в городе Петербурхе; жил один художник, в одно прекрасное время приходит к нему госпожа и просит его написать 12 апостолов. Тогда говорит он: «Могу написать!» И госпожа спрашивает его: «Через сколько времени можешь написать их?» Художник объяснил ей: «Что через две недели могу написать». Тогда спросила она художника, сколько это будет стоить? Художник сказал ей, что будет стоить 500 рублей. Госпожа выдала сму деньги за роботу вперёд. Тогда художник получил деньги, и купил краски, и написал ей только 9 апостолов; и затем запировал, и опустил уже время, чтобы написать остальных, да вместе с тем пропил и деньги, что у него не осталось больше денег купить краски. И х какому времени срок был назначен госпоже получить от художника апостолов,— в последний день художник напилсе пьян и лёг спать. И в это время явилась госпожа за апостолами. Спросила у его жены: «Где же господин художник?» Жена отвечала, что художник уже спит. И госпожа просила жену розбудить его. Тогда жена розбудила художника, который вышел к госпоже. Госпожа спросила у него: «Готовы ли апостолы?» Тогда художник ответил ей: «Апостолы, сударыня, готовы! Обождите с полчасика времени, дайте мне оправиться». И он в эфто время вышел к своим благоприятелям и попросил их встать рядом с написанными апостолами, которые так и сделали. Тогда художник привёл госпожу, чтобы вручить ей апостолов. Тогда госпожа посмотрела на апостолов. «Да, действительно, говорит, все написаны хорошо!» И указывает потом на одного из живых: «Ах! говорит, вот эта-то штучка написана неприкрытой!» — «Ах, госпожа! Я, вероятно, позабыл это! Так это можно подправить!» Взял стамеску и захватил за естество и отрубил его прочь стамеской. Тому показалось весьма плохо — он скочиу и убежау из комнаты, за ним и другие два, осталось 9 апостолов вместо 12-ти. Госпожа сказала: «Не трогай более ни одного, а то все, говорит, розбежатся!» И затем место 12-ти апостолов — получила только 9, а остальные три убежали.

НИКАНОР ПАВЛОВИЧ ОХУТИН

82. АРАКЧЕЕВ

Аракчеев был очень суровой господин — собака! У его была чернокнижница-полюбовница, которая имела над ним власть. В своих книгах читала и знала всё, что делается. Её давно хотели убить, но с книгами не могли. Один раз книги украли и её бросились убивать, она за книги — их нет. Так и умерла. Аракчеев тогда всё бросил, все дела и убежал.

КОММЕНТАРИИ

СКАЗКИ БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДА

Адриан Потапович Шарашов

А. П. Шарашов — 60 летний крестьянин деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. Сказочники именно этой деревни дали возможность собирателям записать многие образцы народного сказочного эпоса.

Репертуар А. П. Шарашова очень пестрый: он знаток и бытовых, и волшебных сказок. Вероятно, поэтому его волшебно-фантастические сказки изобилуют бытовыми подробностями. Всем сказкам Шарашова свойственен какой-то особенный последовательный демократизм: насмешка над якобы сверхъестественной силой иконы, прославление находчивости и ума простого человека, умение показать сказочных героев трудолюбивыми. Характерно, что в его волшебной сказке про Елену Прекрасную подлинным героем является не государь, а сам мужик, крестьянин.

Отмеченные особенности сказок А. П. Шарашова не противоречат его личности. Собиратели сожалеют о том, что, ввиду занятости Шарашова на разных работах, «его пришлось видеть сравнительно редко — только по вечерам и по праздникам». Постоянный труд не вполне обеспечивает крестьянскую семью, и Шарашов «крайне нуждается, не сумев справиться после отдела своего отца, не давшего ему никакого имения». Собиратели замечают о Шарашове: «В деревне пользуется общей любовью за свой добродушный и приветливый характер и называется всеми дядюшкой Адрианом».

Мария Яковлевна Колотушкина

М. Я. Колотушкина — 65-летняя старушка деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. Кроме этих сказок, от нее записано несколько быличек. Собиратели относят ее к типу сказочников «реалистов, бытовиков». В сказках Колотушкиной сильно нравственное начало, сентиментальные интонации. Соколовы объясняют это биографией женщины-вдовы, для которой «после легкомысленной супружеской жизни, кончившейся трагической кончиной ее мужа, наступило время раскаяния, раздумий, сердечного сокрушения, самообвинения».

Однако повышенная чувствительность свойственна не только этой сказочнице. Ю. и Б. Соколовы делают следующее замечание о всех женщинах-сказочницах: «Если мы вообще в женской поэзии находим свои типичные особенности, господство чувства, тонкость и нежность задушевного тона, то весьма сходное мы обнаруживаем и в сказках, говоримых женщинами».

Маримьяна Ивановна Медведева

М. И. Медведева — молодая, красивая 32-летняя крестьянка деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. Она и сказочница, и «плакуша», и песенница. Выданная замуж на 16-м году по неволе, обремененная большой семьей, она в творчестве всегда находила отраду. Ее занимают нравственные вопросы, в ее сказках чувствуется эмоциональная приподнятость. Сочувствие сказочницы всегда на стороне «благородных», «верных», «хороших». В своих сказках М. И. Медведева явно уклоняется от чего-либо непристойного. Юмор ее не переходит в сатиру, он мягок.

М. И. Медведева, по-видимому, талантливый человек, ищущий. «У нее давно развилась любовь к чтению; но, не попав в школу, она самоучкой кое-как научилась читать. К сожалению, в деревне не имеется книг, а если какая попадется, то зачитывается до дыр». Такое характерное свидетельство о северной деревне начала века дают Б. и Ю. Соколовы.

Василий Степанович Шарашов

В. С. Шарашов — 58-летний крестьянин деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. «Типичным наследником скоморохов — веселых людей» — называют его собиратели. Он до старости не утратил веселости, склонности к добродушной шутке. В округе он любимый и популярный «дружка». Умеет отгадывать свадебные загадки, знает всевозможные приметы. Шутками пересыпает речь, знает много шуточных песен.

Василий Васильевич Шарашов

В. В. Шарашов — крестьянин 24-х лет из деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. Отец его сказывал былины, мать — песенница, а он приохотился к сказкам. С юных лет Василий уходил в окрестности на заработки — плотничать. Там, среди артели, состоящей из крестьян того же уезда, научился сказкам. Говорит сказки, увлекаясь, с полной наивной верой во все повествуемое. Преобладающий интерес проявляет к таинственному, чудесному. Собиратели отнесли В. В. Шарашова к группе «молодых сказочников» и некоторые особенности его стиля (чрезмерное употребление соединительных союзов, вставные слова типа «ну вот» и др.) отнесли за счет молодости, невыработанности манеры сказывания сказки.

Григорий Ефимович Медведев

Г. Е. Медведев — 70-летний старик деревни Тереховы-Малаховой Мишутинской волости. От него записано 14 сказок, однако вследствие нескромного содержания некоторые из них не переиздаются. Г. Е. Медведев охарактеризован собирателями как человек грубоватый, ворчливый и очень властный в своей многодетной семье. Эти черты характера крестьянина нашли отражение в сюжетике, некоторых подробностях, языке его сказок. «Весьма любопытным

является тот факт, — пишут Соколовы, — что Г. Е., не зная грамоты, рассказал с большим умением известный книжный анекдот о шуте Балакиреве и Петре Первом... Этот факт является ярким показателем, насколько восприимчива может быть крестьянская неграмотная среда к влиянию книги».

Сказка Г. Е. Медведева «Сердитая барыня» неоднократно входила в хрестоматии как образец социально-бытовой сказки.

Яков Ильич Маслаков

Я. И. Маслаков — 26-летний крестьянин той же деревни Тереховы-Малаховой. «Здоровая, деятельная, трезво смотрящая на жизнь, предприимчивая личность, соединенная с природным юмором, как нельзя лучше отразилась в его сказках, — пишут Соколовы, — это несомненный реалист по направлению». Сказки Я. И. Маслакова (а он их рассказал пять) — это по сути былички и народные анекдоты. Главное для него состоит в передаче чувства превосходства и собственного достоинства смелого, смышленого человека из народа.

Парамон Богданов

П. Богданов — 60-летний старик деревни Тимохино Мишутинской волости. Собиратели дают интересные с социальной точки зрения сведения о нем. «Прижитый девицей и являясь, следовательно, незаконнорожденным, земли своей не имеет. За свое происхождение получил прозвище Богданова (как «данный богом»). Средством пропитания ему служит лишь его ремесло: он «швец». Ходит большей частью по своей волости. Вследствие безземелья и многосемейности Парамон крайне беден. Знает очень много сказок благодаря своей профессии и принадлежит к числу лучших сказочников». Богданов повествует с поразительной свободой: гибко передает диалог, легко развертывает сложный сюжет, связанный с действиями многочисленных волшебных помощников героя. Вместе с тем знание деревенского быта и человеческого обихода вообще, нужда и постоянная забота о хлебе насущном вошли в изобилующие чудесами сказки Богданова.

Тихон Парамонович Богданов

Т. П. Богданов — сын Парамона Богданова, «одного из лучших в Белозерском крае сказочника». Ему 19 лет, и собиратели отнесли Т. П. Богданова к типу «молодых сказочников», которые рассказ ведут особенно оживленно, одухотворенно, но еще не сложился их стиль, не установилась своя манера исполнения. «Несомненно одно — в своей манере сказывать он явно стремится подражать отцу»,— замечают Соколовы.

Семен Кононович Серогоров

С. К. Серогоров — 25-летний крестьянин деревни Тимохино Мишутинской волости. Соколовы пишут о нем следующее: «Вид болезненный... Живет бедно, т. к. долго работать на пашне не может — устает (не надо забывать вообще адовую тяжесть работы на местной каменистой почве!). В силу всего этого С. К. несколько озлоблен и насмешлив, а порою циничен. Нам говорил сказки большею частью иного характера; рассказывал их вообще очень умело».

Что значит «очень умело», в данном случае собиратели не поясняют. Очевидно, имеется в виду полнота в изложении сюжета, элементы сказочной обрядности, композиционная завершенность сказок. В сказке «Егорь несцястный» привлекает пленительный образ Лебеди белой, каким он вошел и в знаменитую сказку А. С. Пушкина. Вместе с тем некоторая модернизация сюжетов (в частности образ пьяницы-вещуна) снижает общее впечатление от сказок Серогорова.

СКАЗКИ КИРИЛЛОВСКОГО УЕЗДА

Матвей Ефимович Пошехонов

М. Е. Пошехонов — 47-летний крестьянин деревни Гагарья Вороковской волости. От него записана единственная и самая длинная во всем сборнике сказка. Рассказал он ее только после настоятельных просьб и уговоров. М. Е. Пошехонов слеп, с младшим сыном «ходит по миру». Отсюда, очевидно, его замкнутость и осмотрительность. Потому и в сказку вошла «поличия», которая забирает героя как «беспашпортного».

Асинкрит Мараказов

А. Мараказов — 18-летний пастух из деревни Жохово Вогнемской волости. Он неграмотный, сказкам выучился у местных крестьян. Все его сказки короткие, с юмористическим оттенком. Отнеся А. Мараказова к группе «молодых сказочников», Соколовы характеризуют сам тип исполнения сказок молодежью. Они пишут: «Большинство сказочников — люди солидного возраста, скорее пожилые, чем молодые. Но все же среди сказочников есть группа молодых, иногда еще совсем юношей. В их сказках чувствуется еще некоторая неопытность, сказки не выдерживают ровного, спокойного тона. Воодушевления при передаче сказки у них значительно больше, и чувство личного увлечения еще не может спрятаться в плавную речь опытного сказителя». В сборнике Соколовых есть несколько сказок на сюжет «Как я в Питер ходил». Ученые так комментируют факт широкого распространения этого сюжета: «Участившиеся поездки в северную столицу создали в крестьянской среде особый тип «питерщиков», «питерцев»... Путешествия в Питер породили особый тип сказочников и даже новую форму сказки».

Александра Михайловна Хазова

А. М. Хазова — крестьянка деревни Бабичово Вогнемской волости. Она хорошо поет и причитает, но сказки ей не даются. «Во всех ее сказках наблюдаем отсутствие украшающих сказочных формул», — замечают собиратели и делают любопытное обобщение: «Вообще женщины (за редким исключением — ср. Колотушкину и Медведеву), по нашим наблюдениям, оказались менее искусными, менее опытными в передаче сказок, чем сказители-мужчины». Однако А. М. Хазова рассказала две сказки о животных, а они весьма редки в этом крае.

Созонт Кузьмич Петрушечов

С. К. Петрушечов — старик 66 лет из деревни Федотово Ферапонтовской волости. Он крестьянствовал, занимался сплавкой леса,

служил «на чугунке», затем 21 год прослужил церковным сторожем. Неграмотный. Человек много повидавший, Петрушечов не огрубел, не утратил чувствительности, добродушия, незлобливости. Собиратели пишут о нем так: «Как сказочник С. К. один из самых лучших, с какими нам приходилось иметь дело. Говорит сказки с выражением, меняя интонацию... С. К. с особенным удовольствием останавливается на нравственных темах, и вопросы торжествующей благодетели настолько близко затрагивают его, что он искренне волнуется ими и трогается до слез... Его морализующая тенденция и мирное, благочестивое настроение, однако, не устраняют его от сознательного подчеркивания царящего в мире социального неравенства, и он не раз противопоставляет довольство и богатство королей народной бедности». Это сказочник-эпик по серьезности репертуара, по обстоятельности рассказа. Сказкам научился в основном от отца, а также от других лиц («Я понятен на это был!»).

Семен Иванович Семенов

С. И. Семенов — псаломщик села Раменья Ферапонтовской волости, по образу своей жизни мало отличавшийся от крестьянина. Собиратели оценивают его сказки как остро социальные, как образцы народной сатиры. Сказки эти высмеивают церковников и бар. В то же время они «в большинстве случаев совершенно неудобного для печати характера». Сказка «Поп Пахом» имеет несколько вариантов в сборнике Соколовых. Она перепечатывалась в хрестоматии по фольклору.

Василий Васильевич Богданов

В. В. Богданов — церковный сторож села Раменья Ферапонтовской волости, 30 лет, неграмотный. Он побывал и в Петербурге, и на заводе, и на сплаве. Соколовы относят В. В. Богданова к типу «веселых сказочников» и замечают: «Талантливо, живо и заразительно передать веселую, юмористическую или сатирическую сказку может лишь сам по себе веселый, подвижной и не лишенный юмора рассказчик. В его изложении комическая история оживает, искрится блестками истинного смеха и порой получается едкий, задорный, сатирический оттенок. Любопытно, что у таких рассказчиков эта юмористическая, веселая жилка отражается на всем их словесном репертуаре. Нам кажется, такие сказители и певцы прежде всего могут сопоставляться со знаменитыми «веселыми людьми», скоморохами древней Руси». Сказки В. В. Богданова носят ярко сатирический, далеко отошедший от добродушного юмористического тона характер. К традиционному сказочному сюжету он добавляет свои детали, которые оживляют сказку, придают ей реальную жизненную окраску. Так, например, в сказку о трех попах эпизод с церковным сторожем внесен в связи с профессией самого сказочника. Любитель выпить, Богданов и в сказках живописует выпивку. В некоторых подробностях отразилось его знакомство с городской жизнью. Собиратели отмечают: «Рассказ В. В. Богданов ведет необычайно живо, нисколько не затрудняясь в подборе слов, пересыпая сказку любимыми словечками... диалог в сказках Богданова очень жизненен и боек». Сказки В. Богданова «Капсирко» и «Старичок Осип и три попа» давно стали хрестоматийно известными.

Василий-печник

Это печник, родом из-под Кириллова. Ходит на заработки по всему Кирилловскому уезду. Сказки записаны от него, когда он работал в селе Раменье. Собиратели не сопровождают публикацию этих сказок подробным разбором. Однако, классифицируя сюжеты сборника, отмечают традиционность, типичность сказок, переданных Василием-печником. Особенно интересна сказка «Иван-дурак» как довольно полный вариант общерусской волшебной сказки о Свинке-золотой щетинке.

Кондратий Кузьмич Кузьмин

К. К. Кузьмин — 35-летний довольно зажиточный крестьянин деревни Роговской Прилуцкой волости. В примечаниях к его сказкам содержатся интересные и важные для сегодняшнего дня сведения об условиях работы собирателей: «К. К. Кузьмин один из первых согласился говорить сказки, запас которых, судя по всему, у него значительный; но так как из этой деревни собирателю пришлось удалиться по настоянию местной власти в лице урядника, заподозрившего в собирателе «поликана», то записать удалось, как и у остальных роговских сказителей, всего небольшую долю их сказочного репертуара».

Дмитрий Кириллович Сироткин

Д. К. Сироткин — 60-летний крестьянин деревни Роговской Прилуцкой волости. Подробных сведений о нем собиратели дать не могли, как и о К. Кузьмине (см. выше). Репертуар Сироткина записан далеко не полно. Б. и Ю. Соколовы замечают о Сироткине: «Говорит сказки очень складно, и, видимо, очень опытен в этом деле». В сказках Сироткина выдвигается отчетливо моральная проблематика: это сказки о девичьей чести и о том, что завистливость и жадность к деньгам неизбежно приводят к беде.

Анна Савичева

А. Савичева — старая крестьянка деревни Зуево Прилуцкой волости. Собиратели рассказали, при каких обстоятельствах записывали они сказки от А. Савичевой: «В деревне стояла горячая пора, народ был занят. Лишь Анна Савичева сидела, с вязаньем на въезде к сараю, окруженная детьми, оставленными на ее попечение, и нашла возможным рассказать нам сказки. Долгое время не соглашалась, боялась, чего бы не вышло из-за нас для нее». Сказка А. Савичевой «Иван, Медвежье ушко» не раз перепечатывалась из сборника бр. Соколовых и приобрела хрестоматийную известность.

Иван Григорьевич Лазарев

И. Г. Лазарев — 30-летний крестьянин деревни Зуево Кирилловского уезда. Отбыл военную службу, по профессии лодочник-перевозчик. Соколовы чрезвычайно внимательно изучали фольклорный репертуар людей, причастных к солдатской службе, считая, что «влияние солдат, солдатской среды на молодежь и ее нравственность велико». Находчивый и бывалый солдат — герой сказок И. Лазарева. Сказки его кратки и подходят к типу быличек.

Андрей Михайлович Ганин

А. М. Ганин — 64-летний крестьянин деревни Кутилова Пунемской волости. Он один из лучших местных знатоков былинного эпоса. Вот почему сказки его по сюжетам и мотивам приближаются к русскому богатырскому эпосу. Обилие оборотов, общих мест, описаний, характеристик, эпитетов, свойственных былинному эпосу, вводит А. М. Ганин в богатырские сказки (особенно в сказки о Еруслане Лазаревиче и о женитьбе князя Владимира). Однако сказочная поэтика (троекратные повторения, присказки, традиционно сказочные словесные формулы) искусно используются им. По определению Соколовых, Ганин — это «сказочник-эпик, превосходно владеющий приемами традиционной сказочной и былинной поэтики». Особенно заинтересовавшись творчеством Ганина, собиратели находят здесь яркий пример соответствия личности исполнителя основному направлению исполняемых им произведений. Они пишут: «Обычная молчаливость, даже робость и неторопливость, присущие Ганину, дают ему большую возможность уйти в мир своих богатырских сказок и находить для себя наслаждение в мерном, обстоятельном и плавном рассказе».

Александр Осипович Ершов

А. О. Ершов — 35-летний крестьянин деревни Покровской Пунемской волости. Сказочник отчасти прикоснулся к литературе: он грамотный и, главное, большой любитель чтения. Это обстоятельство отразилось на стиле его сказочной речи (сентиментальные описания, чуждые деревне подробности, модернизированные сказочные формулы и т. д.). Собиратели отнесли А. О. Ершова к группе «образованных» сказочников.

Василий Степанович Суслов

В. С. Суслов — 70-летний бродячий богомаз (иконописец, но попутно и плотник, и маляр) деревни Прокуфинской Пунемской волости. Собиратели относят его к типу «сказочников-реалистов». Суслов не сообщил ни одной фантастической сказки, да и не умеет их рассказывать. Но его память о крепостническом прошлом деревни, его интерес к событиям реальной жизни дают о себе знать в творчестве. Старинки Суслова поэтому интересны в познавательном отношении. Старинка «Про Серьгу и Митю», двух местных крестьян, необычайно живо рисует жанровую картинку крепостной эпохи с ее телесной расправой и издевательством над личностью мужика. Суслов бывал в Олонецкой губернии, поэтому слышал былины, чуток к былинным сюжетам. Сам былин никогда не пел. Его сказание о Садко с именами Людмилы, Гостомысла, Вадима «представляет пересказ какой-то, видимо, книжной псевдоисторической переделки в духе 18 века сказания о призвании князей и новгородском купце Садко».

Суслов грамотен, чувствует себя историком (знает песни про Гришку Отрепьева и про Малюту Скуратова). Собиратели замечают: «Весьма заинтересовавшись нашим делом собирания произведений народной словесности, В. С. с большим вниманием следил за ходом наших работ и часто наведывался разузнать о новых записях».

Глеб Дмитриевич Якуничев

Г. Д. Якуничев — 44-летний крестьянин деревни Конечной Пунемской волости. Его сказки собиратели никак не прокомментировали, очевидно, потому, что все три его сказки являются вариантами сюжетов, переданных другими исполнителями. В сказке «Московский старик» (вариант — сказка В. В. Богданова «Старичок Осип и три попа») своеобразное начало — продажа коровы за гуся.

Илья Семенов

И. Семенов — 60-летний крестьянин деревни Конечной Пунемской волости. Он вдов, беден, живет подаяниями и случайными заработками. И. Семенов мастер волшебно-фантастической сказки. Высокой художественностью отличаются рассказанные им «Синеглазка» и «Купец богатый». Ритмичные сказочные формулы, поговорки и особенно вступительные и заключительные присказки (например, прославленное Пушкиным вступление о коте-сказочнике) свидетельствует о талантливости этого сказочника. Вместе с тем в сказки И. Семенова привнесено и знание городской культуры (герой играет «в клубу», живая вода находится «под таким-то номером», упоминаются «мины» и «пистолет»). Есть в его сказках и еще один слой — былинная поэтика («этой армии серому ворону не облетывать, а ясному соколу не осматривать»). Соколовы эти особенности стиля сказочника объясняют тем, что И. Семенов — бывалый человек, работал некогда в пильщиках, доходил до Тулы и Петербурга, хаживал и в Олонецкую губернию. Сказки И. Семенова неоднократно перепечатывались как художественно ценные.

Елизавета Пантелеевна Чистякова

Об исполнительнице этой присказки собиратели сообщили следующее: «Бедная старушка, живет подаяниями. От нее записано значительное количество заговоров, песен и подробностей свадебного обряда. Все это сообщила она нам в деревне Покровской Пунемской волости, куда она пришла из соседней деревни домовничать к своим родственникам». Других сказочных текстов она не знает.

Иван Михайлович Гадинин

И. М. Гадинин — 50-летний крестьянин деревни Прокуфинской Пунемской волости, неграмотный. Собиратели дают некоторые сведения о манере его передавать сказки: «Прежде чем сказать, долго размышляет». Сказки говорит медленно, с расстановкой. Гадинин выделяется несколько своим говором — слова произносит «густо», «о» у него более закрытое, чем у большинства населения, но иногда он вдруг начинает «акать», видимо, подделываясь под говор собирателя». В связи со сказкой «Волшебное зеркало» Б. и Ю. Соколовы делают такое характерное наблюдение над жизнью края: «Белозерский мужик в общем настолько отрезан от всего мира, что с трудом и с большим искажением пробирается туда весть о событиях, волнующих все государство. Плохая осведомленность о событиях привела, например, к тому, что японская война была объяснена какими-то фантастическими причинами».

Степан Васильевич Карпов

С. В. Карпов — 60-летний старик деревни Никольской Пунемской волости. От него бр. Соколовы записывали былины, исторические песни и духовные стихи. «Весьма интересную сказку о Димитрии Царевиче» сообщил он в самом конце встречи, но, очевидно, не случайно: исторические сюжеты захватывали Карпова. Собиратели относят эту сказку к группе богатырских.

Василий Устинович Горбачев

В. У. Горбачев — 44-летний крестьянин деревни Березник Казанской волости. Он грамотный, временами занимается сапожным ремеслом. Первую его сказку собиратели отнесли к группе волшебно-фантастических с высоким героем в центре.

Анатолий Васильевич Мозалев

А. В. Мозалев — 70-летний крестьянин деревни Пехточ Кирилловского уезда. «Бывалый человек». Он находился на солдатской службе, а потом на 12 лет остался в армии в качестве военного ветеринара — «коновала». Грамотный, особенности кирилловекого говора в значительной степени утратил: почти не «цокает», чрезмерно употребляет союзы. Но главное в том, что за долговременную солдатчину он запасся значительным репертуаром солдатских сказок и анекдотов. Этим и выделяется среди местных сказочников. Мозалев тяготеет к рассказу, выделяет социальные мотивы. Соколовы считают Мозалева сказочником-«реалистом, бытовиком».

Никанор Павлович Охутин

Н. П. Охутин — 80-летний старик деревни Роговской Кирилловского уезда. Долго служил в солдатах. Он пропел песню о Платове казаке, о прорытии Белозерского канала, и сообщил «предание об Аракчееве, кстати сказать, до сих пор сохранившем о себе в Белозерском крае недобрую память».

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Б

Байна — баня
Баршенник — работник
Барще, баршше — красивее
Баско — красиво
Биль, бель — яд
Божатка — крестная мать
Больнё, больно — очень
Большак — старший сын
Большуха — старшая в доме
Бурак — берестяное ведерце с крышкой
Бутить — тревожить, перемещать
Буцить — звенеть, шуметь

В

Вереск — шум, визг
Взапетки — назад
Взбленеть — побледнеть
Вздынуть — поднять
Вжалеться — влюбиться
Вклепаться — вцепиться
Выветриться — исполнить естественную нужду
Вызнять — вынуть; поднять
Вылегать — выводиться
Вынял — вынул
Выпользовать — изгнать
Вятерь — верша

Г

Гавяда — гадина
Гля — для
Голцят — говорят
Горазно — очень
Грудина — грудь
Гряновит (ой) — гранёный

Д

Далёко — очень, еще более
Дача — участок строевого леса
Доброхот — доброжелатель
Долонь — ладонь
Домовище — гроб
Доп — добр
Доулеет — следует, полагается

Е

Ез — загородка для ловли рыбы

Ж

Жёльцо — желчь, печень
Жира — житье
Жмея — змея
Жнитна — нижние концы стеблей, оставшиеся после жатвы

З

Загорготать — заржать
Задаваться — забегать вперед
Задалось — пришлось по вкусу
Залога — залог, уговор
Запустить — впустить
Зарозались — заворочались

Зарыкать — закричать
Засек — ларь, ящик без крышки, с несколькими отделениями для муки и зерна
Застаивать — держать сторону, настаивать, закладываться
Затипать — сдавить
Зауголок — угол
Зауснуть — уснуть
Заучать — заворчать
Зацялиться, зачалиться — стать на якоря.
Зацять, зачать — начать
Зашеворчеть — зашуршать, зашуметь
Збирать — собирать, накрывать
Звыть — взвыть, заплакать
Здоба — одежда, наряд
Здоблеться — собираться
Здобиуся — собрался
Здохнуть — заволноваться
Земагор — босяк, бродяга
Земь — пол
Зладилось — пришлось
Зрынуть — вскрикнуть
Зъезд — въезд, крыльцо
Зыбка, зыбоцька — корзинка; люлька

И

Идера — еда
Изгода — выгода
Изжено — сожжено, выжжено
Изобидеть — обидеть
Изразо́к — образец
Изъэжжаеши — издеваешься
Имать — ловить

К

Казациха — работница
Казёнка — каюта
Кальга — грязь, ямы на дороге
Каменка — печь в бане
Ки́льца — келейка, избушка
Кляпцы — капкан для зайцев
Когoты — когти
Ко́зитсе — косится, сердится

Колону́ть — ударить
Колонуться — удариться
Копыльё — дровни
Коты — башмаки
Кочек, кочик — бугорок, кочка
Кривлём — обходом, не прямой дорогой
Кро́сна, кросеньця — ткацкий станок
Кудеса — ряженые, маскированные
Кужель — вычесанный пучок льну, приготовленный для прядения
Кужлявый — кудрявый, развесистый
Кузленица — кузница
Кузло́ — наковальня

Л

Ладить — собираться, намереваться
Латко — посуда для жарения
Лепетливый — болтливый
Лесной — леший
Личей — лиц
Лошшить — лить (об исполнении естественной надобности
Лягать — развеваться

М

Манить — ждать
Молчашком — шепотом, тихо
Мост — пол, сени, крыльцо
Мызгнуть — понукая, ругнуть

Н

Набаситься — нарядиться
Наварза́ть — наделать неприятностей
Навонь — наружу
Надъезжать — наезжать
Назём — навоз
На один раз — сразу
Немочь — болеть
Неражий — худой, плохой
Нраво — приятно (о том, что понравилось)

О

Обиходить — убрать, прибрать

Облисйть — одичать в лесу

Оболокаться — одеваться

Оболок — облако

Оболочь — одеть

Обрадеть — обрадоваться

Обрать — забрать

Обсказывать — рассказывать

Обутка — обувь

Обычаться — удивляться

Ожуравить — ударить

Окласть — сложить

Окопиться — собраться

Окотать — сложить

Окошéливаться — медлить, долго собираться

Оператеть — опериться, покрыться перьями

Оприколить — пристать к берегу

Оприкóлиться — пристать, причалить

Ороб — оробел, испугался

Ортúль — артель, компания

Осиять — осветить

Оснимать — освежить, снять шкуру с животного

Отвóдины — обед на другой день свадьбы в доме невесты

Отгануть — отгадать

Откутать — открыть

Отхвоснуть — отхлестать

Очесливый — вежливый, предупредительный

Очурка — связка

П

Парнéвик — вечер у жениха для товарищей

Паря — парень

Паужна — третий прием пищи между обедом и ужином

Пелёвка — мякина

Пентюх — лентяй, болван, простофиля

Переднюй — проведи день

Перелаз — забор

Перстянка — перчатка

Пестéрь — берестяной короб

Питеры — питье, напитки

Племянка — племянница

Победить — покончить

Повертка — боковая дорога

Повóзницять — править лошадью

Погонялка — кнут

Подворотка — подворотня

Пожог — костер

Позáлоговать — отдохнуть

Показалось — понравилось

Полáвошник — полка над лавками вдоль избы

Полéницы — богатыри

Полиненка — небольшое полено

Полонуть — спугнуть

Полый — открытый, пустой

Поманить — подождать

Помужовать — посоветоваться, порассуждать

Поносна (я) — беременная

Порато — скоро, хорошо, очень

Посильщик — соперник, равный по силе

Поскотина — пастбище

Посутник — бондарь

Походить — уходить

Похотеть — захотеть

Поцепаться, почапаться — зацарапаться, поцарапаться, постучать

Прúбылоток — земля, освободившаяся от весеннего разлива

Приказать — вызвать, вытребовать

Приставать — уставать

Приставать — останавливаться на ночлег, квартировать

Продувной — расторопный, хозяйственный

Р

Разболокать — раздевать

Разболокаться — раздеваться

Растани — распутье

Роспуск — розвальни
Ростанье — распутье
Рошщеп — щель в бревне, пне
Рудина — дубина
Рыцять — кричать

С

Сдобить — одеть, нарядить
Сдобиться — собраться, одеться
Севечный — вечный
Семерик — семичетвертной жернов
Серёдыш — средняя часть шаровар
Сесть — стать, случиться, сделаться
Скопить — собрать
Скрянуть — сдвинуть
Солоп — верхняя женская одежда
Сопрятаться — спрятаться
Сосучая (женщина) — кормящая грудью
Соць, сочь — глаза
Сперься — слезь, влезь
Сплакать — заплакать
Спровести — устроить
Справиться — снарядиться, собраться
Сподобить — сделать подобное
Стамик — подставка, стойка
Старожа — старое, прежнее место
Стеты — счеты
Стожьё — колья для стога
Стопочка — вешалка
Стоснуться — стосковаться
Стричать — встречать
Стюнять — увещевать
Сучет — едет, догоняя
Схахать — засмеяться
Сцёпать — обрубить
Сшибка — бой, схватка
Сяжёт — охватит

Т

Тонко — бедно
Тоня — невод
Тулово — туловище, мясо

У

Удака — дельность
Удйця — узда
Умажить — уважить, отдать
Урчеть — ворчать, лаять
Уталáкать — порешить
Учуять — услышать

Х

Хакать — смеяться
Хапить — хвастать
Ходко — быстро
Холка — бедро
Хрясток — хрящик

Ц

Цапаться — царапаться
Цяпать — открывать

Ч

Чаша — череп
Чепаться, цепаться — царапаться
Чётаться — считаться
Чилисник — закоптелое место печки
Чул — слышал

Ш

Швец — портной
Шшан — чан

Щ

Щаски — счастье (по моим щаскам — наудачу, на авось)

Э

Элак — так
Элакий — такой
Этта, этто — здесь

Я

Ялая — еще не рожавшая

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Ефимович Медведев

Яков Ильич Маслаков

Парамон Богданов

Тихон Парамонович Богданов

Семен Кононович Серогоров

СКАЗКИ КИРИЛЛОВСКОГО УЕЗДА

Матвей Ефимович Пошехонов

Асинкрит Мараказов

Александра Михайловна Хазова

Созонт Кузьмич Петрушечов

Семен Иванович Семенов

Василий Васильевич Богданов

Василий-печник

Кондратий Кузьмич Кузьмин

Дмитрий Кириллович Сироткин

Анна Савичева

Иван Григорьевич Лазарев

Андрей Михайлович Ганин

Александр Осипович Ершов

Василий Степанович Суслов

Глеб Дмитриевич Якуничев

Илья Семенов

Елизавета Пантелеевна Чистякова

Иван Михайлович Гадинин

Степан Васильевич Карпов

Василий Устинович Горбачев

Анатолий Васильевич Мозалёв

Никанор Павлович Охутин

82.3Р-6
С 59

Соколов Б. М., Соколов Ю. М.

С59 Сказки Белозерского края / Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.— 335 с., *ил.*— (Сер: «Рус. Север»).

Сказки, составившие эту книгу, собраны известными русскими советскими учеными фольклористами братьями Б. М. Соколовым (1889—1930) и Ю. М. Соколовым (1889—1941) в 1908 и 1909 годах в Белозерском и Кирилловском уездах бывшей Новгородской губернии, ныне Вологодской области. В 1915 году в Москве вышел их сборник «Сказки и песни Белозерского края».

Сказки, записанные братьями Соколовыми, переиздаются впервые. В настоящую книгу вошла также их статья о северном фольклоре.

$С\frac{0732-023}{М157(03)}$ 4—23—81

РФ
ББК 82.3Р-6

Серия «Русский Север»

СКАЗКИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ

Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы

Редакторы В. А. Беднов, А. А. Иванов
Младший редактор В. И. Пригодина
Оформление художника Р. С. Климова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. А. Цинис
Корректоры Н. К. Галкина, Н. С. Дурасова,
В. А. Фокина

Сдано в набор 17.04.81 г. Подписано в печать 2.07.81 г. Сл. 007
Форм. бум. 84×108/32. (бумага тип. № 3). Высокая печа
Литерат. гарн. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,4
Тираж 85000 (1-й завод 50000). Заказ № 2756. Цена 1 руб. 70 к

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, Челюскинцев, 3.